Проф. М. Н. Петровъ.
(† 23 янв. 1887 г.)

ЛЕКЦІИ
по
ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

ТОМЪ III.

ИСТОРІЯ НОВЫХЪ ВѢКОВЪ
(РЕФОРМАЦІОННАЯ ЭПОХА)

въ обработкѣ
Проф. В. П. Бузескула.

Изданіе 2-е, исправленное и дополненное.

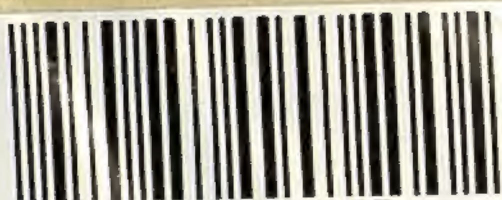
Первое изданіе было удостоено полной преміи Петра Великаго.

Издалъ В. Березовскій
Коммисіонеръ Военно-Учебныхъ заведеній.
С.-Петербургъ. Колокольная, № 14.
1904.

1701

Типографія М. М. Стасюлевича Вас. Остр., 5 лин., 28.

Предисловіе къ 1-му изданію.

Лекціи по новой исторіи, первый томъ которыхъ издается теперь въ свѣтъ, составлены были М. Н. Петровымъ—насколько могу судить по нѣкоторымъ указаніямъ въ бумагахъ покойнаго и по своимъ личнымъ воспоминаніямъ — въ началѣ 70-хъ годовъ. Читалъ ихъ Михаилъ Назарьевичъ историкамъ послѣднихъ двухъ курсовъ, а также и юристамъ, притомъ такъ, что одинъ годъ посвящался исторіи реформаціонной эпохи, а другой—вѣку Людовика XIV и XVIII столѣтію. По своему характеру курсъ этотъ значительно отличается отъ предшествующихъ двухъ (исторіи древней и средней). Прежде всего онъ несравненно подробнѣе: тысячелѣтнему періоду среднихъ вѣковъ удѣлено около 300 стр. печати, а въ новой исторіи одна реформаціонная эпоха, т.-е. всего полтораста лѣтъ, изложена болѣе, чѣмъ на 200 стр. Если предъидущіе курсы не столько даютъ фактическій матеріалъ, сколько представляютъ историко-философскій очеркъ древней и средней исторіи, слѣдя больше за связью событій и предполагая многое какъ-бы уже извѣстнымъ слушателю, то новая исторія даетъ немало и фактическихъ данныхъ. Сами историческіе дѣятели характеризуются здѣсь болѣе или менѣе подробно, и, напр., изображенію личности Карла V и его плановъ посвящено цѣлыхъ 10 страницъ; тогда какъ при сжатости изложенія древней или средней исторіи мы не можемъ встрѣтить тамъ подобныхъ характеристикъ. Далѣе, если во 2-мъ томѣ рядомъ съ исторіей Западной Европы шла и исторія Россіи, то въ исторіи новыхъ вѣковъ проф. Петровъ касается Россіи лишь по-стольку, по-скольку это необходимо для уясненій событій, происходившихъ на Западѣ, хотя онъ самъ всегда стоялъ за то, что русская исторія должна изучаться въ тѣсной связи со всеобщей [1]). Наконецъ, въ предъидущихъ курсахъ изложеніе

---

[1]) Такое отступленіе можно объяснить тѣмъ, что въ половинѣ 70-хъ годовъ, одновременно съ курсомъ всеобщей исторіи, Михаилу Назарьевичу, за отсутствіемъ спеціальнаго преподавателя, приходилось читать и курсъ русской исторіи, который имъ былъ посвященъ эпохѣ Петра В. и его ближайшихъ преемниковъ, и такимъ образомъ оба эти курсы взаимно дополняли другъ друга.

болѣе книжное, а въ „Новой исторіи“ явно замѣтны слѣды устной, живой рѣчи. Таково отличіе издаваемаго теперь III-го и слѣдующаго IV-го тома отъ двухъ предшествующихъ. Но тѣ основныя черты, которыя такъ присущи были всѣмъ лекціямъ Михаила Назарьевича и которыя составляютъ главное достоинство уже изданныхъ курсовъ, читатель встрѣтитъ и въ „Исторіи новыхъ вѣковъ“, т.-е. систематичность, умѣнье выбрать изъ массы матеріала самое существенное и характерное, оттѣнить его, освѣтить смыслъ событій, выяснить ихъ связь и т. д.

Но и по самымъ матеріаламъ, легшимъ въ основу текста издаваемаго теперь тома, новая исторія М. Н. Петрова тоже отличается отъ его древней и средней: этотъ курсъ Михаилъ Назарьевичъ читалъ всегда на-память, безъ всякихъ собственноручныхъ записокъ, и полной подлинной его рукописи не сохранилось. Такимъ образомъ, въ моемъ распоряженіи находились: 1) записки, составленныя и литографированныя слушателями покойнаго, всѣ почти одинаковой редакціи, такъ какъ измѣненія и дополненія профессора рѣдко вносились въ новыя изданія этихъ записокъ, и затѣмъ 2) краткій собственноручный конспектъ Михаила Назарьевича (всего на 8 листкахъ въ четвертку), да отрывочныя выписки и замѣтки на клочкахъ бумаги.

При обработкѣ мнѣ приходилось, слѣдовательно, пользоваться почти исключительно литографированными записками, а кто знаетъ, что̀ изъ себя представляютъ обыкновенно лекціи, записанныя и литографированныя слушателями безъ подлинной рукописи самого профессора, тотъ пойметъ, какого напряженнаго вниманія и труда требуетъ исправленіе подобныхъ записокъ. Прежде всего моя задача состояла въ томъ, чтобы исправить многочисленныя ошибки и неточности, все устарѣлое и несоотвѣтствующее современному состоянію исторической науки, чтобы сгладить повторенія, противорѣчія и стилистическія шероховатости, словомъ, чтобы устранить все то, что̀ такъ неизбѣжно во всякомъ литографированномъ курсѣ. Затѣмъ, литературныя указанія составлены мною заново. Кое-какой отрывочный матеріалъ для этого нашелся частью въ литографированныхъ запискахъ, частью въ замѣткахъ самого профессора; я постарался воспользоваться имъ, и тѣ фразы... въ обзорахъ источниковъ и пособій, которыя принадлежатъ самому Михаилу Назарьевичу, я обозначаю кавычками („ “) или буквою П. Въ указаніяхъ литературы предмета я держался того-же правила, какое соблюдалось при обработкѣ древней и средней исторіи, т.-е. стремился къ возможно большей полнотѣ въ обозначеніи пособій, имѣющихся на русскомъ языкѣ. а изъ иностранныхъ трудовъ отмѣчалъ лишь болѣе важные

и болѣе новые. Сравнительно подробныя примѣчанія... посвящены мною спорнымъ вопросамъ, имѣющимъ свою богатую литературу. Въ самый текстъ я старался вносить лишь необходимыя дополненія, отмѣчая ихъ, равно какъ и тѣ мѣста, которыя пришлось совершенно передѣлать, прямыми скобками [ ], за исключеніемъ, конечно, мелкихъ поправокъ, обозначеніе которыхъ напрасно бы только испещрило текстъ. Дѣленіе на главы принадлежитъ мнѣ. Порядокъ изложенія оставленъ тотъ-же, что и въ литографированныхъ запискахъ, за однимъ только исключеніемъ: глава о возстаніи въ Нидерландахъ, согласно конспекту Мих. Наз., поставлена предъ католической реакціей, тогда какъ въ литографированныхъ запискахъ о нидерландскихъ событіяхъ говорилось вслѣдъ за реформаціей на Скандинавскомъ Сѣверѣ.

Въ концѣ книги признано было необходимымъ присоединить главу о реформаціи и католической реакціи въ Польшѣ, такъ какъ у М. Н. Петрова объ этомъ ничего не было сказано. Составлена она мною, за исключеніемъ того, что находится внѣ прямыхъ скобокъ и что заимствовано изъ II т. „Лекцій по всемірной исторіи“ съ нѣкоторыми измѣненіями и сокращеніями. Не занимаясь раньше вопросомъ о польской реформаціи и не желая задерживать выхода книги, я счелъ возможнымъ воспользоваться для этой главы лучшими пособіями — главнымъ образомъ трудами Бобржинскаго, Н. Н. Любовича и Н. И. Карѣева.— — —Отсюда-же подчерпнута мною и большая часть литературныхъ указаній по этому вопросу. Касаться тутъ Люблинской уніи я считалъ лишнимъ, такъ какъ объ этомъ упоминалось уже во II томѣ.

Новую исторію пришлось раздѣлить на 2 тома. Такое дѣленіе вызвано сравнительно большимъ объемомъ этого курса и самымъ характеромъ его: самъ Михаилъ Назарьевичъ, какъ упомянуто, дѣлилъ его на 2 части, читая новую исторію въ теченіе не одного, а двухъ лѣтъ; вторая часть (обнимающая собой вѣкъ Людовика XIV и XVIII ст.) имѣетъ при себѣ особое введеніе и, подобно издаваемой нынѣ исторіи реформаціонной эпохи, представляетъ изъ себя отдѣльное цѣлое.— — —

В. Бузескулъ.

1888 г., 7-го апрѣля.

Предисловіе ко 2-му изданію.

„Лекціи по всемірной исторіи“ проф. М. Н. Петрова, въ 1-мъ изданіи, вышедшемъ въ 1887—90 г., быстро и давно уже разошлись; онѣ сдѣлались библіографическою рѣдкостью, а между тѣмъ спросъ на нихъ продолжается. Исполняя желаніе издателя и дочери моего покойнаго учителя, я для 2-го изданія взялъ на себя пересмотръ той части, которая и раньше была мною обработана къ печати, т.-е „Новой исторіи“. Я старался, главнымъ образомъ, пополнить библіографическія указанія [1]); въ текстѣ же я ограничился лишь немногими исправленіями и дополненіями. Дѣлать болѣе крупныя измѣненія, вносить цѣлые отдѣлы, пополняя пробѣлы напр. по исторіи культурныхъ и соціально-экономическихъ отношеній, я не считалъ своею задачею: это значило бы кореннымъ образомъ передѣлывать курсъ и измѣнять его характеръ.

Со времени появленія въ печати „Лекцій“ М. Н. Петрова русская литература обогатилась, не говоря уже о переводахъ, такимъ обширнымъ курсомъ, какъ „Исторія Западной Европы“ Н. И. Карѣева, гдѣ большое вниманіе обращено на культурныя и соціальныя отношенія, и такими учебными книгами, какъ учебники того-же Н. И. Карѣева, П. Г. Виноградова, Р. Ю. Виппера... „Лекціи“ М. Н. Петрова отличаются отъ нихъ и по объему, и по характеру, и по плану и не утратили своего значенія и теперь. Онѣ сжатѣе и кратче подробнаго университетскаго курса, но обширнѣе (особенно въ новой исторіи) гимназическаго учебника; онѣ занимаютъ какъ-бы средину между тѣмъ и другимъ.

---

[1]) Обзоръ прежней литературы по вопросу о письмахъ Маріи Стюартъ, а также о Валленштейнѣ, въ виду излишней распространенности его въ 1-мъ изд., мною теперь нѣсколько сокращенъ, а въ концѣ дополненъ указаніями на новѣйшую литературу.

Первое изданіе „Лекцій“ М. Н. Петрова было удостоено полной преміи Петра В. и вообще встрѣчено весьма сочувственно. Не могу не пожелать, чтобы съ такимъ-же сочувствіемъ было встрѣчено и новое изданіе ихъ.

В. Бузескулъ.

Харьковъ.
1904 г., 14 февраля.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

На стр. 72, въ указаніяхъ на литературу по исторіи *Даніи* пропущено: *Dietrich Schäfer*, „Geschichte von Danemark“ (тоже въ коллекціи „Geschichte d. europäisch. Staaten“).

Обзоръ трудовъ по исторіи реформаціи на русск. яз. см. въ ст. Н. Н. Любовича въ „Вѣстн. Самообразов.“, 1904, № 13.

Слѣдуетъ также добавить:

На стр. 6: Н. И. Карѣевъ, Общій ходъ всемірной исторіи. Спб. 1903. Приложеніе къ „Вѣстн. Самообраз.“ за 1903 г.; Каутскій, Вѣкъ гуманизма и реформаціи (въ его „Очеркахъ и Этюдахъ“. Спб. 1895, пер. съ нѣм.).

На стр. 13, прим. Заглавіе русск. пер. изъ соч. Янссена: „Эконом., правовое и политич. состояніе германск. народа накануне реформаціи“. Спб. 1898.

На стр. 35. Е. Лихачева, Европейск. реформаторы. Гусъ, Лютеръ, Цвингли Кальвинъ. Спб. 1872; Б. Д. Порозовская, біографіи Лютера, Цвингли и Кальвина въ коллекціи Павленкова.

На стр. 56, прим. Götze принадлежитъ также ст. Die Entstehung der Zwolf Artikel der Bauern (въ Neue Jahrb. f. d. Klass. Albert., 1904, XIII).

На стр. 66, прим. А. Михайловъ, Революціон. анабаптизмъ. Спб. 1889; Тумбюльтъ. Перекрещенцы. Соціальн. и религіозн. движенія во время реформаціи. Спб. 1902 (пер. съ нѣм.).

На стр. 73. Гр. Дементьевъ, Введеніе реформаціи въ Швеціи Спб. 1892.

На стр. 76. И. В. Лучицкій, Проповѣдникъ религ. терпимости въ XVI в. М. 1895.

На стр. 83, прим. В. Михайловскій, Серветъ и Кальвинъ. М. 1883.

На стр. 116. А. Потѣхинъ, Очерки изъ исторіи борьбы англиканства съ пуританствомъ при Тюдорахъ. Каз. 1894.

На стр. 117. русск. пер. соч. Филиппсона, Религіозн. контръ-революція въ XVI в. Спб. 1902.

На стр. 222. Е. Будринъ, Антитринитаріи XVI в. Каз. 1878—89. 3 вып.; Н. Н. Любовичъ, Люблинскіе вольнодумцы XVI в. Антитринитаріи и анабаптисты. Варш. 1902.

ИСТОРІЯ

НОВАГО МІРА.

II. НОВЫЕ ВѢКА.

Весь объемъ всемірной исторіи мы раздѣлили на двѣ большія части: на исторію государствъ и народовъ мертвыхъ, уже кончившихъ свою государственную и культурную дѣятельность, и исторію міра новаго, излагающую судьбу тѣхъ народовъ, которые еще и понынѣ живутъ и трудятся для общечеловѣческаго образованія. Раздѣльнымъ событіемъ между этими частями служитъ паденіе Западной Римской Имперіи, съ чѣмъ совпадаетъ и возникновеніе новыхъ государствъ въ Европѣ и Азіи. Затѣмъ исторію новаго міра мы подраздѣляемъ опять на два большихъ періода: первое тысячелѣтіе этого времени составляетъ исторію среднихъ вѣковъ, тогда какъ послѣдніе четыре вѣка, ближайшіе къ намъ, образуютъ исторію новую въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Такимъ образомъ мы принимаемъ средніе вѣка и новое время лишь за два большихъ отдѣла одной и той же исторіи новаго міра, ибо между средними вѣками и новымъ временемъ нѣтъ такого рѣзкаго различія, какое мы видимъ между древнимъ и новымъ міромъ вообще. Дѣйствительно, древній и новый міръ отличаются другъ отъ друга какъ по театру ихъ политической жизни, такъ и по этнографическимъ элементамъ, въ нихъ господствовавшимъ. Тогда какъ въ древности главными дѣятелями исторіи являются хамиты, семиты и ѳрако-италійцы (главнымъ образомъ греки и римляне), въ новыя времена такими дѣятелями были народы германскіе, романскіе и славянскіе, а въ Азіи—арабы и турки. Такъ же точно и театръ или поприще всемірной исторіи, ограниченное въ древности преимущественно берегами Средиземнаго моря, Дѣленіе всемірной исторіи.

въ новыя времена мало-по-малу распространяется почти на всю обитаемую землю. Наконецъ древній міръ отличается отъ новаго господствовавшими религіями, какъ и различными формами общежитія. Тогда какъ у древнихъ, за исключеніемъ евреевъ, мы встрѣчаемъ религіи натуральныя, т.-е. поклоненіе природѣ, у народовъ новыхъ источникомъ ихъ духовнаго развитія служатъ религіи откровенныя. Между средними вѣками и собственно новымъ временемъ мы не видимъ такого рѣзкаго различія. Здѣсь намъ представляется значительное различіе лишь въ размѣрахъ поприща ихъ исторической дѣятельности въ географическомъ смыслѣ,—поприща, которое теперь, какъ мы сказали, охватываетъ почти весь міръ. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ—по формамъ общественнаго быта, религіямъ и самымъ народностямъ—различіе незначительно.

Отличительныя черты новой исторіи въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Такъ какъ историческіе народы и движущія ими основныя нравственныя начала въ средніе вѣка и новое время одни и тѣ же, то все различіе между ними заключается въ новыхъ комбинаціяхъ этихъ началъ, порождающихъ и новый рядъ явленій, свойственныхъ новымъ вѣкамъ и составляющихъ какъ-бы ихъ историческую физіономію.

Особенности эти, какъ исключительная принадлежность новаго времени, заключаются въ слѣдующихъ чертахъ:

1. Реформація западной церкви, не только разрушившая средневѣковое ея единство и ея теократическую систему, но и возродившая самый католицизмъ.

2. Возникновеніе идеи и системы политическаго равновѣсія, которой не знали средніе вѣка, гдѣ христіанскія государства были связаны лишь единствомъ религіи [1]), а не политическимъ; въ новое время, напротивъ, государства входятъ въ такую тѣсную связь и соотношеніе, что каждая перемѣна въ судьбѣ и положеніи одного сейчасъ-же производитъ соотвѣтственное измѣненіе и въ отношеніяхъ къ нему всѣхъ остальныхъ. Сначала черта эта обнаруживается въ Итальянскихъ войнахъ и соперничествѣ Франціи съ Габсбургскимъ домомъ, а потомъ и въ Тридцатилѣтнюю войну, въ коалиціяхъ Европы противъ Людовика XIV и войнахъ XVIII вѣка.

3. Сильное развитіе абсолютной монархіи на Западѣ въ различныхъ формахъ и разными династіями — сначала Испанско-Габсбургскимъ домомъ, а потомъ—Тюдорами въ Англіи

[1]) И, пожалуй, номинально властью императора, являвшагося свѣтскимъ главою западно-европейскаго міра. Б.

и французскими государственными людьми (Ришелье, Мазарини), пока явленіе это наконецъ достигло полной своей зрѣлости въ системѣ Людовика XIV. [Затѣмъ—уже въ новѣйшее время—паденіе абсолютизма и развитіе конституціонализма].

4. Идущая почти повсемѣстно борьба съ старымъ общественнымъ строемъ, съ средневѣковыми учрежденіями и порядками, и стремленіе установить соціальныя отношенія на новыхъ началахъ свободы и равенства. Борьба эта выразилась цѣлымъ рядомъ общественныхъ потрясеній послѣднихъ столѣтій: въ XVI в.—крестьянской войной въ Германіи, англійской революціей въ XVII, наконецъ въ концѣ XVIII в.—великой революціей во Франціи, и т. д.

5. Стремленіе европейскихъ народовъ къ политической самобытности и независимости, обнаружившееся еще въ XVI в. борьбой Нидерландовъ съ Испаніей, а въ XVIII—Англо-американскихъ колоній съ ихъ метрополіей, но въ особенности сильно развившееся въ новѣйшее время, и, въ этомъ смыслѣ, революція XVIII в. есть настоящій исходный пунктъ его. [Въ XIX в. мы видимъ уже полное развитіе національныхъ началъ и стремленіе къ объединенію, особенно выразившееся въ такихъ фактахъ, какъ созданіе единой Германіи и единой Италіи].

6. Важная роль общественнаго мнѣнія и литературы.

7. Распространеніе европейскихъ колоній, а съ ними и европейской жизни и образованія во всѣхъ частяхъ свѣта.

8. Отчасти въ связи съ этимъ—быстрое и всестороннее развитіе наукъ и изобрѣтеній, совершенно измѣнившее всѣ условія жизни общественной и частной.

И, наконецъ, 9. Мощное промышленное развитіе, какого не было въ средніе вѣка; интересы матеріальные, промышленные начинаютъ играть такую важную роль, что ими въ значительной мѣрѣ условливается и самое движеніе политическихъ событій.

Вотъ совокупность чертъ, которыя составляютъ историческую физіономію новыхъ вѣковъ, отличающую ихъ отъ среднихъ.

Начало научной разработки новой исторіи.

Серьезное, т.-е. научное изслѣдованіе исторіи послѣднихъ 4-хъ столѣтій началось только съ 20-хъ годовъ истекшаго вѣка, когда Ранке положилъ основаніе этому изслѣдованію. Изученію новой исторіи онъ оказалъ столь же важныя услуги, какъ Нибуръ—изученію древней. Основавъ свои труды по этой части на несомнѣнныхъ историческихъ свидѣтельствахъ, онъ создалъ для изученія этой эпохи и особый критическій методъ, подобно тому, какъ Нибуръ создалъ его для изученія классической древности.

Наконецъ, ему принадлежитъ заслуга открытія цѣлой массы новыхъ матеріаловъ, преимущественно рукописныхъ, но имѣющихъ однако офиціальную важность для исторіи XVI и XVII вв. Въ числѣ этихъ документовъ первое мѣсто принадлежитъ такъ называемымъ Венеціанскимъ реляціямъ. Это—донесенія венеціанскихъ пословъ своему правительству обо всемъ, что происходило на ихъ глазахъ въ тогдашней Европѣ. Они тянутся черезъ все XVI, XVII и XVIII столѣтія. Донесенія эти составлены лицами вполнѣ компетентными, тонкими наблюдателями, людьми по большей части высокообразованными, потому что только такихъ людей республика назначала своими представителями при иностранныхъ дворахъ. Эти реляціи читались въ венеціанскомъ сенатѣ предъ собраніемъ мудрѣйшихъ государственныхъ мужей, способныхъ отнестись критически ко всему написанному. Далѣе, донесенія эти были оффиціальны, т.-е. должны были имѣть полную достовѣрность и точность. Наконецъ, они важны еще потому, что въ нихъ, кромѣ извѣстій о политическихъ событіяхъ, встрѣчается цѣлая масса данныхъ, касающихся и внутренняго состоянія европейскихъ государствъ, чего почти вовсе не даютъ тогдашніе мемуары и лѣтописи. На основаніи этихъ [1]) и подобныхъ источниковъ Ранке же написалъ цѣлый рядъ изслѣдованій и монографій о Европѣ въ XVI и XVII вв.: исторію римскихъ папъ этого времени, исторію южно-европейскихъ государствъ—Турціи и Испаніи, затѣмъ исторію Германіи, Франціи и Англіи за то-же время, критическій трактатъ о несостоятельности столь извѣстныхъ прежнихъ историковъ этой эпохи—Гвичардини [2]), Джовіо, Слейдана и друг. [3]). Но этимъ не ограничи-

---

[1]) Теперь давно уже имѣются и изданія Венеціанскихъ реляцій. Таковъ капитальный сборникъ Alberi: „Relazioni degli ambasciatori Veneti al Senato" (1855 и слѣд.); Barozzi и Berchet, „Relazioni degli ambasciatori Veneti nel secolo XVII"; Venetianische Depeschen vom Kaiserhofe, изд. Историческою Коммиссіею при Вѣнской Академіи Наукъ (1889 сл.); см. также выдержки изъ реляцій у Baschet, „La diplomatie vénitienne" (1862). обширный трудъ русскаго ученаго В. И. Ламанскаго: „Secrets d'État de Venise". Спб. 1884; I dispacci degli ambasciatori veneti alla corte di Francia durante la rivolutione, изд. М. М. Ковалевскимъ (Туринъ. 1895 сл.), и друг. В.

[2]) Въ послѣднее время замѣчается стремленіе нѣсколько возстановить авторитетъ этихъ историковъ. См., напр., ст. Waltz'a о Гвиччіардини въ Histor. Zeitschr., N. F., 42 B., 1897. В.

[3]) „Geschichte der romanischen und germanischen Völker" и, въ видѣ приложенія, трактатъ: „Zur Kritik neuerer Geschichtschreiber" (1-е изд. 1824); „Fürsten und Völker von Süd-Europa im 16 und 17 Jahrhund." (1827, другое заглавіе, въ новомъ изданіи.—Die Osmanen und die Spanische Monarchie im 16 und 17 Jahrh."; есть русск. переводъ); „Die Serbische Revolution" (1829; въ 3-мъ изданіи, 1879, подъ заглавіемъ: „Serbien und die Turkei im 19 Jahrh.": перевед. по-русски); „Die römischen Päpste, ihre Kirche und ihr Staat im 16 und 17 Jahrh." (1834—63, 3 т;

ваются его заслуги. Въ продолженіе своей почти 50-лѣтней профессорской дѣятельности онъ создалъ цѣлую школу, которая унаслѣдовала отъ него тотъ-же критическій методъ, какой онъ примѣнялъ къ обработкѣ новой исторіи. Даже въ другихъ странахъ Европы примѣръ знаменитаго нѣмецкаго ученаго не остался безъ подражанія. Не только въ Германіи, но и во Франціи, Англіи, Испаніи стали составляться цѣлыя общества, имѣвшія цѣлью собираніе и изслѣдованіе историческихъ памятниковъ. Наконецъ, въ поощреніи подобныхъ трудовъ начали принимать участіе и правительства. Такъ, въ 30 годахъ прошлаго столѣтія по почину Гизо образована была во Франціи особая историческая коммиссія съ цѣлью разысканія и печатанія памятниковъ новой французской исторіи. Этихъ памятниковъ она издала болѣе 150 томовъ. Въ Англіи тоже по распоряженію правительства давно уже началось печатаніе громадныхъ сборниковъ государственныхъ актовъ и документовъ, журналовъ парламентскихъ палатъ, синихъ книгъ и т. п. Въ Испаніи работы подобнаго рода начались нѣсколько позже—съ 40 годовъ, когда для ученыхъ открытъ былъ знаменитый Симанкскій (Simankas) архивъ, бывшій долго хранилищемъ государственныхъ бумагъ и документовъ испанской монархіи [1]). Наконецъ папой Львомъ XIII открытъ даже доступъ въ Ватиканскій архивъ [2]).

въ послѣднихъ изданіяхъ озаглавлено: „Die römischen Päpste in den letzten vier Jahrhunderten“; на русск. яз. 2 перевода); „Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation“ (1839 и слѣд., 6 т.; сокращен. переводъ на русск. яз. помѣщенъ въ „Отеч. Запискахъ“ за 1844 г.); „Französische Geschichte, vornehmlich im 16 und 17 Jahrh“. (1852—61, 6 т.); „Englische Geschichte vornehmlich im 17 Jahrh.“ (1859 и слѣд., 9 т.); „Geschichte Wallensteins“ (1869). Таковы важнѣйшія произведенія Ранке, не говоря уже о другихъ, менѣе значительныхъ, относящихся, напр., къ исторіи XVIII ст. (Собраніе его сочиненій обнимаетъ болѣе 50 томовъ). Подъ конецъ своей жизни престарѣлый историкъ (род. въ дек. 1795, ум. въ маѣ 1886 г.) предпринялъ новый колоссальный трудъ—„Weltgeschichte“.—Ранке былъ профессоромъ въ Берлинскомъ университетѣ съ 1825 по 1872 г. См. о немъ мою статью въ „Журн. Мин. Нар. Пр.“, 1886, іюль. Б.

[1]) Объ Испанскихъ архивахъ см. между проч. Приложеніе къ отчету о заграничной командировкѣ В. К. Пискорскаго, Ж. М. Н. Пр., 1898, дек.

[2]) Замѣчательнѣйшія изъ изданій документальныхъ памятниковъ новой исторіи (кромѣ уже названныхъ изданій Венеціанскихъ реляцій): во Франціи—Collection de documents inédits sur l'histoire de France“, въ Англіи „Calendar of State Papers“, въ Испаніи—„Coleccion de documentos ineditos para la historia de Espana“ (уже болѣе 100 томовъ); а общую извѣстность отличныхъ знатоковъ и издателей архивныхъ документовъ пріобрѣли бельгійскій ученый Gachard, директоръ Вѣнскаго государственнаго архива Arneth (оба уже умершіе) и друг., о трудахъ которыхъ будетъ упомянуто ниже, въ своемъ мѣстѣ. Б.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

РЕФОРМАЦІОННАЯ ЭПОХА.

Болѣе или менѣе общими пособіями для изученія новой исторіи, кромѣ „Всемірныхъ“ или „Всеобщихъ исторій“ (въ томъ числѣ и „Histoire générale du IV siècle à nos jours“, издан. подъ ред. Лависса и Рамбо и перевед. на русск. яз., въ которой новая исторія начинается съ IV т.), поименованныхъ сочиненій Ранке и труда Раумера: „Geschichte Europa's seit dem Ende des 15 Jahrh.“, теперь ужъ устарѣлаго, могутъ служить: курсъ Häusser'a „Geschichte des Zeitalters der Reformation“ (1868, перевед. по-русски подъ заглавіемъ „Исторія реформаціи“. М. 1882), удобный для пользованія въ томъ отношеніи, что тутъ въ 1 томѣ изложена исторія всей реформаціонной эпохи, оканчивая англійскою революціею; къ сожалѣнію, эти лекціи Гейссера, для своего времени образцовыя, теперь тоже устарѣли и притомъ касаются болѣе политической стороны, оставляя въ тѣни явленія соціальной жизни и умственное движеніе той эпохи; Зевортъ, „Исторія новаго времени“, перевед. подъ редак. проф. Лучицкаго (Кіевъ 1883). На русскомъ языкѣ имѣются еще статьи Р. Ю. Виппера, „Общество, государство, культура въ XVI ст. на Западѣ“ (въ „Мірѣ Бож.“). „Лекціи по новой исторіи“ Бауера (Спб. 1886), изданныя, впрочемъ, лишь по конспектамъ покойнаго профессора и, притомъ, очень небрежно; „Введеніе въ курсъ исторіи новѣйшаго времени“ Н. И. Карѣева (1881), представляющее краткій, но хорошій историко-философскій очеркъ всей новой исторіи, и „Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени“ (1893; есть 2-е изд.) его-же, содержащая „основныя понятія, главнѣйшія обобщенія и наиболѣе существенные итоги исторіи XIV—XVIII в.“. Но особенно слѣдуетъ отмѣтить „Исторію Западной Европы въ новое время“ того-же Н. И. Карѣева (1892 сл., пока 5 т.—доведена до 1870 г.—есть 2-е изд.), какъ наиболѣе полный курсъ, удовлетворяющій современнымъ научнымъ требованіямъ и обращающій большое вниманіе на развитіе культурныхъ и соціальныхъ отношеній. Въ Англіи недавно (1902) предпринятъ, по мысли покойнаго историка лорда Acton'a, коллективный трудъ по новой исторіи въ 12 томахъ — подъ заглавіемъ „The Cambridge Modern History“, изд. Ward'омъ, Prothero и Stanley Leathes.—Вообще же говоря, новая исторія все еще недостаточно разработана въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ и вниманіе ученыхъ обращено преимущественно на критическую разработку необозримой массы существующаго матеріала, на отысканіе и изданіе новаго, на изслѣдованіе болѣе или менѣе спеціальныхъ вопросовъ и отдѣльныхъ явленій. — Частныя, спеціальныя изслѣдованія и монографіи будутъ указаны ниже, въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ. В.

1) Значеніе и причины реформаціи [1].

Значеніе реформаціи.

Въ кругу явленій, составляющихъ характеристическую особенность новаго времени, реформація Западной церкви принадлежитъ

[1]) Berger, Die Kulturaufgaben der Reformation. Berlin. 1895 (есть русск. пер.). В.

первое мѣсто. Это господствующее явленіе въ жизни XVI и XVII вв., явленіе, вокругъ котораго такъ или иначе группируются и отъ котораго зависятъ всѣ другія, какъ отъ главнѣйшаго интереса эпохи. Интересъ этотъ, говоря словами Ранке, какъ красная нить, проходитъ повсюду въ тогдашней жизни и условливаетъ собою общественное движеніе всякаго рода. Напримѣръ,—успѣхи абсолютной монархіи, которая въ теченіе долгаго времени была тогда господствующею формою общественной жизни на Западѣ, стоятъ въ тѣсной зависимости отъ реформаціи, такъ какъ протестантизмъ имѣлъ огромное вліяніе на возвышеніе государственнаго начала, сосредоточивъ въ рукахъ государей, кромѣ свѣтскаго авторитета, и управленіе церковными дѣлами, а иногда и большія матеріальныя средства, вслѣдствіе секуляризаціи духовныхъ имѣній и перехода ихъ къ казнѣ. Также точно стремленіе націй къ политическому обособленію и независимости часто условливалось и находило себѣ опору въ преобразованіи церкви. Такъ напр. въ Нидерландахъ борьба за независимость шла рука объ руку съ церковной реформой, такъ какъ борьба за вѣру послужила въ этой странѣ исходнымъ пунктомъ и для борьбы за политическую свободу. Далѣе, если мы обратимъ вниманіе на шедшую тогда борьбу европейскаго общества съ средневѣковыми учрежденіями и порядками, то хотя на первый взглядъ и представляется неяснымъ, какая могла быть зависимость и связь между общественнымъ движеніемъ и религіознымъ, однако нетрудно понять, что тотъ-же духъ свободы, который одушевлялъ церковныхъ преобразователей, сталъ потомъ требовать себѣ простора и въ общественной жизни. Реформація въ этомъ смыслѣ—исходный пунктъ разныхъ общественныхъ потрясеній [1]). Даже такое, повидимому, матеріальное явленіе, какъ мощное промышленное развитіе, отличающее новые вѣка, при ближайшемъ соображеніи оказывается въ тѣсной связи съ церковной реформой. Напримѣръ, преслѣдованія нидерландскихъ протестантовъ послужили импульсомъ для блестящаго развитія англійской промышленности въ вѣкъ Елизаветы, такъ какъ эмигранты голландскіе, переселяясь въ Англію, приносили туда свой трудъ, капиталы и техническія познанія, лучшія въ то время на Западѣ, и такимъ образомъ способствовали успѣхамъ англійской промышленности. Также точно гонимые за вѣру французскіе гугеноты и кальвинисты прирейнскихъ областей,

---

[1]) На „общественной роли религіозныхъ движеній“ особенно настаиваетъ Н. Н. Любовичъ (въ ст. въ „Варшав. Унив. Извѣст.“, 1881, № 1). В.

переселившіеся въ Пруссію и другія области сѣв. Германіи, положили начало ихъ будущему промышленному благосостоянію.

Вотъ почему, въ виду такой важности реформаціи въ кругу явленій новоевропейской жизни, и принято начинать исторію послѣдней именно съ этого событія. Но прежде чѣмъ говорить о ходѣ реформаціи, необходимо войти въ изложеніе причинъ, подготовившихъ этотъ переворотъ.

Причины реформаціи. Излагая причины реформаціи, говорятъ обыкновенно о злоупотребленіяхъ западной церкви, объ искаженіи ею чистоты христіанскаго ученія, о томъ свѣтскомъ, можно даже сказать, политическомъ характерѣ, который къ исходу среднихъ вѣковъ приняло папство. Говорятъ также о глубокомъ упадкѣ нравственности западнаго духовенства, о тѣхъ теократическихъ стремленіяхъ, о тѣхъ поборахъ денежныхъ и другихъ, которыми духовенство эксплуатировало общество, въ особенности простой народъ, и въ этомъ усматриваютъ главную причину разыгравшагося въ XVI вѣкѣ переворота. Все это совершенно справедливо, но при всемъ томъ остается непонятнымъ, почему же только въ XVI вѣкѣ возникъ успѣшный протестъ противъ этихъ нестроеній церковныхъ? Вѣдь злоупотребленія церкви были и прежде. Они становились не только замѣтными, но даже подчасъ невыносимыми уже съ XII в. Съ того же момента въ Западной Европѣ являются отъ времени до времени и протесты противъ этихъ злоупотребленій. Первымъ такимъ протестомъ была ересь альбигойцевъ, относящаяся къ концу XII в. Затѣмъ въ концѣ XIV в. подобный же протестъ мы встрѣчаемъ въ Англіи, когда съ реформаторскою проповѣдью выступилъ Виклефъ и лолларды. Далѣе, въ первой половинѣ XV столѣтія въ бо́льшихъ уже размѣрахъ возникла попытка церковнаго преобразованія въ Чехіи, представителями которой были Гусъ и его единомышленники. Литература XIV и XV вв., какъ ученая, такъ въ особенности народная, вся проникнута сознаніемъ этихъ нестроеній и мыслью о необходимости устранить ихъ. Читая, наприм., народныя нѣмецкія сатиры XV и начала XVI в., какъ „Reineke-Fuchs", „Eulenspiegel", „Narrenschiff" Себастіана Бранта, или же французскій аллегорическій „Романъ о Фовелѣ" [1]) Франсуа де-Рю, можно видѣть, какъ зло и ѣдко осмѣиваются здѣсь нравы католическаго духовенства. Мало того, сама церковь въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, отцовъ Констанцскаго и Базельскаго соборовъ, открыто высказала мысль о необходимости своего

[1]) Ст. гр. Бобринскаго въ „Ж. Мин. Нар. Пр.". 1887 г. № 7. Б.

преобразованія во главѣ и во членахъ. Отчего же только въ XVI в. и не въ другой какой-либо странѣ, а именно въ Германіи, разыгралось это движеніе и увѣнчалось успѣхомъ? Вотъ вопросъ, на который намъ надо отвѣтить прежде всего.

Главная причина неудачи всѣхъ прежнихъ попытокъ церковной реформы до Лютера заключалась въ неблагопріятныхъ общественныхъ условіяхъ, среди которыхъ онѣ были предприняты. Такъ альбигойцы выступили съ своимъ протестомъ противъ нестроеній церковныхъ въ эпоху величайшаго могущества западной церкви, въ эпоху Иннокентія III, когда церковь вооружена была еще всѣми средствами и пользовалась незыблемымъ обаяніемъ надъ умами. Во-вторыхъ, новаторы эти дѣйствовали среди полнаго развитія феодальныхъ учрежденій, которыя, какъ извѣстно, тѣсно переплетались съ установившимися церковными порядками. Каждое движеніе въ эту эпоху, направленное противъ церкви, вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно задѣвало и существующій общественный строй. Протестъ альбигойцевъ противъ церкви былъ такимъ образомъ и возстаніемъ противъ феодальныхъ учрежденій эпохи, а слѣдовательно и вызывалъ отпоръ новаторамъ не только со стороны церкви, но и со стороны свѣтскихъ властей. Далѣе, еще одно обстоятельство: французскіе короли, начиная съ Филиппа II Августа, постоянно стремились къ распространенію своего авторитета на югѣ Франціи; альбигойская ересь и смуты, поднятыя ею въ этомъ краѣ, были для французской короны желаннымъ случаемъ наложить свою руку на этотъ цвѣтущій край и подчинить своей власти Провансъ и сосѣднія земли. Противъ такихъ силъ, конечно, не въ состояніи были бороться эти первые протестанты западной церкви [1]). Далѣе, въ Англіи во второй половинѣ XIV в., во время правленія Эдуарда III и послѣдняго Плантагенета Ричарда II, явился Виклефъ съ своимъ свободнымъ церковнымъ ученіемъ [2]). Но проповѣдь Виклефа и его послѣдователей, лоллардовъ, какъ-разъ совпадаетъ съ великими народными смутами, развившимися тогда въ странѣ: то было время крестьян-

[1]) Слово „альбигойцы“ служило объединительнымъ географическимъ терминомъ для двухъ совершенно различныхъ ересей—катаровъ (дуалистовъ) и вальденсовъ; собственно только послѣдніе являются предшественниками позднѣйшихъ протестантовъ. Объ альбигойцахъ въ русской литературѣ см. извѣстное сочиненіе проф. Осокина „Исторія альбигойцевъ и ихъ времени“, 2 т. Казань. 1869—72. За сильное вліяніе вальденсовъ на послѣдующую реформацію и за тѣсную связь между ними и анабаптистами стоитъ Keller въ своемъ сочиненіи „Die Reformation und die älteren Reformparteien“. 1885 г. **Б.**

[2]) Указанія на литературу по вопросу о Виклефѣ см. въ курсѣ средней исторіи. **Б.**

скаго возстанія. Проповѣдь Виклефа перемѣшалась такимъ образомъ съ соціальнымъ броженіемъ эпохи, а правительство и тутъ имѣло возможность или основаніе смотрѣть на церковныхъ новаторовъ какъ на возмутителей общественнаго спокойствія. Правда, что сначала люди эти (лолларды) имѣли поддержку въ Генрихѣ Ланкастерскомъ, но Генрихъ преслѣдовалъ при этомъ свою личную цѣль, состоявшую въ томъ, чтобы свергнуть старшую линію Плантагенетовъ и возвести свой домъ на англійскій престолъ, и когда ему дѣйствительно это удалось, когда съ низверженіемъ Ричарда воцарилась на англійскомъ престолѣ фамилія Ланкастерская въ лицѣ Генриха IV, когда уже новому королю не было большой нужды въ поддержкѣ реформаторовъ, онъ ихъ выдалъ церкви и озлобленнымъ аристократамъ, — и движеніе это было подавлено кровавыми мѣрами. Затѣмъ, слѣдуетъ въ XV в. Гуситское движеніе [1]. Это движеніе, повидимому, обставлено было болѣе благопріятными условіями, чѣмъ всѣ предъидущія: во-первыхъ, на сторонѣ новаторовъ былъ король Вячеславъ, а потомъ гуситамъ удалось даже возвести на чешскій престолъ своего короля Георгія Подѣбрада. Кромѣ того, здѣсь съ церковнымъ движеніемъ тѣсно переплелись интересы чешской народности, тѣснимой нѣмцами, такъ-что все это вмѣстѣ составляло какъ-бы благопріятную почву для новаторовъ. Но зато противъ гуситовъ, какъ противъ представителей народныхъ чехославянскихъ началъ, были всѣ нѣмцы, вся нѣмецкая имперія и глава ея, тогдашній императоръ Сигизмундъ. Во-вторыхъ, противъ нихъ же высказались и вселенскіе соборы сначала въ Констанцѣ, а потомъ въ Базелѣ, тѣ самые соборы, которые тоже желали церковнаго преобразованія, но только не хотѣли его въ томъ духѣ, въ какомъ замышлялъ его Гусъ. Чешскіе реформаторы были ненавистны отцамъ соборовъ какъ славяне и какъ люди, расходившіеся съ ними въ философскихъ понятіяхъ. Вотъ почему, несмотря на 18-лѣтнюю геройскую борьбу со всѣми силами имперіи и западной церкви, гуситы должны были потерпѣть въ концѣ концовъ неудачу, тѣмъ болѣе, что и въ средѣ ихъ самихъ начался разладъ и борьба партій.

Если мы теперь перенесемся мыслію въ Германію XVI в., то увидимъ здѣсь, напротивъ, общественныя условія сложившимися весьма благопріятно для церковной реформы. Условія эти заключались въ слѣдующемъ:

---

[1]) Литературныя указанія — въ курсѣ средней исторіи. Б.

Опи лежали, во-первыхъ, въ самомъ устройствѣ Нѣмецкой Имперіи. Имперія эта не была государствомъ въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова; это была скорѣе федерація множества отдѣльныхъ самостоятельныхъ государствъ, связанныхъ номинальнымъ единствомъ, представителемъ котораго былъ императоръ. Но сила и значеніе императора зависѣли въ этой странѣ отъ его личнаго или, правильнѣе, родоваго имущества: если онъ владѣлъ обширными и богатыми землями, то и какъ императоръ пользовался вѣсомъ и значеніемъ, въ противномъ случаѣ былъ только номинальнымъ представителемъ обще-государственной власти. Вся сила имперіи лежала такимъ образомъ въ рукахъ имперскихъ князей, т.-е того множества территоріальныхъ владѣльцевъ, изъ которыхъ составлялся имперскій союзъ. Не забудемъ, кромѣ того, что между князьями и императорскою властью въ теченіе среднихъ вѣковъ шла непрерывная борьба. Императоры старались объединить нѣмецкія области и, стало быть, подчинить себѣ ихъ князей, а князья, опираясь на партикуляристическій духъ своихъ областей, противодѣйствовали этому стремленію. Подобныя отношенія и условія, представляемыя внутренней исторіей Германіи, должны были составить для церковныхъ новаторовъ весьма благопріятныя условія. Въ другихъ странахъ Западной Европы—напр., во Франціи, въ Англіи,—государственная власть сосредоточивалась въ то время въ рукахъ монарховъ; успѣхъ церковнаго преобразованія поэтому зависѣлъ здѣсь отъ того, какъ относилась къ нему государственная власть. Не то было въ Германіи: здѣсь, напротивъ, императору, какъ это дѣйствительно и случилось впослѣдствіи, стоило только стать за старую церковь, чтобы князья имперскіе взяли подъ свою защиту церковную реформацію; они приняли ее тѣмъ охотнѣе, что въ ней видѣли средство противодѣйствовать могуществу такого сильнаго государя, какимъ былъ Карлъ V.—Это одно условіе. Затѣмъ внутренняя исторія Нѣмецкой Имперіи въ исходѣ среднихъ вѣковъ вся клонилась къ установленію болѣе правильныхъ и точныхъ отношеній между составными частями государства: между сословіями, между подданными и владѣтелями, и наконецъ, между императорскою властію и имперскими чинами. Имперскіе сеймы въ XIV и XV вв. почти исключительно заняты этой работою. Но устанавливая этотъ внутренній порядокъ, входя въ разборъ этихъ правовыхъ отношеній, они естественно наталкивались на тѣ произвольные захваты, на то постоянное вмѣшательство, которое позволяла себѣ церковь въ имперскихъ дѣлахъ. И вотъ въ числѣ

опредѣлевій сеймовъ мы встрѣчаемъ множество постановленій, клонившихся къ ограниченію правъ церкви. Таково, напр., знаменитое опредѣленіе первой половины XIV в., по которому избранный большинствомъ курфюрстовъ императоръ вовсе не нуждается въ утвержденіи папой для полнаго пользованія правами своего сана (1338 г.). Затѣмъ въ XV и началѣ XVI в. подобныя постановленія встрѣчаются еще чаще; тутъ мы видимъ, какъ сеймы шагъ за шагомъ ограничиваютъ произвольные денежные поборы какъ мѣстнаго, такъ и римскаго духовенства. Сдѣлано, напр., распоряженіе, чтобы платимая ежегодно подать на общую войну съ турками (Türkengeld) поступала впередъ не въ папскую казну, а въ распоряженіе имперскаго казначейства; потомъ ограничены десятины и проч. [1]). Понятно, что подобными мѣрами само государство подготовляло умы къ мысли о необходимости преобразовать церковное устройство.

Но кромѣ того и каждое изъ сословій Имперіи имѣло свои особыя причины желать перемѣны въ церкви. О князьяхъ мы уже упоминали; тѣ прямо видѣли въ реформаціи средство противодѣйствовать могуществу императора и его объединительнымъ планамъ. Затѣмъ имперское рыцарство оказалось тоже самымъ горячимъ поборникомъ реформы не столько изъ сочувствія къ ея началамъ, сколько изъ своихъ сословныхъ видовъ и интересовъ: рыцарство чрезвычайно стѣснено было установленнымъ тогда въ Имперіи вѣчнымъ земскимъ миромъ и учрежденіемъ въ 1495 г. имперскаго каммергерихта, чѣмъ положенъ былъ конецъ частнымъ войнамъ или федамъ, главнымъ дѣятелемъ которыхъ было обыкновенно рыцарство, находившее въ нихъ главный источникъ наживы. Рыцарство, стѣсненное въ своей старинной волѣ или, лучше сказать, въ своемъ своеволіи, естественно, недовольно было новыми порядками и желало какихъ-нибудь смутъ, чтобы въ нихъ добыть себѣ потерянныя права. Также точно и горожане, во внутреннее управленіе которыхъ постоянно вмѣшивалась церковная власть и значительно стѣсняла городскія вольности, желали вообще ограниченія церковныхъ правъ. О простыхъ людяхъ, о сельскомъ населеніи и говорить нечего, если вспомнимъ, что на этомъ классѣ общества особенно тяготѣли денежные поборы, которыми пользовалось духовенство: аннаты, палліи, диспенсаціи,

[1]) Аннаты, плата за палліи и т. д. также вызываютъ оппозицію и жалобы со стороны сеймовъ. См. Ranke. „Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation“, I, 165—171 (6-te Aufl.), и Gebhardt, Die Gravamin'a der deutschen Nation gegen den römischen Hof. Breslau. 1895 (2-е изд.). Б.

резерваціи, индульгенціи, десятины и т. п.,—поборы, подъ разными названіями шедшіе въ сундуки мѣстнаго духовенства и отчасти самихъ папъ[1]).

Но и, кромѣ всѣхъ этихъ условій, въ самомъ характерѣ и всей исторіи нѣмецкой націи было множество такихъ задатковъ, которые должны были сдѣлать ее наиболѣе подготовленною къ реформаціи. Дѣло въ томъ, что нѣмцы изъ западныхъ народовъ едва-ли не самый ревнивый къ своей національной независимости. Иго, наложенное на подобный народъ чужеземной, хотя бы и духовной, властью, издавна уже тяготило нѣмцевъ. Такъ уже въ половинѣ XI ст. въ сѣв. Германіи была мысль образовать здѣсь особое, независимое отъ Рима, патріаршество, средоточіемъ котораго былъ бы Гамбургъ. Затѣмъ въ концѣ того же столѣтія мы видимъ салійскихъ императоровъ въ открытой борьбѣ съ папами. Столкновенія средневѣковыхъ государей съ папами были, конечно, и въ другихъ странахъ. Вспомнимъ враждебныя отношенія перваго англійскаго Плантагенета Генриха II къ папѣ Александру III; вспомнимъ тоже открытую борьбу въ концѣ XIII в. и началѣ XIV между французскимъ королемъ Филиппомъ IV и Бонифаціемъ VIII; но это были все-таки какъ-бы случайныя явленія, отдѣльные, изолированные факты, которые не могли имѣть такого вліянія, чтобы цѣлое общество воспитать въ антиклерикальномъ духѣ. Въ Германіи, напротивъ, со второй половины XI в. и до самаго исхода среднихъ вѣковъ идетъ почти безпрерывная борьба между папами и императорами. Сначала эта борьба вращается въ кругу частныхъ вопросовъ времени, идетъ споръ объ инвеститурѣ, но къ такому спору незамѣтно и мало-по-малу примѣшивается и множество другихъ важныхъ вопросовъ, такъ-что уже при слѣдующей Штауфенской династіи этотъ частный споръ превращается въ общую великую борьбу, въ которой идетъ дѣло о первенствѣ свѣтской или духовной власти. Потомъ, когда въ половинѣ XIII вѣка династія Штауфеновъ сошла со сцены, то вмѣстѣ съ нею, повидимому, заглохла въ Германіи и оппозиція противъ римской теократической системы. Но въ XIV в. она снова выходитъ наружу въ лицѣ Людовика Баварскаго, вступившаго съ папствомъ въ новую борьбу за Италію. Все это должно было приготовить въ Германіи такую почву, на которой

[1]) Описанію состоянія Германіи передъ реформаціей посвященъ I т. „Geschichte d. deutschen Volkes“ Янсена (1876—1-е изд.; съ тѣхъ поръ нѣсколько изд.; часть этого тома имѣется и въ русск. пер.). Авторъ -католикъ и изображаетъ тогдашнее положеніе Германіи въ слишкомъ свѣтлыхъ краскахъ. Б.

всякая попытка церковнаго преобразованія должна была неминуемо увѣнчаться успѣхомъ.

Наконецъ и господствовавшее образованіе вѣка должно было съ своей стороны много способствовать успѣху реформаціоннаго движенія. Мы говоримъ о томъ литературно-научномъ направленіи, которое, начавшись въ Западной Европѣ съ XIV ст., развилось потомъ въ теченіе XV и въ XVI достигло полной своей зрѣлости. Явленіе это—гуманизмъ.

II. Гуманизмъ.

Понятіе о гуманизмѣ.

Подъ этимъ именемъ надо разумѣть обнаружившееся тогда въ Западной Европѣ усиленное и ревностное изученіе классическаго міра во всѣхъ его памятникахъ: греческой и римской литературы, искусства, права и всей древней жизни. Изученіе это самими учеными, себя ему посвятившими, названо было humaniora studia или просто humaniora, потому что въ этихъ занятіяхъ думали они найти самое лучшее средство для развитія въ человѣкѣ всѣхъ высшихъ свойствъ его натуры—человѣчности, сознанія собственнаго достоинства и чувства долга, тонкаго развитія ума, мягкости сердца и изящества вкуса,—словомъ всего, чтò составляетъ истиннаго человѣка. Вотъ отчего это направленіе извѣстно и теперь подъ именемъ гуманизма. [Въ классической литературѣ гуманисты находили удовлетвореніе новымъ потребностямъ, ибо то была эпоха переворота въ умственной сферѣ, исканія новыхъ идеаловъ, развитія индивидуализма, культурнаго роста личности, когда средневѣковое міровоззрѣніе, съ его аскетическими идеалами, ужъ не удовлетворяло общества].

а) Гуманизмъ итальянскій.

По этому вопросу русская литература обладаетъ капитальными трудами—академика А. Н. Веселовскаго („Вилла Альберти. Новые Матеріалы для характеристики литерат. и обществен. перелома въ итальянск. жизни въ XIV—XV ст.". М. 1870; „Противорѣчія итальянск. Возрожденія", Ж. М. Н. Пр., 1887, дек., и „Боккаччьо, его среда и сверстники". Спб. 1893—1894. 2 т.) и безвременно скончавшагося московскаго профессора М. С. Корелина („Ранній итальянскій гуманизмъ и его историографія". М. 1892, 2 т., съ обширнымъ обзоромъ литературы предмета; „Очерки итальянск. Возрожденія". М. 1896 [тутъ и ст.: „Чтò такое Возрожденіе", изъ Энциклоп. словаря Брокгауза-Ефрона]; „Оч. развитія философск мысли въ эпоху Возрожденія", Вопр. филос. и психол., 1897, кн. 1; „Папскій

секретарь и гуманистъ Поджіо Брачіолини", Русск. Мысль, 1899, ноябрь—дек.). Кромѣ того, основными пособіями по этому вопросу служатъ: G. Voigt, „Die Wiederbelebung des classischen Alterthums oder das erste Jahrhundert des Humanismus" (1-е изд.—1859 г., а 2-е съ большими дополненіями, въ 2 т., 1880—1881, переведенное также и на русскій яз. Разсадинымъ подъ заглав.: „Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма". М. 2 т. 1885; 3-е изд.—1894. Для Фойхта гуманизмъ не что иное, какъ лишь „возрожденіе классической древности"); Jakob Burckhardt, „Die Cultur der Renaissance in Italien" (3-е изд. подъ редакціей L. Geiger'а, 2 т., 1877—78); есть русск. пер. со 2-го изд. подъ заглавіемъ: „Культура Италіи въ эпоху Возрожденія". Спб. 1876. Буркгардтъ высказалъ уже мысль, которую потомъ развилъ и подробно доказывалъ М. С. Корелинъ, а именно, что сущность гуманизма состоитъ въ индивидуализмѣ, въ развитіи личности. Затѣмъ—L. Geiger, „Renaissance und Humanismus in Italien und Deutschland". 1883 (въ коллекціи Oncken'а: „Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen"); Brandi, Die Renaissance in Florenz und Rom. Leipz. 1900; Gebhart, Les origines de la Renaissance en Italie, Paris. 1879 (русск. пер.—Жебаръ, „Нач. Возрожд. въ Италіи". Спб. 1900). См. еще Perrens, La civilisation florentine du XIII au XVI siècle. 1893; Gregorovius, „Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter" (1859—72, т. 6-й и 7-й; нѣкоторые томы, а именно 5-й и 6-й, перевед. и на русскій яз.; переводъ, впрочемъ, очень плохой; въ настоящее время это соч. выходитъ въ новомъ перев.); соотвѣтствующія главы во 2-мъ т. труда Reumont'a: „Geschichte der Stadt Rom" (1867); Villari, „Niccolò Machiavelli e i suoi tempi" (1877, 3 т., главн. образ. „введеніе" въ 1-мъ т.; есть нѣмецкій переводъ), а также и исторіи итальянской литературы того времени: Tiraboschi, „Storia della letteratura italiana" (т. 5-й и 6-й); Körting, „Geschichte der Literatur Italien im Zeitalter der Renaissance" (2 Bde. 1878—80); А. И. Кирпичниковъ „Вѣкъ Возрожденія" (въ „Исторіи всеобщей литературы", вып. 18-й и слѣд.); Н. И. Карѣевъ, „Очерки Возрожденія" („Филол. Зап.", 1875, кн. 6-я) и его-же „Литературн. эволюція на Западѣ" (Фил. Зап., 1885—86, и отдѣльно, 1886); кн. Е. Н. Трубецкой, Полит. міросозерц. эпохи Возрожд. (Кіев. Ун. Изв., 1893, янв.); Н. Ѳ. Сумцовъ, Леонардо да Винчи. Харьк. 1900. Б.

Начало гуманизма.

Явленіе это первоначально возникло въ Италіи, гдѣ языкъ страны, весьма близкій къ латинскому, облегчалъ знакомство съ древними литературными памятниками и гдѣ отъ древняго міра сохранилось болѣе живыхъ воспоминаній, чѣмъ гдѣ-нибудь въ остальной Европѣ. Наконецъ и самое сосѣдство Италіи съ Византіей, этимъ живымъ образчикомъ классической древности, весьма благопріятствовало подобному литературному и научному движенію. Два событія, совершившіяся въ теченіе XV в., въ особенности много способствовали образовательному вліянію Византіи: это, во-первыхъ, — Флорентійскій соборъ, когда по поводу поднятаго тогда вопроса о церковной уніи Востока и Запада съѣхалось много греческихъ ученыхъ въ Италію, а затѣмъ — завоеваніе Константинополя турками, когда цѣлая масса ученыхъ грековъ искала убѣжища въ сосѣдней Италіи, принести

туда съ собою свои познанія, а нерѣдко и множество рукописныхъ памятниковъ древней литературы. Въ числѣ этихъ выходцевъ, наводнившихъ Италію, наиболѣе вліятельные — Мануэль Хризолорасъ, Георгій Трапезундскій, Өеодоръ Газа, Даматрій Критскій, Димитрій Халкондиласъ, братья Ласкарисы, кардиналъ Виссаріонъ [1]), люди большею частью громадной начитанности въ греческой литературѣ, ближе познакомившіе итальянцевъ съ древнимъ образованіемъ. То были истинные апостолы начинавшагося гуманизма, тѣмъ болѣе, что они нерѣдко переходили изъ города въ городъ, основывая въ нихъ свои временныя каѳедры, распространяя въ итальянскомъ обществѣ все больше и больше знакомство съ твореніями греческаго генія.

Но прежде, чѣмъ началась эта пропаганда, въ кругу самихъ итальянцевъ явилось нѣсколько писателей, сдѣлавшихся истинными вчинателями новаго направленія. Слава этого почина принадлежитъ извѣстному поэтическому тріумвирату XIV в.— Данте [2]), Петраркѣ и Боккачіо,—особенно второму изъ этихъ писателей.

Петрарка. Его значеніе.

Въ наше время Петрарка [3]) извѣстенъ больше, какъ лирическій поэтъ, но въ XIV в. и вообще въ эпоху Возрожденія его громкая слава основывалась вовсе не на его сонетахъ и пѣсняхъ. На эти произведенія самъ Петрарка смотрѣлъ какъ на забаву и почти какъ на грѣхи своей юности; настоящая же его извѣстность въ то время и его непреходящее значеніе въ исторіи всемірнаго образованія состояла въ томъ, что онъ былъ родоначальникомъ итальянскаго гуманизма и указалъ тѣ пути, по которымъ это направленіе потомъ слѣдовало. Его латинскія сочиненія, которыхъ теперь никто не знаетъ и которые въ то время имѣли огромное вліяніе,—напр. его поэма „Африка“, гдѣ онъ воспѣлъ Вторую Пуническую войну, его философскіе трактаты („De remediis utriusque fortunae“), наконецъ, его многочисленныя письма,—вотъ на чемъ собственно основывался тотъ культъ, которымъ онъ окру-

[1]) О кардиналѣ Виссаріонѣ на русск. яз. есть спеціальная монографія А. Садова („Виссаріонъ Никейскій. Его дѣятельность на ферраро-флорентійскомъ соборѣ, богословскія сочиненія и значеніе въ исторіи гуманизма“. Спб. 1883). Свѣдѣнія о сближеніи Запада съ Византіей можно найти и у В. Г. Васильевскаго, „Обозрѣніе трудовъ по Византійской исторіи“ (изъ „Ж. М. Нар. Пр.“ 1887, апрѣль и сл.). Б.

[2]) Вегеле, „Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія“. М. 1881 (перев. съ нѣм.); есть и ст. Кудрявцева (перев. въ его „Сочин.“). Б.

[3]) L. Geiger, „Petrarca“. 1874; Nolhac, Pétrarque et l'humanisme d'après un essai de restitution de la bibliothèque. P. 1892; на русск. яз.—ст. М. О. Гершензона въ „Книгѣ для чтенія по ист. средн. вѣк.“, составл. подъ ред. П. Г. Виноградова. М. 1899 (вып. 4). Б.

женъ былъ при жизни. За эти-то латинскія сочиненія вѣнчали его два раза поэтическимъ вѣнкомъ въ Римѣ и Неаполѣ. Къ заслугамъ его надо отнести между прочимъ и то, что въ теченіе 70-лѣтней жизни (1304—1374) онъ образовалъ въ Италіи цѣлое поколѣніе литераторовъ и ученыхъ, проникнутыхъ тѣмъ-же духомъ, которымъ онъ самъ былъ проникнутъ. Не входя въ разборъ его сочиненій, мы должны здѣсь ознакомиться съ этимъ духомъ, отмѣтивъ ихъ характерныя черты, потому что въ нихъ уже, какъ въ зародышѣ, заключается весь характеръ итальянскаго гуманизма въ его дальнѣйшемъ развитіи.

Первое, что̀ поражаетъ при изученіи сочиненій Петрарки, это ихъ необыкновенная разносторонность; это какой-то всеобъемлющій геній. Въ современной ему жизни нѣтъ ни одного интереса, на который бы Петрарка не далъ отвѣта, не высказался въ томъ или другомъ смыслѣ. Черта эта встрѣчается потомъ у всѣхъ гуманистовъ и составляетъ ихъ отличіе отъ схоластиковъ, которые преданы были собственно лишь своему цеховому дѣлу. Какъ вторую черту, отмѣтимъ благоговѣйное поклоненіе классическому міру, выше котораго не было и не будетъ на землѣ: только изъ него можно почерпать истинную науку и истинную нравственность; только тотъ, кто изучалъ медицину по Гиппократу, философію по Платону и Аристотелю, богословіе по Августину и т. д., можетъ назваться истиннымъ ученымъ, стоящимъ у самаго источника знанія. Отсюда—особое отношеніе къ господствовавшей церкви и къ подчиненной ей схоластикѣ,—отношеніе отрицательное, въ особенности къ послѣдней, т.-е. схоластикѣ. Но этимъ еще не исчерпывается вся эта черта: самое важное въ ней состоитъ въ новомъ отношеніи Петрарки, а потомъ и всѣхъ гуманистовъ, къ самой наукѣ, въ ихъ общемъ на нее взглядѣ. Наука, говорятъ они, тогда только плодотворна, когда влечетъ за собою нравственное улучшеніе человѣка, и всякое знаніе, которое не имѣетъ вліянія на совершенствованіе общественной или частной морали, безплодно и безполезно. Затѣмъ къ церкви Петрарка относился такъ, какъ впослѣдствіи и большинство гуманистовъ; это было отношеніе свободное, хотя еще и не критическое, какого впослѣдствіи достигла европейская мысль со временъ Декарта и Бекона. Уже по самому образу своей жизни Петрарка держалъ себя не такъ, какъ вообще тогда жило духовенство, къ которому принадлежалъ онъ по своему званію. Онъ уважалъ религію и церковь, но это не мѣшало ему быть свободнымъ литераторомъ и мыслителемъ. Онъ

Характеристика Петрарки.

почтительно относился къ церкви, какъ учрежденію, и къ папамъ, какъ ея представителямъ, но въ своихъ сочиненіяхъ онъ строго различалъ достоинство и содержаніе христіанской религіи отъ интересовъ папизма. Въ его умѣ христіанство и католичество были понятіями далеко не тождественными. Это уже важный шагъ въ исторіи освобожденія человѣческой мысли отъ теократическихъ узъ, опутывавшихъ ее въ средніе вѣка. Вотъ главная характеристика Петрарки, изъ которой видно, что ему принадлежитъ начало того новаго міровоззрѣнія, которое мало-по-малу сдѣлалось достояніемъ и нынѣшняго времени.

Итальянская школа гуманистовъ.

Подъ вліяніемъ такихъ условій образовалось въ Италіи въ теченіе XIV и XV вв. цѣлая школа гуманистовъ, которая имѣла свой особый характеръ. Въ исторіи этой школы надо различать два главныхъ періода: 1) Первую медицейскую эпоху или вѣкъ Козимо, совпадающій съ концомъ XIV и первой половиной XV в., и затѣмъ 2) Эпоху Лоренцо Великолѣпнаго. Въ теченіе всего этого времени центромъ литературнаго и научнаго движенія въ Италіи была Флоренція, какъ такой городъ, который по своему процвѣтанію и богатству и даже относительной политической свободѣ болѣе другихъ могъ быть удобнымъ поприщемъ для подобнаго развитія.

а) Вѣкъ Козимо.

Каждая изъ этихъ эпохъ имѣетъ свой особый характеръ. Въ вѣкъ Козимо (Козьмы), когда этотъ образованный меценатъ окружилъ себя дѣятелями, подобными Леонардо Бруни, Поджіо, Филельфо, гуманисты преслѣдовали болѣе поверхностную задачу. На долю ихъ выпали какъ-бы приготовительныя работы: они разыскивали древнія рукописи, исправляли ихъ текстъ, распространяя ихъ списки, а сами стремились только къ тому, чтобы усвоить языкъ литературы Августова вѣка, и только рѣдко обнаруживались между ними попытки критической работы, развившейся въ итальянской школѣ уже впослѣдствіи [1]). Такъ Поджіо пріобрѣлъ извѣстность какъ ученый, открывшій Квинтиліана и Цицероновы рѣчи; Филельфо—какъ первый латинистъ и эллинистъ своего времени; а современникъ ихъ, Лоренцо Валла, жившій то въ Неаполѣ, то въ Римѣ, издалъ замѣчательный трактатъ о подложности Константинова даренія Рима и его области папамъ [2]). Онъ же первый исправилъ канониче-

[1]) Это не совсѣмъ вѣрно. См. у М. С. Корелина и въ „Исторіи Зап. Европы“ Н. П. Карѣева, т. I, отдѣлъ о возрожденіи и гуманизмѣ. Б.

[2]) „De falso credita et ementita Constantini donatione declamatio“ (1440). Б.

скій латинскій текстъ библіи или такъ наз. вульгату. Но полный расцвѣтъ итальянскаго гуманизма начался въ то время, когда ученые стали интересоваться не только языкомъ, формою изложенія, но и самымъ содержаніемъ классическихъ твореній.

Эпоха эта относится уже ко времени Лоренцо [1]), когда главными представителями итальянскаго гуманизма являются Марсиліо Фичино, Анжело Полиціано (Angelo Poliziano) и Пико делла Мирандола. М. Фичино былъ глубокій платонистъ своего времени, всю жизнь посвятившій исключительно изученію Платона и написавшій объ этомъ философѣ и его ученіи множество сочиненій; Полиціано [2]) же достигъ такого совершенства какъ въ прозаической, такъ и стихотворной греческой и латинской рѣчи, что его проза и стихи по благозвучію и отдѣлкѣ, какъ и по духу, почти не отличались отъ классическихъ произведеній; а высоко талантливый Пико Мирандола, умершій въ цвѣтѣ лѣтъ, былъ знатокомъ философіи и древне-еврейскаго языка. Къ эпохѣ Лоренцо Великолѣпнаго относится также и учрежденіе во Флоренціи Платоновой академіи, члены которой ставили себѣ задачею не только изученіе твореній знаменитаго мыслителя, но и примѣненіе его нравственныхъ началъ къ самой жизни. в) Вѣкъ Лоренцо.

Но и кромѣ Флорентійскихъ Медичи, пріобрѣвшихъ себѣ безсмертную славу покровительствомъ гуманизму, во всѣхъ другихъ болѣе или менѣе значительныхъ городахъ Италіи мы видимъ подобное же явленіе. Меценатство или покровительство ученымъ и художественныхъ занятіямъ сдѣлалось модою вѣка; не было почти владѣтельнаго дома, который бы такъ или иначе не старался пріобрѣсть себѣ славу на этомъ поприщѣ. Здѣсь блистали имена: Миланскихъ Висконти, а потомъ Сфорца, въ Неаполѣ въ XV в.—Альфонса Аррагонскаго, въ Падуѣ—фамиліи Каррара, въ Мантуѣ—дома Гонзага, въ Феррарѣ—Эсте, въ Равеннѣ—Бентиволіо, но въ особенности большія заслуги въ этомъ отношеніи принадлежали нѣкоторымъ римскимъ папамъ XV ст., особенно Николаю V (1447—1455), который до возвышенія своего на папскій престолъ всю жизнь провелъ въ занятіяхъ библіографическихъ и антикварныхъ, а затѣмъ и въ званіи первосвященника продолжалъ эту дѣятельность, окруживъ себя цѣлой фалангой ученыхъ и переписчиковъ, положившихъ вмѣстѣ съ нимъ основаніе знаменитой Ватиканской библіотекѣ. Меценатство

[1]) Reumont, „Lorenzo di Medici il Magnifico" (на нѣм. яз., 1-е изд. 1874). Б.
[2]) Mähly, „Angelus Politianus". 1864. Б.

Общій характеръ и значеніе итальянскаго гуманизма.

Что касается общаго характера итальянской школы гуманизма, то мы находимъ въ ней слѣдующія черты. Во-первыхъ, восторженное поклоненіе, почти культъ памятниковъ древней жизни. Люди эти представляли античный міръ во всѣхъ отношеніяхъ идеальнымъ и думали, что новое человѣчество можетъ достигнуть высокаго какъ общественнаго, такъ умственнаго и нравственнаго развитія только подражаніемъ древнимъ, усвоивая ихъ взгляды и ихъ высокое развитіе. Отсюда—непомѣрное и часто даже странное увлеченіе этимъ новооткрытымъ тогда міромъ. Они думали, что стоитъ только изучить его памятники, проникнуться его духомъ, чтобы и въ жизни возродилась античная доблесть; считали возможнымъ даже и возвращеніе политической свободы, которой тогда не было въ Италіи. Свидѣтельствомъ можетъ служить нѣсколько театральная попытка демагога Коло-ди-Ріенци возстановить римскую республику на античный ладъ. Вторая черта итальянскаго гуманизма—совершенно свѣтскій характеръ этой литературы, освободившій ее отъ аскетически-клерикальнаго взгляда на жизнь, господствовавшаго въ средніе вѣка. Въ кругу этихъ людей, гуманистовъ, высказываются новыя воззрѣнія, совершенно не похожія на средневѣковыя. Аскетизмъ превращается у нихъ въ привязанность къ земнымъ интересамъ и благамъ; они преслѣдуютъ одну цѣль—пріобрѣтеніе земной славы и земныхъ выгодъ. Отсюда—ихъ погоня за этими почестями и выгодами и въ то же время необыкновенное самомнѣніе, если имъ удавалось ихъ достигнуть. Рядомъ съ такимъ самомнѣніемъ стоитъ у нихъ и презрѣніе къ „profanum vulgus“, т.-е. къ народу, его интересамъ и чувствамъ.

Тѣмъ не менѣе люди эти являются представителями новаго начала или, лучше сказать, новой силы, которая входитъ въ это время въ европейскую жизнь,—силы общественнаго мнѣнія. Они руководили этимъ мнѣніемъ, какъ свободные литераторы, присвоивъ себѣ право устанавливать извѣстный взглядъ на то или другое явленіе, на того или другого дѣятеля общественнаго. Отсюда—необыкновенный почетъ и отчасти страхъ предъ ними, такъ какъ отъ нихъ часто зависѣли репутація, успѣхъ или неудача.

Его темныя стороны.

Не нужно, впрочемъ, забывать и темныхъ сторонъ итальянскаго гуманизма. Къ нимъ надо отнести, во-первыхъ, самое меценатство, которое, конечно, было явленіемъ почти неизбѣжнымъ въ то время, но все-таки оно породило тотъ приниженный, ласкательный тонъ, то хвалебное направленіе, которымъ отличался гуманизмъ. Это была продажная, панегиристическая литература.

Затѣмъ къ числу ея недостатковъ слѣдуетъ отнести также и тотъ легкомысленный взглядъ, съ которымъ гуманисты относились не только къ церкви, какъ учрежденію, но и къ самой религіи и ея источнику. На Св. Писаніе они смотрѣли лишь какъ на литературное произведеніе и, не находя въ немъ классическихъ красотъ, относились къ нему равнодушно. Да и въ отношеніи нравственности они имѣли тоже болѣе разрушительное, чѣмъ благотворное вліяніе. Они вызвали изъ-подъ спуда всю античную грязь и пустили ее въ ходъ не только въ своихъ произведеніяхъ, но и въ самой жизни, что̀ вмѣстѣ съ другими неблагопріятными условіями и произвело въ Италіи такое полное крушеніе семейной и общественной морали, что на почвѣ этого разложенія и могло возникнуть и вырости столь чудовищное въ нравственномъ смыслѣ явленіе, какимъ, повидимому, былъ Николай Макіавелли [1]).

Значеніе Макіавелли далеко не ограничивается исторіей государственнаго права или вообще научною областью, такъ какъ по своимъ идеямъ онъ имѣлъ даже значительное вліяніе на внутреннюю государственную политику XVI и XVII вв., ибо на его убѣжденіяхъ и взглядахъ воспитались многіе государственные люди тѣхъ временъ и даже такіе крупные историческіе дѣятели, какъ Екатерина Медичи, Карлъ V и отчасти Ришелье. Конечно, нельзя лично Макіавелли приписывать столько прямого вліянія на господствующую политику того времени; понятно, что его идеи и совѣты потому только и принимались въ соображеніе, что они совпадали съ духомъ вѣка и его потребностями, но тѣмъ не менѣе Макіавелли служитъ превосходнымъ образчикомъ и представителемъ тѣхъ понятій, какія въ XVI и XVII вв. въ Зап. Европѣ имѣлись о государствѣ, о его цѣли и обязанностяхъ правительства. Макіавелли.

Николай Макіавелли, жизнь котораго совпадаетъ съ концомъ XV и началомъ XVI вв. (1469—1527), воспитанъ былъ всецѣло на древнихъ авторахъ, въ особенности на римскихъ

[1]) Лучшее сочиненіе о Макіавелли принадлежитъ извѣстному итальянскому историку Villari: „Niccolò Machiavelli e i suoi tempi“. 3 v. 1877—82 (на основаніи новыхъ документовъ), тотчасъ же переведенное и на нѣмецкій языкъ (3 Bde 1877—83); затѣмъ Tommasini: „La vita e gli scritti di Niccolò Machiavelli“. См. также трактатъ Ranke: „Zur Kritik neurer Geschichtschreiber“; Mohl. „Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften“ (т. 3-й. „Die Machiavelli-Literatur); „Опытъ“ Маколея, посвященный характеристикѣ Макіавелли (въ 1-мъ т. русск. перевода „Полн. собр. соч.“ Маколея): ст. Морлея (перев. въ „Сѣв. Вѣстн.“, 1897. сент.); а въ русской литературѣ есть изслѣдованіе проф. Алексѣева, „Макіавелли, какъ политическій мыслитель“. М. 1880; см. также ст. П. И. Новгородцева въ „Книгѣ для чтенія по исторіи средн. вѣковъ“. В.

историкахъ, по которымъ онъ образовалъ свои собственныя политическія убѣжденія. Въ зрѣломъ возрастѣ цѣлыхъ 14 лѣтъ занималъ онъ должность секретаря Флорентинской республики, получивъ такимъ образомъ возможность практически изучить науку государственнаго правленія, но въ 1512 г. въ жизни его произошелъ коренной переворотъ. Въ это время возвратилась во Флоренцію изгнанная фамилія Медичи, причемъ демократическая партія, къ которой принадлежалъ Макіавелли, была подавлена и разсѣяна. Пострадалъ при этомъ и Макіавелли: его лишили должности и изгнали изъ Флоренціи; впослѣдствіи онъ обвиненъ былъ даже какъ участникъ въ политическомъ заговорѣ, сидѣлъ въ тюрьмѣ и преданъ былъ пыткѣ. Такимъ образомъ онъ лишился блестящаго своего положенія и, какъ человѣкъ, не имѣвшій состоянія, долженъ былъ снискивать себѣ средства къ жизни частью уроками, частью же литературными трудами. Къ этому-то послѣднему періоду его жизни относятся всѣ его сочиненія, которыя онъ писалъ для развлеченія, для заработка, а еще больше для того, чтобы снискать себѣ потерянную милость Медичи, доказавъ имъ свою способность къ государственнымъ дѣламъ.

Сочиненія Макіавелли очень разнообразны: онъ писалъ и по исторіи, какъ, напр., „Исторія Флорентійской республики", и объ „искусствѣ войны", гдѣ нападалъ на систему кондотьерства, и „Разсужденія о первыхъ 10 главахъ Тита Ливія" („Discorsi"), гдѣ высказалъ уже критическія соображенія и взгляды, предшествовавшіе знаменитому скептицизму Нибура; но самое замѣчательное изъ его сочиненій,—замѣчательное по широкому распространенію и большой извѣстности,—это, безспорно, его трактатъ о „Государѣ", по-итальянски „Il principe". О сочиненіяхъ этихъ въ теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій высказывались очень много и очень различно. Но какъ бы ни судили о нихъ, какіе бы недостатки въ нихъ ни находили, безспорно, что они принадлежатъ къ выдающимся созданіямъ человѣческаго ума, а въ литературномъ отношеніи они такъ мало оставляютъ желать, что Макіавелли и теперь считается однимъ изъ образцовыхъ итальянскихъ прозаиковъ. Для насъ собственно интересенъ послѣдній трактатъ; поэтому на немъ мы и остановимся.

Трактатъ о «Государѣ».

Въ основу этого изслѣдованія Макіавелли положилъ Аристотелеву „Политику" [1]). Но это былъ слишкомъ геніальный умъ, чтобы рабски слѣдовать своему авторитету. Аристотелевы начала онъ ста-

[1]) См. Ranke, „Zur Kritik neuerer Geschichtschreiber". В.

рается примѣнить къ современному положенію Италіи и къ той цѣли, для которой написана эта книга, посвященная имъ Лоренцо Медичи. Цѣль же состояла вотъ въ чемъ: Макіавелли былъ горячій патріотъ и глубоко страдалъ при видѣ тѣхъ нестроеній и бѣдствій, которыхъ театромъ была его родина—Италія, не составлявшая тогда одного государства, а раздробленная на множество мелкихъ политическихъ сферъ, враждовавшихъ одна съ другой и истощавшихъ въ этой враждѣ свои силы; но величайшее зло было не въ смутахъ, а въ томъ, что эти усобицы давали иностранцамъ возможность владычествовать надъ полуостровомъ. И вотъ, подобно всѣмъ истиннымъ патріотамъ своего времени, скорбя глубоко объ этомъ униженіи своего народа, Макіавелли искалъ средствъ искоренить зло. Случай къ этому представился въ 1513 году, когда по смерти папы Юлія II на священный престолъ вступилъ Джіованни Медичи подъ именемъ Льва X. Тогда въ головѣ Макіавелли возникъ планъ — всѣ главнѣйшія итальянскія области подчинить владычеству дома Медичи, такъ какъ этотъ родъ по своей образованности, по своему патріотизму и личнымъ качествамъ его представителей привлекалъ къ себѣ болѣе симпатіи и надежды, чѣмъ какая-либо другая изъ туземныхъ династій. И вотъ созданъ былъ планъ, по которому Неаполь долженъ былъ отойти къ племяннику Льва X—Джуліану Медичи, а Миланъ завоеванъ Лоренцомъ, и если бы этого удалось достигнуть, то тогда всѣ главныя государства полуострова очутились бы въ рукахъ одной фамиліи, а потомъ Италія могла бы достигнуть и окончательнаго объединенія добровольнымъ ли соглашеніемъ членовъ Медицейскаго рода или же насильственнымъ путемъ. Въ виду этой-то цѣли Макіавелли и написалъ свой трактатъ о „Государѣ“, поднесши его, какъ руководство, Лоренцо Медичи. Такимъ образомъ, уже по самой цѣли этотъ трактатъ нельзя считать какимъ-то общимъ сочиненіемъ о правахъ и роли государя и внутренней политикѣ, какой онъ долженъ слѣдовать. При ближайшемъ знакомствѣ съ этимъ сочиненіемъ мы встрѣчаемъ прямое указаніе на ту частную цѣль, которую авторъ имѣлъ въ виду. Неправильно поэтому мнѣніе, столько разъ высказываемое, что этотъ трактатъ есть учебникъ деспотизма. Такимъ онъ могъ казаться только въ глазахъ политическихъ дѣятелей XVI и XVII вв., потому что преподанные въ немъ совѣты какъ нельзя болѣе совпадали съ потребностями и характеромъ той эпохи. Въ трактатѣ этомъ строго проведена абсолютно-монархическая идея, которая въ государственной литературѣ того

времени всплыла наружу изъ римскихъ воспоминаній. Но собственно, что̀ болѣе всего обратило вниманіе изслѣдователей этого памятника и что̀ доставило автору такую фатальную извѣстность, это была нравственная сторона книги, тѣ совѣты, которые Макіавелли даетъ правителю относительно способа утвержденія государственной власти, такъ, напр., что новый государь для упроченія своей власти долженъ всѣ казни и опалы совершить въ одинъ разъ, а затѣмъ уже медленными благодѣяніями заставить согражданъ забыть о причиненныхъ имъ бѣдствіяхъ, или что люди такъ злы, что они навѣрное не сдержатъ своихъ обѣщаній, а потому и мы не обязаны сдерживать ихъ въ отношеніи къ другимъ, если причины, побудившія дать эти обѣщанія, не существуютъ болѣе; далѣе авторъ совѣтуетъ правителю носить постоянную маску, казаться наружнымъ образомъ добродѣтельнымъ, религіознымъ, искреннимъ, но на самомъ дѣлѣ подъ лисьей наружностью хранить волчій характеръ; или что „люди скорѣе простятъ казнь родного отца, нежели посягательство на ихъ карманъ“; отсюда совѣтъ—особенно аккуратно вести денежное хозяйство государства. Вотъ совѣты, которые встрѣчаются здѣсь на каждомъ шагу, и они-то заставили моралистовъ провозгласить Макіавелли какимъ-то нравственнымъ чудовищемъ безъ вѣры и совѣсти, прямо возводящимъ безнравственность въ государственный кодексъ. Но мы уже имѣли случай замѣтить, что эти темныя стороны были присущи самой тогдашней жизни и что макіавелизмъ развился независимо отъ Макіавелли и гораздо раньше его, словомъ, что Макіавелли не сдѣлалъ ничего другого, какъ только формулировалъ и изложилъ въ видѣ ученаго трактата систему внутренней политики своего вѣка. Но наряду съ этой темной стороной Макіавелли надо упомянуть и о его заслугѣ, состоявшей въ томъ, что онъ далеко опередилъ своихъ современниковъ во взглядѣ на истинное средство возвратить Италіи прежній блескъ и величіе, что его идея объ объединеніи полуострова сдѣлалась потомъ въ теченіе трехъ столѣтій руководящею мыслью всѣхъ передовыхъ лучшихъ людей Италіи, и что въ XIX в. страна эта не сдѣлала ничего другого, какъ только выполнила то, о чемъ такъ горячо мечталъ великій итальянскій патріотъ XVI в.

b) Гуманизмъ нѣмецкій.

По исторіи нѣмецкаго гуманизма, кромѣ названныхъ уже сочиненій Л. Гейгера (собственно второй половины его, которая переведена и по-русски подъ заглавіемъ „Исторія нѣмецк. гуманизма". Спб. 1899) и Г. Фойхта, см. Erhard, „Geschichte des Wiederaufblühens wissenschaftlicher Bildung, vornehmlich in Deutschland". 3 Bde. 1827—32 (теперь ужъ, впрочемъ, устарѣлое); Hagen, „Deutschlands religiöse und literarische Verhältnisse im Reformationszeitalter". 3 Bde. 1841—44 (до сихъ поръ не совсѣмъ утратившее значеніе); Strauss, „Ulrich von Hutten", 1858, 2 Th. (въ 3-й части—переводъ „діалоговъ" Гуттена), монографія, важная не только для знакомства съ личностью этого гуманиста, но и изображающая мастерски вообще ту эпоху и характеризующая всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся гуманистовъ, современныхъ Гуттену; есть въ русск. переводѣ; Bursian, „Geschichte der classischen Philologie in Deutschland". 1883 (19-й томъ „Geschichte der Wissenschaften in Deutschland"); Paulsen, „Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten". Leipz. 1885; Kaufmann, „Gesch. d. deutsch. Universitäten". Stuttg. 1888; Janssen, „Geschichte des deutschen Volkes seit dem Ausgang des Mittelalters" (I—II т. 1878); соотвѣтствующія мѣста у Ranke въ 1-мъ томѣ его „Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation" и статьи въ „Нѣмецкомъ біографическомъ Словарѣ" („Allgemeine Deutsche Biographie"), издаваемомъ „Исторической Коммиссіей" въ Мюнхенѣ, а для знакомства съ тогдашней сатирической литературой см. Schade, „Satiren und Pasquillen aus der Reformationszeit". 3 Bde. 1856—8; на русск. яз. есть ст. проф. П. Висковатова, „Эпоха гуманизма въ Германіи" („Ж. М. Н. Пр.", 1872, т. CLXI"). **В.**

Изъ Италіи гуманистическое образованіе проникло и за Альпы, прежде всего въ Германію. Но германскій гуманизмъ по своему направленію и характеру значительно отличается отъ итальянскаго. Если въ кругу итальянскихъ гуманистовъ мы встрѣчаемъ космополитическія убѣжденія, невѣріе, скептицизмъ, равнодушіе къ дѣлу религіи и церкви, презрительное отношеніе къ profanum vulgus, аристократическую гордость, съ которою они относились къ непосвященнымъ, наконецъ, самую незастѣнчивую безнравственность, то у германскихъ мы видимъ противоположное: тутъ, напротивъ, на почвѣ этого образованія развился патріотизмъ, чувство истиннаго благочестія, свободное движеніе въ общественной жизни; мы здѣсь не замѣчаемъ отчужденія гуманистовъ отъ народа и народныхъ интересовъ, а напротивъ глубокое сочувствіе къ нимъ, не видимъ и такого легкомысленнаго отношенія къ вѣрѣ и ея источнику, какъ за Альпами. Все это зависѣло отъ того, что почва, на которую упали сѣмена гуманизма, была здѣсь совсѣмъ иная, что въ Германіи сохранилось болѣе патріархальности съ ея крѣпкой, хотя и односто-

Отличіе гуманизма нѣмецкаго отъ итальянскаго.

ронней, моралью; здѣсь же уцѣлѣло и болѣе воспоминаній о старой общественной свободѣ, здѣсь глубже коренилось и сознавалось религіозное чувство. Вотъ почему и ученія древнихъ писателей производили тутъ вліяніе только тѣми своими сторонами, которыя гармонировали съ этимъ общественнымъ настроеніемъ.

Начало гуманизма въ Германіи.

Хотя сѣмена гуманизма въ Германію были занесены изъ Италіи, но уже въ концѣ XIV и особенно въ XV в. мы встрѣчаемъ здѣсь цѣлую школу національныхъ ученыхъ этого направленія, тѣмъ болѣе, что и тѣ 14 нѣмецкихъ университетовъ [1]), которые были основаны въ теченіе 150 лѣтъ, съ половины XIV ст. и до начала реформаціи, такъ или иначе способствовали образованію такого направленія. Люди, явившіеся провозвѣстниками этого образованія въ Германіи, каковы: Николай Кузанскій, Іоаннъ Вессель, Іоаннъ Мюллеръ, извѣстный также подъ именемъ Regiomontanus, т. е. изъ Кенигсберга, Георгъ Пеурбахъ, Іоаннъ Дальбергъ, Рудольфъ Агрикола, Эней Сильвій Пикколомини, своими трудами и ихъ направленіемъ показали, что нѣмецкій гуманизмъ пойдетъ совершенно инымъ путемъ, не будетъ похожъ на итальянскій, а потому и послѣдствія его будутъ отличны отъ результатовъ гуманизма за Альпами. Такъ, Николай Кузанскій воспользовался своими филологическими свѣдѣніями, чтобы критически показать подложность „Лжеисидоровыхъ декреталій“. Пеурбахъ познакомилъ своихъ соотечественниковъ съ ученіемъ древнихъ географовъ и астрономовъ, чѣмъ разсѣялъ множество предразсудковъ, ходившихъ въ это время о строеніи міра. Вессель впервые сталъ преподавать богословіе не по схоластическимъ авторитетамъ, а по первоначальнымъ источникамъ, т. е. по Священному Писанію и твореніямъ отцевъ церкви [2]). Дальбергъ сдѣлался основателемъ платоническаго рейнскаго общества на подобіе Медицейской академіи. Агрикола развилъ широкую библіографическую дѣятельность, напоминающую работы Николая V, и сдѣлался основателемъ Гейдельбергской библіотеки, извѣстной по своимъ рукописямъ. Наконецъ, итальянецъ Пикколомини, проведшій первоначальную свою жизнь въ ученыхъ тру-

[1]) См. названный трудъ Paulsen'a („Gesch. d. gelehrten Unterrichts auf den deutsch. Schulen und Universitäten“) и его-же статьи въ „Histor. Zeitschrift“ (Neue Folge, IV B.) подъ заглавіемъ: „Die Gründung der deutschen Universitäten im Mittelalter“ и „Organisation und Lebensordnungen der deutschen Universitäten im Mittelalter“, а также трудъ Kaufmann'a. B

[2]) См. 2-й т. соч. Ullmann'a „Reformatoren vor der Reformation“ (2 Bde. 1-е изд.—1841, 2-е—1866). B.

дахъ и занятіяхъ и бывшій потомъ папою подъ именемъ Пія II, свое состояніе и связи посвятилъ на распространеніе гуманизма въ Германіи [1]). Такимъ образомъ, эти первые опыты нѣмецкаго гуманизма уже показали, что тутъ имѣются въ виду болѣе практическія задачи вмѣсто филологическихъ интересовъ и эстетическихъ, преобладаніе которыхъ мы видѣли въ гуманизмѣ итальянскомъ. Здѣсь на первомъ планѣ стоялъ вопросъ научный и общественный, и подготовлялась почва для развившейся въ послѣдующее время церковной реформаціи.

Но самыми замѣчательными и вліятельными дѣятелями новаго направленія были: Рейхлинъ, Ульрихъ фонъ Гуттенъ и Эразмъ Роттердамскій.

Рейхлинъ [2]) (1455—1522) собственно былъ юристъ и изучалъ право, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ получилъ основательное классическое образованіе и въ часы досуга любилъ заниматься изученіемъ древнихъ. Тѣмъ не менѣе ему, хотя и не гуманисту по профессіи, принадлежитъ заслуга прочнаго насажденія гуманизма въ Германіи. Онъ превосходно зналъ латинскій языкъ и издалъ первый правильный его словарь, какъ и первую греческую грамматику; ему-же принадлежитъ честь почина въ изученіи еврейскаго языка и литературы въ Германіи и вообще въ Западной Европѣ. Этимъ послѣднимъ занятіемъ Рейхлинъ увлекался по особенному складу своего душевнаго настроенія. Онъ былъ мистикъ и подобно многимъ передовымъ людямъ того времени вѣрилъ въ такъ называемыя тайныя науки, изъ которыхъ каббала и каббалистическое ученіе евреевъ интересовали его въ особенности. Желая стать, такъ сказать, у самаго источника этого тайнаго знанія, т.-е. читать въ подлинникѣ главныя произведенія каббалистической литературы, напр. книгу „Sohar“, и имѣя въ виду, такимъ образомъ, свои мистическія цѣли, онъ сталъ изучать еврейскій языкъ. Между прочимъ онъ считалъ возможнымъ при чтеніи еврейскаго текста Библіи, кромѣ обыкновеннаго смысла, открыть еще смыслъ сокровенный, доступный только посвященнымъ; напр. ему казалось, что въ трехъ стихахъ одной изъ Моисеевыхъ книгъ скрывается 72 неизрѣченныхъ имени Божіихъ, силою которыхъ можно творить чудеса. Но это занятіе

Рейхлинъ.

[1]) G. Voigt, Enea Silvio de'Piccolomini, als Papst Pius der Zweite, und sein Zeitalter. 3 Bde. Berlin. 1856—63: Weiss, Aeneas Sylvius Piccolomini als Papst Pius II, sein Leben und Einfluss auf die literar. Cultur Deutschlands. Graz. 1897. Б.

[2]) L. Geiger. Iohannes Reuchlin, sein Leben und seine Werke. Leipzig 1871; ср. его-же ст. въ Zeitschr. f. vergleich. Litteraturgesch. und Renaissancelitteratur. N. F., IV B., 1891. Б.

Римъ, говоритъ онъ, изобилуетъ тремя вещами: развратными женщинами, попáми и писцами; въ Римѣ три главныхъ источника дохода — Христосъ, духовныя должности и женщины, и путникъ, побывавшій въ Римѣ, привозитъ оттуда три результата: запятнанную совѣсть, испорченный желудокъ и пустой карманъ [1]). Гуттенъ по своему политическому идеалу, какъ пламенный нѣмецкій патріотъ, стремился постоянно къ государственному объединенію Германіи, т.-е. лелѣялъ уже ту мысль, которая осуществилась только въ XIX в. Цѣли этой онъ старался достигнуть, устроивъ союзъ городовъ съ рыцарствомъ съ тѣмъ, чтобы, одолѣвши такимъ путемъ княжевластіе, вручить верховную власть надъ единой Германіей національному императору. Но общественное мнѣніе не поддержало его въ этомъ стремленіи, такъ какъ народъ не подготовленъ былъ еще къ подобной задачѣ. Но за Гуттеномъ все-таки остается заслуга, что онъ былъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ воспитателей нѣмецкой націи въ антиклерикальномъ духѣ [2]).

Эразмъ Роттердамскій.

Но истиннымъ вождемъ нѣмецкихъ гуманистовъ былъ безспорно Эразмъ Роттердамскій [3]) (1467—1536). По происхожденію онъ былъ голландецъ, но собственно по убѣжденіямъ и чувствамъ не принадлежалъ ни къ какой націи: настоящимъ отечествомъ его была „literarum respublica“, т.-е. древній міръ и оставленные имъ памятники. Только здѣсь онъ чувствовалъ себя дома и только здѣсь сосредоточивались его интересы. Съ древними языками онъ настолько былъ знакомъ, что писалъ и говорилъ на нихъ съ высокимъ совершенствомъ и изяществомъ; даже думалъ

[1]) Еще раньше Гуттенъ издалъ трактатъ Лоренцо Валлы о подложности Константинова дара съ предисловіемъ и посвященіемъ самому папѣ Льву X. Б.

[2]) Политическое и патріотическое направленіе Гуттена выразилось также и въ томъ, что онъ въ своихъ сочиненіяхъ отъ латинскаго языка перешелъ впослѣдствіи къ употребленію родного, нѣмецкаго (см. напр. его „Жалобу и предостереженіе противъ чрезмѣрной и нехристіанской власти папы и недуховнаго духовенства“, Clag und Vormannung gegen den übermässigen und unchristlichen Gewalt des Bapsts und der ungeistlichen Geistlichen) и самъ перевелъ по-нѣмецки свои діалоги, написанные сначала по-латыни. См. Szamatolski, Ulrichs v. Hutten deutsche Schriften. Strassb. 1891. Б.

[3]) Adolf Müller, „Erasmus von Rotterdam“. Hamburg. 1828; Horawitz, „Erasmus von Rotterdam und Martinus Lipsius“, Wien. 1882; Burigny, „Vie d'Erasme“; Durand de Laur, „Erasme, précurseur et initiateur de l'esprit moderne“. Paris. 1872, 2 v.; Feugère, „Erasme; étude sur sa vie et ses oeuvres“. Paris. 1874; Drummond, „Erasmus, his life and character“. London. 1873. 2 v.; ст. Hartfelder'а въ Histor. Taschenbuch, VI Folge, XI Jahrg; I. Bruns'а въ Deutsche Rundschau, 1900, Mai и проч. На русскомъ языкѣ см. характеристику Эразма въ „Очеркахъ изъ всемірной исторіи“ М. Н. Петрова, предисловіе проф. Кирпичникова къ его переводу Эразмовой сатиры „Похвала глупости“, М. 1884 и ст. Л. Ю. Шепелевича: „Первый публицистъ въ Европѣ“, въ „Сѣв. Вѣстн.“. Б.

онъ не иначе, какъ на одномъ изъ нихъ, большею частью по-латыни. Направленіе его трудовъ было по преимуществу педагогическое; это былъ великій наставникъ своего народа и всей тогдашней Европы. Главныя его усилія направлены были къ тому, чтобы распространить въ современномъ ему обществѣ возможно большую массу научныхъ свѣдѣній. Съ этою цѣлью предпринимаетъ онъ цѣлый рядъ изданій классическихъ писателей и отцовъ церкви съ богатѣйшими критическими примѣчаніями и комментаріями, составляетъ сборники древнихъ пословицъ и апофтегмъ или замѣчательнѣйшихъ сентенцій и изрѣченій древнихъ философовъ и моралистовъ, издаетъ греческій текстъ Новаго Завѣта, возстановляетъ болѣе правильный латинскій текстъ его съ великолѣпнѣйшими парафразами, полагая тѣмъ первое основаніе наукѣ библейской критики и экзегезы. Этимъ же господствующимъ побужденіемъ объясняется и его ожесточенная борьба съ обскурантизмомъ и схоластикой.

Глубоко ненавидя невѣжество представителей тогдашней западной церкви, монаховъ, схоластиковъ, Эразмъ, подобно своимъ собратіямъ по оружію—другимъ гуманистамъ—, сталъ преслѣдовать ихъ своими насмѣшками и, какъ человѣкъ остроумный, написалъ знаменитую сатиру, которая при жизни его имѣла 27 изд., переведена была на всѣ европейскіе языки и быстро распространилась по всей Европѣ. Это была „Похвала глупости“ [1]). Здѣсь Морія, т.-е. олицетворенная глупость, представлена произносящею похвалу самой себѣ: у людей различнаго возраста и пола, въ разныхъ слояхъ общества, вездѣ она находитъ болѣе или менѣе радушный пріемъ; но нигдѣ она не встрѣчаетъ столько сочувствія, какъ въ кругу тогдашняго духовенства. Картина нравовъ и жизни клира, которую здѣсь рисуетъ Эразмъ, написанная изящнымъ латинскимъ языкомъ со свойственнымъ ему неистощимымъ сарказмомъ, даже въ наше время производитъ глубокое впечатлѣніе. Можно себѣ представить, какое вліяніе она имѣла въ то время, когда общественное мнѣніе было такъ возбуждено противъ католическаго духовенства. Смѣлость пріемовъ, которыми Эразмъ бичуетъ здѣсь клиръ, можетъ быть видна изъ слѣдующихъ образчиковъ. Представленъ папа, кардиналы и высшее духовенство. „Они думаютъ вполнѣ удовлетворить Христу, являясь въ своихъ театральныхъ костюмахъ и расточая свои безсильныя благословенія и про-

«Похвала глупости».

[1]) Μωρίας ἐγκώμιον, Laus stultitiae (на латинск. яз.). По-русски два перевода—проф. Кирпичникова (М. 1884) и новѣйшій—проф. П. И. Ардашева (Юрьевъ. 1902). Б.

клятія; апостольскіе же труды и бѣдность они предоставляютъ Петру и Павлу, довольствуясь сами роскошью и наслажденіями. Да какъ же и быть имъ иначе? вѣдь учить народъ — хлопотно; объяснять писаніе — дѣло педантовъ, а проливать слезы — бабье дѣло; молиться — скучно, терпѣть бѣдность — отвратительно; умирать — непріятно; а быть распятымъ — позорно". Затѣмъ, переходя въ среду обыкновеннаго, низшаго духовенства, Морія говоритъ, что всѣ ихъ занятія состоятъ въ томъ, чтобы бормотать молитвенныя формулы, смысла которыхъ они сами не понимаютъ; о благочестіи же между ними — нѣтъ и помину. Курьезная исторія выходитъ съ этимъ благочестіемъ: его перебрасываютъ, какъ мячъ изъ рукъ въ руки. Князья по скромности предоставляютъ его простому народу, простой же народъ — духовенству; но высшее духовенство сваливаетъ это бремя на плечи своей низшей братіи, т.-е. приходскихъ священниковъ, тѣ опять перебрасываютъ его монахамъ, простые монахи — нищенствующимъ орденамъ, а эти послѣдніе — картезіанцамъ, и уже тутъ благочестіе находитъ свое погребеніе и притомъ такое глубокое, что никому и никогда не удается его увидѣть.

Отношеніе Эразма къ реформаціи.

Сочиненіе это было по истинѣ громовымъ ударомъ для всего тогдашняго духовенства, и Эразму безспорно принадлежитъ та заслуга, что онъ болѣе всѣхъ другихъ гуманистовъ подорвалъ клерикальные взгляды въ тогдашнемъ обществѣ. Но ему приписывали нѣкогда роль настоящаго предтечи реформы, или, какъ выразился Гроцій, будто онъ положилъ яйцо, которое Лютеръ только высидѣлъ. Въ реформаторы Эразмъ не годился уже по самому своему характеру. Это былъ тщедушный, робкій человѣкъ и порядочный угодникъ знатнымъ, любившій пышность княжескихъ дворовъ, подарки и пенсіи, которыми его осыпали, наконецъ, — человѣкъ, который выше всего ставилъ интересы классической литературы и потому о реформѣ вовсе не думалъ и даже, когда на его глазахъ разыгралось это движеніе, то сначала онъ поддерживалъ Лютера, но потомъ умылъ руки и отсталъ отъ него. Наконецъ, — онъ не годился въ реформаторы и по своему отрицательному направленію; онъ только осмѣивалъ старую церковь, но на мѣсто осмѣяннаго не умѣлъ создать ничего новаго. Въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ Вольтера, на котораго онъ похожъ какъ по своему ѣдкому остроумію, такъ и по нѣкоторымъ свойствамъ характера [1]).

---

[1]) Къ выдающимся же нѣмецкимъ гуманистамъ начала XVI в. принадлежатъ: Конрадъ Цельтесъ, странствующій поэтъ (по мнѣнію нѣкоторыхъ уче-

Изъ предложеннаго обозрѣнія итальянскаго и въ особенности германскаго гуманизма легко усмотрѣть, что это образованіе представляло чрезвычайно симпатичную почву для преобразовательнаго движенія, направленнаго противъ тогдашней церкви и ея порядковъ, такъ-что однимъ этимъ образованіемъ въ началѣ XVI в. умы уже значительно были подготовлены къ церковно-религіозному перевороту. Но все-же однимъ гуманизмомъ реформу Западной церкви объяснить нельзя, такъ какъ изъ многочисленныхъ примѣровъ изъ исторіи этого явленія видно, что это было движеніе въ иной сферѣ и что гуманисты главнымъ образомъ преслѣдовали только свои литературныя и научныя цѣли, къ интересамъ же церкви, къ ея злоупотребленіямъ, къ ея нравственной и догматической порчѣ относились или равнодушно, или, самое большее,— отрицательно. Поэтому настоящей причины реформаціи надо искать въ совокупности вообще всѣхъ условій и явленій тогдашней жизни, въ состояніи католической церкви, политическомъ строѣ Германіи, настроеніи общества и, наконецъ, характерѣ самихъ реформаціонныхъ дѣятелей. Вотъ, если сообразимъ всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ, то и понятно станетъ, отчего въ началѣ XVI в. достаточно было самаго незначительнаго повода и выступленія противъ папизма, даже и не геніальнаго, а только умнаго, честнаго и энергичнаго человѣка, какимъ былъ Лютеръ, чтобы простой академическій споръ, начатый имъ въ это время съ доминиканскими монахами объ индульгенціяхъ, повелъ за собою такой міровой переворотъ, какъ распаденіе единства Западной церкви.

III. Реформація въ Германіи.

Въ ряду источниковъ по исторіи реформаціи въ Германіи на первомъ планѣ должны быть поставлены сочиненія самихъ реформаторовъ— Лютера (изданныя Walch'омъ въ Галле, 1740—52 г., въ 24 ч., потомъ Plochmann'омъ и Irmischer'омъ въ Эрлангенѣ, 1826—57,67 гг.; новое критическое изданіе всѣхъ его сочиненій („Luthers Werke. Kritische Gesammtausgabe") предпринято было по случаю 400-лѣтняго юбилея со дня рожденія реформатора подъ редакціей Knaacke, Kawerau и Bertcau; письма-же Лютера изданы de-Wette и Seidemann'омъ подъ заглавіемъ: „Luthers Briefe, Sendschreiben und Bedenken. Berlin. 1825—56. 6 v.; ср. Analecta Lutherana et Melanchthoniana. Tischreden Luthers und Aussprüche Melanchthons..., mit Benutzung von Seidemann's Vorarbeiten

ныхъ, авторъ извѣстной поэмы „Ligurinus", на которую другіе смотрѣли какъ на произведеніе начала XIII ст.), Пиркгеймеръ, Певтингеръ (отъ имени котораго получила свое названіе „Tabula Peutingeriana") и проч. Б.

hrsg. und erläutert von G. Lösche. Gotha. 1892), затѣмъ Меланхтона (см. „Corpus Reformatorum“. Halle. 1834—60. 1—28 v.) и другихъ. Что же касается историковъ реформаціи, современныхъ ей, каковы Слейданъ („Commentarii de statu religionis et reipublicae Carolo V Caesare“: о нихъ на русск. яз. есть ст. В. В. Баусра. Ж. М. Н. Пр., 1874, перепеч. во II т. его „Лекцій по нов. ист.“), Спалатинъ („Annales Reformationis“), Миконій (Historia Reformationis“, отъ 1517 до 1542), Сурій („Commentarius brevis rerum suo tempore... gestarum ab a. 1510 usque ad 1566), и біографовъ Лютера (какъ, напр. Меланхтонъ, Матезій, Ратцебергеръ, Кохлей. о которомъ—монографія Spahn'a, Joh. Cochläus, Berl. 1898) и Меланхтона (напр. Камерарій), то со времени появленія первыхъ трудовъ Ранке авторитетъ ихъ значительно палъ. и изслѣдователи обратились преимущественно къ матеріалу архивному. Изъ изданій документальныхъ памятниковъ, имѣющихъ отношеніе къ исторіи нѣмецкой реформаціи, можно назвать напр.: Förstemann, „Neues Urkundenbuch zur Geschichte der evangelischen Kirchen-Reformation“. Hamb. 1842; Balan, „Monumenta reformationis Lutheranae“. 1883—4: „Urkundenbuch zur Reformationsgesch. des Herzogthums Preussen“, hrsg. von Tschackert I—III. Leipz. 1890 („Publikat. aus den Kön. Preussisch. Staatsarchiv.“); донесенія папскихъ нунціевъ изъ Германіи („Nuntiaturberichte aus Deutschland 1533—1585 nebst ergänzenden Actenstücken“. 1892 сл.), издав. Прусскимъ Историческимъ Институтомъ въ Римѣ и Прусскимъ Архивнымъ Управленіемъ совмѣстно съ Австрійскимъ Институтомъ въ Римѣ (Instituto Austriaco di studi storici); Otto Clemen. „Beiträge zur Reformationsgesch. aus Büchern und Handschriften der Zwickauer Ratschulbibliothek“. Berlin. 1908, сл.; „Archiv für Reformationsgesch. Texte und Untersuchungen“, hrsg. von Friedensburg (изданіе, только-что предпринятое), и проч. Объ источникахъ, касающихся Карла V, см. далѣе.

Изъ пособій прежде всего надо отмѣтить трудъ Ranke: „Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation“, написанный главнымъ образомъ на основаніи дотолѣ неизвѣстнаго, архивнаго матеріала: хотя „изображеніе колоссальной духовной борьбы, составляющей основное явленіе эпохи, у Ранке часто теряется въ массѣ политическихъ подробностей и эпизодовъ“, но зато тутъ впервые „обстоятельно указана связь религіознаго движенія съ національными германскими интересами и вообще съ политической исторіей эпохи“. Затѣмъ, кромѣ упомянутаго раньше Гейссера, въ нѣмецкой исторической литературѣ можно указать еще на Janssen, „Geschichte des deutschen Volkes seit dem Ausgang des Mittelalters“ (нѣсколько изданій съ 1876), гдѣ господствуетъ ультрамонтанская точка зрѣнія; на Lamprecht, „Deutsche Geschichte“ (начиная съ 5-го т., 1894 сл.), гдѣ преобладаетъ описаніе быта и хозяйственныхъ отношеній; на G. Weber. „Zur Geschichte des Reformations-Zeitalters“, 1874, и на новѣйшіе труды Bezold'a: „Geschichte der deutschen Reformation“ (Berlin, 1886, въ сборникѣ Онкена, „Allgem. Gesch. in Einzeldarstellungen“, самое лучшее пособіе по исторіи нѣмецкой реформаціи: есть и въ русск. перев. Спб. 1900. 2 т.), и Egelhaaf'a. „Deutsche Geschichte im 16 Jahrh. bis zum Augsburger Religionsfrieden“, Stuttgart, 1885 (въ „Bibliotek deutscher Geschichte“); во французской литературѣ — Merle d'Aubigné, „Histoire de la Réformation au XVI siècle“. Paris 1853. 5 v (довольно, впрочемъ, поверхностная), въ англійской — Fisher, „The Reformation“. London. 1873; Бардъ, „Реформація XVI в. въ ея отношеніи къ новому мышленію и знанію“ (пер. съ англ.). Спб. 1897. Біографіи Лютера—Jürgens'a („Luther's Leben“. 1846. 3 v., оканчивается 1517 г.), Köstlin'a („Martin Luther. sein Leben und seine Schriften“. Elberfeld. 1875 [1-ое изд.], 2 v.).

Max'a Lenz'a („Luther". Berlin. 1883; 3-е изд.—1897), Kolde („Martin Luther". Gotha. 1893), Arn. Berger'a („Martin Luther in kulturgesch. Darstellung". Berlin. I—II. 1895—8), Mart. Rade („Dr. Mart. Luthers Leben, Thaten und Meinungen auf Grund reichlicher Mitteilungen aus seinen Briefen und Schriften dem Volke erzählt". Tübingen-Leipz. 1902; впервые изд. въ 1883, подъ псевдонимомъ Paul Martin); см. еще Ernst Schäfer, „Luther als Kirchenhistoriker". Gütersloh. 1897. На русскомъ языкѣ см. изслѣдованіе Новикова, „Гусь и Лютеръ". М. 2 ч. 1859; статьи М. Д. Смирнова, „Вліяніе Лютера на нравы и религіозную жизнь нѣмецкаго народа" (въ „Прав. Обозр." 1887 г., сент. и слѣд.) и друг. Б.

Лютеръ.

Лютеръ родился въ 1483 г. и происходилъ изъ простого и бѣднаго крестьянскаго семейства, жившаго въ небольшомъ тюрингенскомъ городкѣ Эйслебенѣ [1]) и зарабатывавшаго себѣ средства къ жизни обыкновенной поденной работой. Отецъ его, простой рудокопъ, былъ однако человѣкъ грамотный, и отчасти этимъ обстоятельствомъ объясняется его мысль—приготовить для сына болѣе видную карьеру путемъ образованія: онъ хотѣлъ сдѣлать его юристомъ. Вслѣдствіе этого онъ отдаетъ мальчика въ школы то города Мансфельда (куда изъ Эйслебена переселилось семейство Лютера), то Магдебурга и Эйзенаха, и, наконецъ, въ эрфуртскій университетъ. Впрочемъ, бѣдняку Лютеру большею частью приходилось самому себѣ прокладывать дорогу въ жизни посреди нищеты и лишеній. Ему однако удалось пройти полный курсъ школьнаго и университетскаго образованія. Изъ этого ученія онъ вынесъ первое порядочное знакомство съ гуманизмомъ, но въ особенности — солидныя познанія въ богословіи, которое онъ изучалъ по особому влеченію и притомъ не по старой системѣ схоластиковъ, но прямо изъ самыхъ источниковъ — библіи и отцовъ церкви. Особенно сильно онъ проникся ученіемъ блаженнаго Августина о единоспасающей и всеисцѣляющей силѣ благодати, единственно путемъ которой, а не личными заслугами, человѣкъ можетъ достигнуть нравственнаго совершенства въ этой жизни и спасенія въ будущей. Происхожденіе и воспитаніе Лютера.

Вотъ жизнь Лютера до поступленія его въ духовное званіе. Здѣсь достойны вниманія преимущественно слѣдующія черты: во-первыхъ, то обстоятельство, что это былъ человѣкъ, выросшій среди простого народа, стало быть, близко знакомый съ его

---

[1]) Родители Лютера были родомъ собственно изъ деревни Мёры (Möhra), близъ Альтенштейна, въ Тюрингіи; Эйслебенъ же былъ ихъ временнымъ мѣстопребываніемъ. Б.

нуждами и интересами и живо принимавшій ихъ къ сердцу; во-вторыхъ, это былъ человѣкъ, воспитавшійся на современномъ гуманизмѣ и, слѣдовательно, могшій разсчитывать на поддержку всѣхъ гуманистовъ, руководившихъ въ то время общественнымъ мнѣніемъ. Впрочемъ, не смотря на эту гуманистическую подкладку своего образованія, Лютеръ сначала былъ добрымъ католикомъ, доказательствомъ чего можетъ служить самый фактъ

Лютеръ монахъ.

поступленія его со студенческой скамьи въ августинскій эрфуртскій монастырь (1505 г.). Главнымъ побужденіемъ къ такому шагу было стремленіе къ нравственному совершенству, котораго онъ думалъ достигнуть этимъ путемъ. Онъ думалъ тогда, что только въ стѣнахъ монастыря можно пріобрѣсти это совершенство. И дѣйствительно, едва-ли когда-либо древнія стѣны эрфуртской обители видѣли такого самоотверженнаго инока, какимъ былъ Лютеръ. Онъ, такъ сказать, провѣрилъ и испыталъ на себѣ всѣ тѣ средства внѣшняго благочестія, какія средневѣковый католицизмъ рекомендовалъ людямъ, ищущимъ нравственнаго совершенства: строгіе посты, бичеваніе, созерцательная жизнь, — все это было испробовано имъ. Но его все-таки не оставляли грѣховныя мысли. Вотъ въ этомъ и надо искать первыхъ зародышей его сомнѣній въ догматической состоятельности средневѣковой церкви.

Лютеръ въ Виттенбергѣ.

Таковъ уже былъ Лютеръ внутренно, когда въ 1508 году получилъ приглашеніе занять каѳедру богословія въ новооснованномъ тогда виттенбергскомъ университетѣ. Здѣсь, въ кругу единомышленныхъ съ нимъ друзей и товарищей, изъ которыхъ впослѣдствіи особенно большую роль игралъ Филиппъ Меланхтонъ, Лютеръ окончательно усвоилъ себѣ направленіе, пробудившееся нѣкогда въ немъ еще въ стѣнахъ монастыря; а случайное путешествіе въ Римъ, которое онъ предпринялъ въ скорости по дѣламъ своего ордена, дало ему возможность познакомиться, такъ сказать, наглядно съ образомъ жизни римскаго духовенства и съ состояніемъ римской церкви и укрѣпить свое крайнее убѣжденіе въ необходимости ея преобразованія. Таковъ былъ будущій историческій дѣятель, когда въ 1517 году представился ему случай вступить съ старой церковью въ открытое столкновеніе. Случай этотъ — производившаяся тогда продажа индульгенцій.

Индульгенціи.

Право раздавать индульгенціи вѣрующимъ папы основывали на одномъ средневѣковомъ ученіи о такъ наз. „Thesaurus meritorum superabundantium", т.-е. о „сокровищѣ преизобилующихъ заслугъ". Ученіе это состояло въ томъ, что для спасенія

человѣческаго рода совершенно достаточно было одной драгоцѣнной капли крови Спасителя. Но такъ какъ Іисусъ Христосъ своею крестною смертію пролилъ всю свою кровь и отдалъ всю жизнь для спасенія человѣчества, да, кромѣ того, пострадало за вѣру и много святыхъ мужей и подвижниковъ, то все это сокровище ихъ преизобилующихъ заслугъ, какъ неисчерпаемый источникъ благодати духовнаго цѣленія, находится въ распоряженіи церкви и, прежде всего, главы ея—папы. Изъ этого-то сокровища папы и могутъ раздавать вѣрующимъ частицы, исцѣляя ихъ такимъ образомъ отъ ихъ душевныхъ недуговъ, т.-е. грѣховъ. Таковы были теологическія основы этого обычая, но въ сущности, разумѣется, это было не что иное, какъ одинъ изъ тѣхъ многоразличныхъ путей, которыми пользовалась курія для денежной эксплуатаціи вѣрующихъ, и индульгенціи съ теченіемъ времени обратились просто въ предметъ выгодной торговли. Но, быть можетъ, ни одна индульгенція не сопровождалась такимъ скандаломъ, какъ та, которая была обнародована въ 1517 г. Тогдашній примасъ Германіи, майнцскій архіепископъ Альбрехтъ, задолжалъ римскому двору значительную сумму денегъ за свой палліумъ, т.-е. за поставленіе въ архіепископскій санъ. Но не будучи въ состояніи самъ выплатить этихъ денегъ, онъ сдѣлалъ заемъ у аугсбургскаго торговаго дома Фуггеровъ [1]) и такимъ образомъ уплатилъ святому престолу должную сумму, получивъ за это отъ папы для покрытія долга Фуггерамъ на откупъ „германскіе грѣхи", т.-е. распоряженіе продажей тогдашней индульгенціи. Папскіе коммиссары, доминиканскіе монахи съ Тецелемъ [2]) во главѣ, которымъ была поручена эта продажа, ѣздили по Германіи въ сопровожденіи агентовъ конторы Фуггеровъ, и эти агенты всѣ вырученныя отъ такой торговли деньги прямо отсылали своему хозяину. Разумѣется, это должно было въ высшей степени возбудить негодованіе всѣхъ благомыслящихъ людей, и когда Тецель появился въ окрестностяхъ Виттенберга, то въ числѣ другихъ возставшихъ подалъ свой голосъ и Лютеръ. 31 октября, наканунѣ праздника „Всѣхъ Святыхъ" онъ прибилъ къ воротамъ соборной виттенбергской церкви 95 тезисовъ, въ которыхъ, не нападая на право папы раздавать индульгенціи, просто высказался противъ наглой без-

Тезисы.

[1]) Ehrenberg, „Das Zeitalter der Fugger". Jena 1896. 2 Bde; Häbler, „Die Stellung der Fugger zum Kirchenstreite des XVI Jahrh." (Histor. Vierteljahrschr., 1899); его-же, „Die Gesch. der Fuggerschen Handlung" (Socialgesch. Forschungen hrsg. von Bauer und Hartmann). Weimar. 1897. Б.

[2]) Paulus, „Joh. Tetzel, der Ablessprediger". Mainz. 1899; „Dokumente zum Ablassstreit von 1517", hrsg. von Köhler. Tübingen. 1903. Б.

совѣстности самихъ продавцовъ. Протестъ этотъ былъ не что иное, какъ вызовъ на публичный диспутъ, путемъ котораго Лютеръ надѣялся рѣшить вопросъ, казавшійся ему спорнымъ.

Полемика по поводу тезисовъ.

Но какъ ни умѣренъ былъ этотъ протестъ, все-таки онъ произвелъ въ кругу духовенства и особенно монаховъ, доминиканскихъ и францисканскихъ, страшную тревогу. Посыпались на тезисы возраженія, написанныя большею частью въ раздражительномъ и ѣдкомъ тонѣ, такъ-что Лютеръ, тогда еще вовсе и не мечтавшій о возстаніи противъ папы и римской церкви, вдругъ объявленъ былъ еретикомъ. Тогда въ отвѣтъ на поднявшуюся полемику и въ видѣ разрѣшенія поднятыхъ имъ же вопросовъ онъ издалъ другое полемическое сочиненіе подъ именемъ „Резолюцій", въ которомъ, тоже еще соблюдая всѣ признаки покорности церковной власти, однако уже открыто высказалъ ту мысль, что ни папа, ни сама церковь не имѣютъ никакого права прощать грѣхи, что для прощенія надо прежде всего раскаяніе, и что церковь и ея представители могутъ только возвѣстить это прощеніе раскаявшемуся грѣшнику. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ сочиненіи Лютеръ высказываетъ уже мысль объ общемъ преобразованіи церкви.

Переговоры Лютера съ папскими уполномоченными.

Когда такимъ образомъ разгорѣлся этотъ споръ, нашедшій въ Германіи широкій отголосокъ, потому-что умы здѣсь были уже настроены къ церковной реформѣ, то и Римъ счелъ необходимымъ подать свой голосъ. По настоянію враговъ Лютера, Левъ X издалъ декретъ, въ которомъ говорилось, что такъ какъ возникли сомнѣнія въ правовѣріи Лютера, то онъ долженъ явиться къ отвѣту въ Римъ. Но для Лютера ѣхать въ Римъ среди ожесточенія, съ какимъ встрѣченъ былъ его первый шагъ, значило бы идти на вѣрную гибель. Къ счастію, реформаторъ нашелъ покровителя. То былъ курфюрстъ саксонскій, Фридрихъ Мудрый [1]. Фридрихъ былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ нѣмецкихъ князей, и такъ какъ въ скоромъ времени ожидали кончины Максимильяна и затѣмъ избранія новаго императора, то въ виду этого обстоятельства голосъ такого сильнаго и умнаго князя долженъ былъ имѣть большое значеніе для папы. Поэтому, когда Фридрихъ заявилъ о своемъ желаніи, чтобы дѣло Лютера было разсмотрѣно на мѣстѣ, т.-е. въ Германіи, то курія не могла отказать ему въ этомъ. Для разслѣдованія дѣла присланъ былъ изъ Рима знаменитый схоластическій ученый вѣка, кардиналъ

[1] Kolde, „Friedrich der Weise und die Anfange der Reformation". Б.

Каетанъ, но такъ какъ этотъ гордый прелатъ вмѣсто того, чтобы добиться отъ Лютера отреченія путемъ какихъ-нибудь соглашеній и доводовъ, прямо требовалъ отъ него покорности, какъ долга, то и не имѣлъ никакого успѣха. Левъ X долженъ былъ прибѣгнуть къ другимъ, болѣе дипломатическимъ средствамъ. Онъ послалъ теперь въ Германію одного изъ своихъ камергеровъ, барона фонъ-Мильтица, который, какъ саксонецъ родомъ, какъ землякъ Лютера. могъ скорѣе поладить съ нимъ. Дѣйствительно, Мильтицъ своимъ вкрадчивымъ обращеніемъ обворожилъ Лютера, польстивъ его самолюбію и указывая главнымъ образомъ на то, что непреклонное его упорство могло повести къ большому волненію въ родной странѣ и сдѣлаться причиною многихъ несчастій для христіанъ. Удовлетворенный въ своей гордости, Лютеръ согласился молчать, но только съ тѣмъ условіемъ, что и его противники также замолкнутъ; мало того,—онъ даже согласился написать къ папѣ извинительное письмо въ чрезвычайно раболѣпномъ тонѣ.

Такъ дѣло пока и замялось, и реформа западной церкви отодвинулась бы, можетъ быть, на долгое время, если бы сами противники Лютера не нарушили только-что возстановленное спокойствіе. Ингольштадтскій профессоръ Экъ, одинъ изъ знаменитыхъ диспутантовъ своего времени, человѣкъ, гордившійся 24 побѣдами на публичныхъ диспутахъ, не могъ равнодушно сносить той извѣстности, какую пріобрѣлъ Лютеръ своимъ смѣлымъ поступкомъ, и вызвалъ его [1]) на публичный споръ, который и назначенъ былъ въ Лейпцигѣ. Лейпцигскій диспутъ.

Такимъ образомъ Лютеръ поставленъ былъ въ необходимость поднять брошенную перчатку, и въ 1519 г. Лейпцигскій диспутъ дѣйствительно состоялся [2]). Онъ происходилъ при самой торжественной обстановкѣ, при безчисленномъ стеченіи публики. Студенты всѣхъ почти нѣмецкихъ университетовъ большими партіями, вооруженные пиками и алебардами, прибыли въ Лейпцигъ. Продолжался диспутъ цѣлыя двѣ недѣли. Главнымъ предметомъ спора между Лютеромъ и его противникомъ сдѣлался вопросъ о главенствѣ папъ, стало быть,—одинъ изъ самыхъ важныхъ и щекотливыхъ, такъ-что мало-по-малу онъ вовлекъ въ кругъ преній и всѣ почти другіе поднятые реформаціей вопросы.

Диспутъ кончился ничѣмъ или, правильнѣе,—еще большимъ

[1]) Собственно говоря, Экъ вызвалъ тогдашняго единомышленника Лютера, Карлштадта, но косвеннымъ образомъ затронутъ былъ и Лютеръ. Б.

[2]) „Der autentische Text der Leipziger Disputation von 1519“. hrsg. von Otto Seitz; на русск. яз. объ этомъ диспутѣ—ст. А. М. Ловягина, въ Ж. М. Н. Пр., 1896, дек. Б.

раздраженіемъ спорящихъ сторонъ. Каждая приписывала себѣ побѣду, и Экъ, увѣренный въ своемъ торжествѣ, такъ неумѣренно трубилъ повсюду о своей побѣдѣ, что Лютеръ снова выведенъ былъ изъ себя и обнародовалъ знаменитое свое посланіе „къ Императорскому Величеству и христіанскому дворянству нѣмецкой націи о реформѣ церкви“ (1520 г.). Въ этомъ сочиненіи [1]) онъ говоритъ сначала, что римская церковь для того, чтобы избѣжать преобразованія, окружила себя тройными стѣнами: если реформы требуютъ свѣтскіе государи, церковь отвѣчаетъ, что свѣтская власть не имѣетъ права мѣшаться въ церковныя дѣла; если же требуютъ на основаніи библіи, то она говоритъ, что никто, кромѣ нея, не имѣетъ права объяснять библію; если же требуютъ реформы посредствомъ вселенскихъ соборовъ, то церковь отвѣчаетъ, что одинъ папа имѣетъ право созывать эти соборы и руководить ими. Затѣмъ Лютеръ указываетъ на всѣ, по его мнѣнію, искаженія христіанской вѣры, вкравшіяся въ ученіе и устройство Западной церкви,—частныя обѣдни, устную исповѣдь, поклоненіе мощамъ и реликвіямъ, призываніе святыхъ, благочестивыя странствованія, вклады и монашество, словомъ на всѣ тѣ учрежденія, для которыхъ основъ нѣтъ въ Св. Писаніи и которыя покоятся на церковномъ преданіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рисуетъ нравы и пороки тогдашнихъ нѣмцевъ. Онъ разоблачаетъ тѣ хитрые пути, которыми духовенство выманиваетъ деньги у христіанъ. Наконецъ слѣдуетъ энергичное воззваніе къ императору и имперскимъ властямъ о прекращеніи такой постыдной эксплуатаціи и исправленіи попранной нравственности христіанской. Это былъ уже полный разрывъ реформатора со старой церковью и отчасти программа самой ея реформы.

Посланіе къ христіанскому дворянству нѣмецкой націи».

Сожженіе папской буллы.

Послѣ этого Риму не оставалось ничего другого, какъ отлучить Лютера отъ церкви. Осудительная папская булла объявляла сочиненія Лютера еретическими, а имперскимъ властямъ предписывалось истребить ихъ посредствомъ публичнаго сожженія; самому же Лютеру и его единомышленникамъ данъ 60-дневный срокъ, въ теченіе котораго они должны отречься отъ своихъ ученій; въ противномъ случаѣ имперскія власти должны были представить ихъ къ отвѣту въ Римъ. Лютеръ же съ своей стороны отвѣтилъ на это тѣмъ, что эту самую буллу вмѣстѣ съ папскими декреталіями и нѣсколькими сочиненіями своихъ враговъ, выйдя за городъ, всенародно сжегъ. Такимъ образомъ въ 1520 г. между

[1]) Его можно найти, кромѣ „Собранія сочиненій“ Лютера, въ книгѣ, изданной Lemme подъ заглавіемъ: „Die drei grossen Reformationsschriften Luther's von Jahre 1520“. 1884. Объ этомъ посланіи—книга Kohler'a (Halle). В.

реформаторомъ и старой церковью дѣло уже дошло до окончательнаго разрыва.

Избраніе Карла въ императоры.

Но въ то самое время, какъ богословы германскіе собирались въ Лейпцигѣ для рѣшенія важнаго вопроса о главенствѣ папы, нѣмецкіе курфюрсты и князья съѣзжались во Франкфуртъ на Майнѣ для рѣшенія не менѣе важнаго вопроса,—кому быть главою имперіи по смерти Максимильяна [1]). Послѣ долгихъ преній выборъ ихъ склонился въ пользу юнаго Карла V. Теперь, стало быть, дальнѣйшій успѣхъ преобразованія церкви зависѣлъ отъ того, какъ посмотритъ новый императоръ на начинавшееся движеніе и какъ онъ къ нему отнесется. Необходимо, слѣдовательно, познакомиться какъ съ личностью Карла V, его характеромъ и политическими планами, такъ вмѣстѣ и съ интересами страны, которою онъ призванъ былъ управлять; болѣе же всего необходимо рѣшить вопросъ,—совпадали ли личные планы императора съ съ дѣйствительными потребностями тогдашней Германіи и Европы, и если не совпадали, то чѣмъ окончилось ихъ столкновеніе.

Карлъ V.

Источниками для знакомства съ личностью и исторіею Карла V служатъ современные ему историки-біографы, каковы Sepulveda („De rebus gestis Caroli V Imperatoris et Regis Hispaniarum") и Sandoval (на испанск. яз.: „Vita y hechos del Emperador Carlos V"), автобіографія самого императора („Commentaires de Charles Quint", издан. Kervyn de Lettenhove, 1862, Bruxelles; объ этой автобіографіи, какъ источникѣ,—у Ranke въ 6-мъ т. его „Deutsche Gesch. im Zeitalter der Reformation"; Otto Waltz, „Die Denkwürdigkeiten Kaiser Karls V". Bonn. 1901; а на русск. яз. см. статью въ „Русск. Вѣстн.", 1862), а особенно—Венеціанскія реляціи, корреспонденція Карла (изданная Ланцемъ, 1844. въ 3 т.; см. его-же „Staatspapiere zur Geschichte Karls V", 1845), переписка съ нимъ его духовника („Briefe an Kaiser Karl V geschrieben von seinem Beichtvater in den Jahren 1530—32", изд. Heine. 1848), „Monumenta Habsburgica" (Wien, 1855), „Deutsche Reichstagsacten unter Kaiser Karl V", изд. Историческою Коммиссіею при Баварской Акад. Наукъ (1893 сл.), и друг. документальные. архивные памятники. Изъ пособій, не говоря уже объ извѣстномъ трудѣ Робертсона, теперь ужъ совершенно устарѣвшемъ,—см. монографію о Карлѣ V Baumgarten'a („Geschichte Karls V", 1885 и слѣд., за смертью автора неоконч.). Armstrong, „The emperor Charles V", труды Минье, „Charles Quint, son abdication. son sejour et sa mort au monastère de Juste" (1854) и „Rivalité de Charles V et de François I" (въ „Revue des Deux Mondes", 1866. изд. и отдѣльно въ 1875 г.): Gachard, „Retraite et Mort de Charles Quint"; Pichot, „Charles Quint, chronique de sa vie intérieure et de sa vie politique" etc. 1854; Gossart, „Charles Quint et Philippe II". Brux. 1896, Stirling, „The closter life of Charles the fifth" 1852

[1]) Ulmann. „Kaiser Maximilian I". Stuttg. 1884—1891. 2 B-de.

(есть нѣмец. перев. Линдау, 1853). Характеристику Карла можно найти и у Ранке: „Die Osmanen und die Spanische Monarchie“. На русск. яз.—ст. Кудрявцева: „Карлъ V“ (въ „Русск. Вѣстн.“, 1856, и во 2-мъ т. его „Сочин.“, М. 1887); Мих. Юрьевъ, Карлъ V и его время. Б.

...дственныя ...тношенія Карла V.

Карлъ V по отцу своему, эрцгерцогу Филиппу Австрійскому, доводился внукомъ императору Максимильяну и Маріи Бургундской, дочери и единственной наслѣдницѣ послѣдняго бургундскаго герцога изъ дома Валуа, Карла Смѣлаго, а по матери, Хуанѣ Кастильской, онъ былъ внукъ Фердинанда Католика, короля аррагонскаго, и Изабеллы Кастильской. Такъ какъ Филиппъ умеръ въ ранней молодости, а Хуана, у которой и раньше проявлялись признаки психической болѣзни—тяжелой меланхоліи—, впослѣдствіи совсѣмъ помѣшалась [1]), то и все громадное наслѣдство, явившееся результатомъ этихъ родственныхъ отношеній, должно было достаться Карлу V, брату его Фердинанду и сестрѣ Маріи. Но по фамильнымъ законамъ Испанскаго и Габсбургскаго дома Карлъ, какъ старшій въ семьѣ, имѣлъ исключительное право на это наслѣдство. Такимъ образомъ 19-лѣтнему юношѣ достались: Испанія, всѣ ея многочисленныя и богатыя колоніи за океаномъ, Неаполь съ Сициліей, Нидерланды, какъ родовая земля Бургундскаго дома; затѣмъ Габсбургскія нѣмецкія земли: Австрія, Каринтія, Штирія, Тироль, Силезія, и такъ какъ братъ Карла, Фердинандъ, посредствомъ брака съ Анною, сестрою послѣдняго чехо-венгерскаго короля Людовика, пріобрѣлъ себѣ Чехію и Венгрію, то и эти земли, если и не прямо подчинены были Карлу V, то все-таки находились подъ сильнымъ его вліяніемъ. Кромѣ того, въ 1535 году завоеванъ былъ Карломъ Тунисъ и отданъ въ ленъ бывшему правителю этой страны, Мулей-Гассану. Затѣмъ герцогство Флорентійское, правителемъ котораго онъ посадилъ Александра Медичи, находилось отъ него тоже въ ленной зависимости. А къ концу своего правленія, вслѣдствіе упорныхъ 4 войнъ, завоевалъ онъ у французовъ и Верхнюю Италію. Наконецъ судьбой и силами Германіи онъ располагалъ, какъ ея избранный императоръ. Вотъ тѣ земли, которыя по наслѣдственнымъ правамъ и въ силу брачныхъ союзовъ, отчасти же путемъ завоеванія или же вслѣдствіе избранія, достались Карлу V. Недаромъ панегиристы того времени говорили о державѣ Карла, что въ ней никогда не заходитъ солнце. Дѣйствительно, это было политическое могущество,

...го владѣнія.

[1]) Comte Ch. de Mouy, „Jeanne la Folle“ (Rev. des Deux Mondes, 1898, 15 oct). Б.

какого Европа не видѣла еще со времени Римской имперіи. Тѣмъ не менѣе государство это, хотя и весьма обширное по своему составу, было довольно слабо по своимъ внутреннимъ отношеніямъ, т.-е. по тѣмъ связямъ, крайне непрочнымъ, которыя соединяли его разнохарактерныя части. Дѣйствительно, между частями этими, кромѣ личности государя, да кромѣ единства религіи, не было почти ничего общаго: ни общихъ интересовъ, ни общей народности, которая связывала бы въ одинъ организмъ этотъ разноплеменный конгломератъ земель и владѣній. Для такой державы нуженъ былъ и правитель, который бы по своему характеру и убѣжденіямъ соотвѣтствовалъ подобному составу. Такимъ правителемъ дѣйствительно и былъ Карлъ V.

Уже по самому акту своего рожденія Карлъ собственно не принадлежалъ ни къ какой націи, такъ какъ въ крови его одинаково имѣлись элементы нидерландскіе, испанскіе и нѣмецкіе. Если, съ одной стороны, веселый и безпечный нравъ, нарушаемый иногда припадками наслѣдственной меланхоліи, неусыпная дѣятельность, энергія и сила воли были какъ-бы элементами фламандскими, то зато строгая ревность къ католической церкви, величавое и гордое спокойствіе и полное сознаніе своего достоинства были такими чертами, которыя прямо унаслѣдованы были имъ отъ испанскаго народнаго типа. Пожалуй, въ этой смѣси разнородныхъ началъ нѣкоторый перевѣсъ имѣли фламандскія, такъ какъ Карлъ родился въ Гентѣ (въ 1500 г.), воспитывался въ Брюсселѣ подъ вліяніемъ своей тетки, Маргариты Австрійской, которая, несмотря на свою скромную роль правительницы Нидерландовъ, была одно время душою европейской политики. Характеристика Карла.

Въ числѣ наставниковъ Карла кардиналъ Утрехтскій, бывшій впослѣдствіи папою подъ именемъ Адріана VI, и Гаттинара играли главную роль. Люди эти сдѣлали изъ своего питомца прежде всего ревностнаго католика, искуснаго дипломата и государственнаго человѣка, тѣмъ болѣе, что нидерландскій дворъ, въ которомъ лежалъ тогда узелъ западно-европейской политики, былъ превосходною школою для подобнаго воспитанія. Но общечеловѣческаго образованія юному питомцу почти не было дано, такъ какъ гуманистическія науки, которыя могли бы способствовать подобному развитію, воспитателями были замѣтно пренебрежены. Зато они внушили Карлу большой интересъ къ тогдашней итальянской политической литературѣ, и Макіавелли напр. сдѣлался его любимымъ авторомъ; по этому писателю онъ преимущественно образовалъ свои политическіе взгляды. Такъ, въ силу

своего происхожденія, затѣмъ еще болѣе въ силу даннаго ему воспитанія Карлъ сдѣлался какимъ-то отвлеченнымъ правителемъ, руководившимся въ своей дѣятельности политическою теоріею, почерпнутою отчасти изъ итальянской государственной литературы, частью же изъ тѣхъ задачъ, которыя вытекали изъ принятія императорской короны. У этого человѣка въ строгомъ смыслѣ не было отечества: интересы фламандцевъ, испанцевъ и другихъ подвластныхъ ему народовъ, были ему одинаково чужды, и, не принимая ихъ къ сердцу, онъ могъ относиться къ нимъ именно только съ точки зрѣнія своей политической системы. Какъ не было у него отечества, такъ не было и семейства: съ теткой своей, Маргаритой, онъ не былъ никогда близокъ; отца лишился въ раннемъ дѣтствѣ; мать была помѣшана; съ братомъ Фердинандомъ и сестрою Маріею онъ тоже не могъ сблизиться, потому что со времени своего императорства всю жизнь провелъ въ разъѣздахъ по своимъ владѣніямъ и поэтому рѣдко живалъ съ ними подолгу. Отсюда выработался сосредоточенный, недовѣрчивый и отчасти мечтательный характеръ Карла, особенно подъ конецъ его жизни, такъ-что и самые близкіе къ нему люди, какъ секретарь Гранвелла, братъ Фердинандъ, никогда не были посвящены во всѣ тайны его политики и его задушевныхъ плановъ.

Его внутренняя политика.

Что касается характера и задачъ внутренней политики, то Карлъ былъ приверженцемъ итальянскихъ государственныхъ идей, которыя онъ вынесъ изъ своего воспитанія. Идея абсолютной монархіи или, правильнѣе, государственной тираніи въ томъ смыслѣ, въ какомъ она практиковалась тогда въ Италіи, стояла у него на первомъ планѣ. Уже по этому одному онъ могъ сдѣлаться—и дѣйствительно является вездѣ—строгимъ абсолютистомъ, относившимся враждебно къ свободнымъ учрежденіямъ, еще уцѣлѣвшимъ кое-гдѣ отъ среднихъ вѣковъ. Такъ въ 1521 г. онъ подавилъ возстаніе кастильскихъ коммунеровъ, т. е. городовъ, пользовавшихся значительными остатками средневѣковой автономіи. Точно также онъ лишилъ кастильскіе кортесы, т.-е. представительныя собранія, всякаго дѣйствительнаго значенія [1]). Подавивъ такимъ образомъ свободу на Пиренейскомъ полуостровѣ, онъ отнесся почти также и къ свободнымъ учрежденіямъ Нидерландовъ. Въ этой странѣ, правда, уцѣлѣли еще при немъ

[1]) В. К. Пискорскій, „Кастильскіе кортесы въ переходную эпоху отъ средн. вѣк. къ нов. врем. (1188—1520)". Кіевъ. 1897; его-же, „Исторія Испаніи и Португаліи". Спб. 1902 (въ кол. „Исторія Евр. по эпохамъ и странамъ", изд. подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго). В.

генеральные и провинціальные штаты, вѣдавшіе какъ областные, такъ и государственные интересы страны. Но Карлъ никогда не позволялъ этимъ представительнымъ сеймамъ отклоняться отъ общей политической программы, которой онъ держался, и каждое отступленіе отъ нея строго наказывалъ. Примѣромъ можетъ служить возстаніе Гента въ 1539 г., подавленное имъ кровавыми мѣрами, не взирая на то, что этотъ городъ былъ его родиной. Также и въ Германіи политика Карла направлена была къ тому, чтобы не смотря на избирательную капитуляцію, ограничившую его права въ этой странѣ, забрать въ свои руки управленіе имперскими дѣлами. Имперскіе князья при самомъ его избраніи, въ виду его необыкновеннаго политическаго могущества, озаботились, правда, ограничить новаго императора особыми условіями, которыя онъ долженъ былъ подписать при своемъ избраніи. Но Карлъ мало стѣснялся этими условіями и стремился къ тому, чтобы сосредоточить имперскія дѣла въ рукахъ своихъ намѣстниковъ. Но не только въ предѣлахъ своей державы, — въ Европѣ вообще онъ постоянно поддерживалъ монархическій принципъ. Такъ въ 1531 г. онъ посадилъ во Флорентійской республикѣ Александра Медичи съ званіемъ герцога [1]) и поставилъ его въ ленную зависимость отъ себя; въ Генуѣ также неблагосклонно отнесся къ республиканскому правленію, поддерживая извѣстную фамилію Доріа, стремившуюся къ захвату власти. Однимъ словомъ, Карлъ, по характеру своей внутренней политики, является строгимъ абсолютистомъ и, быть можетъ, это стремленіе онъ простеръ бы и далѣе и уничтожилъ бы и послѣдніе остатки свободныхъ учрежденій въ разныхъ частяхъ своей державы, если бы сама необходимость не заставляла его щадить ихъ еще до времени: съ помощью этихъ представительныхъ собраній ему легче было добывать изъ странъ, ему подвластныхъ, необходимыя войска и деньги для выполненія цѣлей своей внѣшней политики.

Внѣшняя политика.

Что касается внѣшней политики Карла V, то главнѣйшія ея задачи были внушены ему принятіемъ германской императорской короны. Вмѣстѣ съ этимъ актомъ онъ унаслѣдовалъ и всю ту теорію римско-нѣмецкаго императорства, которая одушевляла лучшихъ представителей этого учрежденія въ средніе вѣка. По этой теоріи императоръ считался не только верховнымъ леннымъ государемъ Германіи, но вмѣстѣ и свѣтскимъ главою всего христіанскаго міра, такъ точно, какъ папа былъ его духов-

---

[1]) Титулъ герцога Александръ Медичи получилъ въ слѣдующемъ 1532 г. Б.

нымъ главою. Міръ этотъ представлялся въ воображеніи Карла въ видѣ какого-то громаднаго зданія съ двумя вершинами—императоромъ и папою. Отношенія между этими властями выражались въ томъ, что императоръ былъ защитникомъ церкви, ея спокойствія, безопасности и ея интересовъ. Главнѣйшею обязанностью императора, вытекавшею отсюда, было — охраненіе церкви какъ отъ внѣшнихъ, такъ и отъ внутреннихъ враговъ. Карлъ V очень серьезно понималъ эту свою задачу и даже въ оффиціальныхъ актахъ титуловался всегда „адвокатомъ и покровителемъ римской церкви и Св. престола".

а) Борьба съ турками.

Но разъ усвоивши себѣ такое представленіе о своихъ императорскихъ обязанностяхъ, Карлъ долженъ былъ поставить своею главною задачею защиту христіанскаго міра отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ и прежде всего отъ общихъ враговъ христіанъ — турокъ. Дѣйствительно, одна изъ главныхъ цѣлей его внѣшней государственной дѣятельности—противодѣйствіе угрожающему могуществу турокъ, которое въ первой половинѣ XVI в. достигло своего апогея въ Европѣ. То было время Солимана Великолѣпнаго, когда турки стремились къ завоеванію всей Европы. Они уже завоевали къ этому времени всю переднюю Азію до Евфрата и сѣверныя африканскія государства, а также и нынѣшнюю Румынію. Въ 1526 г. султанъ разбилъ чехо-венгерское войско при Могачѣ, гдѣ погибъ и король Людовикъ; а въ 1529 г. турки подходили къ самой Вѣнѣ. Въ виду такого врага усилія Карла должны были быть направлены къ тому, чтобы дать отпоръ ему, тѣмъ болѣе, что съ этой задачей совпадали и родовые интересы его фамиліи: земли, принадлежавшія его брату, Чехія и Венгрія, были тѣми странами, которыя больше всего подвергались опасности отъ турокъ; также точно Испанія и итальянскія области Карла много терпѣли отъ африканскихъ пиратовъ.

в) Войны съ Франціей.

Вторая задача средневѣковаго императорства состояла въ обладаніи Италіей. Этотъ полуостровъ по средневѣковой политической теоріи считался неотъемлемою принадлежностью Римско-нѣмецкой имперіи. Но въ это время только южная его часть, Неаполь и Сицилія, входила въ составъ державы Карла V; сѣверная же Италія завоевана была французами. И вотъ вторая цѣль усилій императора — вырвать сѣверную Италію изъ рукъ французовъ и подчинить ее своей власти. Отсюда — 4 войны его съ Франціей. Но и здѣсь также, на-ряду съ общимъ побужденіемъ, вытекавшимъ изъ общей программы средне-

вѣковаго императорства, Карлъ руководился и личнымъ интересомъ. Интересъ этотъ объясняется тѣмъ, что изъ самаго своего воспитанія онъ вынесъ заклятую ненависть къ Франціи подъ вліяніемъ тетки своей Маргариты. Маргарита нѣкогда была невѣстой Карла VIII, французскаго короля, но по различнымъ политическимъ соображеніямъ должна была уступить мѣсто Аннѣ Бретанской. Маргарита не могла забыть этой обиды и сохранила постоянную ненависть къ Франціи. Но кромѣ того, Карлъ имѣлъ много и другихъ поводовъ враждебно относиться къ своимъ западнымъ сосѣдямъ. Въ королѣ Франсуа онъ встрѣчалъ постоянно соперника въ своихъ политическихъ планахъ. Такъ, однимъ изъ любимѣйшихъ мечтаній Карла V была всесвѣтная христіанская монархія, съ которой тогда носились западные утописты, тѣмъ болѣе, что многіе видѣли въ этомъ средство обороны христіанскаго міра отъ турокъ. Но въ осуществленіи этой идеи самое сильное противодѣйствіе оказывалъ именно французскій король. Затѣмъ оба эти государи, какъ Франсуа, такъ и Карлъ, стремились къ обладанію Италіей. Далѣе, бургундское наслѣдство, издавна бывшее яблокомъ раздора между Франціей и Имперіей, служило еще новымъ поводомъ къ враждебнымъ отношеніямъ между монархами. Потомъ оба они добивались императорства по смерти Максимильяна I [1]), оба искали союза съ Генрихомъ VIII Англійскимъ. Наконецъ вражда эта объясняется и противоположностью ихъ личныхъ характеровъ: Карлъ V былъ политикъ и государственный человѣкъ, руководившійся въ своей жизни только принципами политическаго разсчета; Франсуа, напротивъ, былъ рыцарь, понимавшій обязанности честнаго и добраго рыцаря такъ идеально, что ему разъ пришло даже въ голову вызвать Карла на личное единоборство и этимъ путемъ порѣшить спорные вопросы, ихъ раздѣлявшіе. Отсюда — продолжавшіяся болѣе 20 лѣтъ войны Карла съ Франсуа, преимущественно за Италію, кончившіяся миромъ въ Крепи 1544 г., по которому Миланъ былъ окончательно уступленъ Карлу V.

Экспедиціи въ Тунисъ и Алжиръ.

Переходя къ другимъ предпріятіямъ, которыми ознаменовано правленіе Карла V, мы видимъ, кромѣ его сухопутной войны съ турками, двѣ морскія экспедиціи, предпринятыя въ 1535 и 1541 г. въ Тунисъ и Алжиръ съ тѣмъ, чтобы прекратить пиратскіе набѣги на итальянскіе и испанскіе берега его монархіи. Изъ этихъ экспедицій только первая увѣнчалась успѣхомъ, такъ

---

[1]) Grosch, „Franz I und die Kaiserwahl im J. 1519“. Gotha. 1897. Б.

какъ Карлу удалось свергнуть съ престола владѣтеля Туниса, Гайреддина Барбаросу, и посадить на его мѣсто Мулея-Гассана, поставивъ его въ зависимость. Оба эти морскіе походы вытекали также изъ его программы, въ которой на первомъ мѣстѣ стояла защита христіанъ отъ внѣшнихъ враговъ.

Отношеніе Карла къ реформаціи.

Но охраняя церковь со стороны внѣшнихъ враговъ, Карлъ, въ силу сложившихся тогда событій, призванъ былъ возстановить и внутреннее спокойствіе церкви, которому угрожали новаторы. Легко понять, — понять уже изъ того, что̀ сказано было о политическихъ идеяхъ Карла—, какъ онъ долженъ былъ отнестись къ начавшемуся церковному волненію. Въ глазахъ его Лютеръ и его единомышленники, конечно, могли казаться только еретиками, осмѣлившимися посягнуть на миръ и единство церкви. Къ реформѣ, такимъ образомъ, Карлъ могъ относиться только враждебно. Но между тѣмъ мы видимъ, что въ теченіе почти 20 лѣтъ Карлъ ведетъ съ протестантами какую-то уклончивую политику: онъ долго не предпринимаетъ противъ нихъ рѣшительныхъ мѣръ, заводитъ съ ними переговоры и видимо щадитъ ихъ. Вотъ это нѣкоторымъ изслѣдователямъ прежде и подало поводъ утверждать, что Карлъ руководился въ данномъ случаѣ тайнымъ сочувствіемъ къ реформаціи. Между тѣмъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ политикою Карла V, оказывается, что тутъ мотивы его были совсѣмъ другого рода. Если мы видимъ по отношенію къ протестантамъ нѣкоторую нерѣшительность съ его стороны, колебаніе и какъ-бы намѣреніе затягивать дѣло, то это объясняется во-первыхъ тѣмъ, что Карлъ долго смотрѣлъ на реформаціонное движеніе, какъ на явленіе незначительное, какъ на ничтожную ересь, которую всегда можно будетъ подавить и уничтожить; а между тѣмъ возстаніе протестантовъ противъ папы являлось въ глазахъ его желаннымъ орудіемъ, посредствомъ котораго онъ могъ держать курію въ зависимости, такъ какъ положеніе папы — за или противъ него—было очень важно для его итальянскихъ плановъ. Затѣмъ, церковные раздоры въ Германіи были отчасти желательны для Карла и въ другомъ отношеніи: такъ какъ раздоры эти раздѣляли самихъ имперскихъ князей на два враждебныхъ лагеря, то онъ и могъ эксплуатировать ихъ для усиленія своей власти въ имперіи. . . . .

Вотъ главнѣйшіе моменты внутренней и внѣшней политической дѣятельности Карла V и весь составъ его плановъ, вынесенный имъ частью изъ воспитанія и преданій своей фамиліи, а частью изъ той программы, которую онъ усвоилъ вмѣстѣ съ при-

нятіемъ императорскаго сана. Успѣхъ этихъ плановъ зависѣлъ отъ того, въ какой степени они соотвѣтствовали дѣйствительнымъ потребностямъ и насущнымъ интересамъ, во-первыхъ, тогдашней Германіи и, во-вторыхъ, Европы. Разсмотримъ это.

Насущные интересы Германіи.

Важнѣйшій жизненный вопросъ внутренней исторіи Германіи въ теченіе среднихъ вѣковъ былъ политическое объединеніе страны, къ которому стремились императоры. Князья имперскіе противодѣйствовали этому стремленію, опираясь на племенной и мѣстный партикуляризмъ тѣхъ областей, которыми они управляли. Отсюда—вѣковая борьба между императорами и князьями, характеризующая всю средневѣковую исторію Германіи. Борьба эта очень давняго происхожденія: она началась еще раньше Саксонскихъ императоровъ, продолжаясь потомъ при Салійской династіи и затѣмъ при Гогенштауфенахъ. Императоры, дѣйствительно, успѣвали иногда достигнуть многаго въ дѣлѣ объединенія Германіи; такъ, напр., имъ удавалось уменьшить значеніе герцоговъ и низвести ихъ почти на степень имперскихъ сановниковъ; затѣмъ имъ удалось выставить князьямъ сильный противовѣсъ въ рыцарскомъ сословіи, ими созданномъ, и въ имперскихъ городахъ. Все-же, однако, средневѣковые императоры не могли окончательно рѣшить своей задачи,—не могли потому, что встрѣчали въ этой объединительной политикѣ множество неблагопріятныхъ условій. Во-первыхъ, силы ихъ были постоянно отвлечены: они должны были вести безпрестанныя войны за обладаніе Италіей; съ другой стороны, силы эти тратились на наступательное движеніе нѣмецкой народности на славянскій востокъ; наконецъ, съ конца XI столѣтія онѣ поглощались начавшеюся тогда борьбою императоровъ съ папами. При томъ, при существованіи, въ извѣстномъ смыслѣ, избирательнаго начала въ Германской имперіи власть императоровъ не могла быть столь твердой и независимой, какъ власть наслѣдственныхъ монарховъ. Далѣе къ этому присоединилось множество случайныхъ обстоятельствъ: напр., кратковременность самыхъ династій, управлявшихъ судьбою средневѣковой Германіи,—такъ Саксонская имѣла только 4 представителей, правившихъ не больше ста лѣтъ, Франконская—тоже 4, и время правленія ихъ опять не превышаетъ столѣтія; Гогенштауфенскій родъ выставилъ только 5 императоровъ, которые правили Германіей тоже съ небольшимъ сто лѣтъ. Такимъ образомъ, ни одна изъ этихъ владѣтельныхъ фамилій не имѣла достаточно времени, чтобы утвердиться на императорскомъ престолѣ и упрочить ре-

зультаты своей политики. Каждая изъ нихъ прежде всего должна была заботиться объ усиленіи своего родового могущества, на что нерѣдко и поглощались всѣ ихъ силы. Затѣмъ, къ числу этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ надо отнести и то, что самые энергическіе и даровитые изъ императоровъ правили недолго, какъ, напр., Генрихъ III царствовалъ только 17 лѣтъ, Генрихъ VI всего 6 лѣтъ, — такъ что и лучшіе изъ нихъ не имѣли времени осуществить свою задачу объединенія страны. Вотъ почему въ половинѣ XIII столѣтія, когда пала династія Гогенштауфеновъ, имперскіе князья торжествовали свою полную побѣду, и разъединеніе Германіи достигло своего апогея. Въ слѣдующихъ затѣмъ столѣтіяхъ (XIV и XV) мы видимъ, что вся политика нѣмецкихъ князей направлена къ тому, чтобы не допустить на императорскій престолъ ни одного могущественнаго рода, который могъ бы сдѣлаться опаснымъ для ихъ самостоятельности. Только въ половинѣ XV в. удалось Габсбургскому дому сосредоточить въ своихъ рукахъ такія обширныя владѣнія—и, слѣдовательно, силу,—которыя давали ему возможность опять возобновить это старинное стремленіе средневѣковыхъ императоровъ. Наконецъ, наступаетъ первая половина XVI ст., и на императорскомъ престолѣ является Карлъ V, который представлялъ такую могущественную императорскую власть, какой еще никогда не было въ Европѣ. Такой человѣкъ могъ бы, казалось, успѣшно дѣйствовать въ смыслѣ объединенія Германіи. Но входила ли подобная цѣль въ политическую программу Карла, опредѣленно сказать нельзя; даже такой проницательный изслѣдователь этого времени, какъ Ранке, не говоритъ объ этомъ ничего положительнаго. Можно только догадываться, что и эта цѣль, т.-е. объединеніе Германіи, была не чужда ему, и нѣтъ почти сомнѣнія, что онъ бы и достигъ ея, если бы сталъ на сторону реформаціи. Но ставъ за старую церковь, онъ тѣмъ самымъ вооружилъ противъ себя общественное мнѣніе страны и далъ князьямъ противъ себя всѣ шансы успѣха.

Отношеніе къ нимъ Карла V.

Отношеніе Карла къ дѣйствительнымъ интересамъ Европы.

Изъ этого видно, что внутренняя политика Карла по отношенію къ Германіи мало соотвѣтствовала настоящимъ нуждамъ и интересамъ страны. То же почти можно сказать и о его европейской политикѣ. Изъ всѣхъ его предпріятій въ этой области одна только турецкая война дѣйствительно соотвѣтствовала интересамъ времени и тогдашней Европы. Оттѣснивъ турокъ до крайнихъ предѣловъ Венгріи, ограничивъ ихъ господство на Средиземномъ морѣ, Карлъ, дѣйствительно, оказалъ Европѣ великую услугу; но затѣмъ всѣ остальныя его предпріятія являются чѣмъ-то отжив-

шимъ, какимъ-то анахронизмомъ, не соотвѣтствующимъ ни духу времени, ни потребностямъ Европы. Возьмемъ, напр., итальянскія его войны. Это было уже устарѣлое и почти невозможное стремленіе средневѣковыхъ императоровъ къ обладанію Италіей. Затѣмъ еще менѣе практичны и современны были универсальные планы Карла V, его мечты объ основаніи всемірной христіанской монархіи. Время, къ которому относится дѣятельность Карла V, совпадало съ порой обособленія европейскихъ народностей въ самобытные политическіе организмы. Каждая изъ западно-европейскихъ національностей тогда уже такъ окрѣпла, что могла претендовать на роль самостоятельной, независимой державы. Связь или отношеніе между такими политическими организмами могли основываться только на условіи равновѣсія ихъ силъ. Вотъ почему эта эпоха и есть время возникновенія системы политическаго равновѣсія, которое обезпечиваетъ самобытность каждаго государства и народа. Но вотъ является человѣкъ, который мечтаетъ о соединеніи всѣхъ западно-европейскихъ государствъ въ одну монархію. Понятно, что подобное стремленіе должно было со стороны государствъ вызвать оппозицію. Представителемъ этого отпора явился король Франсуа, на сторонѣ котораго было общественное мнѣніе и сочувствіе всей Западной Европы.

Отрицательный результат правленія Карла.

Такимъ образомъ, и обще-европейская политика Карла только отчасти соотвѣтствовала дѣйствительнымъ потребностямъ времени. Вотъ почему все правленіе Карла V оканчивается отрицательнымъ результатомъ. Человѣкъ этотъ имѣлъ въ своихъ рукахъ громадныя средства, какъ денежныя, такъ и военныя; лучшіе полководцы и дипломаты вѣка окружаютъ его престолъ,—напр., Фрундсбергъ, Карлъ Бурбонъ, Шертлинъ, Гранвелла и др.; затѣмъ, государь этотъ одерживаетъ почти нескончаемый рядъ побѣдъ; — такъ при Павіи онъ одержалъ блестящую побѣду надъ Франсуа и взялъ его въ плѣнъ; цѣлыхъ 7 мѣсяцевъ держалъ онъ въ плѣну и папу Климента VII; справился и съ Тунисомъ, и съ турками, и съ возстаніемъ Гента, и съ кастильскими коммунерами; двѣ-три неудачи, какъ, напр., несчастная экспедиція въ Алжиръ, потерянная битва при Черизоле, являются исключеніемъ и едва нарушаютъ картину постояннаго торжества императора надъ его врагами;—а однако, что же мы видимъ въ концѣ концовъ? Одной неудачи подъ конецъ его царствованія, именно — нападенія Морица, достаточно было, чтобы рухнули всѣ планы императора и вся его политика оказалась несостоятельною. Конечно, этого не могло бы случиться, если бы его планы соотвѣтствовали дѣйстви-

тельнымъ потребностямъ Германіи и Европы и совпадали съ духомъ времени. Неудачей этой, испытанной Карломъ V подъ конецъ жизни, и объясняется послѣдній актъ его правительственной дѣятельности, именно—отреченіе отъ престола въ 1555 г. и передача всѣхъ владѣній сыну Филиппу и брату Фердинанду. Самъ же Карлъ удалился на покой въ монастырь Св. Юста, гдѣ и скончался въ 1558 г. среди подвиговъ созерцательной жизни.

Такова была политика Карла V, имѣвшая огромное вліяніе на судьбу и ходъ начавшейся въ это время церковной реформы въ Германіи.

Уже по самому составу своихъ политическихъ замысловъ Карлъ не могъ смотрѣть благосклонно на замышлявшееся церковное преобразованіе и если на первыхъ порахъ относился къ нему уклончиво, то это, какъ упомянуто, объясняется тѣмъ, что онъ долго видѣлъ въ реформаціи лишь средство, во-первыхъ, держать въ зависимости папу, содѣйствіе котораго ему было нужно въ его итальянскихъ планахъ, и, во-вторыхъ—поселять раздоръ между нѣмецкими князьями. Такимъ и является поведеніе императора при слѣдующихъ превратностяхъ, какія испытала судьба реформы въ Германіи.

Вормскій сеймъ.

Въ 1521 г. Карлъ собралъ первый имперскій сеймъ въ Вормсѣ, гдѣ надо было рѣшить вопросъ о предстоявшей войнѣ съ турками и о начавшихся церковныхъ волненіяхъ. Напрасно папскіе легаты [1]) и вообще враги Лютера представляли Карлу несообразность призывать и выслушивать на сеймѣ человѣка, уже осужденнаго церковью: по требованію имперскихъ князей, Лютеру дозволено было явиться предъ собраніемъ представителей всей имперіи. Спрошенный здѣсь, желаетъ ли онъ отречься отъ своихъ мнѣній, Лютеръ рѣшительно отвѣчалъ, что не можетъ подчинить своихъ мнѣній ни папѣ, ни соборамъ, и что если не убѣдятъ его свидѣтельствами Св. Писанія или неопровержимыми доводами разсудка, то онъ не можетъ ни отъ чего отказаться, такъ какъ не безопасно для христіанина говорить противъ собственной совѣсти. „Здѣсь стою я“, заключилъ онъ рѣчь свою, „я

[1]) Папскимъ легатомъ на сеймѣ былъ Алеандеръ. См. о немъ: Hausrath, Aleander und Luther auf dem Reichstage zu Worms. Berl. 1897; Paquier, L'humanisme et la réforme: Jerôme Aléandre, de sa naissance à la fin de son séjour à Brindes (1480—1529). P. 1900. Письма и донесенія Алеандера и другихъ свидѣтелей являются важнымъ источникомъ для исторіи сейма. См. Die Depeschen des Nuntius Aleander vom Wormser Reichstage 1521. Übersetzt und erläutert von Kalkoff. 2-te Aufl. Halle. 1897; Briefe, Depeschen und Berichte über Luther vom Wormser Reichstage 1521. Aus dem englisch., ital. und spanisch. Übersetzt und erläutert von Kalkoff. Halle. 1898. Б.

не могу иначе; да поможетъ мнѣ Богъ! Аминь“. Слова эти: „я не могу подчинить своего убѣжденія ни папѣ, ни собору“, имѣютъ весьма важное значеніе въ исторіи европейской религіозной мысли; ими возвѣщался новый принципъ, характеризующій жизнь новой Европы—принципъ свободы совѣсти, который признаетъ надъ собою только одно ограниченіе—авторитетъ Св. Писанія. Но собственно не столько этотъ смѣлый протестъ, такъ энергично высказанный въ Вормсѣ, снискалъ Лютеру сочувствіе огромнаго большинства, такъ какъ для подобнаго начала тогдашнее общество было еще очень незрѣло, сколько то патріотическое чувство, съ которымъ онъ высказался здѣсь противъ иноземной духовной тиранніи, тяготѣвшей надъ его отечествомъ. „Я чувствую, я понимаю“, говорилъ онъ на сеймѣ, „что такіе сильные князья и такой могущественный государь, конечно, не нуждаются въ моихъ бѣдныхъ совѣтахъ, но я долженъ говорить здѣсь объ этомъ для того, чтобы исполнить долгъ, какого Германія въ правѣ ожидать отъ каждаго изъ вѣрныхъ своихъ сыновъ“. Но если твердость и патріотизмъ, высказанный Лютеромъ въ Вормсѣ, снискали ему сочувствіе общественнаго мнѣнія Германіи, то это нисколько не измѣнило настроенія самого императора и той точки зрѣнія на современное церковное движеніе, которую онъ усвоилъ себѣ съ самаго его начала. Руководясь этимъ взглядомъ, Карлъ подписалъ опредѣленіе имперскаго сейма, по которому Лютеръ и его приверженцы объявлены были имперскими изгнанниками, т.-е. людьми опальными, лишенными покровительства законовъ; магистратамъ городовъ и другимъ властямъ предписывалось отбирать и жечь сочиненія Лютера; наконецъ, по истеченіи срока данной ему охранной грамоты, велѣно было поступить съ нимъ согласно опредѣленію осудительной папской буллы.

Лютеръ въ Вартбургѣ: переводъ Библіи.

Такимъ образомъ Лютеръ увидѣлъ себя въ серьезной опасности, и его друзья, особенно покровитель его, Фридрихъ Мудрый, для спасенія его отъ бѣды, рѣшились прибѣгнуть къ крайнимъ средствамъ. Вслѣдствіе предварительнаго соглашенія, когда Лютеръ возвращался изъ Вормса, толпа замаскированныхъ рыцарей напала на него въ Тюрингенскомъ лѣсу и увезла въ замокъ Вартбургъ, близъ Эйзенаха, гдѣ онъ и прожилъ 18 мѣсяцевъ подъ именемъ „юнкера Георга“. Здѣсь началъ онъ переводъ Св. Писанія на нѣмецкій языкъ, оконченный лишь въ 1534 г., т.-е. черезъ 12 лѣтъ. Переводъ этотъ имѣлъ очень важное значеніе для будущей судьбы церковной реформы въ Германіи. По-

ложивъ въ основу своего преобразованія библію и ея авторитетъ, Лютеръ, конечно, упрочилъ свое дѣло тѣмъ, что сдѣлалъ ее доступною для каждаго. Съ другой стороны, памятникъ этотъ сдѣлался и первымъ образчикомъ литературнаго нѣмецкаго языка.

Но въ то время, какъ Лютеръ находился въ Вартбургѣ и, такъ сказать, исчезъ на время съ поприща совершавшихся событій, въ отечествѣ его, Саксоніи, происходили большія перемѣны.

Крестьянская война.

Общее сочиненіе по этому вопросу—Zimmermann: „Geschichte des grossen Bauernkrieges". 1856, 2 Bde (2-te Aufl.), перевед. и на русск. яз. (1865—68). Въ нѣмецкой литературѣ есть немало монографій о крестьянскомъ движеніи, спеціально изслѣдующихъ его лишь въ предѣлахъ той или другой мѣстности; таковъ трудъ Hartfelder'a: „Zur Geschichte des Bauernkrieges in Südwestdeutschland". 1884. Новѣйшія работы: von der Ropp, „Socialpolitische Bewegungen im Bauernstande vor dem Bauernkriege". Marburg. 1899 (рѣчь); Stolze, „Zur Vorgeschichte d. Bauernkrieges. Studien zur Verfassungs-Verwaltungs- und Wirtschaftsgesch. vornehmlich Südwestdeutschlands im ausgehenden Mittelalter". Leipz. 1900 (изъ Staats -und sozialwiss. Forschungen hrsg. von Schmoller); Knapp, „Gesammelte Beiträge zur Rechts—und Wirtschaftsgesch. vornehmlich d. deutschen Bauernstandes". Tübingen. 1902; Bax, „The Peasants War in Germany, 1525—1526". London. 1899. Въ русской литературѣ см. статью „Томасъ Мюнцеръ", въ „Очеркахъ изъ всемірной исторіи" М. Н. Петрова; „Обществен. движенія въ средн. вѣка и въ эпоху реформ.... Составл. по Лозерту, Келлеру, Циммерману, Каутскому и друг.", подъ ред. В. Базарова и И. Степанова. 1901. Б.

Начало безпорядковъ.

Карлъ V послѣ Вормскаго сейма уѣхалъ изъ Германіи и, поглощенный итальянскими и турецкими дѣлами, не возвращался туда цѣлыхъ 9 лѣтъ; Германіей управляло „имперское правленіе" (Reichsregiment, изъ депутатовъ отъ германскихъ чиновъ), во главѣ котораго стоялъ братъ Карла Фердинандъ, человѣкъ мягкій, неспособный къ энергичнымъ мѣрамъ. Среди членовъ же „имперскаго правленія" и въ каммергерихтѣ у Лютера было много друзей, и потому опредѣленія Вормскаго сейма противъ Лютера остались безъ послѣдствій. Дѣло затянулось, и начавшемуся церковному преобразованію предоставлено было идти своимъ путемъ. Въ это-то время нѣкоторые изъ единомышленниковъ Лютера—Кальштадтъ, Мюнцеръ и другіе—возымѣли мысль примѣнить выработанныя начала реформаціи къ самой жизни. Они думали, что пора перестать писать, а надо дѣйствовать, и что затѣянное преобразованіе должно коснуться не только церковныхъ порядковъ, но и общественнаго

строя. Съ этою цѣлью въ Виттенбергѣ и другихъ мѣстахъ Саксоніи и Тюрингіи они стали производить безпорядки: измѣнять обряды католическаго богослуженія, ломать иконы, разрушать часовни. Разумѣется, все это произвело большое волненіе, и когда Лютеръ услышалъ о происходившемъ въ Виттенбергѣ, то, боясь, что возникшіе безпорядки могутъ уронить его дѣло въ глазахъ благомыслящихъ людей, особенно властей, онъ рѣшился оставить свое убѣжище и вдругъ явился въ Виттенбергъ, гдѣ своимъ энергичнымъ словомъ и авторитетомъ успѣлъ возстановить порядокъ. По его настоянію, Мюнцеръ, Карльштадтъ и ихъ сообщники изгнаны были изъ Виттенберга. Въ качествѣ странствующихъ проповѣдниковъ эти изгнанники разсѣялись потомъ по всей Германіи, повсюду разнося вѣсти о деспотизмѣ Лютера и о томъ, что онъ изъ-за своихъ личныхъ интересовъ предалъ слово Божіе сильнымъ міра сего.

Эпоха, о которой мы говоримъ, была временемъ сильнаго напряженія умовъ и почти общаго неудовольствія во всѣхъ классахъ нѣмецкаго общества, особенно въ низшихъ. Стѣсненные въ своей старой волѣ и обѣднѣвшіе рыцари алчно смотрѣли на богатства церкви. [Въ 1522—1523 г. поднялось рыцарство. Вожди его Францъ Зиккингенъ [1]) и знаменитый гуманистъ Ульрихъ фонъ Гуттенъ, начавъ борьбу съ трирскимъ архіепископомъ, преслѣдовали однако болѣе высокія цѣли: они думали возводить это пришедшее въ упадокъ сословіе; ихъ воодушевляли религіозныя и патріотическія стремленія, направленныя къ устраненію вопіющихъ злоупотребленій церкви и къ возстановленію былого могущества Германіи путемъ усиленія власти императора и подавленія князей. Но, не смотря на это, попытка ихъ, опиравшаяся на такую отжившую уже силу, какъ рыцарство, должна была потерпѣть полную неудачу: и тутъ новое военное искусство и огнестрѣльное оружіе взяло верхъ; Зиккингенъ палъ при взятіи войсками князей послѣдняго его убѣжища, замка Ландштуля, а Гуттенъ бѣжалъ въ Швейцарію и умеръ скитальцемъ на островѣ Уфнау, близъ Цюриха].

Общественныя движенія:

а) Рыцарское.

Городской пролетаріатъ [2]) волновался завистью и злобой противъ имущихъ классовъ, захватившихъ всѣ городскія выборныя должности. Нѣмецкіе крестьяне, въ теченіе XV и начала XVI в.

---

[1]) Ulmann, „Franz von Sickingen“. 1872. Б.
[2]) Kaser, „Politische und sociale Bewegungen in deutschen Bürgertum zu Beginn des XVI Jahrh.“ Stutt. 1899. Б.

утратившіе остатки своей старой общинной свободы и превратившіеся въ крѣпостныхъ, сильно страдали отъ того гнета, который тяготѣлъ надъ ними вслѣдствіе невыносимой эксплуатаціи свѣтскихъ и духовныхъ владѣтелей.

в) Крестьянское.

Вотъ сколько накопилось горючаго матеріала въ странѣ, когда бродячіе предиканты стали волновать своими проповѣдями простой народъ, возвѣщая ему наступленіе царства евангельской свободы и равенства. На голосъ этихъ невѣдомыхъ апостоловъ новой религіи стали стекаться вооруженныя толпы, которыя, двигаясь въ различныхъ направленіяхъ, всюду распространяли крестьянскія прокламаціи, особенно такъ наз. „Двѣнадцать статей" [1]), въ которыхъ крестьяне требовали уничтоженія крѣпостнаго права, большаго безпристрастія въ судахъ, уменьшенія тяжкихъ повинностей, свободной проповѣди подъ контролемъ общины и проч. Такъ въ 1525 году разгорѣлось революціонное движеніе, извѣстное подъ именемъ великой крестьянской войны.

Не реформація была собственно причиною крестьянскаго возстанія. Евангелическая проповѣдь была только искрой, воспламенившею вѣками накопившійся горючій матеріалъ, тѣмъ внезапнымъ озареніемъ, которое уяснило народу его положеніе и дало основаніе его требованіямъ. Лютеровъ переводъ библіи началъ появляться съ двадцатыхъ годовъ. Народъ сталъ читать слово Божіе на родномъ языкѣ и, сравнивая евангельскіе образцы съ своею собственною жизнью, увидѣлъ, какъ далеко отклонилась она отъ христіанскаго идеала. Онъ понялъ, что если люди равны предъ Богомъ, то тѣмъ болѣе они должны быть равны предъ лицомъ человѣческаго закона. [Реформація, такимъ образомъ, послужила для крестьянскаго движенія могущественнымъ импульсомъ: она сообщила ему извѣстное единство; вмѣсто интересовъ и стремленій личныхъ и мѣстныхъ она поставила цѣли болѣе общія и болѣе идеальныя]. Она же воспитала народу вождей, которые повели его въ бой противъ старыхъ угнетателей—князей, дворянства и іерархіи.

Крестьянское движеніе началось въ Шварцвальдѣ и отсюда

[1]) О 12 статьяхъ и ихъ авторѣ—Baumann, Die Zwölf Artikel der Oberschwäbischen Bauern 1525. Kempten. 1896 (приписываетъ составленіе ихъ Лотцеру, послѣдователю проповѣдника Шаппелера); ср. и Goetze, Die Zwölf Artikel der Bauern 1525, kritisch hrsg. (Histor. Vierteljahrschr., 1901 -1902); его-же, Sebastian Lotzers Schriften. Leipz. 1902; Stolze, Die 12 Artikel v. 1525 und ihr Verfasser, Histor. Zeitschr. N. F., 55 B., 1903 (авторомъ признаетъ Губмайера). В.

распространилось по теченію Рейна и Дуная, охвативъ собою Швейцарію, Эльзасъ, Франконію и другія области. Дѣло происходило обыкновенно такъ: крестьянская банда двигалась въ извѣстномъ направленіи, и если встрѣчавшіеся на пути владѣтели не соглашались принять требованія 12 статей, вооруженная толпа шла на приступъ дворянскаго гнѣзда или аббатства и въ дикомъ неистовствѣ безпощадно разоряла замки, монастыри и проч.; доставалось и городамъ, такъ-что въ непродолжительное время въ юго-западной Германіи до 1000 рыцарскихъ замковъ и монастырей лежали въ развалинахъ. Для того, чтобы это движеніе шло болѣе правильнымъ образомъ, учрежденъ былъ центральный комитетъ въ Гейльброннѣ, куда съѣхались крестьянскіе депутаты и выработали проектъ будущаго устройства имперіи. По этому проекту предполагалось уничтожить княжевластіе и сосредоточить все управленіе въ рукахъ національнаго императора. Казалось, Карлу V представлялась такимъ образомъ легкая возможность объединить Германію, если бы онъ обратилъ должное вниманіе на это явленіе. Но императоръ въ то время былъ увлеченъ итальянскими и турецкими дѣлами, да притомъ и на самую крестьянскую войну онъ смотрѣлъ съ своеобразной точки зрѣнія, видя въ ней одно изъ прямыхъ послѣдствій реформаціи, къ которой онъ вообще отнесся враждебно.

Отношеніе къ нему Лютера.

Таково было отношеніе Карла V къ движенію 24 и 25 гг. Не менѣе двусмысленно и фальшиво было, повидимому, и отношеніе къ нему самого Лютера. Формулировавъ свои требованія въ 12 статьяхъ, крестьяне обратились къ нему, какъ главѣ реформаціи, за одобреніемъ и совѣтами. Этимъ Лютеръ былъ поставленъ въ очень неловкое положеніе: съ одной стороны ему нельзя было не признать справедливости многихъ крестьянскихъ требованій, а съ другой—грозила опасность вооружить противъ себя и своего дѣла высшія сословія имперіи, содѣйствіе которыхъ ему нужно было для осуществленія задуманныхъ цѣлей. Поэтому онъ повелъ себя уклончиво. Сначала, когда возстаніе не приняло еще разрушительнаго характера, Лютеръ старался водворить миръ добрымъ совѣтомъ: князьямъ и господамъ предлагалъ сдѣлать уступки, а крестьянъ въ то же время увѣщевалъ умѣрить свои требованія; но этимъ, конечно, не удовлетворилъ онъ никого, а, напротивъ, поколебалъ свою популярность: на него стали смотрѣть теперь, какъ на отступника, и люди, ему враждебные, Мюнцеръ и другіе, прямо обвиняли его въ измѣнѣ народнымъ интересамъ. Тѣмъ не менѣе Лютеръ твердо стоялъ на своемъ и, когда кресть-

янскій мятежъ разыгрался такъ сильно, что стали происходить сцены звѣрскихъ убійствъ, грабежей, пожаровъ, когда разгорѣлись вполнѣ дикія народныя страсти, онъ даже издалъ воззваніе къ князьямъ и рыцарству противъ „разбойниковъ и убійцъ" и въ этомъ воззваніи совѣтовалъ бить ихъ, какъ бѣшеныхъ собакъ.

Пораженіе крестьянъ.

По голосу главы реформы, но еще болѣе по влеченію своихъ собственныхъ интересовъ, владѣтельные князья соединились для отпора революціи, грозившей ниспровергнуть весь тогдашній общественный порядокъ. Курфюрстъ саксонскій, ландграфъ гессенскій и другіе владѣтели вооружились противъ крестьянъ и, разбивъ ихъ отряды во многихъ мѣстахъ, при Франкенгаузенѣ одержали такую рѣшительную побѣду надъ главной крестьянской арміей, что этимъ положенъ былъ конецъ всему крестьянскому волненію и спокойствіе въ странѣ возстановлено. Но, разумѣется, это спокойствіе было куплено дорогою цѣной. Не говоря уже о множествѣ разрушенныхъ замковъ и монастырей, рейнскія и дунайскія области были опустошены, да и вообще Германія на многія поколѣнія понесла сильный ущербъ въ экономическомъ благосостояніи.

Вліяніе крестьянскаго движенія на Лютера.

Такъ неудачны были въ Германіи попытки практическаго приложенія началъ реформы къ самой общественной жизни. Ни одна изъ цѣлей, имѣвшихся въ то время въ виду, не была достигнута: положеніе крестьянъ почти не улучшилось; стремленіе къ союзу городовъ съ земскимъ населеніемъ, къ уничтоженію княжевластія, къ объединенію Германіи подъ властью національнаго императора, также не увѣнчалось успѣхомъ. Такимъ образомъ все въ имперіи осталось по-прежнему. На одного только Лютера и на характеръ начатаго имъ дѣла этотъ неудавшійся опытъ соціальной революціи имѣлъ значительное вліяніе. Опытъ этотъ убѣдилъ его, какъ близко граничитъ церковное преобразованіе съ общественнымъ переворотомъ. Потому послѣ крестьянскаго мятежа Лютеръ еще строже и консервативнѣе опредѣлилъ программу своихъ будущихъ дѣйствій [1]). Въ основу этой программы онъ положилъ слѣдующіе принципы: 1) ограничить преобразованіе одною церковью, а что касается общественныхъ порядковъ, то улучшенія ихъ ждать отъ времени; 2) даже въ самыхъ церковныхъ перемѣнахъ строго слѣдовать буквальному смыслу Св. Писанія, не допуская произвольныхъ личныхъ толкованій его. Этимъ, конечно, онъ становился въ противорѣчіе съ самимъ собою, съ имъ же

[1]) Ю. Жуковскій, „Политич. и обществен. теоріи XVI в." Спб. 1866.

самимъ розвѣщенной свободой религіозной мысли, которую отрицалъ теперь, присвоивъ право толковать библію только самому себѣ и возставая противъ другихъ богослововъ, рѣшавшихся воспользоваться подобнымъ же правомъ, какъ противъ вѣроотступниковъ. Но, съ другой стороны, по мнѣнію многихъ историковъ, величайшая его заслуга, какъ историческаго дѣятеля, именно и состоитъ въ томъ, что онъ для спасенія общественнаго порядка поступился логическою послѣдовательностью своихъ собственныхъ дѣйствій; ибо только этой консервативной программой могъ онъ снискать содѣйствіе князей имперскихъ и обезпечить своему дѣлу будущность. Имперскіе князья стали на сторону церковной реформаціи, правда, не столько по сочувствію къ ней, сколько по своимъ политическимъ или, точнѣе, партикуляристическимъ видамъ, ибо съ помощью реформаціи могли теперь успѣшнѣе отстаивать свою областную независимость противъ объединительныхъ стремленій императора; но этого не могло бы быть, если бы реформація угрожала общественному порядку и старинному устройству имперіи какимъ-нибудь сильнымъ потрясеніемъ.

Всѣ дальнѣйшія дѣйствія Лютера носятъ именно консервативный характеръ. Послѣ крестьянской войны въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ своей жизни, онъ осторожно и постепенно, такъ сказать, взвѣшивая каждый шагъ, сталъ вводить свои преобразованія въ церкви, измѣнять обряды католическаго богослуженія, сначала уничтоживъ безбрачіе духовенства, а потомъ отмѣнивъ и самое монашество; конфисковалъ монастырскія имущества, обнародовалъ инструкцію для народныхъ школъ въ евангельскомъ духѣ и издалъ свой катехизисъ, въ которомъ изложилъ нормы своего ученія.

Но прежде, чѣмъ слѣдить за дальнѣйшей судьбою реформаціи въ Германіи, нужно изложить, въ видѣ особаго эпизода, исторію реформаціи въ Швейцаріи.

Реформація въ Швейцаріи.

Изъ источниковъ, кромѣ сочиненій Цвингли (Zwinglii Opera, 1828. 10 т.; новѣйш. изд.—Huldreich Zwinglis Sämtliche Werke hrsg. von Egli und Finsler. Berlin. 1901 сл., въ Corpus Reformatorum), заслуживаетъ особеннаго вниманія „Исторія реформаціи въ Швейцаріи“ Bullinger'а, очевидца и одного изъ главныхъ дѣятелей швейцарскаго реформаціоннаго движенія: эта „Reformationsgeschichte“, изданная Hottinger'омъ и Vögeli въ 1834—40 въ 3 т. и доведенная до 1532 г., представляетъ лишь 2-ю половину болѣе обширнаго труда, первая часть котораго (неизданная) излагаетъ исторію Швейцаріи съ начала и до реформаціи. **Б.**

Исторія швейцарской реформаціи поучительна для насъ потому, что она опять показала все безсиліе церковныхъ реформаторовъ преобразовать въ то же время и существующій общественный порядокъ. Но предварительно надо напомнить здѣсь главнѣйшія черты средневѣковой исторіи этой страны. Это выяснитъ намъ тѣ политическіе интересы, которые въ началѣ XVI столѣтія волновали швейцарское общество, и тѣ задачи, которыя стояли тамъ на очереди. Послѣднее же необходимо для того, чтобы видѣть вліяніе реформы на разрѣшеніе этихъ вопросовъ времени.

Швейцарія въ средніе вѣка.

Страна, извѣстная въ настоящее время подъ именемъ Швейцаріи, въ средніе вѣка называлась Гельвеціей и составляла часть Нѣмецкой имперіи [1]. Въ качествѣ имперскихъ князей ею управляли владѣтельные герцоги изъ рода Церингеновъ, дѣятельность которыхъ во многихъ отношеніяхъ была благодѣтельна для края. Но въ концѣ XI в. Церингенская фамилія угасла, и тогда возвысились здѣсь другіе владѣтельные роды: въ романской части Швейцаріи значительную силу пріобрѣли герцоги Савойскіе, а въ нѣмецкой—графы Габсбургскіе, имѣвшіе здѣсь значительныя владѣнія и нѣсколько наслѣдственныхъ замковъ. Но все-же большая часть страны, особенно горныя общины или кантоны оставались независимыми или, правильнѣе, зависѣли непосредственно отъ имперіи. Но вотъ въ половинѣ XIII столѣтія прекращается въ Германіи Штауфенскій домъ, и послѣ его паденія начинаются большія неурядицы въ странѣ, которыя съ Великаго междуцарствія продолжались потомъ еще долгое время. Время это — эпоха полнаго упадка центральной власти, общихъ безпорядковъ и смутъ всякаго рода—было порой, чрезвычайно благопріятной для возникновенія различныхъ союзовъ, въ которыхъ общество, покинутое своею верховною властью, само искало средствъ защищать себя отъ хищности сосѣдей, отъ произвола сильныхъ. Такъ возникли союзы—Ганзейскій, Рейнскій, Швабскій и др.

Швейцарскій союзъ.

Къ этой категоріи явленій общественной самозащиты относится и союзъ Швейцарскій, возникшій также въ это время, именно въ концѣ XIII и началѣ XIV в. Возникъ онъ и развился въ борьбѣ съ Габсбургами, могущество которыхъ особенно усилилось съ того времени, когда имъ удалось въ лицѣ Рудольфа овладѣть германскою короной и когда они, пользуясь император-

---

[1]) Daendliker, „Geschichte der Schweiz". Zürich. 1885. 3 Bde.; Ванъ-Мюйденъ, „Ист. швейц. народа". Спб. 1898—1900. 2 т. (пер. съ франц.). Б.

скимъ саномъ, пріобрѣли себѣ Австрію и Штирію. Въ это же время стали они стремиться и къ тому, чтобы подчинить своей власти независимыя мѣстности въ Швейцаріи и превратить ихъ въ свои родовыя владѣнія. Кантоны же эти, и во главѣ ихъ — Швицъ, Ури и Унтервальденъ, заключивъ между собою оборонительный союзъ, стали отстаивать свою древнюю свободу. Такимъ образомъ между Швейцарскимъ союзомъ и Габсбургами завязалась политическая борьба, ознаменованная блестящими побѣдами горныхъ пастуховъ и земледѣльцевъ надъ гордымъ австрійскимъ рыцарствомъ при Моргартенѣ, Земпахѣ, — побѣдами, упрочившими въ XIV столѣтіи фактическую независимость союза. Но едва кончилась эта борьба, какъ уже съ половины XV вѣка начались враждебныя столкновенія Швейцаріи съ бургундскими герцогами изъ дома Валуа. Послѣдній и могущественнѣйшій изъ нихъ, Карлъ Смѣлый, возымѣлъ мысль основать между Германіей и Франціей независимое Галло-Бельгійское королевство и втянуть въ составъ этого искусственнаго политическаго конгломерата и Швейцарію. Но кантоны и тутъ новыми побѣдами надъ бургундскимъ рыцарствомъ при Грансонѣ, Муртенѣ, Нанси, съумѣли отстоять свою политическую самобытность, и не только отстоять ее, но даже расширить свой союзъ пріобрѣтеніемъ новыхъ кантоновъ, причемъ Швицъ, Ури, Унтервальденъ и потомъ еще Цугъ, Бернъ, Люцернъ, Гларусъ, какъ старѣйшіе члены союза, пользовались нѣкоторыми преимуществами, тогда какъ другіе — Цюрихъ, Торгау, Фрейбургъ и проч., присоединившіеся уже впослѣдствіи, играли какъ-бы второстепенную роль, что̀, разумѣется, поселяло между ними постоянныя неудовольствія. Подъ конецъ XV в. швейцарцамъ удалось пріобрѣсти независимость и отъ самого императора. Поводомъ къ этому послужили распоряженія императора Максимиліана I относительно водворенія въ Германіи земскаго мира, для обезпеченія котораго вся имперія была раздѣлена на округа, а въ составъ одного изъ нихъ, именно Швабскаго, была втянута также и Швейцарія съ наложеніемъ на нее и всѣхъ имперскихъ повинностей. Швейцарія нашла невыгоднымъ такое подчиненіе и рядомъ побѣдъ надъ имперскими войсками опять отстояла свое старинное независимое положеніе, которое и было утверждено потомъ Базельскимъ трактатомъ уже въ самомъ исходѣ XV в.

Такимъ образомъ два первые вѣка самобытной исторіи Швейцаріи наполнены почти безпрерывными войнами. Въ этихъ войнахъ выросъ геройскій духъ народа, и швейцарцы пріобрѣли Наемничество.

славу первой военной націи въ тогдашней Западной Европѣ [1]). Сосѣднія державы наперерывъ стали искать союза и дружбы швейцарцевъ, поставлявшихъ теперь для кого угодно цѣлые отряды наемнаго войска. Французскіе и неаполитанскіе короли, миланскіе герцоги, Венеція, даже сами Габсбурги въ своихъ войнахъ прибѣгали къ содѣйствію швейцарскихъ дружинъ. Для того же, чтобы обезпечить правильную ихъ поставку, установлены были нѣкоторыми иностранными государствами пенсіи разнымъ вліятельнымъ людямъ Швейцаріи, которые зато ужъ заботились объ интересахъ тѣхъ державъ, откуда они получали деньги.

Итакъ, маленькая Швейцарія пріобрѣла важное значеніе въ Западной Европѣ, принявъ съ половины XV в. дѣятельное участіе въ рѣшеніи вопросовъ ея внѣшней политики. Но такая видная политическая роль швейцарцевъ имѣла и свою оборотную сторону. Во-первыхъ, система наемничества, вошедшая въ обычай, мало-по-малу разрушала древніе патріархальные нравы швейцарцевъ, поселяя въ нихъ духъ корыстолюбія и алчности, а иностранныя интриги раздѣлили Швейцарію на партіи; войны же и привлеченныя ими богатства выдвинули изъ среды демократическаго швейцарскаго общества нѣкоторыя фамиліи, которыя, пріобрѣтши политическое значеніе, стали тѣснить бѣдные классы. Наконецъ, въ довершеніе всего, древній антагонизмъ между старыми и новыми кантонами подъ вліяніемъ реформаціи еще болѣе усилился.

Начало реформаціи въ Швейцаріи.

Таковы были политическія бѣдствія Швейцаріи, о которыхъ скорбѣли всѣ патріоты этой страны, когда и здѣсь, одновременно съ начавшейся въ Германіи церковной реформой, раздалась реформаторская проповѣдь,—одновременно, но совершенно независимо. Нѣсколько мѣстныхъ богослововъ—Фарель, Виттенбахъ, Эколампадій—въ разныхъ мѣстностяхъ и городахъ Швейцаріи стали развивать свободное церковное ученіе, имѣвшее общее основаніе съ ученіемъ Лютера. Но настоящимъ, истиннымъ представителемъ швейцарской реформаціи былъ Ульрихъ Цвингли.

Цвингли.

Цвингли былъ не только современникомъ, но и почти сверстникомъ Лютера [2]). Подобно Лютеру, онъ также выросъ среди простого народа и, какъ и тотъ, былъ горячій патріотъ. Но различіе между ними состояло въ томъ, что Цвингли въ гораздо

---

[1]) Mülinen. „Gesch. d. Schweizersöldner bis zur Errichtung der ersten stehenden Garde 1497“. Bern. 1887. В.

[2]) Цвингли род. въ 1484 г. Изъ біографій его см. Mörikofer'a, 2 ч., 1867—9, и новѣйшую Staehelin'a. В.

бо̀льшей мѣрѣ воспитался на классическихъ авторахъ и что Лютеръ достигъ до сознанія необходимости реформы въ тяжелой душевной борьбѣ, тогда какъ въ жизни Цвингли не было подобнаго момента. Прежде всего это былъ народный агитаторъ и демагогъ. Лютеръ почти не имѣлъ яснаго представленія о политическихъ интересахъ своей земли и ни въ какомъ случаѣ не могъ считаться политикомъ; между тѣмъ какъ на Цвингли вполнѣ отразился тотъ могучій общественный духъ, который волновалъ въ то время демократію Швейцарской республики. Въ качествѣ патріота, Цвингли задался мыслью искоренить тогдашніе общественные недуги, избавить родину отъ угнетавшихъ ее бѣдствій; на церковное же преобразованіе онъ смотрѣлъ скорѣе, какъ на средство къ достиженію этой главной цѣли. Такимъ образомъ у него уничтоженіе наемничества и олигархіи и достиженіе политическаго равенства всѣхъ кантоновъ въ союзѣ стояли на первомъ планѣ; на реформацію же онъ разсчитывалъ какъ на средство исправить общественную нравственность и приблизить церковь по своему устройству ко временамъ апостольскимъ. Потомъ мы видимъ, что въ организованной Цвингли реформѣ церкви преобладаетъ раціональный характеръ. Онъ былъ болѣе послѣдователенъ и логиченъ въ проведеніи коренныхъ принциповъ реформаціи, нежели Лютеръ, и поэтому его реформа гораздо радикальнѣе, чѣмъ Лютерова. Лютеръ еще щадилъ въ старой церкви все то, что̀ не стояло въ противорѣчіи съ библіей, тогда какъ Цвингли уничтожалъ все, чего нельзя было прямо оправдать свидѣтельствомъ Св. Писанія. Имѣя общую протестантскую догматическую систему, основанная имъ церковь по своему устройству, демократическому или пресвитеріанскому, приближалась къ первобытной христіанской церкви. Также точно и обрядовая сторона была доведена до простоты апостольской церкви: отмѣнены иконы, колокола, свѣчи, органы; въ самомъ ученіи о таинствахъ, которыя Лютеръ еще пощадилъ отчасти, признавъ крещеніе и евхаристію, Цвингли пошелъ дальше и даже на евхаристію смотрѣлъ лишь какъ на историческое воспоминаніе. Разумѣется, подобная раціоналистическая реформа не могла найти сочувствія въ грубыхъ швейцарцахъ; поэтому и ученіе его распространилось только въ болѣе образованныхъ низменныхъ кантонахъ, а горные остались при прежней вѣрѣ. Этотъ религіозный разладъ еще болѣе усилилъ старинную ихъ взаимную ненависть и наконецъ разрѣшился кровопролитной битвой при Каппелѣ (1531), гдѣ нашелъ свою гибель и Цвингли. Съ его смертію ру-

шились всѣ его патріотическіе планы и ни одна изъ общественныхъ цѣлей, которыя онъ преслѣдовалъ, не была достигнута. Наемничество уцѣлѣло до половины XVII в., когда повсемѣстное учрежденіе регулярныхъ народныхъ армій въ Западной Европѣ сдѣлало швейцарскихъ наемниковъ ненужными; олигархія же и неравенство кантоновъ удержались до времен французской революціи, т. е. до конца XVIII вѣка.

Германія послѣ крестьянской войны и до Аугсбургскаго религіознаго мира.

Итакъ, великая крестьянская война ясно доказала безсиліе церковныхъ реформаторовъ преобразовать вмѣстѣ съ церковью и общественныя отношенія въ Германіи; также неудачна была попытка примѣнить свободныя начала реформаціи къ измѣненію общественныхъ порядковъ и въ сосѣдней странѣ,—въ Швейцаріи. Неудачи эти объясняются тѣмъ, что реформаторы разсчитывали много на моральныя перемѣны, къ которымъ направлена была церковная реформація; но моральныя перемѣны достигаются продолжительнымъ временемъ, а потому и не возымѣли непосредственнаго дѣйствія.

Распространеніе реформаціи.

Именно, какъ мы видѣли, консервативнымъ характеромъ реформаціи и нужно объяснить, что, несмотря на недавній революціонный взрывъ, все-таки она продолжала распространяться въ Германіи. Такъ, между 1525 и 1530 гг. реформація введена была въ Саксоніи и въ Гессенѣ, въ нѣкоторыхъ имперскихъ городахъ, и затѣмъ въ другихъ частяхъ сѣверной Германіи нашла она доступъ. Всѣ эти члены Нѣмецкой имперіи, въ виду непрочности своего положенія и ради самозащиты, заключили уже въ 1526 г. оборонительный союзъ въ Торгау и затѣмъ почувствовали себя настолько сильными, что на Шпейрскомъ сеймѣ (1529) рѣшились противъ опредѣленія большинства сейма, по которому воспрещено было дальнѣйшее распространеніе реформаціи, отчего и получили названіе протестантовъ.

Аугсбургское вѣроисповѣданіе.

Въ такомъ положеніи были дѣла въ Германіи, когда Карлъ V послѣ 8-лѣтняго отсутствія снова явился въ эту страну. Въ 1529 г. онъ покончилъ вторую свою войну съ Франсуа въ Италіи и съ турками и могъ обратиться къ германскимъ дѣламъ. Прибывши въ Германію, онъ созвалъ сеймъ въ Аугсбургѣ (1530) и поставилъ себѣ главной задачей устроить здѣсь запутанныя религіозныя

отношенія. Сюда въ Аугсбургъ, приглашены были и представители евангелическаго исповѣданія съ обязанностью представить императору краткое изложеніе ихъ ученія. Изложеніе это составлено было Меланхтономъ [1]) и утверждено Лютеромъ. Оно извѣстно подъ именемъ Аугсбургскаго исповѣданія. Въ этомъ памятникѣ богословская полемическая литература евангелическаго исповѣданія нашла свое первое точное выраженіе. Это былъ какъ-бы символъ протестантскаго ученія, формулированнаго здѣсь въ 28 неизмѣнныхъ пунктахъ. Соглашенія, однако, не состоялось. Императоръ не одобрилъ этого ученія, да и не могъ одобрить по своему взгляду на реформу; напротивъ, онъ подписалъ декретъ, по которому послѣдователямъ евангелическаго ученія назначался срокъ (до 15 апрѣля слѣдующаго 1531 года), въ теченіе котораго протестанты должны или отказаться отъ своихъ убѣжденій или быть готовыми испытать весь гнѣвъ императора. Но протестантизмъ успѣлъ уже пустить прочные корни и былъ такъ силенъ, что въ 1531 году, до истеченія назначеннаго срока, составился новый оборонительный союзъ въ Шмалькаденѣ.

Шмалькальденскій союзъ.

Между тѣмъ обстоятельства внѣшней политики настолько измѣнились, что поневолѣ измѣнили и отношеніе Карла къ протестантамъ: турецкія дѣла запутались опять такъ, что можно было ожидать новаго вторженія турокъ въ Венгрію; договоръ съ Франсуа тоже оказался ненадежнымъ; алжирскіе и тунисскіе корсары опять дѣлали набѣги на берега Испаніи и Италіи; въ Нидерландахъ готовилась вспышка, по поводу стѣсненія мѣстныхъ вольностей намѣстниками императора. Въ виду такихъ затрудненій, Карлъ долженъ былъ уступить: по договору съ Шмалькальденскими союзниками въ Нюренбергѣ онъ предоставилъ имъ религіозную свободу, но безъ права дальнѣйшаго развитія и распространенія своего ученія (1532).

Нюренбергскій религіозный миръ.

После этого Карлъ снова уѣхалъ изъ Германіи на цѣлыхъ 11 лѣтъ. У протестантовъ такимъ образомъ опять развязались руки для дальнѣйшихъ успѣховъ. Такъ какъ опредѣленіе Нюренбергскаго договора могло имѣть значеніе только тогда и до тѣхъ поръ, пока была сила, наблюдавшая за исполненіемъ этого договора, и такъ какъ такой власти теперь не было въ имперіи, то протестан-

Усиленіе протестантизма.

[1]) Schmidt. Melanchton's Leben und ausgewählte Schriften. Elberfeld 1861; Hartfelder, Philipp Melanchthon als Praeceptor Germaniae. Berl. 1889 (Monum. Germaniae Paedagogica. VII), Sell, Phil. Melanchthon und die deutsche Reformation bis 1531. Halle. 1897; Kawerau. Die Versuche Melanchthon zur kathol. Kirche zurückzuführen. Halle. 1902; новѣйшая обширная біографія Меланхтона— Ellinher'a (Phil. Melanchthon. Berl. 1902). Б.

тизмъ сталъ дѣлать новые и быстрые успѣхи подъ покровительствомъ Шмалькальденскаго союза. Новое ученіе введено было теперь въ Бранденбургскихъ владѣніяхъ, въ Брауншвейгскихъ и остальныхъ частяхъ сѣверной Германіи. Наконецъ самоуправство Шмалькальденскаго союза дошло до того, что даже на епископскую наумбургскую каѳедру возведенъ былъ лютеранинъ.

Анабаптисты. [Наряду съ ученіемъ Лютера распространялись и болѣе крайнія секты, какъ, напр., анабаптизмъ. Его послѣдователи овладѣли было Мюнстеромъ и здѣсь, имѣя во главѣ своей Яна Боккольда (или Бокельзона), извѣстнаго болѣе подъ именемъ Іоанна Лейденскаго, основали свое теократическое царство „новаго Сіона" или „новаго Израиля" [1]) (1534—1535). Ихъ крайности, жестокости и фантастичность Іоанна Лейденскаго, являлись угрозою всякому порядку и вызвали противъ нихъ союзъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ князей, а также имперскихъ городовъ, и въ 1535 г. Мюнстеръ былъ взятъ, Іоаннъ Лейденскій казненъ, а анабаптизмъ подавленъ.

Радикализмъ и изувѣрство Мюнстерскихъ анабаптистовъ должны были невыгодно отразиться на дальнѣйшихъ успѣхахъ реформаціи. Тѣмъ не менѣе] протестантизмъ возросъ до такой силы, что сама курія сочла необходимымъ попытаться войти съ нимъ въ какое-нибудь соглашеніе. Съ этою цѣлью въ 1541 г. былъ назначенъ съѣздъ въ Регенсбургѣ, на который со стороны протестантовъ явился Лютеръ и Меланхтонъ, а со стороны папскаго двора извѣстный докторъ Экъ и нѣсколько другихъ легатовъ. Регенсбургскіе переговоры замѣчательны въ томъ отношеніи, что здѣсь представители папы Павла III соглашались со многими требованіями, предъявленными протестантами: легаты его дѣлали уступки по весьма важнымъ вопросамъ церковной догматики и устройства, напр., по преобразованію монастырской жизни, по устраненію нѣкоторыхъ незаконныхъ поборовъ куріи, тяжесть которыхъ была одной изъ главныхъ причинъ тогдашняго волненія умовъ; дѣлали уступки даже по капитальному спорному вопросу о благодати. Единственное, въ чемъ представители старой и новой церкви не могли сойтись, — это былъ вопросъ о главенствѣ папы, вслѣдствіе чего Регенсбургскія совѣщанія кончились ничѣмъ, но они доказали, какъ уже сильна была новая церковь.

---

[1]) Cornelius, Geschichte Münsterischen Aufruhrs. Leipz. 1855—60. 2 Bde.; Keller, Gesch. d. Wiedertäufer von Münster. 1880. Б.

Въ такомъ положенiи были дѣла въ Германiи до 1544 г., т.-е. до новаго возвращенiя туда Карла V. До сихъ поръ Карлъ смотрѣлъ на германское дѣло съ довольно легкой точки зрѣнiя. Онъ не придавалъ реформацiи особенной важности и смотрѣлъ на нее, какъ на ересь, которую можно всегда легко подавить. Но въ это время императоръ началъ будто прозрѣвать; онъ увидѣлъ, что отъ исхода германскаго дѣла зависитъ успѣхъ всѣхъ его дальнѣйшихъ предначертанiй. И вотъ въ это время, говоритъ Ранке, мы замѣчаемъ въ политикѣ императора какую-то торопливость. Онъ на-скоро рѣшаетъ дѣла съ турками и французами, подавляетъ возстанiе въ Нидерландахъ, наконецъ столько-же необдуманно предпринимаетъ свою неудачную экспедицiю въ Алжиръ, и все это для того, чтобы потомъ перенести свое вниманiе и сосредоточить свои силы на церковно-религiозныхъ дѣлахъ въ Германiи. Съ этимъ намѣренiемъ онъ прiѣхалъ сюда послѣ мира въ Крепи 1544 г.

Поворотъ въ политикѣ Карла.

Первое, что предпринято было имъ,—это созванiе вселенскаго собора, въ которомъ онъ видѣлъ лучшее средство уладить запутанныя церковныя отношенiя имперiи. По соглашенiю съ папой Павломъ III [1]) соборъ этотъ былъ созванъ въ Тридентѣ. Сюда приглашены были и представители евангелической церкви съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ отцами собора рѣшить спорные вопросы относительно ученiя и устройства церкви. Но понятно, что протестанты должны были недовѣрчиво отнестись къ собору, который большинствомъ своихъ католическихъ членовъ и при покровительствѣ императора могъ совершенно подавить ихъ. Поэтому протестантская депутацiя подъ разными предлогами уклонилась отъ поѣздки въ Тридентъ, такъ-что въ ея отсутствiе рѣшено было много важныхъ вопросовъ, — и рѣшено, конечно, въ духѣ старой церкви. Когда же Карлъ V рѣшительно потребовалъ отъ протестантовъ участiя въ соборѣ, то, получивъ отказъ, рѣшился принудить ихъ къ тому силою [2]). Въ 1546 г. онъ началъ съ Шмалькальденцами формальную войну, кончившуюся въ 1547 г.

Тридентскiй соборъ.

Война Карла съ Шмалькальденскимъ союзомъ.

---

[1]) Папа очень неохотно и лишь уступая необходимости согласился на созванiе собора и настаивалъ, чтобы соборъ созванъ былъ не въ самой Германiи, а въ Италiи. Тридентъ былъ избранъ мѣстомъ собранiя, какъ пунктъ, лежащiй на рубежѣ этихъ двухъ странъ. **Б.**

[2]) По вопросу объ отношенiяхъ Карла къ протестантамъ—спецiальная монографiя Maurenbrecher'a, Karl V und die deutschen Protestanten 1845 — 55. Düsseldorf. 1865: см. также Hasenclever, Die Politik d. Schmalkaldener vor Ausbruch d. Schmalkaldisch. Krieges. Berl. 1901; Faictz et Guerre de l'Empereur Charles Quint dans la guerre d'Allemagne (1546—1547). Manuscrit publié et annoté par Fr.-Mugnier. P. 1902. **Б.**

полнымъ пораженіемъ союзныхъ силъ подъ Мюльбергомъ. Оба главные вождя Шмалькальденскаго союза, курфюрстъ саксонскій и ландграфъ гессенскій, попались въ руки императору [1]). Курфюрстъ саксонскій лишенъ былъ своихъ владѣній и сана, и то и другое отдано родственнику его, Морицу Саксонскому [2]), стоявшему, не смотря на свой протестантизмъ, на сторонѣ Карла, а ландграфъ гессенскій заключенъ въ одну изъ нидерландскихъ крѣпостей. Сила Шмалькальденскаго союза была уничтожена, и протестантамъ не оставалось ничего другого, какъ покориться требованію императора и выслать депутатовъ на соборъ.

Недоразумѣніе между императоромъ и папой.

Но въ эту критическую минуту на выручку имъ явились неожиданныя обстоятельства—недоразумѣніе между императоромъ и папой [3]). Поводомъ къ этому былъ Тридентскій соборъ. Императоръ смотрѣлъ на соборъ, какъ на лучшее средство уладить запутанныя церковныя дѣла, безъ насилій и нарушеній основныхъ началъ старой церкви; папа же видѣлъ въ соборѣ средство увѣковѣчить старыя злоупотребленія и разсѣять тѣ сомнѣнія относительно ученія старой церкви, которыя распространены были протестантами. Но такъ какъ въ Тридентѣ соборъ находился въ предѣлахъ владѣній Карла V и такъ какъ папа не могъ разсчитывать на рѣшительныя дѣйствія собора въ томъ смыслѣ, какъ онъ желалъ, то перевелъ его въ Болонью. Императоръ увидѣлъ въ этомъ личное оскорбленіе и протестовалъ противъ перевода собора. Такимъ образомъ дѣло затянулось и возникло какое-то неопредѣленное положеніе, а для того, чтобы установить норму временнаго исповѣданія, Карлъ издалъ Аугсбургскій интеримъ, который допускалъ для протестантовъ только бракъ священниковъ и причащеніе подъ обоими видами. Неопредѣленное положеніе дѣлъ продолжалось до 1551 г., когда умеръ папа Павелъ III и преемникъ его Юлій III счелъ необходимымъ снова помириться съ Карломъ, т.-е. перевести соборъ обратно въ Тридентъ.

Пораженіе Карла.

Но и на этотъ разъ протестантовъ спасло опять неожиданное обстоятельство. Оказалось, что Морицъ ладилъ съ Карломъ для того только, чтобы получить саксонское курфюршество, а когда цѣль была достигнута, то вдругъ сталъ на сторону своихъ едино-

---

[1]) Ландграфъ гессенскій захваченъ вѣроломнымъ образомъ, спустя уже нѣкоторое время послѣ битвы, въ которой онъ не принималъ личнаго участія. Б.

[2]) Саксонская Историческая Коммиссія предприняла (1900) изданіе политической корреспонденціи Морица, подъ ред. Erich'a Brandenburg'a, которому принадлежитъ и біографія Морица Саксонскаго (Leipz. 1898). Ср. его-же ст. въ Histor. Zeitschr., N. F., 44 B. Б.

[3]) Druffel, Kaiser Karl V und die römische Kurie, 1544—1546). Б.

вѣрцевъ, а вмѣстѣ съ этимъ и тотъ духъ политическаго партикуляризма, который одушевлялъ всѣхъ нѣмецкихъ князей, проснулся и въ немъ съ новой силой. Въ 1552 г. Морицъ неожиданно разослалъ манифестъ, въ которомъ говорилось, что Карлъ V намѣренъ ниспровергнуть стародавнее устройство имперіи и обратить Германію въ державу своего дома. Манифестъ имѣлъ полный успѣхъ, и всѣ протестантскіе князья стали теперь на сторону возставшаго. Карлъ V, застигнутый врасплохъ, принужденъ былъ согласиться на перемиріе, которое и было подписано въ Пассау. По этому трактату (1552) Морицъ и его сторонники получили прощеніе, а протестантамъ была предоставлена религіозная свобода съ той оговоркой, что всѣ спорные вопросы окончательно будутъ рѣшены на ближайшемъ имперскомъ сеймѣ. Сеймъ этотъ состоялся въ Аугсбургѣ въ 1555 г. Здѣсь, по уполномоченію Карла, его братъ, Фердинандъ, подписалъ окончательный религіозный миръ съ слѣдующими ограниченіями: 1) установлена была такъ называемая reservatio ecclesiastica, по которой землямъ германскихъ духовныхъ владѣтелей должно было оставаться на вѣчныя времена въ католичествѣ; 2) относительно же свѣтскихъ князей было весьма важно принятое здѣсь начало, что jus reformandi принадлежитъ только князьямъ, тогда какъ ихъ подданные не имѣли этого права (cujus regio, ejus religio), и если кто изъ нихъ вздумалъ бы перейти въ протестантизмъ, то долженъ былъ выселяться изъ той области, гдѣ католическая церковь была господствующею.

Пассауский договоръ и Аугсбургскій религіозный миръ.

По Аугсбургскому религіозному миру (1555 г.) [1]) протестантизмъ впервые получилъ въ Германіи законное существованіе, былъ признанъ императорскою властію и только съ этого времени открылась передъ нимъ обезпеченная и прочная будущность. Новыя начала введены были такимъ образомъ въ жизнь германскаго народа. Относительно значенія этихъ началъ въ нѣмецкой исторической литературѣ существуетъ два главныхъ взгляда (если не считать представителей ультрамонтанской, строго-католической точки зрѣнія, въ родѣ, напр., Янсена). Представителемъ одного можно считать Ранке, а представитемъ другаго, напр., Циммермана и частію—Гейссера.

Взгляды на значеніе протестантизма для Германіи.

Ранке, какъ извѣстно, — одинъ изъ главныхъ основателей объективной прагматической школы бытописанія. Школа эта въ основѣ своихъ взглядовъ на историческія явленія полагала из-

---

[1]) Brandi, Der Augsburger Religionsfriede v. 25 sept. 1555. Kritische Ausgabe des Textes (изъ Briefe und Akten zur Gesch. d. XVI Jahrh. IV). München. 1896; Gust. Wolf, Der Augsburger Religionsfriede. Stuttg. 1890. Б.

вѣстный принципъ Гегелевской философіи: was wirklich ist, ist vernünftig, „что́ дѣйствительно, то и разумно“, и наоборотъ. Исходя изъ такого начала, школа прагматическаго объективизма воздерживается отъ всякаго суда надъ событіями минувшей жизни съ точки зрѣнія нынѣшняго времени. Она старается только понять ихъ и вмѣстѣ провѣрить, согласны ли они были съ дѣйствительными интересами, нуждами и потребностями того времени, когда они совершались. Понятно, что при такомъ общемъ отношеніи къ исторіи, Ранке, какъ и всѣ его послѣдователи, долженъ былъ безусловно оправдывать какъ поведеніе Лютера, такъ и признать совершившійся ходъ реформаціи не только разумнымъ, но и единственно возможнымъ. Въ величайшую заслугу германскимъ реформаторамъ Ранке ставитъ то, что они поняли эти нужды, интересы и потребности времени и съумѣли остаться въ должныхъ предѣлахъ, ограничивъ самое церковное преобразованіе извѣстнымъ твердымъ принципомъ, т.-е. авторитетомъ библіи, и, во-вторыхъ, не дали реформаціи перейти въ революцію, т.-е. коснуться общественнаго порядка. Ихъ подвигъ теряетъ нѣсколько, быть можетъ, наружнаго блеска, не такъ ярко бросается въ глаза; славолюбіе, говоритъ Ранке, которое стремится во что бы ни стало преобразовать міръ, летитъ отъ успѣха къ успѣху, открывая новыя и новыя перспективы для будущаго, конечно, сильнѣе приковываетъ взоры наблюдателя, но только рѣдко, быть можетъ, разъ или два въ исторіи, совершало оно истинно великія и прочныя дѣла; большею же частію пролетало оно метеоромъ или же въ вѣчныхъ міровыхъ силахъ находило то ограниченіе, какого не могло найти въ себѣ самомъ. Таково отношеніе Ранке къ этому явленію.

Циммерманъ, авторъ „Исторіи крестьянской войны въ Германіи“, по своему направленію принадлежалъ къ школѣ субъективнаго прагматизма, представителемъ котораго былъ извѣстный Шлоссеръ. Историки этого направленія считаютъ возможнымъ мѣрять событія минувшихъ вѣковъ не тѣми интересами и потребностями, среди которыхъ они возникли, но нынѣшними современными идеями и взглядами. Понятно, что Циммерманъ, съ такою мѣркою въ рукахъ, долженъ былъ несочувственно отнестись къ тому исходу, какой имѣла въ XVI вѣкѣ церковная реформація въ Германіи. Циммерманъ прямо обвинялъ Лютера въ томъ, что своимъ авторитетомъ и вѣскимъ вліяніемъ онъ воспрепятствовалъ народному движенію 1524 и 1525 гг. достигнуть тѣхъ результатовъ и цѣлей, которые имѣлись въ виду вождями этого движенія. Между прочимъ онъ сѣтуетъ на то, что крестьянская

война не могла содѣйствовать политическому объединенію Германіи, какъ это тогда предполагалось. Но политическое объединеніе есть идея современнаго нѣмецкаго общества, но никакъ не общества XVI вѣка. Въ XVI столѣтія, если подобная идея и существовала, то она была достояніемъ лишь немногихъ избранныхъ умовъ. Затѣмъ, мѣстный и областной партикуляризмъ былъ еще такъ силенъ, что подобная цѣль и не могла быть достигнута ни при какихъ условіяхъ. Вообще историку очень трудно судить, что было бы, еслибы крестьянское движеніе разыгралось на полномъ просторѣ, не было сдержано: можетъ быть, оно привело бы къ объединенію, но гораздо вѣроятнѣе, что этого не случилось бы и, слѣдовательно, вдаваться въ подобныя разсужденія есть дѣло фантазіи, но не научнаго анализа. За-то Циммерманъ вѣрнѣе Ранке оцѣниваетъ самое крестьянское движеніе. Ранке видитъ въ немъ не что иное, какъ одинъ изъ тѣхъ крестьянскихъ бунтовъ, которые отъ времени до времени возникали въ Германіи и прежде, особенно съ половины XV в. Явленію этому Ранке приписываетъ, такимъ образомъ, чисто мѣстный характеръ. Циммерманъ, напротивъ, первый изъ нѣмецкихъ изслѣдователей взглянулъ на это событіе глубже и увидѣлъ въ немъ не только мѣстное явленіе, но первый опытъ тѣхъ соціальныхъ революцій, рядъ которыхъ проходитъ черезъ всю новую западно-европейскую исторію. Крестьянское движеніе XVI в., на его взглядъ,—явленіе, совершенно родственное съ англійской и особенно съ французской революціей, такъ какъ руководящія идеи и даже характеръ дѣятелей совершенно здѣсь одинаковы и разница только въ томъ, что эти идеи въ XVI в., какъ первое порожденіе духа времени, были еще въ зародышѣ. Такъ, напр., 12 крестьянскихъ статей Циммерманъ приравниваетъ къ извѣстной „Déclaration des droits de l'homme"; затѣмъ даже въ вождяхъ крестьянскаго движенія, напр., въ Томасѣ Мюнцерѣ, онъ видитъ радикаловъ въ родѣ Робеспьера; наконецъ — тѣ же стремленія какъ тамъ, такъ и здѣсь, т. е.—ниспроверженіе средневѣковыхъ порядковъ и достиженіе тѣхъ-же началъ равенства передъ закономъ, свободы труда и единства государства. Словомъ, тѣ руководящія идеи, которыя одушевляли англійскихъ революціонеровъ и въ особенности французскихъ, видитъ онъ и въ идеяхъ Мюнцера и другихъ революціонныхъ вождей XVI в. Циммерманъ такимъ образомъ раздвигаетъ смыслъ этого событія до всемірно-историческаго значенія, — и съ этимъ отчасти нельзя не согласиться, конечно, не

придавая значенія нѣкоторой идеализаціи, которая замѣтна у него въ характеристикѣ дѣятелей крестьянскаго движенія XVI вѣка.

IV. Реформація на Скандинавскомъ сѣверѣ.

По исторіи Даніи—извѣстное сочиненіе Дальмана, „Geschichte von Dänemark". 3 Bde. 1843; по исторіи Швеціи — Гейера (Geijer, „Schwedische Geschichte". 1832—4: для этого періода—собственно 2-й т.); то и другое—въ сборникѣ Геерена и Укерта, „Geschichte der europäischen Staaten"; капитальные труды Allen'а на датск. яз.—„Исторія Даніи" (перев. и на франц. 1879) и „Ист. трехъ сѣв. королевствъ при Іоаннѣ, Христіанѣ II, Фридрихѣ I и Густавѣ Вазѣ" (5 т. 1865—1872); Weidling, „Schwedische Geschichte im Zeitalter der Reformation". Затѣмъ этого періода касается монографія Waitz'a, „Lübeck unter Jürgen Wullenwever und die europäische Politik". 3 Bde. Berlin. 1855. и на русск. языкѣ диссертація Г. В. Форстена, „Борьба изъ-за господства на Балтійскомъ морѣ". Спб. 1884 (тутъ въ концѣ подробныя указанія и на литературу вопроса); его-же, „Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII ст." Спб. 1893—4. 2 т.; имъ-же изданы „Акты и письма къ исторіи Балтійскаго вопроса въ XVI и XVII ст." 1889. Б.

Реформа западной церкви есть дѣло германской націи. Романскіе народы оставались большею частію при старой вѣрѣ. Даже у тѣхъ романскихъ народовъ, куда реформа проникла, утвердиться она не могла, напр. во Франціи. За-то въ земляхъ нѣмецкой національности развилась она почти повсемѣстно — въ Голландіи, Англіи, на Скандинавскомъ сѣверѣ, всегда перепутываясь, такъ или иначе, съ политическими интересами этихъ странъ [1]). Такъ, въ Даніи и Швеціи реформація послужила средствомъ къ удовлетворенію весьма важныхъ общественныхъ интересовъ, волновавшихъ въ XVI вѣкѣ политическую жизнь Скандинавскаго сѣвера. Она способствовала какъ расторженію Кальмарской уніи, ненавистной для шведовъ, такъ и возвышенію монархической власти въ обоихъ государствахъ, такъ долго страдавшихъ подъ гнетомъ двойной аристократіи — духовной и свѣтской. Церковная реформа удовлетворяла, такимъ образомъ, національнымъ стремленіямъ и потребностямъ датчанъ и шведовъ. Въ обѣихъ Скандинавскихъ странахъ произошло это при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Характеръ реформаціи въ Даніи и Швеціи.

Отношенія Швеціи къ Даніи.

Кальмарская унія, имѣвшая цѣлью политическое объединеніе Скандинавскаго сѣвера, состоялась въ 1397 г. и, будучи дѣломъ датской королевы Маргариты, повлекла за собою, естественно,

[1]) За важность общественно-политическаго момента въ религіозныхъ движеніяхъ реформаціоннаго времени стоитъ (какъ было уже упомянуто) проф. И. Н. Любовичъ въ своей статьѣ: „Общественная роль религіозныхъ движеній" (въ „Варшавск. Универс. Изв." 1881 г., № 1). Б.

первенство Даніи въ общемъ союзѣ. Шведы, понятно, не были довольны этой зависимостью и уже въ теченіе XV в. посредствомъ разныхъ ограниченій королевской власти старались сдѣлать ее менѣе тяжкою. Да и вообще унія, возникшая лишь по разсчетамъ династическимъ, а не въ силу народныхъ стремленій, нигдѣ не пользовалась популярностью.

Распаденіе Кальмарской уніи.

Въ началѣ XVI в. взаимная ненависть насильно соединенныхъ народовъ Скандинавіи дошла до того, что недоставало только какого-нибудь повода, чтобы это искусственное соединеніе распалось. Такимъ поводомъ было правленіе жестокаго и вѣроломнаго Христіана II Датскаго (1513—1523 г.), который кровавой „Стокгольмской баней“ (1520) возбудилъ противъ себя возстаніе шведовъ, а потомъ и собственныхъ подданныхъ [1]). Въ 1523 г. онъ былъ низложенъ въ обоихъ государствахъ: въ Даніи сословія избрали на его мѣсто дядю его, Фридриха I, герцога гольштинскаго и шлезвигскаго, а въ Швеціи королемъ сдѣлался патріотическій вождь возставшихъ и освободитель страны отъ низложеннаго тирана — Густавъ Ваза (пучекъ пряжи — Wase — въ гербѣ его). Кальмарская унія распалась.

Реформація въ Даніи.

Фридрихъ I, вступившій на престолъ въ 1523 г., былъ горячимъ приверженцемъ лютеранства, и такъ какъ въ Даніи уже давно шла проповѣдь этого ученія, то недоставало только правительственнаго почина, чтобы оно получило право гражданства въ странѣ. Фридрихъ принялъ теперь на себя эту иниціативу тѣмъ ревностнѣе, что съ введеніемъ реформаціи тѣсно связаны были, какъ и вездѣ, успѣхи государственной власти, къ усиленію которой стремились въ это время на Скандинавскомъ сѣверѣ. Поэтому уже въ 1527 г., на сеймѣ въ Оденсее, протестантамъ предоставлены были права терпимости, а при преемникѣ Фридриха, Христіанѣ III, въ половинѣ XVI в. лютеранство сдѣлалось даже господствующей религіей въ Даніи, причемъ громадныя недвижимыя имущества католическаго духовенства отобраны въ казну и немало усилили собой королевское могущество. Вмѣстѣ съ этимъ навсегда сломлена была въ Даніи и духовная аристократія прелатовъ. Для будущаго роста монархіи въ этой странѣ это былъ уже важный шагъ, такъ какъ паденіемъ

---

[1]) Внутренняя политика этого Христіана II, при всей его жестокости и вѣроломствѣ, ознаменована реформами, направленными къ поднятію матеріальнаго благосостоянія страны, къ созданію цвѣтущей и самостоятельной торговли въ ней, путемъ освобожденія отъ торговаго подчиненія Ганзѣ; цѣли эти Христіанъ преслѣдовалъ съ необыкновенной энергіей. Самая жестокость его отчасти объясняется борьбою съ могущественною аристократіей, силу которой онъ желалъ сломить. Б.

прелатовъ наносился чувствительный ударъ и свѣтской аристократіи — дворянству, столь могущественному, гордому и богатому въ то время.

Положеніе Швеціи. Такимъ образомъ, введеніе реформаціи въ Даніи послужило въ рукахъ правительства лишь орудіемъ къ достиженію государственныхъ цѣлей. Какъ впрочемъ и вездѣ, народы по отношенію къ реформѣ церкви руководились своими чувствами — симпатіи или отвращенія —, правительства же почти всегда — холоднымъ политическимъ разсчетомъ. Такъ было и въ Швеціи. Реформаціонная проповѣдь и здѣсь также дѣлала свое дѣло, особенно на югѣ страны, гдѣ населеніе было гуще, богаче и образованнѣе и гдѣ, поэтому, эксплуатація духовенства была чувствительнѣе. А эксплуатація была страшная. Двѣ трети поземельной собственности въ Швеціи принадлежали католической церкви, остальное было въ рукахъ дворянства. Корона, получая 24 тыс. марокъ ежегоднаго дохода, должна была расходовать 60 т. Средняго сословія почти не было. Крестьяне томились подъ гнетомъ двойной аристократіи. Наконецъ, надъ всею страной тяготѣло чужеземное иго и власть вѣроломнаго, кровожаднаго тирана, подобнаго Христіану II.

Густавъ Ваза. Среди такихъ печальныхъ обстоятельствъ спасителемъ погибающей Швеціи явился Густавъ Ваза (1523—1560). Молодой дворянинъ этотъ, настоящее имя котораго было Эриксонъ, своимъ патріотизмомъ и дарованіями умѣлъ преодолѣть всѣ трудности и положить основаніе тому величію Швеціи, какого она достигла въ XVII вѣкѣ. Сначала онъ освободилъ страну отъ власти датчанъ, и благодарный народъ провозгласилъ его за это королемъ; потомъ сталъ покровительствовать реформаціи съ тою цѣлью, чтобы этимъ путемъ отобрать въ казну несмѣтныя богатства церкви, и на сеймѣ въ Вестересѣ[1]) въ 1527 г. ему дѣйствительно удалось достигнуть этого, хотя за содѣйствіе, оказанное ему при этомъ дворянствомъ, король долженъ былъ уступить ему часть конфискованныхъ церковныхъ имуществъ и тѣмъ еще болѣе усилить его значеніе, и безъ того очень могущественное. На этомъ же Вестерескомъ сеймѣ рѣшено было предоставить евангелическому ученію полную свободу развитія и распространенія въ Швеціи.

Такимъ образомъ, въ обоихъ Скандинавскихъ государствахъ

---

[1]) На которомъ впервые присутствовали представители городского и крестьянскаго сословія. Б.

реформа церкви послужила могущественнымъ средствомъ и для ихъ общественнаго возрожденія.

V. Францiя въ реформацiонную эпоху.

Изъ источниковъ, кромѣ донесеній итальянскихъ пословъ, важнѣйшіе: письма Екатерины Медичи („Lettres de Catherine de Médicis", изд. de Laferrière, а послѣ его смерти—Baquenault de Puchesse, въ „Collection de documents inédits", 1880 сл.), Генриха IV („Lettres missives de Henri IV", изд. Berger de Xivrey [7 v.] и затѣмъ Guadet [8—9 т.] въ „Collection de documents inédits"; см. также Halphen, „Lettres inédites de Henri IV". 1872; „Lettres de Henri IV au comte de la Rocheport, ambass. en Espagne (1600—1)", изд. Lefleur de Karmaingant (1889) и друг.); корреспонденція французскихъ реформаторовъ (Herminjard, „Correspondance des Réformateurs dans les Pays de la langue française", издаваем. съ 1866 г.); Thuanus, „Historiarum sui temporis libri CXXXVIII" (De-Thou—участникъ и современникъ тогдашнихъ событій, и „хотя католикъ, но безпристрастенъ къ гугенотамъ, почему его исторія и была запрещена index'омъ"); а изъ гугенотовъ, современниковъ религіозныхъ войнъ и оставившихъ намъ свидѣтельства о той эпохѣ, слѣдуетъ поставить на первомъ мѣстѣ Du-Plessis Mornay („Mémoires et correspondance", изд. 1824—25) и Theodore Agrippa d'Aubigné („Histoire universelle", съ 1550 по 1601 г.; лучшее изд. Société de l'hist. de France, подъ ред. Ruble), стоявшихъ близко къ Генриху IV. Затѣмъ въ числѣ источниковъ можно назвать мемуары Брантома, де-Таванна, Монлюка и т. п. (мемуары вообще см. въ коллекціяхъ Michaud et Poujoulat, Petitot, Buchon'a и проч.); немало данныхъ о томъ времени находимъ въ Bulletin, изд. съ 1852 г. „Société d'histoire du protestantisme français", въ „Archives de l'histoire religieuse de la France", въ „L'Histoire de France racontée par les contemporains" (Extraits des chroniques et des mémoires, publ. par Zeller P. 1881—90. 65 т.), и въ изданіи подъ заглавіемъ: „Archives curieuses de l'histoire de France depuis Louis XI jusqu'à Louis XVIII": наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще о „Historia delle guerre civili di Francia (1560—1597)" итальянца Давилы, современника Генриха IV,—исторіи теперь, правда, утратившей почти всякое значеніе, но въ свое время пользовавшейся большимъ авторитетомъ.

Изъ пособій на французскомъ яз.—соотвѣтствующіе томы общихъ сочиненій по исторіи Франціи Сисмонди, Мишле (на русск. яз. перев. „Исторія Франціи въ XVI ст." и „Генрихъ IV". Спб. 1860), Анри Мартена, теперь уже болѣе или менѣе устарѣлыхъ; въ настоящее время издается прекрасная „Исторія Франціи" подъ ред. Лависса (коллективный трудъ). „Вообще во Франціи только со временъ Гизо и Кузена началась правильная оцѣнка реформаціи, а то господствовалъ ультрамонтанскій взглядъ на эту эпоху. Съ половины „истекшаго" столѣтія стало появляться немало и серьезныхъ, спеціальныхъ изслѣдованій по исторіи Франціи въ реформаціонный періодъ. Такъ на французскомъ яз. имѣется до сихъ поръ лучшая общая монографія о Генрихѣ IV — Пуарсона (Poirson, „Histoire de Henri IV". 4 v. 1856 и сл.), затѣмъ Guadet, „Henri IV, sa vie et ses écrits". P. 1876; Hanotaux, „Études sur le XVI et le XVII siècle". P. 1886; du Bled, „La société française du XVI siècle au XX siècle". P. 1900 сл.; Perrens, „L'Église et l'État en France sous le règne de Henri IV et la régence de Marie de Médicis", 2 v. 1873; очень спеціальныя, но въ то же время основательныя, изслѣдованія Alph. de

Ruble, „Antoine de Bourbon et Jeanne d'Albret" (1881—6, 4 v.), „Jeanne d'Albret et la guerre civile". 1897 (ср. имъ-же изд. „Mémoires et poésies de Jeanne d'Albret". 1894); Forneron, „Les ducs de Guise et leur époque". 2 v. 1877; Puaux, „Histoire de la réforme française". 2 v. 1857—59; Hauser, „La Réforme et les classes populaires en France au XVI siècle" (Rev. d'hist. moderne et contempor., 1899, I), и т. д. „Но все-же самые основательные труды по исторіи Франціи за этотъ періодъ принадлежатъ нѣмцамъ и прежде всего Ранке—„Französische Geschichte, vornehmlich in XVI und XVII Jahrhundert" (6 т., 1852 и сл.): это—почти полный курсъ французской исторіи; изложеніе вполнѣ объективное. Затѣмъ—Polenz, „Geschichte d. französischen Calvinismus". 5 v. 1858 и сл.,—исключительно исторія религіознаго движенія, но зато вліяніе и роль кальвинизма изслѣдованы со всѣхъ сторонъ"; Soldan, „Geschichte des Protestantismus in Frankreich". 2 v. 1855; Philippson, „Westeuropa im Zeitalter von Philipp II, Elisabeth und Heinrich IV" (1882, въ коллекціи Онкена) и его-же 3-томная монографія о Генрихѣ IV и Филиппѣ III („Heinrich IV und Philipp III". 1870—76). Въ англійской литературѣ—см. Grant, „The French Monarchy (1483—1789)". 2 v. (въ коллекціи Cambridge Historical Series); Willert, „Henry of Navarre and the Huguenots in France". 1893 (изъ коллекціи Heroes of the Nation); въ русской литературѣ по вопросу объ эпохѣ религіозной борьбы во Франціи извѣстны труды проф. П. В. Лучицкаго: „Феодальная аристократія и кальвинисты во Франціи". Кіевъ 1871, и „Католическая лига и кальвинисты во Франціи". К. 1877; см. также Клячинъ: „Политическія собранія и политическая организація кальвинистовъ во Франціи въ XVI в." 1887 (изъ „Кіевск. Унив. Изв.").

Указанія на литературу о Кальвинѣ и по другимъ вопросамъ см. ниже. Б.

Кальвинизмъ и религіозныя войны.

Монархическое начало во Франціи.

Обращаясь къ изложенію исторіи французской реформаціи, мы должны начать съ обозрѣнія тѣхъ общихъ задачъ и интересовъ, которые завѣщаны были новой Франціи средними вѣками.

Ходъ государственной исторіи Франціи, начиная съ XII в., постепенно клонился къ усиленію монархическаго начала. Трудами замѣчательнѣйшихъ Капетинговъ въ этомъ отношеніи сдѣлано было довольно много. Людовики VI и VII, Филиппъ II Августъ, Людовикъ IX Святой, наконецъ Филиппъ IV Красивый успѣли поднять монархическую власть настолько, что въ кругу общественныхъ силъ страны она заняла первое мѣсто. А при послѣднихъ средневѣковыхъ короляхъ Франціи—Людовикѣ XI и Карлѣ VIII—достигнуто было и полное территоріальное объединеніе французскаго государства.

Но, не смотря на такія пріобрѣтенія, монархіи въ XVI в. оставалось сдѣлать еще очень много. Во-первыхъ, сословія: дворянство, духовенство, города, сельское населеніе, примыкавшее по своимъ стремленіямъ къ горожанамъ, стояли еще очень рѣзко и враждебно другъ противъ друга, такъ какъ каждое имѣло и пре-

слѣдовало свои особые интересы, почему у нихъ и не было еще общихъ цѣлей. Затѣмъ, не смотря на соединеніе всѣхъ областей французской территоріи подъ непосредственнымъ управленіемъ короны, каждая изъ нихъ жила еще своими мѣстными интересами, преслѣдуя свои партикуляристическія цѣли. Обще-сословные сеймы (états généraux), начавшіеся съ XIV в., въ значительной степени ограничивали еще права короны. Наконецъ, парламенты по разнымъ областямъ края, число которыхъ къ исходу среднихъ вѣковъ простиралось до 14, представляя собою высшую судейскую власть въ государствѣ, пользовались значительной независимостью.

Франсуа I.

Въ такомъ положеніи было государство, когда въ 1515 г. вступилъ на французскій престолъ Франсуа I. Этотъ государь, если не по своему личному характеру, то по цѣлямъ и направленію своей внутренней и внѣшней политики, есть собственно первый французскій король въ новомъ смыслѣ этого слова, хотя внѣшняя обстановка его правленія, по наружному впечатлѣнію, напоминаетъ еще средніе вѣка. Франсуа I есть живое олицетвореніе тѣхъ двухъ направленій, рыцарскаго и монархическаго, которыя господствовали въ то время во французскомъ обществѣ. По внѣшней обстановкѣ, по понятіямъ, вкусамъ и образу жизни Франсуа—полный представитель рыцарства, но рыцарства уже не средневѣковаго, а выродившагося, такъ сказать, искусственнаго, сущность котораго состояла скорѣе въ соблюденіи внѣшнихъ формъ рыцарской жизни, нежели въ преслѣдованіи идеальныхъ цѣлей, одушевлявшихъ нѣкогда прежнее рыцарство.

Его внутренняя и внѣшняя политика.

Съ другой стороны, король этотъ въ своей политикѣ, какъ внѣшней, такъ и внутренней, стоитъ уже совершенно на почвѣ новаго времени. Внутри государства проводитъ онъ главнымъ образомъ возвышеніе монархическаго начала [1]), идея котораго въ то время еще сильнѣе стала властвовать надъ умами вслѣдствіе возрожденія античныхъ представленій о всемогуществѣ и всезначеніи государства. Юристы, окружавшіе его престолъ, работаютъ по указанію короля въ этомъ смыслѣ и по ново-открытымъ тогда пандектамъ въ королевскихъ ордоннансахъ проводятъ послѣдовательно этотъ принципъ. Извѣстное изрѣченіе Франсуа: „чего хочетъ король, того хочетъ и законъ“, можетъ служить девизомъ всей его внутренней государственной дѣятельности.

Во внѣшней политикѣ мы видимъ тоже новое направленіе и характеръ. Вмѣсто того, чтобы стремиться къ какой-нибудь

[1]) См. между проч.—П. Н. Ардашевъ, Абсолютная монархія на Западѣ. Спб. 1902 (изъ коллекціи: „Ист. Европы по эпох. и странамъ“). Б.

утопіи, подобно тому какъ Карлъ V преслѣдовалъ отжившую теорію средневѣковаго императорства, Франсуа, напротивъ, имѣлъ въ виду одни національныя цѣли, нужды и интересы современнаго ему государства. И прежде всего является онъ представителемъ тѣхъ стремленій къ внѣшнимъ пріобрѣтеніямъ, къ расширенію французской государственной территоріи, которыя стали обнаруживаться во Франціи со времени Карла VIII и Людовика XII, т.-е. съ конца XV и начала XVI в. Завоевательные планы французовъ съ этого времени были, какъ извѣстно, направлены на Италію, и король Франсуа считалъ своимъ долгомъ продолжать дѣло своихъ предшественниковъ. Но такая завоевательная политика, естественно, вызвала въ остальной Западной Европѣ противодѣйствіе въ силу принципа равновѣсія, установившагося между государствами. Противъ военнаго могущества Франціи тотчасъ явилось противодѣйствіе въ лицѣ Карла V. Отсюда рядъ войнъ между Франсуа и Карломъ, начавшихся со вступленія его на престолъ и кончившихся за три года до смерти короля Крепійскимъ договоромъ, по которому Франція должна была окончательно уступить Верхнюю Италію императору. Въ войнахъ этихъ, впрочемъ, рѣшался не только споръ объ Италіи, но и общій вопросъ о политическомъ первенствѣ въ Западной Европѣ—Франціи или Габсбурго-Испанской державы,—вопросъ о томъ, удержится ли система равновѣсія между государствами, или же исполнится мечтательная утопія Карла V о всемірной монархіи.

Такимъ образомъ, хотя главная цѣль войны и не была достигнута Франсуа, но за нимъ все-таки остается заслуга та, что своимъ противодѣйствіемъ онъ спасъ равновѣсіе Европы.

Французское «возрожденіе». Время короля Франсуа замѣчательно для Франціи и въ другомъ отношеніи. Это была эпоха французскаго возрожденія, такъ наз. „Renaissance“. Направленіе это, научное и художественное, занесено было во Францію, какъ и въ другія западноевропейскія страны, тоже изъ Италіи. Продолжительныя войны Франціи въ этой странѣ и установившіяся вслѣдствіе ихъ частыя сношенія съ ней служили превосходнымъ проводникомъ итальянскаго гуманизма на французскую почву. Слѣдуя обычаю вѣка, и самъ Франсуа, одаренный тонкимъ чутьемъ къ изяществу, считалъ своимъ долгомъ быть меценатомъ этого научно-художественнаго движенія. Дворъ его наполнился не только славными рыцарями и прелестными женщинами, которымъ онъ первый изъ французскихъ

королей открылъ доступъ и вліяніе на политику [1]), но и знаменитыми учеными и художниками, какъ итальянскими, такъ и національными. Бенвенуто Челлини, Жанъ Гужонъ, Делормъ и Леско украсили столицу его великолѣпными постройками и памятниками искусства, между которыми Тюльери и Лувръ занимаютъ первое мѣсто. Разработка и изученіе классической литературы тоже развились при немъ впервые во Франціи. Бюдэ, Этьенъ (Стефанусъ) [2]) и затѣмъ уже во второй половинѣ XVI в. Скалигеръ и братья Питу были главными дѣятелями въ этой области. Лучшимъ же органомъ этого направленія является основанная королемъ Collège de France—высшая школа, которая должна была составить естественный противовѣсъ знаменитой Сорбоннѣ, этому главному разсаднику средневѣковой схоластики. Наконецъ, для распространенія и успѣховъ классической литературы заведена была образцовая книгопечатня — Imprimerie royale.

Итакъ, въ жизни французскаго общества времени Франсуа мы замѣчаемъ три составныхъ элемента: монархическій, унаслѣдованный отъ прежнихъ поколѣній и подновленный античными ученіями о государственномъ самодержавіи, потомъ — искусственно-возрожденное рыцарство, носившее на себѣ весь внѣшній лоскъ древняго рыцарства, наконецъ—блестящее научно-художественное развитіе. Въ кругъ этихъ элементовъ намъ предстоитъ теперь ввести четвертое начало, возникшее тоже во время короля Франсуа, это—протестантизмъ.

Первыя свободно-религіозныя мнѣнія во Франціи обнаружились частью въ формѣ лютеранства, частью-же въ видѣ самостоятельныхъ реформаторскихъ ученій [3]), представителями которыхъ были національные богословы: Жакъ Лефевръ [4]), положившій основаніе французскому переводу библіи, Беркенъ, лучшій истолкователь мнѣній Лютера, и Бриссоне, въ противоположность обрядности и формализму средневѣковаго католичества развившій Протестантизмъ во Франціи.

[1]) Изъ нихъ особенно выдавалась сестра короля, Маргарита Ангулемская, королева Наваррская, писательница и покровительница первыхъ протестантовъ во Франціи. О ней см.—M-me James Darmesteter, Reine de Navarre, Marguerite d'Angoulême. P. 1900; а на русск. яз.—монографію г-жи А. М. Петрункевичъ, Маргарита Ангулемская и ея время (Истор. оч. изъ эпохи Возрожд. во Фр.). Спб. 1899. **Б.**

[2]) Clément, Henri Estienne et son oeuvre française. P. 1898.

[3]) De Maulde-la-Clavière, Les origines de la Révolution française au commencement du XVI siècle. La veille de la Réforme. P. 1889: Hauser, De l'humanisme et de la réforme en France (Rev. hist, 1897, juil.-août); Guiraud, L'église et les origines de la Renaissance. **Б.**

[4]) Barnaud, Jacques Lefèvre d'Etaples (1435—1536). Son influence sur les origines de la réformation française. 1901. **Б.**

ученіе о сердечной религіозности, на манеръ мистиковъ XV в. и особенно Ѳомы Кемпійскаго. Но вообще между различными религіозными толками этого рода ученіе Лютера имѣло замѣтный перевѣсъ, особенно въ южной Франціи, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ уже подготовлена была для этого почва альбигойскими сектами среднихъ вѣковъ. Въ этой странѣ преимущественно и развился французскій протестантизмъ. Но пока онъ представляется въ началѣ еще чѣмъ-то смутнымъ и разъединеннымъ. Настоящимъ же организаторомъ французской церковной реформы былъ Жанъ Кальвинъ [1]).

Кальвинъ. Онъ происходилъ (род. въ 1509 г.) изъ пикардскаго города Нойоны, гдѣ отецъ его былъ зажиточнымъ и чиновнымъ обывателемъ. Молодой Жанъ, предназначенный-было къ профессіи юриста, сперва изучалъ право и классическія науки. Такія занятія, способствующія прежде всего развитію логическаго мышленія, и воспитали въ немъ тотъ послѣдовательный и точный умъ, которымъ отличались какъ его произведенія, такъ и практическая дѣятельность. Къ богословію онъ пристрастился въ Орлеанскомъ университетѣ, гдѣ сблизился съ нѣкоторыми молодыми товарищами, особенно съ извѣстнымъ Теодоромъ де-Беза, который впослѣдствіи сдѣлался для него тѣмъ же, чѣмъ былъ Меланхтонъ для Лютера. На этомъ новомъ поприщѣ Кальвинъ вскорѣ пріобрѣлъ такую опытность и глубокія познанія, что въ 1536 г. издалъ уже великолѣпный богословскій трудъ сначала на латинскомъ, а потомъ и на французскомъ языкѣ. Трудъ этотъ — „Christianae religionis Institutio“ — есть лучшее ученое со-

---

[1]) Не говоря о сочиненіяхъ самого Кальвина („Calvini Opera“, изд. Baum, Cunitz и Reuss въ Corpus Reformatorum, 59 т. См. Bibliographia Calviniana, изд. Erichson'омъ), источникомъ служатъ его письма („Lettres françaises de Jean Calvin“, par Bonnet. 2 v. 1854) и біографія, составленная его ученикомъ и сотрудникомъ—Теодоромъ Безой („Ioannis Calvini Vita“. 1575); Безѣ принадлежитъ и „Церк. исторія реформирован. церквей Франціи“ (новѣйш. изд.— Baum'a и Cunitz'a, 1889, 3 т.)—Изъ пособій—лучшая монографія о Кальвинѣ принадлежитъ католику Kampschulte („Iohann Calvin, seine Kirche und sein Staat in Genf“. I т.—въ 1869; II т. вышелъ 30 лѣтъ спустя, уже послѣ смерти автора, въ 1899 г.); изъ другихъ можно назвать Henry, „Leben Ioh. Calvins“. 3 Bde. 1835-44, и Stähelin, „Ioh. Calvin.“ 2 Bde. 1860—63; важны многочисленныя работы Cornelius'a, касающіяся Кальвина (онѣ собраны въ его „Historische Arbeiten vornehmlich zur Reformationszeit“. Leipz. 1899); новѣйшая біографія Кальвина—Doumerque, „Jean Calvin, les hommes et les choses de son temps“ (т. I—1900, т. II—1903). См. также Borgeaud, „Académie de Calvin“ и Buisson, „Sebastian Castellion, sa vie et son oeuvre“. P. 1891. 2 v. По исторіи Женевы въ эпоху Кальвина важенъ трудъ Am. Roget, „Histoire du peuple de Genève, depuis la Réforme jusqu'à l'Escalade“ (довед. до 1568 г., 7 т. 1870 и сл.); а также см. Choisy, „L'Etat chrétien Calviniste à Genève, au temps de Théodore de Bèze“. P. 1902. Въ русской литературѣ имѣется капитальный трудъ Р. Ю. Виппера, „Церковь и Государство въ Женевѣ XVI в. въ эпоху кальвинизма“. М. 1894, во многомъ исправляющій изложеніе Кампшульте. Б.

чипеніе во всей протестантской богословской литературѣ XVI в. и не только имѣлъ тогда, но даже и теперь имѣетъ высокое значеніе. Догматическая сторона ученія Кальвина мало отличается отъ общихъ протестантскихъ церковныхъ основъ. Только эти основы доведены имъ до ихъ крайнихъ логическихъ послѣдствій, какъ и вообще Кальвинъ—радикальный реформаторъ XVI в.; такъ, напр., извѣстное протестантское ученіе о „предопредѣленіи" Кальвинъ довелъ до фатализма, развивъ его въ теорію предначертаннаго свыше избранія для вѣчнаго спасенія или для вѣчной гибели. Въ устройствѣ своей церкви Кальвинъ тоже не создалъ почти ничего новаго, такъ какъ пресвитеріанская организація и возвращеніе къ первобытной простотѣ культа, какія мы видѣли въ реформированной церкви швейцарской, усвоены были и имъ. Но были однако и особенности, исключительно ему принадлежавшія, это—прежде всего—практическій характеръ реформы его. Характеръ этотъ сказался въ томъ, что, по его мнѣнію, недостаточно измѣнить догматы, недостаточно дать церкви новое, болѣе разумное устройство, но главнѣе всего нужно практическое примѣненіе христіанскаго ученія къ самой жизни. Во Франціи Кальвинъ не имѣлъ возможности развить эту практическую сторону своего ученія, потому-что начавшіяся подъ конецъ правленія Франсуа преслѣдованія новыхъ религіозныхъ мнѣній заставили его покинуть родину и удалиться сначала въ Германію, а потомъ въ Швейцарію, гдѣ въ Женевѣ съ 1541 г. [1]) онъ и основался окончательно.

Въ Женевѣ въ то время шла борьба двухъ политико-религіозныхъ партій—старины, опиравшейся на господство Савойскаго дома, и партіи патріотовъ, которая въ своихъ общихъ стремленіяхъ преслѣдовала тѣ цѣли швейцарской политики, которыя имѣлись въ виду Цвингли. Въ этотъ-то водоворотъ борьбы столкнувшихся общественныхъ интересовъ попалъ прибывшій туда Кальвинъ, и такъ какъ онъ пользовался уже тогда славой знаменитаго богослова и проповѣдника, то люди, стоявшіе во главѣ патріотической партіи, охотно предложили ему убѣжище и возможность раздѣлить съ ними дѣятельность [2]). Вскорѣ однако Кальвинъ, въ силу своего высокаго ума и особенно несокрушимаго характера, получилъ въ кругу другихъ дѣятелей этой партіи та-

[1]) Кальвинъ прибылъ въ Женеву собственно еще въ 1536 г, но вскорѣ (въ 1538 г.) вынужденъ былъ покинуть этотъ городъ и поселился въ Страсбургѣ, пока, наконецъ, въ 1541 г. женевцы не призвали его опять. Съ этихъ-то поръ и начинается его владычество въ Женевѣ. Б

[2]) Изъ такихъ лицъ наиболѣе замѣчателенъ Гильомъ Фарель. Б.

кой рѣшительный перевѣсъ, что начиная съ 1541 г., когда ему окончательно удалось подавить партію старины, сдѣлался почти полновластнымъ распорядителемъ судьбы республики, удержавъ это значеніе до самой смерти (1564).

…рганизація …альвинова …сударства и церкви.

Всю силу своей реформы Кальвинъ поставлялъ не столько въ измѣненіи вѣроученія, сколько въ церковной дисциплинѣ, которою онъ думалъ регламентировать всю жизнь вѣрующихъ для того, чтобы сдѣлать ихъ христіанами не только по имени, но и на самомъ дѣлѣ. Въ Женевѣ, пользуясь почти неограниченнымъ вліяніемъ на дѣла республики и опираясь на свой авторитетъ, Кальвинъ въ сущности во главѣ государственнаго управленія поставилъ консисторію, облеченную высшею нравственно-цензорскою властью и состоявшую изъ 12 свѣтскихъ членовъ и 6 духовныхъ; въ числѣ послѣднихъ самъ Кальвинъ занялъ первое мѣсто; тогда какъ церковными дѣлами управлялъ синодъ, состоявшій изъ всѣхъ евангелическихъ проповѣдниковъ Женевы, въ кругу которыхъ Кальвину опять-таки принадлежало первенствующее значеніе. Сосредоточивъ такимъ образомъ въ своихъ рукахъ почти неограниченное управленіе, какъ общественными, такъ и церковными дѣлами, Кальвинъ успѣлъ провести цѣлый рядъ дисциплинарныхъ постановленій, которыми регламентировалась общественная и частная жизнь гражданъ; идеаломъ же при этомъ принята была простая, суровая и высоко-нравственная жизнь временъ апостольскихъ. Предписано было, напр., когда вставать и ложиться, какую носить одежду, какой вести образъ жизни; изгнаны прежняя роскошь и комфортъ домашняго и общественнаго быта; уничтожены общественныя развлеченія: балы, маскарады, игра въ карты и кости; отмѣнены всѣ праздники, за исключеніемъ воскреснаго дня, который за-то уже праздновался со строгостью ветхозавѣтной субботы. Назначены визитаторы, которые обходили дома гражданъ и ревизовали ихъ частную жизнь. Введены суровыя наказанія за каждое нарушеніе этихъ правилъ, и въ уголовный кодексъ Женевы проникли лютыя казни: колесованіе, сожженіе на кострахъ и т. п. За нарушеніе супружеской вѣрности, напр., назначена смертная казнь; за пѣніе непристойныхъ пѣсенъ—изгнаніе; даже за неприличныя слова и жесты отвѣтчики подвергались церковному покаянію. Женева уподобилась мало-помалу какой-то школѣ, управляемой суровымъ и строгимъ учителемъ; и такъ какъ школа эта и ея воспитаніе продолжались болѣе 20 лѣтъ, то въ теченіе такого долгаго времени могло вырости цѣлое поколѣніе гражданъ, проникнутыхъ этимъ духомъ.

Жизнь кальвинистскаго общества, какъ ее воображалъ и какою старался сдѣлать ее Кальвинъ, вся была скопирована съ библіи. Вотъ этотъ-то нравственный ригоризмъ, переходящій иногда въ лицемѣріе и ханжество, и составляетъ главную отличительную черту кальвинизма среди другихъ протестантскихъ сектъ. Другая затѣмъ черта его—это строгій республиканскій духъ, воспитанный тѣми условіями общества, среди котораго возникло и развилось это религіозное ученіе. Эти двѣ черты—ригоризмъ и республиканско-демократическій духъ—сопровождали потомъ кальвинизмъ повсюду. Съ такимъ характеромъ является онъ вездѣ, куда проникъ впослѣдствіи: въ Южной Германіи, Нидерландахъ, Шотландіи, Англіи и Сѣверной Америкѣ [1]).

Характеръ кальвинизма.

Во Францію, гдѣ онъ подчинилъ своему вліянію всѣ другія протестантскія секты, кальвинизмъ проникъ къ концу правленія Франсуа, когда число французскихъ протестантовъ было уже весьма значительно въ этой странѣ. Послѣдователи Кальвина получили здѣсь и особое названіе: ихъ стали называть гугенотами. Насчетъ происхожденія этого имени существуетъ множество объясненій; но самое правдоподобное то, что оно произошло отъ испорченнаго нѣмецкаго слова „Eidgenossen", т.-е. „соприсяжные", „союзники" или „товарищи", такъ какъ этимъ именемъ обыкновенно называли себя швейцарцы. т.-е. тѣ люди, которые преимущественно и распространили во Франціи кальвинизмъ [2]).

Гугеноты.

Что касается отношенія французскаго правительства и лично самого Франсуа къ этому ученію, то сначала это отношеніе было очень благопріятно. Король Франсуа, какъ умный образованный государь, не могъ не понимать тѣхъ злоупотребленій католической церкви, которыя тогда смущали лучшіе умы и совѣсти. Дѣйстви-

Отношеніе французскаго правительства и общества къ кальвинизму.

---

[1]) Для католической церкви кальвинизмъ былъ еще болѣе враждебенъ и болѣе опасенъ, нежели лютеранство: въ немъ, какъ мы видѣли, принципъ протестантизма получилъ дальнѣйшее развитіе; это было ученіе болѣе крайнее; католицизму оно способно было оказать гораздо большее сопротивленіе; его отличалъ духъ прозелитизма; и никогда съ лютеранствомъ не приходилось католической церкви вести такой ожесточенной и упорной борьбы, какъ съ кальвинизмомъ. А между тѣмъ въ кальвинизмѣ, въ этомъ непримиримомъ врагѣ папства, мы замѣчаемъ и черты сходства съ католицизмомъ: тотъ-же теократическій духъ, тотъ-же фанатизмъ и та-же крайняя нетерпимость ко всѣмъ тѣмъ, кто съ точки зрѣнія кальвинистовъ былъ еретикомъ или безбожникомъ, и жертвой этой нетерпимости еще при Кальвинѣ дѣлается Михаилъ Серветъ. Б.

[2]) По новѣйшимъ объясненіямъ, слово гугенотъ происходитъ отъ голландскаго Huisgenoot или отъ нѣмецкаго Hausgenosse и означаетъ того, кто живетъ въ томъ-же домѣ, а затѣмъ—„собрата" (по вѣрѣ). См. ст. De Schickley'a (Société de l'hist. du protestantisme franç. 1900) и de Grandmaison, Origine et étymologie française du mot huguenot prouvées par des textes authentiques antérieurs à la Réforme (ibid. 1902, 15 janv.). Б.

тельно, онъ очень благосклонно отнесся къ первымъ религіознымъ новаторамъ, покровительствовалъ Беркену и одно время переписывался съ Меланхтономъ, приглашая его во Францію для того, чтобы путемъ публичнаго диспута рѣшить возникшія церковныя несогласія. Въ кругу его семейства были люди, еще далѣе простиравшіе это сочувствіе къ новой вѣрѣ. Такъ, любимая сестра его, Маргарита [1]), стала почти явно на сторону новаго ученія и даже, когда начались противъ него преслѣдованія, открыла ему убѣжище въ своемъ небольшомъ королевствѣ, Наваррѣ. Но чѣмъ болѣе король знакомился съ содержаніемъ и духомъ гугенотскаго ученія, тѣмъ болѣе отвращался отъ него. Особенно его пугалъ тотъ рѣзкій республиканскій духъ кальвинизма, который стоялъ въ такомъ непримиримомъ противорѣчіи съ монархическими стремленіями его правительства. Кромѣ того, королю, такъ ревниво оберегавшему полноту своей власти, невыгодно было перемѣнить вѣру и въ другомъ отношеніи. Въ 1515 г., тотчасъ послѣ первой Итальянской войны, король заключилъ съ папой Львомъ X чрезвычайно выгодный конкордатъ, въ силу котораго французская церковь отдавалась въ почти полное распоряженіе короны; замѣщеніе всѣхъ церковныхъ должностей предоставлено было усмотрѣнію короля; въ самой коллегіи кардинальской число французскихъ кардиналовъ увеличено было до 15 человѣкъ, чѣмъ и обезпечивалось вліяніе французскаго правительства въ самой куріи. Кромѣ короля, и важнѣйшія учрежденія государства тоже были настроены враждебно противъ реформы. Такъ парижскій университетъ, представлявшій первый авторитетъ средневѣковой схоластической науки, естественно, относился враждебно къ новымъ религіознымъ мнѣніямъ, выросшимъ на почвѣ гуманизма. Затѣмъ, парижскій парламентъ, какъ ни ничтожно было его значеніе въ правленіе такого самодержавнаго государя, какъ Франсуа, все-же представлялъ собою охранительную силу старой французской монархіи и, слѣдовательно, уже потому былъ противъ республиканскаго ученія Кальвина.

Но все-таки самымъ неблагопріятнымъ условіемъ для будущности кальвинизма во Франціи было настроеніе тогдашняго французскаго общества и именно высшаго его круга. Время, о которомъ мы говоримъ, было эпохой переходной, когда рушилась средневѣковая жизнь со всѣми ея нравственными началами и когда еще не сложились новыя формы. Подобные переломы въ

---

[1]) См. выше, прим. 1 на стр. 79.

развитія обществъ обыкновенно отличаются сильнымъ упадкомъ нравственности. Такую картину представляетъ намъ и тогдашняя Франція. Еще во время короля Франсуа, при тогдашнемъ идеально-рыцарскомъ направленіи, эта нравственная порча являлась, по крайней мѣрѣ, въ утонченныхъ формахъ; но уже при его ближайшихъ преемникахъ, Генрихѣ II, Франсуа II, Карлѣ IX и Генрихѣ III, общественный развратъ достигъ полнаго цинизма. Представительницей этого моральнаго разложенія является жена Генриха II — Катерина Медичи. Подъ руководствомъ такой геніальной кокетки и интригантки образовалось цѣлое поколѣніе развратныхъ женщинъ, составлявшихъ обыкновенную обстановку королевы и ея главную силу. Женщины, обычныя хранительницы чистыхъ нравственныхъ началъ во всякомъ здоровомъ обществѣ, дошли въ это время до утонченнаго растлѣнія, примѣрами котораго кишитъ французская исторія той эпохи. Напр., казни попавшихся въ плѣнъ гугенотовъ устраивались въ видѣ зрѣлища для придворныхъ дамъ, а извѣстная Маргарита Наваррская и ея кузина, герцогиня Неверская, во время Варѳоломеевской ночи играли отрубленными головами своихъ любовниковъ. И въ то время, какъ лилась кровь на эшафотахъ и поляхъ сраженій, во дворцахъ вельможъ шли развратныя пиршества и празднества. Жизнь двора все это время до самаго Генриха IV представляетъ какую-то непрерывную безумную оргію, посреди которой творятся ужасныя дѣла. Сама церковь, руководительница нравственности общественной, со времени подчиненія ея королю, пришла въ совершенную зависимость отъ двора, и уже при Генрихѣ II французскій клиръ наполнился людьми совершенно не призванными и не приготовленными къ своему званію, потому-что высшія церковныя должности стали раздаваться теперь по интригамъ или по протекціи двора. Послѣ всего этого легко представить, въ какой непримиримой противоположности къ такому обществу стоялъ суровый, неоглядно-правдивый, высоко-нравственный, монашески-самоотверженный или, какъ его называли при дворѣ, пепельно-сѣрый и кислый кальвинизмъ! [1]).

---

[1]) Сравнительно незначительное распространеніе протестантизма во Франціи объясняется также и тѣмъ, что тутъ не было такой настоятельной, ощутительной потребности въ реформѣ церкви, какъ, напр., въ Германіи: здѣсь никогда власть папы не тяготѣла такъ надъ страной; здѣсь не могло быть такой эксплуатаціи со стороны римскаго престола, и его непомѣрныя притязанія всегда встрѣчали энергическій, твердый отпоръ и отъ королевской власти, и отъ свѣтскихъ сословій, а подчасъ и отъ духовенства. Подобное противодѣйствіе умѣлъ оказывать, какъ нельзя лучше, даже столь религіозный, идеально-благочестивый король, какимъ былъ Людовикъ IX, а французская церковь еще въ средніе вѣка имѣла до нѣкоторой степени характеръ національный. Б.

Пока Франсуа нуждался еще въ своихъ гугенотскихъ подданныхъ, т.-е. пока продолжались связи его съ нѣмецкими протестантами, именно съ Шмалькальденскимъ союзомъ, съ которымъ онъ дѣйствовалъ за-одно противъ Карла V, онъ щадилъ еще ненавистныхъ сектаторовъ у себя дома; но когда Крепійскимъ договоромъ онъ кончилъ свою 20-лѣтнюю войну съ императоромъ и, стало быть, болѣе не нуждался въ содѣйствіи протестантскихъ силъ, то и къ самымъ гугенотамъ сталъ относиться враждебно и сурово; такъ уже въ 1535 году былъ случай публичнаго сожженія 6 молодыхъ дворянъ, обвиненныхъ въ составленіи одного пасквиля, въ которомъ осмѣяны были нѣкоторые обряды католической церкви, а подъ конецъ своей жизни Франсуа началъ преслѣдованіе даже противъ безобидныхъ остатковъ вальденсовъ, уцѣлѣвшихъ въ южной Франціи.

Генрихъ II.

Въ 1547 г. умеръ король Франсуа I и на французскій престолъ вступилъ сынъ его, Генрихъ II (1547—1559). Внутренняя и внѣшняя политика Франціи въ это время идетъ по тѣмъ-же путямъ: внутри преслѣдуется строго-монархическая идея, во внѣшней политикѣ продолжается прежній антагонизмъ съ Габсбургскимъ домомъ. Вся разница состоитъ въ томъ, что вмѣсто импонирующей личности Франсуа, который остался идеаломъ для всѣхъ послѣдующихъ французскихъ государей до самаго Генриха IV, является во главѣ государства человѣкъ развратный и безхарактерный. Всѣ тѣ элементы, изъ которыхъ слагалась тогдашняя общественная жизнь Франціи,—гугеноты и католики, Бурбоны и Гизы, схоластика и гуманизмъ, рыцарство и среднее сословіе—всѣ эти элементы, враждебная противоположность которыхъ сдерживалась и приводилась въ равновѣсіе сильной рукою Франсуа, теперь начинаютъ предъявлять права на независимое существованіе, и между ними открывается рѣшительная борьба. Вокругъ королевскаго престола яснѣе и яснѣе обозначаются политическія партіи, оспаривающія вліяніе на государственныя дѣла. Въ ряду этихъ партій особенно выдвигаются двѣ—Гизовъ и Бурбоновъ.

Гизы и Бурбоны.

Фамилія Гизовъ, претендовавшая на дальнее родство съ королевскимъ домомъ Валуа и выводившая родъ свой по мужской линіи отъ Готфрида Бульонскаго, по женской же отъ одной изъ дочерей Карла Великаго, происходила изъ Лотарингіи [1]). Представите-

[1]) У Рене Лотарингскаго, современника Людовика XI и Карла Смѣлаго, было два сына—Антуанъ и Клавдій. Первый наслѣдовалъ отцу въ Лотарингіи, а второй получилъ разбросанныя по Франціи владѣнія и сдѣлался родоначальникомъ вѣтви Гизовъ. Б.

лями этой фамиліи были въ то время Франсуа Гизъ и братъ его Карлъ, кардиналъ Лотарингскій, сыновья извѣстнаго Клавдія Гиза, одного изъ славнѣйшихъ сподвижниковъ короля-рыцаря. Родъ Бурбоновъ былъ гораздо ближе къ царственному дому Валуа, такъ какъ онъ происходилъ отъ Роберта, младшаго сына Людовика Святаго. Представителемъ этой фамиліи былъ тогда Антонъ Вандомскій, по женѣ своей, Жаннѣ д'Альбре, имѣвшій притязаніе на французскую часть Наварры и потому носившій титулъ короля Наваррскаго, и братъ его—извѣстный въ то время полководецъ Людовикъ Кондэ. Между двумя этими фамиліями существовала почти открытая вражда, источникомъ которой были властолюбивыя цѣли обѣихъ. Въ близкомъ будущемъ предвидѣлось пресѣченіе Валезійской отрасли Капетинговъ, такъ какъ послѣдніе представители этого дома, сыновья Генриха II—Франсуа, Карлъ и Генрихъ, не имѣли потомства. Возникалъ такимъ образомъ вопросъ, кому достанется по прекращеніи дома Валуа французская корона? Ближайшее право, конечно, имѣли Бурбоны, какъ ближайшая отрасль Капетинговъ. Но Гизы, опираясь на свое вліяніе при дворѣ и на многочисленную католическую партію, во главѣ которой стояли они, считали возможнымъ оспаривать эти права у Бурбоновъ на томъ основаніи, что ихъ родъ будто-бы древнѣе. Затѣмъ къ главному мотиву борьбы присоединились и другіе, въ особенности различіе религіозныхъ интересовъ. Въ то время, какъ Гизы предводительствовали католической партіей, Бурбоны стали во главѣ гугенотовъ. При королѣ Генрихѣ II вражда этихъ партій впрочемъ была еще въ зародышѣ; и настоящая борьба между ними открылась только въ правленіе слѣдующихъ королей—Франсуа II и Карла IX.

Внѣшняя политика, какъ уже сказано, шла старымъ путемъ. Война съ Габсбургами. Продолжая прежде начатую борьбу съ Габсбургами, Франція дѣйствовала въ союзѣ съ Морицомъ Саксонскимъ, поднявшимся тогда во главѣ нѣмецкихъ протестантскихъ князей противъ императора; она прежде всего имѣла тутъ въ виду свои національныя цѣли и именно пріобрѣтеніе давно спорной между двумя сосѣдними народами Лотарингіи. Дѣйствительно, пользуясь затрудненіями императора, Генриху II удалось сначала подъ шумокъ захватить почти всю эту область, но когда по отреченіи Карла V эту войну съ Франціей унаслѣдовалъ сынъ его, Филиппъ II Испанскій, то дѣла приняли неблагопріятный оборотъ для французовъ. Въ 1557 г. войска Генриха II потерпѣли пораженіе при Сенъ-Кантенѣ, пораженіе, которое и заставило французскаго

короля согласиться на невыгодный для него миръ въ Шато-Камбрези. По этому договору Францiя должна была возвратить захваченныя имперскiя земли, за исключенiемъ лотарингскихъ трехъ епископствъ: Меца, Туля и Вердена.

Преслѣдованiе гугенотовъ.

Какъ ни невыгоденъ былъ этотъ договоръ для Генриха II, все-же онъ былъ желаннымъ событiемъ въ томъ смыслѣ, что теперь онъ могъ исключительно сосредоточить свое вниманiе на внутреннихъ дѣлахъ и особенно на часъ-отъ-часу усиливавшемся могуществѣ гугенотовъ. Уже тотчасъ по заключенiи мира въ Шато-Камбрези началось энергическое преслѣдованiе приверженцевъ новаго ученiя во Францiи, но когда въ 1559 г. вступилъ на престолъ старшiй сынъ Генриха II—Франсуа II, то преслѣдованiе это приняло уже такой ожесточенный характеръ, что учреждено было [1]) своего рода инквизицiонное судилище, „chambre ardente“, въ которомъ огнемъ и другими пытками принуждали еретиковъ къ отреченiю.

Религiозныя войны.

Преслѣдованiя эти заставили наконецъ французскихъ гугенотовъ тѣснѣе сомкнуться и организовать оборонительный союзъ, во главѣ котораго стала фамилiя Шатильонская и именно адмиралъ Колиньи. Начиная съ 1562 г., стало быть, уже въ правленiе Карла IX (1560 — 1574), брата Франсуа II, этотъ гугенотскiй союзъ вступилъ въ открытую борьбу съ правительствомъ. Открылся рядъ религiозно-гражданскихъ войнъ во Францiи, ознаменовавшихся почти постоянными пораженiями гугенотовъ королевскими войсками, но тѣмъ не менѣе на время кончившихся тѣмъ, что правительство вынуждено было въ 1570 г. предоставить гугенотамъ свободу вѣроисповѣданiя съ незначительными ограниченiями (по эдикту въ Сенъ-Жерменъ-анъ-Лэ). Борьба эта отличалась такимъ страшнымъ ожесточенiемъ боровшихся сторонъ, какого мы не видимъ въ другихъ религiозныхъ войнахъ того времени. Да и завершилась она колоссальнымъ злодѣйствомъ „Варѳоломеевской ночи“.

Въ теченiе этой борьбы еще яснѣе обрисовалась непримиримая противоположность гугенотства ко всѣмъ остальнымъ элементамъ французскаго общества. Государству оно противоположно было, какъ рѣзкое республиканское начало, господствующей церкви — какъ религiозный рацiонализмъ, легкомысленной же и шаткой морали высшихъ круговъ и особенно двора оно стало прямымъ укоромъ, какъ образецъ строгой христiанской добродѣтели и какъ

[1]) При парламентѣ, какъ спецiальный трибуналъ. Б.

карающая совѣсть. Нигдѣ эта противоположность не высказалась такъ наглядно, какъ въ личномъ антагонизмѣ вождей обѣихъ религіозныхъ партій, и именно Катерины Медичи со стороны католиковъ и адмирала Колиньи—со стороны гугенотовъ.

Колиньи, носившій титулъ адмирала Франціи, происходилъ изъ древней бургундской фамиліи Шатильонской [1]). Въ молодости онъ воспитанъ былъ кардиналомъ римской церкви; только случайно познакомившись съ нѣкоторыми гугенотскими проповѣдниками во время своего плѣна, послѣ Сенъ-Кантенской битвы, обратился онъ къ новому ученію, которому и предался со всею искренностью своего честнаго характера. Послѣ возвращенія изъ плѣна мы видимъ его въ наслѣдственномъ замкѣ, гдѣ онъ въ своей частной жизни олицетворялъ ту первобытную христіанскую нравственность, которая такъ свойственна была его единовѣрцамъ. Каждое утро и каждый вечеръ по звону замковаго колокола собирались семейство, слуги и домочадцы, и самъ глава дома читалъ обычную молитву, совершалъ въ кругу своихъ близкихъ простой обрядъ преломленія хлѣба, въ которомъ у гугенотовъ состояла евхаристія. Передъ совершеніемъ таинства враждующіе должны были примириться. Самъ хозяинъ, наравнѣ съ своими вассалами, велъ домашнія и полевыя работы. Такая жизнь продолжалась до 1562 г., когда въ Шатильонѣ была получена вѣсть объ усилившихся преслѣдованіяхъ гугенотовъ. Въ душѣ адмирала началась теперь борьба двухъ противоположныхъ чувствъ: съ одной стороны его преданность исповѣдуемой имъ религіи звала его на помощь своимъ, съ другой—рыцарская преданность королю и обязанность честнаго вассала заставляли его колебаться въ этомъ рѣшеніи. Борьба эта кончилась тѣмъ, что онъ поборолъ въ себѣ сомнѣнія и явился на театръ войны вождемъ гугенотовъ, которые сражались, какъ онъ говорилъ, не противъ короля, но противъ политической партіи, злоупотреблявшей его именемъ. Этому-то человѣку въ особенности гугеноты обязаны были тѣмъ, что при всѣхъ пораженіяхъ и несчастіяхъ, которыя сопровождали ихъ борьбу съ королевскими войсками, они постоянно являлись на поле битвы съ новыми еще лучше организованными силами. Военный талантъ Колиньи состоялъ именно не столько въ стратегическихъ дарованіяхъ, сколько въ организаторскомъ геніи, который и давалъ ему возможность легко заглаживать неудачи и стойко переносить по-

Колиньи.

[1]) См. Ranke, „Französische Geschichte“, I, 212 и сл. (1876, 4-te Aufl.). Лучшая монографія о немъ — Erich Marcks, Gaspard von Coligny, Sein Leben und das Frankreich seiner Zeit. 1892 (къ сожалѣнію, неоконч.). Б.

несенныя потери. Въ этомъ отношеніи, какъ полководецъ, онъ напоминаетъ Вашингтона.

Возьмемъ теперь противоположный образъ—Катерину Медичи [1]), представительницу французскаго католицизма.

Катерина Медичи.

Она была дочь Лоренцо Медичи — того самаго, которому Макіавелли посвятилъ свой знаменитый трактатъ „О государѣ". Осиротѣвъ въ раннемъ дѣтствѣ, молодая принцесса воспитывалась въ одномъ флорентійскомъ монастырѣ въ то время, когда вокругъ пылала борьба политическихъ партій, волновавшихъ республику. Отчасти поучительный примѣръ этой борьбы, отчасти уроки такого геніальнаго учителя государственной науки, какъ Макіавелли, очень рано воспитали въ ней политическій смыслъ. Прежде чѣмъ сдѣлаться женщиной, она стала уже политикомъ и именно въ духѣ тогдашнихъ итальянскихъ идей, съ сильнымъ сочувствіемъ къ абсолютно - монархическому принципу. Съ такими задатками является она потомъ во Францію, когда дядя ея, папа Климентъ VII, выдалъ ее замужъ за Генриха II. Роль Катерины при французскомъ дворѣ сначала была незавидна. При Франсуа I и Генрихѣ II она должна была уступать первое мѣсто фавориткѣ мужа—Діанѣ де Пуатье. Когда-же умеръ Генрихъ II и на престолъ вступилъ сынъ его, Франсуа II, женатый на знаменитой Маріи Стюартъ, то, естественно, блестящая и юная королева опять оттѣснила на задній планъ свою свекровь, и лишь когда умеръ (1560 г.) и Франсуа II и воцарился братъ его Карлъ IX, которому было тогда 11 лѣтъ, и когда за малолѣтствомъ его возникло регентство, Катерина стала во главѣ государства съ званіемъ правительницы и опекунши и могла наконецъ развернуть вполнѣ и на дѣлѣ примѣнить давно сложившіеся принципы своей политики.

На памяти Катерины, какъ государственнаго дѣятеля, лежитъ много мрачныхъ преступленій, и самое тяжелое изъ нихъ то колоссальное злодѣяніе, которымъ ознаменовалась борьба религіозныхъ партій во Франціи и которое извѣстно подъ именемъ Варѳоломеевской ночи, такъ какъ Катерина была главнымъ виновникомъ этого повальнаго и вѣроломнаго избіенія гугенотовъ. Но справедливость требуетъ замѣтить, что государственная дѣятельность Катерины Медичи была все-же направлена къ достойной и возвышенной цѣли — къ сохраненію правъ французской

[1]) Alberi, „Vita di Caterina de' Medici". 1838; Lacombe, „Catherine de Médicis entre Guise et Condé". 1899. На русск. яз. см. ст. Кудрявцева, „Юность Катерины Медичи" (въ „Русск. Вѣсти." 1857 и во 2-мъ т. „Сочин.") на основаніи книги Реймонта, „Die Jugend Katharina's de Medici". 1856 (2-te Aufl., 1-е изд.—1854). Объ изд. писемъ Катерины Медичи см. выше. Б.

короны въ виду буйнаго и честолюбиваго магнатства, какъ и въ виду республиканскихъ стремленій гугенотовъ. Сохранить корону для своихъ сыновей и передать имъ всю полноту государственной власти, которой съ такими усиліями добивались цѣлыя поколѣнія прежнихъ французскихъ королей,—такова была политическая задача королевы-матери. Цѣль эта казалась ей до того высокой, что для достиженія ея всѣ средства представлялись возможными. Сама религія въ глазахъ ея была ничѣмъ инымъ, какъ орудіемъ для достиженія этой цѣли. Оттого мы видимъ ее то на сторонѣ одной религіозной партіи, то на сторонѣ другой. Въ началѣ регентства она даровала гугенотамъ первый эдиктъ вѣротерпимости [1]), но это потому, что въ то время Гизы усилились при дворѣ до того, что грозили захватить государственную власть въ свои руки,— и вотъ для противодѣйствія имъ она сочла необходимымъ поддержать ихъ противниковъ. А 12 лѣтъ спустя та же самая Катерина Медичи устроила Варѳоломеевскую ночь, и опять какъ средство обезсилить гугенотовъ, слишкомъ возвысившихся въ довѣріи короля. Ту же итальянскую систему равновѣсія политическихъ силъ, которую она усвоила себѣ еще на родинѣ, перенесла она такимъ образомъ и въ свою правительственную дѣятельность во Франціи, гдѣ она тоже пускаетъ въ ходъ всѣ обычные пріемы этой системы, поддерживая всегда слабѣйшую партію, для того, чтобы не дать возвыситься болѣе сильной. Обезсиливая такимъ образомъ всѣ партіи, поддерживая ихъ антагонизмъ и взаимную вражду, она и могла только властвовать въ государствѣ.

Таковы были два лица, стоявшія во главѣ двухъ противоположныхъ партій — гугенотской и католической.

С.-Жерменскій миръ.

Понятно, что между такими непримиримыми противоположностями должна была также возникнуть и непримиримая ненависть, тѣмъ болѣе, что между Колиньи и Катериной было уже много прежнихъ личныхъ счетовъ. Но въ 1570 г., когда заключенъ былъ С.-Жерменскій трактатъ, окончившій восьмилѣтнюю религіозную борьбу [2]), интересы ихъ столкнулись такъ близко, что

[1]) Сторонникомъ умѣренной и примирительной политики по отношенію къ гугенотамъ былъ канцлеръ Мишель Л'Опиталь, одна изъ благороднѣйшихъ личностей того времени. См. „Oeuvres de l'Hospital". 5 v. 1824—5. Монографіи о немъ: Taillandier, „Récherches historiques sur L'Hospital". 1861; Dupré-Lasal, „Michel de L'Hospital". 1875; Geuer, „Die Kirchenpolitik L'Hospitals". 1887; Amphoux, „Michel de l'Hospital et la liberté de conscience au XVI siècle". P. 1900; Atkinson, „Michel de l'Hospital". London. 1900. Б.

[2]) Это, однако, не была борьба непрерывная: въ теченіе 8 лѣтъ было, собственно говоря, три войны: первая (1562—63) закончилась миромъ въ Амбуазѣ, вторая (1567—68) — въ Лонжюмо и наконецъ третья (1569—70) — въ С.-Жерменѣ. Б.

одному изъ нихъ необходимо было погибнуть. С.-Жерменскій миръ обезпечилъ за гугенотами признаніе со стороны государства; имъ предоставлена была не только религіозная терпимость, но въ обезпеченіе дарованныхъ правъ формально уступлены въ ихъ распоряженіе крѣпости въ юго-западной Франціи: Ла-Рошель, Монтобанъ, Ла-Шаритé и Коньякъ. Въ видахъ примиренія и сближенія враждовавшихъ сторонъ положено было также сочетать бракомъ представителей обѣихъ партій, женивъ главу гугенотовъ, юнаго Генриха Наваррскаго, на сестрѣ Карла IX, Маргаритѣ Валуа.

Варѳоломеевская ночь. По случаю этого бракосочетанія въ Парижъ съѣхались теперь всѣ значительнѣйшіе представители гугенотства; — пріѣхалъ и Колиньи, полный искренняго желанья примириться съ Карломъ, къ которому никогда не переставалъ питать чувства преданности и уваженія. Карлъ IX, не смотря на свою слабохарактерность и юность, все-же съумѣлъ оцѣнить благородный характеръ и патріотизмъ адмирала и поддался его вліянію. Благодаря этому вліянію, въ короткое время внѣшняя политика Франціи измѣнила свое направленіе. Колиньи совѣтовалъ королю отстать отъ союза съ Испаніей, а напротивъ сблизиться съ протестантскими державами и особенно съ Англіей. Для скрѣпленія этихъ связей предполагалось бракосочетаніе королевы Елизаветы Англійской съ однимъ изъ французскихъ принцевъ и возстановленіе Маріи Стюартъ на шотландскомъ престолѣ; далѣе задумывалось отнятіе у испанцевъ спорной Наварры и уничтоженіе ихъ владычества въ Нидерландахъ и Вестъ-Индіи. Король такъ серьезно отнесся къ этимъ внушеніямъ, что сталъ уже дѣлать военныя приготовленія: сосредоточена была значительная армія и возставшимъ нидерландцамъ обѣщана помощь. Тогда королева-мать, увидя, что власть уходитъ изъ ея рукъ, попробовала сначала устранить Колиньи посредствомъ тайнаго убійства, но покушеніе это было неудачно и ограничилось легкой раной, полученной адмираломъ, а между тѣмъ такое вѣроломство двора возбуждало негодованіе и ропотъ въ собравшихся гугенотахъ; правительница же, въ виду грозившей съ этой стороны опасности, сочла возможнымъ подготовить замыселъ той колоссальной рѣзни собравшихся гугенотовъ, которая устроена была въ ночь съ 23 на 24 августа 1572 года. Въ эту ночь, по данному сигналу, началось вѣроломное избіеніе гугенотовъ. Около 2,000 погибло ихъ въ одномъ Парижѣ, въ томъ числѣ и Колиньи; и въ другихъ городахъ Франціи происходило то-же. Что касается обычнаго мнѣнія, будто это событіе подготовлено было француз-

скимъ правительствомъ за 2 года [и болѣе, будто еще въ Байоннѣ въ 1565 г. между Альбой и Катериной произошло соглашеніе въ этомъ смыслѣ], будто С.-Жерменскій трактатъ былъ заключенъ неискренно, и самая свадьба Генриха Наваррскаго придумана лишь, какъ средство привлечь гугенотовъ въ столицу для того, чтобы разомъ предать ихъ здѣсь въ руки разъяренной и фанатичной парижской черни, то болѣе точныя и новѣйшія изслѣдованія Поленца, Ранке, Гейссера, Уайта, Форнерона, Баумгартена [1]) и друг. опровергаютъ подобныя мнѣнія. Уже одно то обстоятельство кажется невѣроятнымъ, чтобы замыселъ такого громаднаго размѣра могъ въ теченіе 2 лѣтъ оставаться въ строжайшей тайнѣ, тѣмъ болѣе, что приготовленіе къ подобной рѣзнѣ, если-бы она была придумана заранѣе, естественно должно было-бы происходить по всему королевству. Затѣмъ и въ интимной перепискѣ французскаго двора съ Филиппомъ II, стоявшимъ тогда во главѣ всей католической партіи въ Западной Европѣ, нѣтъ никакого намека на подобный замыселъ; [не говорится объ этомъ и въ донесеніяхъ венеціанскихъ и даже папскихъ пословъ, если исключить два, три неясныхъ выраженія, допускающихъ различное толкованіе]. Все, что̀, напр., Поленцъ открылъ, это—слѣды несомнѣнно обдуманной подготовки только за 10 дней до совершенія факта, [а большинство другихъ новѣйшихъ изслѣдователей думаетъ даже, что планъ рѣзни возникъ лишь наканунѣ, подъ вліяніемъ неудачнаго покушенія на жизнь Колиньи].

Варѳоломеевская ночь не только уронила французское правительство въ глазахъ Европы и собственныхъ подданныхъ, не только легла несмываемымъ пятномъ на памяти ея виновниковъ, но, будучи тяжелымъ преступленіемъ, она вмѣстѣ съ тѣмъ была и большою политическою ошибкой. Не только не достигнута была главная цѣль, которая имѣлась въ виду, не только не подавлено гугенотство, но, напротивъ, правительство возбудило ихъ усиленное противодѣйствіе и самую отчаянную самозащиту, и именно послѣ кровавой парижской свадьбы они напрягли всѣ усилія, чтобъ отстоять свои права [2]). Кончилось тѣмъ, что дворъ

---

[1]) Hermann Baumgarten, „Vor der Bartholomäusnacht“, 1882, и его-же „Nachtrag zur Geschichte der Bartholomäusnacht“ (въ „Hist. Zeitschrift“, 1883, VI Heft); White, „Massacre of St-Barthelemew“, 1868; см. также Combes, „L'entrevue de Bayonne de 1565 et la question de la Saint-Barthélemy“, 1882 и ст. Soldan'a „Frankreich und die Bartholomäusnacht“ (въ Raumers Hist. Taschenbuch, 1854). Довольно подробныя указанія на литературу этого вопроса можно найти у Филиппсона (стр. 255—9). Изъ болѣе новыхъ монографій см. de la Ferrière, La Saint-Barthélemy. P. 1892. **Б.**

[2]) Да и въ средѣ самихъ французскихъ католиковъ образовалась тогда

снова долженъ былъ утвердить прежде дарованную имъ терпимость и даже расширить ихъ права. Одно, чего достигла Катерина, это—устраненія своего политическаго соперника Колиньи, послѣ чего ей снова удалось захватить власть въ свои руки. Два года спустя умеръ и Карлъ IX, и какъ ни мрачны и полны несчастій годы правленія его преемника, Генриха III Анжуйскаго (1574—1589), все-же они являются еще отрадными въ сравненіи съ ужасами предшествовавшаго царствованія.

Генрихъ III. О Генрихѣ III, какъ о королѣ и государственномъ дѣятелѣ, тоже сложилось не совсѣмъ вѣрное представленіе. Его обыкновенно рисовали человѣкомъ развратнымъ, слабохарактернымъ и ничтожнымъ, постоянно переходившимъ то на сторону гугенотовъ, то на сторону католиковъ, наконецъ потерявшимъ довѣріе всѣхъ партій и погибшимъ жертвою своихъ собственныхъ ошибокъ и преступленій. Ранке также и здѣсь, не отвергая безусловно всѣхъ этихъ обвиненій, указалъ однако и на ту высокую цѣль, которую король этотъ, подобно своей матери, преслѣдовалъ въ своей политикѣ, именно — сохраненіе неприкосновенными правъ французской короны, чѣмъ и объясняются его постоянныя колебанія между партіями. Когда онъ въ 1574 г. явился въ Парижъ изъ Польши, гдѣ короткое время былъ королемъ, по прекращеніи въ этой странѣ Ягеллонскаго дома, то надежды католиковъ были сильно возбуждены, такъ какъ Генрихъ III былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей Варѳоломеевской ночи. Между тѣмъ новый король, какъ государственный человѣкъ, оказался гораздо дальновиднѣе и благоразумнѣе, чѣмъ того ожидала его прежняя партія. Онъ понялъ, что подавить гугенотовъ значитъ отдать свою корону и власть въ руки католической партіи, — въ руки Гизовъ. Поэтому не только не продолжалъ онъ съ ними войны, какъ того ожидали католики, но, напротивъ, однимъ изъ первыхъ его правительственныхъ дѣйствій было утвержденіе всѣхъ старыхъ правъ гугенотовъ и ихъ церкви.

Лига. Разумѣется, что подобная терпимость тотчасъ вооружила противъ новаго государя всѣхъ его прежнихъ друзей и единомышленниковъ. Католическая партія и во главѣ ея Гизы, съ тогдашнимъ представителемъ этой фамиліи Генрихомъ Гизомъ [1]), организовали противъ короля цѣлый вооруженный союзъ, въ кото-

партія такъ называемыхъ „политиковъ“, во главѣ которой сталъ Монморанси-Дамвиль,—партія, стремившаяся къ примиренію съ гугенотами путемъ уступокъ и къ прекращенію жестокой междоусобной борьбы. De Crue, Le parti des Politiques au lendemain de la Saint-Barthélemy. P. 1892. Б.

[1]) Macdowall, Henry of Guise and other portraits. Lond. 1898. Б.

ромъ принимали участіе всѣ элементы французскаго общества, искавшіе возвращенія своихъ старинныхъ привилегій и правъ: дворянство, горожане и особенно Парижъ, — затѣмъ духовенство, парламентъ, претендовавшій на самостоятельное значеніе, и наконецъ Парижскій университетъ. Все это соединилось въ лигѣ [1]), какъ въ общемъ фокусѣ. Для обезпеченія себѣ успѣха лига организовала въ столицѣ милицію и вошла въ сношеніе съ испанскимъ королемъ — Филиппомъ II, общимъ тогда покровителемъ католицизма въ Европѣ.

Штаты въ Блуа.

Въ виду такой грозной силы Генрихъ III почувствовалъ себя не въ безопасности въ своей столицѣ, гдѣ дѣло дошло даже до баррикадъ, и удалился въ Блуа, куда и созвалъ государственные чины, для того, чтобы съ ихъ содѣйствіемъ рѣшить запутанныя отношенія того времени. Но этотъ сеймъ (1588), напротивъ, вздумалъ развивать въ своихъ совѣщаніяхъ такіе планы, которые стояли въ рѣзкомъ противорѣчіи съ исконными монархическими стремленіями правительства. Блуаскіе Etats généraux требовали, [чтобы ихъ рѣшеніямъ присвоена была сила законовъ, чтобы налоги не иначе вводились, какъ съ согласія и опредѣленія сословныхъ представителей; они настаивали на отмѣнѣ введенныхъ въ послѣднее время пошлинъ и другихъ чрезвычайныхъ податей и на уменьшеніи таліи (la taille) до той цифры, какая существовала въ началѣ XVI ст., а для разслѣдованія злоупотребленій въ финансовомъ вѣдомствѣ требовали учрежденія особой судебной палаты или коммиссіи, большинство членовъ которой (три четверти) должны были быть назначены самими-же штатами; высказывалось также желаніе, чтобы во всѣхъ областяхъ введены были провинціальныя собранія. Словомъ, предполагалась коренная реорганизація французскаго государства съ явнымъ преобладаніемъ генеральныхъ штатовъ и съ подчиненіемъ имъ самой королевской власти [2]). Что же касается отношенія Блуаскихъ

---

[1]) Лига окончательно возникла въ 1585 г., когда со смертью (1584) Генрихова брата Франсуа, герцога Алансонскаго (съ воцареніемъ Генриха III получившаго титулъ герцога Анжуйскаго), наслѣдникомъ французскаго престола сдѣлался глава гугенотовъ — Генрихъ Бурбонъ. Б.

[2]) Вообще генеральные штаты эпохи религіозныхъ войнъ замѣтно обнаруживаютъ стремленіе къ цѣлому ряду самыхъ коренныхъ реформъ въ области финансовъ, суда, администраціи и даже въ самомъ государственномъ строѣ въ смыслѣ ограниченія королевской власти и подчиненія ея контролю сословныхъ представителей, которые должны были-бы собираться періодически въ извѣстные сроки. Многіе изъ желаній и плановъ, высказанныхъ тогда, впослѣдствіи мы встрѣчаемъ въ „cahiers“ 1789 г. Въ этомъ отношеніи замѣчательны генеральные штаты въ Понтуазѣ 1561 г.—О генеральныхъ штатахъ вообще лучшій трудъ —

États généraux къ законному наслѣднику престола, Генриху Наваррскому, то и это отношеніе было крайне враждебное: штаты объявили его лишеннымъ всякихъ правъ престолонаслѣдованія].

Такимъ образомъ Генрихъ III увидѣлъ, что ему невозможно опереться на штаты и, въ виду угрожающаго положенія своего соперника, Генриха Гиза, чествуемаго лигистами почти открыто королемъ, рѣшился на тотъ шагъ, который остался клеймомъ въ его исторіи, но помимо котораго ему не оставалось другого выхода, именно—онъ пригласилъ къ себѣ Генриха Гиза подъ предлогомъ совѣщаній и велѣлъ заколоть его въ своей собственной спальнѣ. Послѣ этого о какомъ-нибудь соглашеніи съ лигой, разумѣется, нечего было и думать.

Союзъ Генриха III съ гугенотами.

Генриху III, имѣвшему противъ себя всю лигу, т.-е. $^9/_{10}$ всей Франціи не оставалось теперь ничего другого, какъ только прямо перейти на сторону гугенотовъ, что́ онъ и сдѣлалъ, отправившись изъ Блуа въ южную Францію, гдѣ въ то время были сосредоточены силы гугенотовъ подъ начальствомъ Генриха Наваррскаго. Оба короля, набравши здѣсь 40,000 гугенотскаго войска, двинулись съ нимъ къ Парижу и, не доходя до столицы, расположились станомъ въ С.-Клу. Приближеніе такой значительной силы произвело въ Парижѣ страшное смятеніе. Лигисты, по смерти Генриха Гиза, провозгласили правителемъ государства младшаго брата его, герцога Майеннскаго, и стали готовиться къ отпору. Больше всего они разсчитывали на фанатизмъ черни, для чего пущены были въ ходъ самыя противозаконныя средства: подкупъ, происки, клевета и т. п. Проповѣдники съ церковныхъ каѳедръ открыто призывали народъ къ возстанію противъ короля и даже внушали мысль объ убійствѣ тирана [1]). На голосъ этихъ глашатаевъ

Смерть послѣдняго Валуа.

Picot, „Histoire des Etats-Généraux". 4 v. 1876; см. также по тому-же вопросу и подъ такимъ-же заглавіемъ соч. Desiardins (въ 1 т. 1871).

Въ то время и въ ученой историко-юридической литературѣ обнаруживается направленіе, враждебное принципу неограниченной монархіи и развивающее теорію народовластія. Представителями такого направленія являются Готтманъ, авторъ извѣстнаго сочиненія „Franco-Gallia", Ла-Боэти и нѣкоторые другіе. О политическихъ теоріяхъ того времени см. Weill, „Les théories sur le pouvoir royal en France pendant les guerres de religion". P. 1892, Méaly, „Origine des idées politiques libérales en France. Les publicistes de la Réforme sous Francois II et Charles IX". 1903 и ст. Р. Ю. Виппера, Политич. теоріи во Франціи въ эпоху религіозн. войнъ (Ж. М. Н. Пр., 1896, авг).

Таковы элементы, съ которыми приходилось бороться тогда французской монархіи. Очевидно, она переживала тяжелый кризисъ. Б.

[1]) Лигисты, будучи крайней католической партіей, являются въ то-же время и партіей радикально-демократической. Іезуиты и проповѣдники лиги развиваютъ тогда ученіе о происхожденіи королевской власти отъ самого народа. См. Labitte, „De la démocratie chez les Prédicateurs de la Ligue". 1866 (2 éd.). Въ столицѣ господствовали демагоги, царила анархія. Вообще Парижъ того времени во многомъ напоминаетъ Парижъ временъ революціи. Городъ раз-

ненависти и мести выискался одинъ фанатикъ, молодой доминиканскій монахъ, Жакъ Клеманъ, рѣшившійся пожертвовать собою для спасенія религіи и государства. Пробравшись въ лагерь гугенотовъ, онъ добился свиданія съ Генрихомъ III подъ предлогомъ открытія ему важныхъ тайнъ и въ моментъ этого свиданія закололъ его.

Борьба Генриха Бурбона съ лигой.

Такъ погибъ послѣдній представитель дома Валуа въ 1589 г. Такъ какъ ближайшее право на французскій престолъ принадлежало теперь сыну Антона Вандомскаго—юному Генриху Наваррскому, то своими приверженцами онъ тогда-же былъ провозглашенъ королемъ. Но это былъ пока гугенотскій король; лига же, представлявшая собою большинство націи, не хотѣла о немъ и слышать. Генрихъ долженъ былъ употребить цѣлыя 5 лѣтъ, чтобы завоевать себѣ наслѣдственное королевство. [Даже послѣ блестящей побѣды при Иври (1590) онъ не могъ овладѣть Парижемъ. Ему еще пришлось имѣть дѣло съ знаменитымъ полководцемъ того времени, Александромъ Пармскимъ, который по волѣ Филиппа, вообще принимавшаго самое дѣятельное участіе въ тогдашнихъ смутахъ, раздиравшихъ Францію, два раза являлся на помощь лигѣ и осажденному Генрихомъ Парижу. Но съ теченіемъ времени Генрихъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе сторонниковъ. Искренніе патріоты, люди, не ослѣпленные фанатизмомъ, сознавали всѣ пагубныя слѣдствія кровавой братоубійственной войны; они не могли не скорбѣть при видѣ вмѣшательства испанскаго короля во внутреннія дѣла Франціи. Лига, подъ вліяніемъ фанатической ненависти къ королю-гугеноту, готова была окончательно предать отечество въ руки Филиппа II, гарнизонъ котораго и безъ того уже находился въ Парижѣ и посланникъ котораго былъ здѣсь едва-ли не главнымъ руководителемъ. Собравшіеся въ 1593 г. въ Парижѣ штаты, изъ приверженцевъ лиги, уже заводили рѣчь о призваніи на французскій престолъ дочери Филиппа II, инфанты Изабеллы, и ея будущаго мужа (чѣмъ нарушался извѣстный „Салическій законъ")]. Такимъ образомъ, католическо-сословная партія не имѣла настолько патріотизма, чтобы подумать о достоинствѣ, независимости и цѣлости государства. [Наоборотъ, Генрихъ Бурбонъ являлся представителемъ идеи единства Франціи, ея независимости и достоинства. Примиреніе партій и забвеніе прошлаго, окончаніе братоубійственной войны, освобожденіе оте-

дѣленъ былъ на секціи, а во главѣ городскаго управленія стоялъ комитетъ такъ называемыхъ „шестнадцати", дѣйствовавшій путемъ террора. И что замѣчательно, такой абсолютистъ, какъ Филиппъ II, вступаетъ въ союзъ съ этимъ революціоннымъ и радикально-демократическимъ Парижемъ! Б.

чества отъ позорной зависимости отъ Испаніи,—вотъ что начертано было на его знамени, и общественное мнѣніе въ лицѣ лучшей части націи стало рѣшительно склоняться на его сторону, чему выраженіемъ служитъ и появившаяся въ то время знаменитая „Мениппова сатира", клеймящая лигу и приверженцевъ Испаніи. Лига не въ силахъ уже была бороться. Оставалось одно препятствіе—гугенотство Генриха, но когда въ 1593 г. Генрихъ перешелъ въ католичество, то въ слѣдующемъ году Парижъ сдался, и такимъ образомъ новый король] былъ признанъ уже всею Франціею. Съ нимъ воцарилась на французскомъ престолѣ и новая династія Бурбоновъ.

Воцареніе Бурбоновъ. Возвышеніе этой династіи послѣдовало при такихъ обстоятельствахъ, которыя ставили ее въ иное положеніе, чѣмъ прежніе царственные роды, управлявшіе судьбою Франціи. Меровинги возвышеніемъ своимъ обязаны были народному избранію, Каролингамъ содѣйствовало духовенство, Капетингскій домъ, какъ прямая его линія, такъ и боковая вѣтвь—Валуа, вышелъ изъ среды феодальнаго магнатства, на которое они постоянно и опирались; Бурбоны же, напротивъ, возвысились независимо отъ этихъ сословныхъ элементовъ и не только независимо, но еще вслѣдствіе борьбы и побѣды надъ ними. Можно было предвидѣть, такимъ образомъ, что новая фамилія въ своей внутренней политикѣ пойдетъ инымъ путемъ, чѣмъ прежніе королевскіе роды, что она будетъ еще рѣшительнѣе преслѣдовать идею строгаго государственнаго абсолютизма и постарается возвысить его надъ всѣми средневѣковыми ограниченіями.

Генрихъ IV.

Положеніе Франціи. Новому королю предстояли почти неодолимыя затрудненія, чтобы упрочить свое положеніе и власть; прежде всего—непримиримая ненависть политико-религіозныхъ партій, воспитанная 30-лѣтней кровавой борьбой; затѣмъ—притязанія сословій, выразившіяся въ открытомъ возстаніи лиги и стоявшія въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ исконными и монархическими стремленіями правительства; далѣе — безвыходныя финансовыя затрудненія государства и его экономическое разстройство,—неизбѣжныя послѣдствія продолжительныхъ смутъ; наконецъ,—совершенно превратная внѣшняя политика, вошедшая въ дружественныя связи съ Габсбургами, старыми политическими врагами Франціи. Вотъ среди

какихъ затрудненій пришлось господствовать основателю Бурбонскаго дома во Франціи.

Личность Генриха IV.

Генрихъ IV, извѣстный до вступленія на престолъ подъ именемъ Наваррскаго, родился въ 1553 г. и былъ сынъ Антона Вандомскаго и Жанны д'Альбрэ. Владѣнія Бурбонской фамиліи сосредоточивались главнымъ образомъ въ южной Франціи, гдѣ ей принадлежала сѣверная часть Наварры и значительныя помѣстья въ Беарнѣ, Лангедокѣ и Провансѣ. Но не эти родовыя владѣнія выдвинули родъ этотъ между другими аристократическими фамиліями Франціи: значеніе его опиралось, во-первыхъ, на близкомъ родствѣ его съ Валуа, а во-вторыхъ—на общемъ сочувствіи и довѣріи гугенотовъ, для которыхъ Наварра долго служила главнымъ убѣжищемъ и гнѣздомъ. Вотъ почему Генрихъ IV тотчасъ провозглашенъ былъ гугенотами главою, когда умеръ отецъ его, не смотря на то, что ему тогда было всего 10 лѣтъ. Съ 14-лѣтняго возраста онъ долженъ былъ уже вести дѣятельную и практическую жизнь, воспитывая себя въ этой школѣ, какъ полководца и государственнаго мужа, тогда какъ его религіозно-нравственное воспитаніе къ тому времени было уже почти закончено.

Что касается религіозныхъ убѣжденій, то въ этомъ отношеніи Генрихъ представлялъ собою именно такую личность [1]), какая больше всего подходила къ роли примирителя религіозныхъ партій, которую ему пришлось впослѣдствіи выполнить. Безхарактерный отецъ его постоянно колебался между гугенотами и католиками, почему и сына своего воспиталъ въ религіозномъ отношеніи очень неопредѣленно и непослѣдовательно. Гугенотскіе пасторы и католическіе патеры имѣли одинаковое вліяніе на воспитаніе Генриха, отчего и вышло, что, достигши зрѣлаго возраста, онъ почувствовалъ себя не принадлежащимъ собственно ни къ какой изъ двухъ церквей, боровшихся тогда за господство во Франціи. Но религіознымъ индифферентистомъ его все-таки назвать нельзя, такъ какъ душѣ его присуще было глубокое религіозное чувство, выражавшееся иногда въ искреннихъ порывахъ. Все дѣло состоитъ въ томъ, что, будучи религіознымъ человѣкомъ, въ силу своего воспитанія, онъ съумѣлъ поставить себя выше тѣхъ спорныхъ церковныхъ вопросовъ, которые въ то время раздѣляли умы и совѣсти французовъ. Этимъ-то объясняется впослѣдствіи возможность легкихъ и частыхъ переходовъ Генриха отъ одной

[1]) Stähelin, „Der Uebertritt Heinrichs IV zur römischen Kirche". 1856; Philippson, „Heinrich IV von Frankreich und die katholische Kirche" (въ „Histor. Zeitschrift". XXXI B.). В.

религіи къ другой. Воспитанъ онъ былъ въ гугенотствѣ; во время Варѳоломеевской ночи его принудили перейти въ католичество; когда миновала опасность, Генрихъ опять перешелъ въ гугенотство, наконецъ послѣ Иврійской побѣды, когда ему приходилось брать штурмомъ Парижъ, онъ во избѣжаніе кровопролитія опять согласился и уже окончательно перейти въ католичество. Но это онъ дѣлалъ не исключительно изъ политическихъ разсчетовъ, а поступалъ такъ и потому, что не приписывалъ никакой особенной важности обрядамъ и догматическимъ различіямъ церквей. Идеалъ истинно-христіанской церкви представлялся ему не въ формѣ гугенотства или католичества, а въ видѣ духовной религіи съ вѣчнымъ нравственнымъ содержаніемъ. Генрихъ, однимъ словомъ, по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ отличался такой широкой терпимостью, какая еще незнакома была не только тогдашнему французскому, но вообще западно-европейскому обществу.

Таково было религіозное воспитаніе Генриха.

Военной школой, которую прошелъ онъ, служили поля безчисленныхъ сраженій, въ коихъ съ 14 лѣтъ, какъ глава и предводитель своей партіи, Генрихъ принужденъ былъ участвовать. До 200 военныхъ предпріятій, въ которыхъ большею частью онъ самъ лично командовалъ, насчитываютъ въ его біографіи. Эта опытность и дала Генриху возможность образовать изъ себя хорошаго солдата и полководца и развить тотъ замѣчательный стратегическій талантъ, благодаря которому онъ могъ мѣряться даже съ такими знаменитыми генералами вѣка, какъ пармскій герцогъ— Александръ Фарнезе. Генрихъ по своему характеру, образу жизни и нраву былъ истый и бравый французскій солдатъ въ самомъ симпатичномъ значеніи этого слова. Неустрашимый въ битвахъ, добродушный, обходительный, остроумный, находчивый и веселый, онъ, естественно, привлекалъ французовъ, обожающихъ военную славу и доблесть. И въ какихъ блестящихъ формахъ выражался въ немъ этотъ геройскій духъ, доказываютъ безчисленные примѣры его военной исторіи; такъ, напримѣръ, въ сраженіи при Иври дѣло сначала клонилось въ пользу лигистовъ, и гугеноты, сбитые уже во многихъ пунктахъ, готовы были обратиться въ бѣгство, какъ въ эту минуту Генрихъ бросается впередъ и кричитъ своимъ растерявшимся полкамъ, чтобъ они остановились только на одну минуту посмотрѣть, какъ умираетъ ихъ вождь и король,—и этими словами такъ сильно подѣйствовалъ на упавшихъ духомъ своихъ, что они одержали полную побѣду.

Умиротворенiе Францiи. Нантскiй эдиктъ.

Съ того времени, какъ Генрихъ окончательно одолѣлъ лигу и въ лицѣ ея всю католическо-сословную партiю, онъ безпрекословно признанъ былъ королемъ цѣлой страной. Первое, что предстояло новому королю, это—уладить запутанныя религiозныя отношенiя и умиротворить Францiю. Дѣло это было вовсе не легкое. Если вспомнить ту непримиримую ненависть, тотъ фанатизмъ, который раздѣлялъ умы и совѣсти, то подвигъ этотъ былъ истинно дѣломъ, которое могло совершиться только благодаря личнымъ привлекательнымъ качествамъ короля, олицетворявшаго въ себѣ лучшiя черты французскаго народнаго характера и потому пользовавшагося самой широкой популярностью. Цѣлыя 5 лѣтъ впрочемъ пришлось употребить ему на то, чтобы преодолѣть всѣ затрудненiя и успокоить умы установленiемъ правильныхъ правомѣрныхъ отношенiй между религiозными партiями. Достигъ онъ этого изданiемъ въ 1598 году органическаго закона—Нантскаго эдикта [1]), названнаго такъ потому, что онъ былъ подписанъ королемъ въ бретанскомъ городѣ—Нантѣ. По этому акту французскiй протестантизмъ впервые получилъ прочное законное существованiе въ странѣ и признанъ былъ государствомъ, какъ самостоятельная церковь. Эдиктъ обезпечивалъ за гугенотами полное право вѣротерпимости, согласно прежде дарованнымъ имъ льготамъ, и расширилъ даже это право, устранивъ нѣкоторыя ограниченiя, какiя наложены были на нихъ прежде, и хотя, напримѣръ, имъ было дозволено свободное отправленiе богослуженiя не въ самыхъ большихъ городахъ королевства, какъ Парижъ и друг., а только въ ихъ окрестностяхъ, и тамъ, гдѣ оно и раньше отправлялось, но за-то имъ предоставлялось жить повсюду; затѣмъ гугеноты допущены были паравнѣ съ католиками къ занятiю всѣхъ государственныхъ должностей; при парламентахъ же для разбора дѣлъ между гугенотами и католиками организованы особыя камеры суда (chambres mi-parties), состоявшiя по-ровну изъ представителей обѣихъ религiй [2]); наконецъ, въ обезпеченiе всѣхъ этихъ правъ въ распоряженiе гугенотовъ формально предоставлены крѣпости на югѣ съ Ла-Рошель во главѣ.

Но для того, чтобы эдиктъ могъ получить въ государствѣ силу закона, недостаточно было воли короля: надобно было, чтобы онъ внесенъ былъ въ протоколъ или реэстры парламента, за отсутствiемъ общесословныхъ сеймовъ игравшаго въ нѣкоторомъ смыслѣ роль

---

[1]) См. старинное соч. Benoist, „Histoire de l'Édit de Nantes". 5 v. 1693—5 (Delft): Pascal, „Élie Benoist et l'église réformée d'Alençon". P. 1892. Б.

[2]) Для рѣшенiя дѣлъ между католиками и гугенотами. Б.

учрежденія, въ которомъ сосредоточивалось народное представительство страны [1]); но такъ какъ въ парижскомъ парламентѣ именно и гнѣздилось главное противодѣйствіе гугенотству, то естественно, что Генриху IV стоило неимовѣрныхъ усилій склонить его къ принятію этой мѣры. Съ другой стороны, не менѣе затрудненій пришлось преодолѣть королю и вслѣдствіе непомѣрныхъ притязаній самихъ гугенотовъ, которые, сознавая свои заслуги передъ Генрихомъ, имъ преимущественно обязаннымъ своимъ возвышеніемъ, претендовали на самую широкую признательность съ его стороны. Они громко говорили, что не затѣмъ проливали кровь свою на поляхъ Иврійскихъ, чтобы снова быть отданными на произволъ католикамъ, и грозили оставить Генриха, если онъ снова поставитъ ихъ въ прежнее двусмысленное положеніе. Только благодаря личному вмѣшательству короля, общему уваженію и довѣрію къ благородству его намѣреній, удалось ему устранить всѣ эти затрудненія, и парламентъ наконецъ согласился признать эдиктъ.

Миръ съ папой и съ Испаніей.

Наконецъ надо было умиротворить папу и Испанію, конечно противодѣйствовавшихъ эдикту. Папу Климента VIII и вообще католиковъ Генрихъ удовлетворилъ тѣмъ, что, послѣ развода съ первою своею женою, Маргаритой Валуа, женился на итальянской принцессѣ, строгой католичкѣ, Маріи Медичи [2]), и возвратилъ во Францію изгнанныхъ-было іезуитовъ, а съ Испаніей онъ помирился договоромъ въ Вервеннѣ, 1598 г. Такъ, по крайней мѣрѣ внѣшнимъ образомъ, достигнуто было примиреніе религіозныхъ партій.

Финансовыя затрудненія.

Затѣмъ королю предстояла не менѣе трудная задача—исцѣлить тѣ экономическія раны, которыя нанесены были странѣ болѣе нежели 30-лѣтней междоусобной войной. О бѣдственномъ положеніи Франціи къ концу XVI в. и особенно о конечномъ разстройствѣ ея финансовъ могутъ дать понятіе слѣдующія данныя. Въ старой, т.-е. до-революціонной, Франціи главнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ была поземельная подать (la taille): къ началу XVI в. при Людовикѣ XII подать эта, падавшая преимущественно на сельское населеніе, простиралась до 600 тысячъ экю, а при Генрихѣ III, т.-е. 60 лѣтъ спустя, уже воз-

---

1) О Парижскомъ парламентѣ теперь имѣется прекрасная монографія— Glasson, Le parlement de Paris. Son rôle politique depuis le règne de Charles VII jusqu'à la révolution. P. 1901. 2 v. Б.

2) Притомъ папа находилъ выгоднымъ для себя признать совершившійся фактъ и примириться съ Генрихомъ еще и потому, что онъ не совсѣмъ довѣрялъ Испаніи и опасался непомѣрнаго могущества Филиппа II. Б.

росла до 7 мил. экю (съ другими налогами и пошлинами— 10 мил.) [1]). Такъ быстро росли народныя тягости! Расточительность двора, безпрерывныя смуты и финансовыя злоупотребленія всякаго рода привели государство къ кризису. Рента возвысилась до 10⁰/₀, ежегодный дефицитъ выросъ до 6 мил., и на государствѣ тяготѣлъ громадный по тому времени долгъ почти въ 350 мил. ливровъ. Въ виду этихъ затрудненій важнѣйшей заботой Генриха IV на-ряду съ примиреніемъ партій было созваніе нотаблей (т.-е. именитыхъ представителей сословій, назначенныхъ отъ короля) въ Руанъ въ 1596 г., съ тѣмъ, чтобы съ ихъ содѣйствіемъ обсудить мѣры, какія нужно было принять для улучшенія финансовъ. Прежде французское правительство прибѣгало въ такихъ случаяхъ къ общесословнымъ сеймамъ; но Генрихъ IV, возвысившійся въ борьбѣ съ лигой и съ общесословнымъ представительствомъ, не могъ, конечно, прибѣгнуть къ содѣйствію своихъ прежнихъ враговъ, и потому предпочелъ нотаблей. Но и нотабли проникнуты были тѣмъ-же духомъ, какъ „États généraux". Они тоже требовали установленія строгаго контроля надъ финансами со стороны сословій, требовали правильно созываемаго народнаго представительства, [затѣмъ—коренной реорганизаціи всей финансовой системы: отчужденія доменовъ, отмѣны продажи должностей (введенной Франсуа I), отмѣны привилегіи, въ силу которой лица, возводившіяся въ дворянское достоинство, освобождались отъ платежа таліи, — уменьшенія числа войска, срытія крѣпостей внутри страны, и т. д.]. Правительство съ своей стороны предлагало мѣры, не менѣе радикальныя, [но въ другомъ совершенно духѣ: насильственное пониженіе ренты до $8^1/_3$ и даже 6⁰/₀, произвольное уничтоженіе части государственнаго долга, отдѣленіе доходовъ на погашеніе долга отъ кассы, предназначенной на содержаніе двора, государственнаго управленія и на покрытіе расходовъ на случай войны, учрежденіе коммиссіи для наблюденія за финансовой администраціей]. Понятно, что при такомъ различіи взглядовъ между правительствомъ и нотаблями не могло состояться никакого соглашенія, и корона все-таки увидѣла себя въ критическомъ положеніи. Государству грозило почти открытое банкротство.

Въ это-то время является человѣкъ, имя котораго связано со всей внутренней государственной дѣятельностью Генриха IV. Это — старый военный товарищъ короля, Максимиліанъ де-Бетюнъ, маркизъ де Рони, впослѣдствіи герцогъ Сюлли. Какъ Сюлли.

---

[1]) По поводу налоговъ—М. М. Ковалевскій, „Опытъ по исторіи юрисдикціи налоговъ во Франціи". М. 1876. Б.

о его характерѣ, такъ и его заслугахъ нѣкогда господствовало довольно преувеличенное представленіе. Сюлли обыкновенно изображали какъ человѣка съ благороднымъ характеромъ, какъ неподкупнаго общественнаго дѣятеля и образцоваго финансиста. Но новые изслѣдователи, особенно Ранке, рисуютъ намъ его заслуги нѣсколько въ иномъ свѣтѣ. Сюлли принадлежала безспорно та заслуга, что онъ былъ бдительнымъ хозяиномъ Франціи. Своею бережливостью, строгимъ наблюденіемъ за бюджетомъ, преслѣдованіемъ финансовыхъ злоупотребленій онъ, дѣйствительно, къ концу правленія Генриха IV достигъ замѣчательныхъ результатовъ. Ему удалось погасить весь почти государственный долгъ, возстановить равновѣсіе бюджета, возвысить доходы государства до 39 мил. ливр., наконецъ собрать болѣе 40 мил. ливр. запаснаго капитала и сдѣлать большія военныя заготовленія для задуманной Генрихомъ великой европейской войны. Но собственно этимъ и ограничилась его заслуга. Какъ финансистъ, Сюлли по своимъ экономическимъ понятіямъ стоялъ даже ниже своихъ современниковъ. Извѣстно, что онъ былъ отъявленный физіократъ и видѣлъ единственно производительную отрасль народной промышленности въ земледѣліи; на фабричное же производство и торговлю смотрѣлъ, какъ на непроизводительное и вредное для нравственности занятіе. Самъ Генрихъ IV стоялъ выше своего министра въ этомъ отношеніи, такъ что ему только обязаны были французскія фабрики и торговля своимъ спасеніемъ отъ конечнаго упадка [1]). Сюлли былъ преданный слуга короля, необыкновенно энергичный и дѣятельный министръ, завѣдывавшій почти всѣми отраслями общественной жизни Франціи — судебной, административной и промышленной; но какъ личный характеръ, человѣкъ этотъ далеко не безукоризненъ [2]). Начавши свою карьеру

---

[1]) Fagniez, „Economie sociale de la France sous Henri IV". P. 1897. Б.

[2]) Точно также и авторитетъ Сюлли, какъ историка-свидѣтеля, въ настоящее время подорванъ, можно сказать окончательно, изслѣдованіями Базена („Mélanges historiques"), Морица Риттера („Die Memoiren Sullys und der grosse Plan Heinrichs IV". 1871), Jung'a („Henri IV écrivain"). Loiseleur'a („Problèmes historiques"), Филиппсона (указан. соч.), Desclozeaux („Étude critique sur les Économies royales. Gabrielle d'Estrées et Sully", въ „Revue historique", 1887, № 2: „Observations critiques sur les Économies royales", ibid., 1893, № 2 сл.) Мемуары Сюлли („Économies royales"), вышедшіе въ 1638 г. и составленные собственно не имъ, а его секретарями на основаніи его словъ и бумагъ. — нѣкогда считавшіеся однимъ изъ важнѣйшихъ историческихъ памятниковъ той эпохи, оказываются въ дѣйствительности источникомъ крайне ненадежнымъ, произведеніемъ, полнымъ лжи, поддѣльныхъ документовъ, — съ цѣлью возвеличить заслуги Сюлли и представить его въ идеальномъ свѣтѣ. Невѣрности и искаженія, встрѣчающіяся въ этихъ мемуарахъ, доказываются данными несомнѣнными, вполнѣ документальными. Б.

бѣднякомъ, онъ къ концу жизни умѣлъ составить состояніе въ 2 мил. ливровъ, пользовался доходами въ 200 т. ливровъ и жилъ съ княжеской пышностью. Да и своимъ возвышеніемъ онъ былъ обязанъ столько же личнымъ заслугамъ, сколько и покровительству извѣстной фаворитки Генриха — Габріэли д'Естрэ [1]).

План войны съ Габсбургами.

Какъ бы то ни было, но благодаря неусыпной дѣятельности Сюлли, финансы и общественное положеніе Франціи къ началу XVII в. улучшились на-столько, что королю, избѣгавшему до тѣхъ поръ всякихъ внѣшнихъ столкновеній съ сосѣдями, представилась возможность осуществить давно задуманный планъ великой войны, направленной къ ослабленію Габсбургскаго дома. Съ этою цѣлью къ концу 1609 г. на восточной и южной границахъ королевства сосредоточены были уже значительныя силы: корпусъ въ 10 т. расположенъ былъ на пиренейской границѣ, на итальянской—стоялъ такой же корпусъ, а на восточной расположилась 30-тысячная армія въ ожиданіи короля, который долженъ былъ принять надъ нею личную команду. Военныя силы эти предназначались для нападенія на Габсбургскія владѣнія въ 3 пунктахъ: со стороны Испаніи, гдѣ предполагалось подать помощь готовившемуся возстанію угнетенныхъ морисковъ; затѣмъ итальянская армія должна была двинуться на помощь савойскому герцогу для занятія Милана; наконецъ рейнская предназначалась для дѣйствій въ Юлихъ-Клевскихъ земляхъ, гдѣ въ это время на упразднившееся наслѣдство этой имперской области предъявили свои права пфальцграфъ нейбургскій и маркграфъ бранденбургскій. [Оба князя успѣли было уже и занять самое наслѣдство, но затѣмъ встрѣтили противодѣйствіе со стороны императора, который, въ качествѣ главы имперіи, предъявилъ притязанія на роль высшаго судьи во всемъ этомъ дѣлѣ и даже обнаруживалъ явно намѣреніе съ своей стороны захватить спорныя земли], тогда какъ Генрихъ IV взялъ князей подъ свою защиту. Главный театръ военныхъ дѣйствій предполагался на Рейнѣ, такъ какъ Генрихъ не могъ допустить, чтобы у предѣловъ его королевства утвердилось австрійское вліяніе и восторжествовала католическая партія.

Смерть Генриха IV.

Въ началѣ мая 1610 г. и въ Парижѣ были сдѣланы всѣ приготовленія къ отъѣзду короля; 13 числа совершено было тор-

---

[1]) Въ своихъ мемуарахъ, какъ оказывается, Сюлли иногда клевещетъ на Габріэль, и чѣмъ болѣе подрывается его авторитетъ, какъ историка, тѣмъ въ лучшемъ свѣтѣ является предъ нами личность Габріэли. См. напр. упомянутую выше статью Desclozeaux. Б.

жественное коронованіе супруги Генриха—Маріи Медичи, которая въ отсутствіе мужа должна была править государствомъ, а на слѣдующій день (14 мая) король отправился для послѣднихъ совѣщаній съ Сюлли и въ то время, какъ онъ проѣзжалъ по одной узкой улицѣ, неизвѣстный человѣкъ страннаго вида вскочилъ на подножку его коляски и, прежде чѣмъ приближенные успѣли опомниться, нанесъ ему нѣсколько ударовъ ножемъ, и король тутъ-же испустилъ духъ. Преступника схватили и оказалось, что это—полупомѣшанный фанатикъ, школьный учитель изъ Ангулема, Равальякъ.

Мнѣнія о предсмертномъ планѣ Генриха.

Такъ однимъ ударомъ остановлены были всѣ замыслы Генриха IV. Но въ чемъ они состояли, объ этомъ мнѣнія очень различны. Нѣкогда вѣрили, что Генрихъ IV замышлялъ общій переворотъ политическихъ отношеній въ Европѣ, направленный противъ Габсбургскаго дома и клонившійся къ возвышенію Франціи. Для этого король будто-бы предполагалъ раздѣлить всю Европу на 15 равныхъ политическихъ сферъ, для чего нужно было отнять у Габсбурговъ бо́льшую часть ихъ наслѣдственныхъ владѣній. Такъ, предполагалось будто-бы изъ Швейцаріи, Франшконте и Тироля составить одно независимое государство, затѣмъ Чехію, Венгрію и Нидерланды сдѣлать тоже самостоятельными, въ Италіи Миланъ отдать герцогу савойскому, Неаполь — папѣ, Сицилію — Венеціи. Между этими государствами, по плану Генриха, долженъ будетъ тогда водвориться вѣчный миръ; для рѣшенія же споровъ, какіе могутъ возникнуть между ними, предполагалось учредить постоянный обще-европейскій конгрессъ, раздѣленный на 3 отдѣленія, изъ коихъ одно засѣдало бы въ Парижѣ, другое—въ Тридентѣ, а третье — въ Краковѣ. Когда бы достигнуто было это общее замиреніе, въ планъ котораго входило и прекращеніе религіозныхъ несогласій установленіемъ всеобщей вѣротерпимости, предполагалась въ концѣ концовъ война соединенныхъ силъ всѣхъ христіанскихъ государствъ съ турками съ цѣлью изгнанія ихъ изъ Европы. Вотъ та политическая утопія, которую часто приписывали Генриху.

Но еще Базенъ отнесся къ этому плану, приписанному Генриху, недовѣрчиво, говоря, что мы окажемъ слишкомъ мало довѣрія къ такому высокому уму и практическому государственному человѣку, если припишемъ ему легкое искусство строить химеры. Ранке тоже видѣлъ въ этомъ планѣ химеру, которую нельзя серьезно приписывать не только самому Генриху, но даже

и Сюлли, въ мемуарахъ котораго мы читаемъ объ этомъ проектѣ [1]). Все, что мы можемъ однако утверждать положительно, такъ это то, что Генрихъ IV имѣлъ цѣль начать войну съ Габсбургскимъ домомъ. Что послѣдовало бы далѣе, еслибъ ему удалось достигнуть своихъ ближайшихъ цѣлей, объ этомъ мы можемъ только догадываться. По всей вѣроятности, онъ потребовалъ бы для Франціи Тоскану, опираясь на наслѣдственныя права Маріи Медичи, затѣмъ, быть можетъ, пожелалъ бы пріобрѣсти Неаполь, на который французскіе короли еще со времени Карла VIII имѣли притязаніе; [можетъ быть, желалъ вырвать императорскую корону изъ руки Габсбурговъ...]. Но однимъ ударомъ Равальяка положенъ былъ конецъ всѣмъ этимъ начинаніямъ!

Для того, чтобы закончить реформаціонный періодъ французской исторіи, намъ нужно еще охарактеризовать въ общихъ чертахъ время Ришелье и Фронды.

Ришелье и Мазарини.

Въ числѣ источниковъ слѣдуетъ отмѣтить мемуары Ришелье (собственно заглавіе въ оригиналѣ такое: „France, histoire du cardinal Richelieu"; изданы въ коллекціи Petitot), относительно подлинности которыхъ высказывались иногда сомнѣнія; по мнѣнію Ранке (см. V т. его „Франц. ист."), въ основѣ своей они являются болѣе или менѣе подлинными, но имъ недостаетъ послѣдней редакціи и въ настоящемъ видѣ это—сборникъ матеріаловъ различнаго достоинства (Ср. D'Avenel, „Des Mémoires manuscrits de Richelieu", въ „Journal des Savants" 1858—9); сомнѣваться въ подлинности этого завѣщанія едва-ли можно съ тѣхъ поръ, какъ Hanotaux опубликовалъ (въ „Journal des Savants" за 1879 г.) первые наброски его, сдѣланные рукою самого Ришелье. Затѣмъ можно указать на письма Ришелье („Lettres, instructions diplomatiques et papiers d'état du cardinal de Richelieu"), изданныя d'Avenel'емъ (8 v., 1853—77, въ „Col. de doc. unédits sur l'hist. de Fr."); письма и записки короля къ кардиналу (Topin, „Louis XIII et Richelieu". 1876); мемуары Реца, одного изъ главныхъ дѣятелей Фронды (въ „Collection des grands écrivains de la France", VII т. и слѣд.); письма Мазарини („Lettres du Cardinal Mazarin pendant son ministère", recueillies et publiées par M. A. Chéruel, 1872, 79, 83 etc.; „Correspondance de Mazarin", publ. par d'Avenel, въ Coll. des docum. inéd.); „Journal des guerres civiles de Dubuisson-

---

[1]) Это одно изъ наиболѣе яркихъ доказательствъ, какъ мало можно полагаться на свидѣтельство мемуаровъ Сюлли. Сомнѣнія Базена и Ранке въ дѣйствительномъ существованіи подобнаго химерическаго плана Генриха IV подтверждаются дальнѣйшими изслѣдованіями — Морица Риттера (указ. соч.), Филиппсона (указ. соч.), Ротта („Henri IV, les Suisses et la Haute Italie", 1882), Pfister'a („Les „Oeconomies royales" de Sully et le grand dessein de Henri IV". въ „Rev. hist.", 1894, № 2 сл.), Kükelhaus'a („Der Ursprung des Planes vom ewigen Frieden in den Memoiren des Herzogs von Sully"), de-Crue („Les derniers desseins de Henri IV, d'après les dépêches inédites du député de Genève à la cour de France"; см. Acad. des sciences morales et polit. Séances et travaux. Compte-rendu. 1902. Sept.-oct.). В.

Aubenay" (2 v., изд. Saige въ „Mémoires de la Société de l'histoire de Paris et de l'Ile de France"); мемуары Монпансье (изд. Шерюэлемъ), графа Бріенна (въ кол. Michaud et Poujoulat) и т. д. Изъ пособій—Bazin (Raucon), „Histoire de France sous Louis XIII" (1838) и „Histoire de France sous le Cardinal de Mazarin" (1842; 2-е изд. обоихъ трудовъ — въ 1846), d'Avenel, „Richelieu et la monarchie absolue" (4 v., 1884—1890); его-же, „La noblesse française sous Richelieu". P. 1901; Hanotaux, „Tableau de la France en 1614. La France et la royauté avant Richelieu". P. 1898 (русск. пер.—„Франція передъ Ришелье". М. 1903); его-же, „Histoire du cardinal de Richelieu". P. 1893, и ст. въ Rev. des Mondes; Lodge, „Richelieu". Lond. 1896 (на англ. яз.—въ коллекціи Foreign Statesmen); Fagniez, „Le Père Joseph et Richelieu". P. 1893; de Beauchamp, „Louis XIII, d'après les correspondances avec le Cardinal de Richelieu". P. 1902; Cheruel, „Hist. de la France pendant la minorité de Louis XIV". P. 1879. Это — болѣе важные труды. Затѣмъ можно назвать еще Dussieux, „Le Cardinal de Richelieu" (1885); Caillet, „L'administration en France sous Richelieu" (2 v., 1860); Lacroix, „Richelieu à Luçon" (2-е изд. 1898); Zeller, „Louis XIII, Marie de Médicis, Richelieu ministre". P. 1899; устарѣвшее сочиненіе С.-Олера по исторіи Фронды и Chantelauze, „Le cardinal de Retz". Б.

Характеръ внутренней политики Генриха IV.

Дѣло внутренней политики Генриха IV, направленное къ возвышенію абсолютной монархіи, не имѣло никакого радикальнаго характера. Король стремился не къ тому, чтобы подавить совершенно враждебные этой монархіи элементы, изъ коихъ слагалось тогдашнее французское общество, но только къ тому, чтобъ установить между ними возможное равновѣсіе и надъ всѣми частными интересами возвысить государственную власть. Благодаря обаянію своей личности, привлекавшей къ себѣ общественное уваженіе и довѣріе, основателю Бурбонскаго дома удалось достигнуть этой цѣли. Все, повидимому, осталось по-прежнему. Гугеноты пользовались не только терпимостью, но и широкими политическими правами, ставившими ихъ почти въ независимое положеніе; аристократія не лишена была ни одного изъ своихъ прежнихъ правъ и привилегій; парламентъ, съ которымъ тоже умѣлъ ладить король, также не потерялъ своего судебнаго и административнаго значенія. Но надъ всѣми этими учрежденіями стояла симпатичная личность короля, привлекавшая къ себѣ всѣ сердца, потому что сама представляла лучшій типъ французскаго народнаго характера.

Франція въ началѣ царствованія Людовика XIII.

Но въ 1610 г. умираетъ Генрихъ IV, и государственная власть переходитъ къ его сыну Людовику XIII и матери его, Маріи Медичи; и тогда всѣ враждебныя силы, стремившіяся къ независимому существованію и обузданныя на время сильной рукою Генриха, опять предъявляютъ свои права. Гугеноты, составлявшіе, такъ сказать, государство въ государствѣ, имѣвшіе свои

войска, свои финансы, предводителей, крѣпости и свою столицу въ Ла-Рошели, сносившіеся, какъ независимая политическая сила, съ иностранными державами, опиравшіеся то на Англію, то на религіозное сочувствіе нидерландскихъ протестантовъ, опять принимаютъ угрожающее для правительства положеніе. Магнатство и своевольная аристократія снова интригуютъ противъ двора, составивъ политическія партіи. Парижскій парламентъ, не довольствуясь своимъ обычнымъ значеніемъ, присвоиваетъ себѣ права формальнаго народнаго представительства, ограничивающаго королевскую власть. Но прежній ходъ французской исторіи, который въ теченіе 3-хъ вѣковъ клонился постоянно къ возвышенію абсолютной монархіи, такъ сказать, уже приготовилъ мѣсто для сильнаго государственнаго дѣятеля, который бы господствовалъ надъ всѣми общественными стихіями; и еще до возвышенія Ришелье, т.-е. до 1624 г., два человѣка попытались занять это мѣсто: сначала землякъ королевы — Кончини, или маршалъ д'Анкръ, а потомъ извѣстный любимецъ Людовика XIII—герцогъ Люинь [1]). Но обѣ эти личности, какъ по характеру, такъ и по неспособности, не могли удержаться въ своемъ положеніи; государство, очень разстроенное и доведенное чуть не до банкротства финансовыми затрудненіями, въ эту критическую минуту должно было прибѣгнуть къ общесословному сейму, съ помощью котораго правительство обыкновенно старалось выйти изъ финансовыхъ кризисовъ. Такой сеймъ созванъ былъ въ 1614 г., но на собраніи этомъ обнаружилось такое разногласіе интересовъ между представителями различныхъ сословій, что правительство должно было распустить сеймъ. . . . .

Ришелье.

Въ такое-то критическое время возвышается въ довѣріи короля епископъ люсонскій Жанъ Арманъ дю Плесси, извѣстный въ исторіи подъ именемъ кардинала де-Ришелье. Сначала въ качествѣ члена королевскаго совѣта, а потомъ перваго министра, человѣкъ этотъ силою своего ума и характера вскорѣ успѣлъ подчинить себѣ и короля, и мать его, и занять господствующее положеніе въ государствѣ, которое онъ потомъ и сохранилъ до самой смерти (1642 г.).

Характеръ его политики внутренней.

18-лѣтнее властвованіе во Франціи Ришелье представляется часто эпохой водворенія въ этой странѣ почти уже законченной абсолютной монархіи, а самаго Ришелье рисуютъ какъ виновника этой перемѣны; но въ сущности политика Ришелье имѣла такой-

[1]) Zeller, „Le Connétable de Luynes". 1879. Paris. Б.

же характеръ и тотъ-же смыслъ, какъ и внутренняя политика перваго Бурбона—Генриха IV. Онъ тоже оставилъ неприкосновенными всѣ старыя государственныя учрежденія Франціи, не тронулъ даже политическихъ и религіозныхъ партій, а только умѣлъ силою своего личнаго вліянія господствовать надъ ними. Такъ, гугенотамъ онъ оставилъ ихъ прежнюю религіозную свободу, но за-то сдѣлалъ ихъ безвредными, какъ политическую партію: онъ лишилъ ихъ того исключительнаго, независимаго положенія, которое они занимали въ государствѣ, отнявъ у нихъ крѣпости и въ 1628 г. заставивъ сдаться Ла-Рошель, на помощь которой приходилъ даже англійскій флотъ. Парламенту парижскому онъ тоже оставилъ его значеніе высшаго государственнаго учрежденія въ королевствѣ и даже упрочилъ его судебную власть; но за-то строго наблюдалъ за тѣмъ, чтобы парламентъ не вмѣшивался въ политику и не присвоивалъ себѣ роли народнаго представительства. Также точно у аристократіи, съ которой пришлось ему вести борьбу въ свое 18-лѣтнее правленіе, Ришелье не отнялъ ея общественнаго значенія, но только сдѣлалъ ее безопасною для общихъ интересовъ государства; напротивъ, въ своей какъ внутренней, такъ и внѣшней государственной дѣятельности онъ постоянно опирался на это сословіе. Тѣмъ не менѣе борьба его съ французскою аристократіей была самая трудная и опасная. Въ теченіе первыхъ 10 лѣтъ магнатство въ лицѣ своихъ лучшихъ и даровитѣйшихъ представителей постоянно интриговало противъ всесильнаго министра, составляя противъ него заговоры съ цѣлью низложить его и даже умышляя на его жизнь. Этихъ заговоровъ Ришелье одолѣлъ нѣсколько; самыми замѣчательными изъ нихъ были замыслы герцога Вандома, Монморанси, Орнано, Сенъ-Марса и др. Но къ этимъ замысламъ враждебныхъ кардиналу партій примыкала почти вся французская знать: Субизы, Роганы и проч. Лучшія фамиліи участвовали въ нихъ; участвовали даже члены королевскаго семейства, родной братъ короля и сама королева-мать, а иногда и король, подъ конецъ однако всегда становившійся на сторону Ришелье и выдававшій ему своихъ же прежнихъ союзниковъ. Дворы англійскій и испанскій, наконецъ гугеноты такъ или иначе тоже принимали участіе въ этихъ попыткахъ, такъ-что борьба кардинала съ его личными противниками имѣетъ въ исторіи Франціи особый смыслъ, представляясь не только борьбою государственнаго человѣка съ его личными врагами, но вмѣстѣ и самого государства съ умышлявшимися противъ него посягательствами.

Внѣшняя политика Ришелье тоже въ сущности не представляла ничего новаго. Тотъ же самый политическій антагонизмъ съ Габсбургскимъ домомъ дѣятельно поддерживался и при немъ, вслѣдствіе чего Ришелье вмѣшался въ Тридцатилѣтнюю войну, выставляя Габсбургскимъ императорамъ, Фердинанду II и III, новыя затрудненія: сначала лишилъ императора лучшей его опоры, устроивъ измѣну Валленштейна и вооруживъ противъ него Густава Адольфа, а потомъ наконецъ и самъ принялъ въ этой войнѣ открытое участіе, кончившееся выгоднымъ для страны образомъ, хотя самъ Ришелье и не дожилъ до конечнаго результата своей политики; достигнуто это было при его преемникѣ, Мазарини, когда Франція по Вестфальскому договору пріобрѣла Эльзасъ и западную часть Лотарингіи, а по Пиренейскому миру съ Испаніей въ 1659 г. получила на сѣверной границѣ одну изъ нидерландскихъ областей, именно Артуа, и значительную часть герцогства Люксембургскаго, а на югѣ графство Руссильонъ. Пріобрѣтеніями этими, хотя они были сдѣланы по смерти Ришелье, все-таки страна была обязана дальновидной и ловкой политикѣ кардинала. в) Внѣшней.

Что же собственно новаго представляетъ система правленія Ришелье? Новизна заключалась въ его политическихъ пріемахъ, которые потомъ сдѣлались достояніемъ слѣдующихъ за нимъ государственныхъ людей, управлявшихъ судьбою Франціи. Во-первыхъ, во внутренней своей политикѣ кардиналъ выдвинулъ интересы или идею государственнаго абсолютизма не только практически, но развилъ ее даже теоретически, какъ это видно изъ его политическаго завѣщанія, которое рисуетъ намъ довольно вѣрно отношеніе Ришелье къ государству и его идеи. Идеи эти совершенно античнаго свойства и входятъ въ кругъ тѣхъ государственныхъ понятій, которыя возникли въ Западной Европѣ вслѣдствіе Возрожденія. На его взглядъ, интересы государства есть сила всепоглощающая, предъ которой блѣднѣютъ частные интересы и исчезаютъ въ ней. Частный человѣкъ, по мнѣнію завѣщанія, можетъ и долженъ быть мягкосердеченъ и кротокъ, терпѣливъ и самоотверженъ, и всѣ эти качества въ частномъ лицѣ заслуживаютъ уваженія, потому-что единичная личность можетъ всегда разсчитывать, что за всѣ понесенныя ею обиды и несправедливости получитъ возмездіе въ будущей жизни. Государство же въ другомъ положеніи: у него нѣтъ загробной жизни; свое право и справедливость, какъ и свой нарушенный интересъ, оно должно возстановить здѣсь, на землѣ. И вотъ, исходя изъ такого понятія, Политическое завѣщаніе Ришелье.

Ришелье рисуетъ обязанности правительства, состоящія въ томъ, чтобы охранять государственные интересы всѣми средствами, хотя бы насиліемъ и ужасомъ, т.-е. именно той системой, которую въ своей государственной дѣятельности практиковалъ онъ самъ. Во внѣшней политикѣ, въ сношеніяхъ съ иностранными державами, Ришелье тоже создалъ новый пріемъ, именно — онъ былъ первый изъ французскихъ государственныхъ мужей, который умѣлъ эксплуатировать жизненные интересы сосѣднихъ странъ въ пользу Франціи. Такъ, въ Германіи въ это время насущнымъ вопросомъ былъ протестантизмъ, въ Италіи—ненависть къ чужеземному господству и стремленіе къ объединенію края, наконецъ въ Англіи—ненависть къ деспотизму и любовь къ общественной свободѣ; всѣми этими интересами своихъ сосѣдей Ришелье ловко пользовался для того, чтобы достигнуть своихъ государственныхъ цѣлей.

Мазарини. Въ концѣ 1642 г. умеръ Ришелье, а затѣмъ (въ 1643) скончался и самъ король Людовикъ XIII, и крѣпкая государственная власть, находившаяся такъ долго въ желѣзныхъ рукахъ кардинала, переходитъ теперь къ шестилѣтнему Людовику XIV (род. въ 1638 г.), [за малолѣтствомъ котораго регентшей Франціи является его мать, Анна Австрійская, приблизившая къ себѣ въ качествѣ довѣреннаго лица и перваго министра кардинала Мазарини. Онъ-то и былъ въ теченіе цѣлыхъ 18 лѣтъ настоящимъ правителемъ страны до самой своей смерти, т.-е. до 1661 г. Итальянецъ родомъ, поселившійся во Франціи лишь незадолго до того, Мазарини не обладалъ тѣмъ творчествомъ и тою глубиною мысли, тою суровостью и безпощадностью, которая отличала его великаго предшественника, кардинала Ришелье; это былъ человѣкъ мягкій въ обращеніи, умѣвшій какъ нельзя лучше принаровляться къ обстоятельствамъ, во-время преклониться, хотя и не надолго, предъ силою необходимости, готовый уступить въ частностяхъ, но къ главной разъ поставленной цѣли стремившійся столь-же неустанно, хитрый и ловкій дипломатъ.

Какъ во внѣшней, такъ и во внутренней политикѣ Мазарини шелъ по слѣдамъ Ришелье и успѣлъ завершить его дѣло. Борьба съ Габсбургами продолжалась, пока, какъ было упомянуто, не былъ заключенъ съ Германіей Вестфальскій миръ (1648), а съ Испаніей—Пиренейскій (1659), который скрѣпленъ былъ бракомъ молодого французскаго короля съ испанскою инфантой, Фронда. Маріей Терезіей. Но одновременно съ войной внѣшней Мазарини приходилось выдерживать борьбу и съ оппозиціонными

элементами внутри страны. — Дворянство, парламентъ, городское населеніе, особенно Парижа, — всѣ эти элементы, подавленные Генрихомъ IV и Ришелье, снова поднялись, когда на престолѣ очутился малолѣтній король и власть перешла въ руки женщины и иностранца-кардинала. Противъ абсолютизма королевской власти выступаетъ сначала со своими притязаніями партія высшей аристократіи, съ герцогомъ де-Бофоръ во главѣ, за свое кичливое, гордое поведеніе получившая прозваніе „Importants“, и мечтавшая всецѣло подчинить своему вліянію Анну Австрійскую; а затѣмъ затянувшаяся внѣшняя война съ Габсбургами, ложившаяся тяжелымъ бременемъ на населеніе, требовавшая отъ него все новыхъ и новыхъ жертвъ, тяжесть налоговъ, злоупотребленія въ финансовой администраціи и въ особенности генералъ-контролера д'Эмери, подобно Мазарини тоже иностранца, вызвали сильную оппозицію и въ другихъ сословіяхъ, тѣмъ болѣе, что революція и борьба парламента съ королемъ въ Англіи дѣйствовали заразительнымъ образомъ и на Францію. Тутъ во главѣ оппозиціи становится Парижскій парламентъ, еще въ 1644 г. отказывавшійся внести въ реэстръ указы о новыхъ налогахъ, а съ 1648 г. вступившій въ открытую борьбу съ дворомъ. На этотъ разъ парламентъ не только противился новымъ эдиктамъ о налогахъ, но и требовалъ преобразованій въ самой государственной системѣ, отмѣны податей, введенныхъ безъ его согласія, уничтоженія должности интендантовъ, являвшихся орудіемъ неограниченной королевской власти, отставки д'Эмери и т. п. Арестъ двухъ наиболѣе рьяныхъ вождей парламентской оппозиціи правительствомъ лишь усилилъ волненіе. Парижское населеніе, руководимое коадъюторомъ Гонди (впослѣдствіи кардиналъ де-Ретцъ), приняло сторону парламента; оппозиція знати въ свою очередь снова поднялась, а ненависть къ Мазарини достигла крайней степени: общій голосъ возставшихъ требовалъ удаленія его и вообще иностранцевъ, а парламентъ объявилъ его внѣ покровительства законовъ, какъ „врага короля и государства“. Дѣло дошло до междоусобной войны. Правда, уже въ 1649 г. заключенъ былъ миръ, но миръ этотъ былъ непродолжителенъ: недовольство вскорѣ стало обнаруживаться съ новою силою и во главѣ враждебной Мазарини партіи становится герой Рокруа — „великій Конде“, незадолго до того прославившій себя блестящими побѣдами надъ внѣшними врагами Франціи [1]), а когда

[1]) H. d'Orleans, duc d'Aumale, „Histoire des princes de Condé aux XVI et XVII siècles“. 7 v. Б.

правительство рѣшилось его арестовать, то это подало сигналъ къ новому, открытому движенію. Два раза приходилось Мазарини покидать предѣлы Франціи, когда наконецъ побѣды Тюренна, ставшаго во главѣ королевскаго войска, а главное—глубокая рознь интересовъ и недостатокъ единодушія среди оппозиціонныхъ партій, мелочной эгоизмъ ихъ вождей, анархія въ Парижѣ, встревожившая болѣе мирное и состоятельное населеніе, доставили полное торжество двору и его тогдашнему руководителю—Мазарини.

Таковъ былъ конецъ (въ 1652 г.) Фронды,—этой послѣдней попытки сословныхъ элементовъ старой, до-революціонной Франціи возвратить свою независимость и ограничить королевскую власть, подчинивъ ее своему контролю. Мазарини, какъ представителъ крѣпкой государственной власти, вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы. Такимъ образомъ, подобно Ришелье, Мазарини удалось упрочить за Франціей высокое положеніе въ средѣ державъ и строгій монархизмъ внутри страны; а Людовику XIV оставалось лишь воспользоваться плодами дѣятельности двухъ кардиналовъ и съ новымъ небывалымъ блескомъ идти по проложенному ими пути].

VI. Англія въ XVI и XVII ст.

Тюдоры и англійская реформація.

Въ виду того интереса, какой на Западѣ еще съ XVIII вѣка возбуждалъ въ себѣ внутренній строй Англіи, неудивительно, что по англійской исторіи XVI и XVII ст. имѣется богатая и разнообразная литература. Здѣсь намъ приходится указать лишь на болѣе выдающіеся труды.—Изъ сочиненій общихъ, т.-е. такихъ, которыя обнимали бы собой болѣе или менѣе всю исторію Англіи, кромѣ многотомной и написанной въ католическомъ духѣ „History of England“ Лингарда (14 т., 1819—1831), довольно ужъ устарѣлой, наиболѣе извѣстно „классическое сочиненіе Маколея „Исторія Англіи съ восшествія на престолъ Іакова II“ (перевед. и на русск. яз.), представляющая собственно подробную исторію правленія Вильгельма III, но снабженная обширнымъ введеніемъ, въ которомъ авторъ изображаетъ предшествующую судьбу своего отечества какъ въ средніе вѣка, такъ и при Тюдорахъ и первыхъ Стюартахъ. Трудъ Маколея отличается такимъ мастерскимъ изложеніемъ и изобилуетъ такою ясностью практическаго взгляда, что изучающему англійскую исторію никоимъ образомъ нельзя обойти его, хотя и онъ теперь уже значительно устарѣлъ. Тѣмъ не менѣе въ кругу изслѣдователей и этой эпохи Ранке въ своей „Englische Geschichte vornehmlich im 17 Jahrhundert“ (9 Bde, 1859 и сл.) все-таки остается однимъ изъ лучшихъ руководителей“. Трудъ Ранке обыкновенно ставятъ на-ряду съ произведеніемъ Маколея; но только пріемы и точка зрѣнія нѣмецкаго и англійскаго историка совершенно различны. Маколей

обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на внутреннюю, парламентскую исторію Англіи; отношенія послѣдней къ другимъ европейскимъ государствамъ, внѣшняя политическая исторія, изложены у него сравнительно слабо. Напротивъ, у Ранке эта именно сторона изслѣдована очень обстоятельно и съ обычнымъ мастерствомъ; событія самой внутренней исторіи Англіи разсматриваются въ связи съ общимъ положеніемъ Европы въ ту эпоху. Маколей писалъ какъ истый вигъ, и можно сказать, что его сочиненіе — апологія обѣихъ англійскихъ революцій XVII в., прославленіе партіи виговъ, да и самъ Маколей не думалъ этого скрывать. Ранке же держится болѣе объективной точки зрѣнія; подчасъ онъ приближается къ воззрѣніямъ торіевъ; но это не мѣшаетъ ему воздавать должное, напр., нѣкоторымъ республиканскимъ вождямъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательна у него характеристика Кромвелля: Ранке одинъ изъ первыхъ съумѣлъ вѣрно оцѣнить его; тутъ, быть можетъ, сказалась извѣстная симпатія этого историка къ тѣмъ личностямъ, которыя являются представителями сильной государственной власти, а къ числу такихъ принадлежалъ, несомнѣнно, и Кромвелль, хотя онъ и вышелъ изъ рядовъ республиканцевъ-индепендентовъ. Но лучшимъ общимъ пособіемъ по исторіи Англіи служитъ „Исторія англійскаго народа“ Грина (Green'a), имѣющаяся въ двухъ редакціяхъ, болѣе подробная и „Краткая“ (та и другая есть въ русск. перев.) При сравнительно небольшомъ объемѣ, она охватываетъ всѣ стороны исторической жизни и соединяетъ основательность съ прекраснымъ изложеніемъ. Неудивительно, что въ Англіи она выдержала множество изданій и переведена на многіе языки.

Между сочиненіями собственно по конституціонной исторіи Англіи нужно отмѣтить слѣдующія: Hallam, „Constitutional History of England“ (1827; его продолжатель — Мей, трудъ котораго излагаетъ исторію англійской конституціи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка и имѣется во французскомъ переводѣ: „Histoire constitutionelle de l'Angleterre 1760 — 1860“)“, въ особенности же Stubbs, „Constitutional History of England“ (3 v. 1874 сл.), самый капитальный трудъ по исторіи англійской конституціи въ средніе вѣка; для знакомства съ духомъ и характеромъ англійской конституціи важны „Основы государствен. права Англіи“ Дайси (русск. пер. Спб. 1891), а въ нѣмецкой литературѣ—рядъ трудовъ Гнейста, одного изъ лучшихъ спеціалистовъ по этому вопросу; изъ нихъ важнѣйшіе: „Die Englische Communal-Verfassung oder das System des Selfgovernement“ (1860), „Das Englische Parlament in tausendjährigen Wandelungen von 8 bis zum Ende des 19 Jahrhund.“ (2-te Aufl., 1886) и особенно „Englische Verfassungsgeschichte“, перевед. и на русск. яз. подъ заглавіемъ: „Исторія государственныхъ учрежденій Англіи“. М. 1885; затѣмъ Büdinger, „Vorlesungen über englische Verfassungsgeschichte“. 1880; Fischel, „Die Verfassung Englands“ (перев. порусски подъ заглавіемъ: „Государственный строй Англіи“. Спб. 1862); на французскомъ языкѣ -небольшой, но прекрасный очеркъ Boutmy, „Développement de la constitution et de la société politique en Angleterre“. 1887 (есть русск. пер.— М. 1897). „Изъ относящихся къ вопросу объ англійской конституціи трудовъ нашихъ русскихъ ученыхъ можно указать на извѣстное сочиненіе Чичерина, „О народномъ представительствѣ“ (М. 1866), гдѣ параллельно представлено развитіе государственнаго устройства главнѣйшихъ европейскихъ народовъ, въ томъ числѣ и англичанъ“, и на 1-й т. („Часть историч.“) „Государственнаго права важнѣйшихъ европейскихъ державъ“ проф. Градовскаго (Спб. 1886; см. также „Собр. соч.“ его), а для знакомства съ состояніемъ Англіи при переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новымъ см. изслѣдованіе М. М. Ковалевскаго, „Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ“; М. М. Ковалевскому же принадлежитъ

рядъ статей, касающихся исторіи Англіи (нѣкоторыя указаны ниже). Въ настоящее время выходятъ прекрасные „Очерки изъ исторіи англійскаго государства и общества въ средн. вѣка" проф. Д. М. Петрушевскаго (Ч. I. Спб. 1903, въ коллекціи „Ист. Евр. по эпохамъ и стран."). — Объ англійскомъ тайномъ совѣтѣ и его исторіи— спец. изслѣдов. проф. Александренко. Спб. 2 т. 1888 сл. Затѣмъ на русскомъ языкѣ, кромѣ отмѣченныхъ уже выше переводовъ, имѣется переводъ съ англійскаго 2 небольшихъ очерковъ Фримана и Стеббса („Очеркъ развитія англійской конституціи съ древн. временъ" перваго и „Очеркъ конституціон. исторіи англ. націи до врем. Эдуарда I" второго) подъ общимъ заглавіемъ: „Опыты по исторіи англійской конституціи". М. 1880, и переводъ сборника Трайля, „Общественная жизнь Англіи". М. 1896 сл.

Большинство изъ упомянутыхъ сочиненій имѣетъ, конечно, еще болѣе отношенія къ исторіи англійской революціи (о пособіяхъ по этому вопросу см. ниже), нежели къ исторіи англійской реформаціи. Изъ трудовъ же, прямо касающихся послѣдней, см. Фраудъ, „Исторія Англіи отъ паденія Вольсея до смерти Елизаветы" (Froude, „History of England from the fall of Wolsey to the death of Elisabeth" 12 v., 1856 и сл., доведена собственно до пораженія „испанской непобѣдимой армады"), сочиненіе, далеко не отличающееся должнымъ безпристрастіемъ и точностью, но цѣнное по положеннымъ въ основу его матеріаламъ; подъ ред. Stephens'а и Hunt'а предпринята коллективная „Новая исторія церкви въ Англіи"; въ нѣмецкой литературѣ—„Geschichte der Reformation von Grossbritanien" (2 Bde., 1-е изд. 1845 и 1853 г.) G. Weber'а, автора извѣстной „Всемірной исторіи", и его-же: „Zur Geschichte des Refermations-Zeitalters", 1874 (2-я полов.); Вейнгартенъ, „Народн. реформація въ Англіи XVII в." (русск. пер. М. 1902) Maurenbrecher, „England im Reformationszeitalter", 1866, четыре популярныхъ лекціи, и наконецъ упомянутое уже раньше сочиненіе Филиппсона въ коллекціи Онкена. На русск. яз. см. Соколова, „Реформація въ Англіи". М. 1882 и ст. Грановскаго (къ сожалѣнію, не оконченную): „Реформа въ Англіи" во 2-мъ т. его „Сочин." (по поводу книги Audin, „Histoire de Henri VIII et du schisme d'Angleterre". 1847. 2 v.). О болѣе частныхъ монографіяхъ см. ниже, а изъ довольно многочисленныхъ „Исторій Шотландіи" можно назвать, напр., трудъ Tytler'а и особенно Burton'а („The history of Scotland from the invasion of Agricola to the revolution of 1688". 8 v. 1867 сл.).

Что же касается источниковъ и сочиненій старинныхъ, откуда приходится черпать матеріалъ для исторіи англійской реформаціи, то тутъ мы имѣемъ, во-первыхъ, произведенія самихъ реформаторовъ („Works of the Reformers" 1841—54; 54 v.), очевидцевъ, а подчасъ и участниковъ описываемыхъ ими событій или, по крайней мѣрѣ, по времени довольно близко стоявшихъ къ нимъ. Таковы: „Annales rerum Anglicanarum et Hibernicarum regnante Elizabetha" ея современника Camden'а, „Rerum Scoticarum Historia" Buchanan'а (современника и яраго противника Маріи Стюартъ, гуманиста и приверженца реформаціи; см. біографію его, написанную Brown'омъ, Edinburgh. 1890), „History of the Reformation in Scotland" знаменитаго Нокса (Knox), „Церковныя исторіи" Fox'а (сначала на лат. яз., а потомъ въ англійск. передѣлкѣ подъ заглавіемъ: „Acts and monuments of Martyrs". 1559), Fuller'а (XVII в.), Heylin'а (XVII в.), особенно же извѣстнаго сторонника и приближеннаго Вильгельма III—епископа Burnet'а (ум. въ 1715), пользовавшагося нѣкогда большимъ авторитетомъ, и

Collier (ум. въ 1726 [1]); большею частью въ такихъ трудахъ, конечно, нечего искать безпристрастія, но все-же тутъ содержится нерѣдко цѣнный матеріалъ. Затѣмъ, много разнообразныхъ данныхъ можно найти у Strype, труды котораго являются сборникомъ различнаго матеріала („Historical memorials ecclesiastical and civil", 1721; „Memorials of Archbishop Cranmer", „Annales of the Reformation during Elizabeths reign") и въ собраніи документовъ Rymer'а („Foedera, conventiones, litterae et cujuscunque generis acta publica" etc., 10 v., 1739—45). Не говоря о мемуарахъ и письмахъ такихъ лицъ, какъ, напр. лордъ Бурлей, Марія Стюартъ и проч. (о чемъ ниже), важность первостепенныхъ документовъ имѣютъ и здѣсь донесенія различныхъ пословъ, преимущественно итальянскихъ; изъ изданій, кромѣ Alberi, см. Theiner, „Vetera Monumenta Hibernorum et Scotorum", 1864: но особенно драгоцѣнны тѣ документальныя данныя, которыя обнародываются въ оффиціальномъ сборникѣ источниковъ англійской исторіи: „Calendar of State Papers" (нѣсколько серій). Б.

Намъ предстоитъ теперь обозрѣть исторію Англіи въ періодъ Тюдоровъ, т.-е. въ теченіе почти 120 лѣтъ (1485—1603). Эпоха эта есть время происхожденія и развитія англійской церковной реформы, которая и составляетъ въ немъ господствующее явленіе. Но мы не можемъ обойтись безъ того, чтобъ не познакомиться и съ тѣми задачами, которыя подготовлены были для государственной жизни Англіи средними вѣками, дабы видѣть, какъ повліяла реформація на ихъ разрѣшеніе.

Главный интересъ англійской исторіи.

Англійская исторія до второй половины XVIII в. есть по преимуществу только исторія внутренняя, такъ какъ съ этой стороны она представляетъ наиболѣе поучительнаго интереса, тогда какъ ея внѣшнія сношенія стоятъ на второмъ планѣ уже по самому островному положенію страны, которое мѣшало ей принимать болѣе дѣятельное участіе въ судьбахъ европейскаго континента. Какъ Франція можетъ считаться типической страной государственнаго абсолютизма, какъ сосѣдняя съ ней Англія есть образецъ конституціонной страны, служащей въ этомъ отношеніи предметомъ подражанія, изученія и даже зависти для всей континентальной Западной Европы. Въ этомъ смыслѣ западные публицисты, историки и государственные люди изучали англійскую исторію, стараясь извлечь изъ нея уроки для ихъ собственнаго отечества. Даже такой капитальный трудъ по англійскому государственному праву, какъ извѣстное сочиненіе Гнейста, имѣлъ въ виду именно эту цѣль. Но дѣло въ томъ, что англійская конституція, столь прославленная изучавшими ее, какъ продуктъ всей исторіи страны, исключаетъ всякую возможность подра-

[1]) Свѣдѣнія объ этихъ авторахъ см. между проч. у Вебера („Zur Geschichte des Reformations-Zeitalters"). Б.

жанія: она развивалась исторически въ теченіе долгаго времени, между тѣмъ какъ либеральныя учрежденія Запада сравнительно недавняго происхожденія, такъ какъ исходнымъ пунктомъ ихъ можетъ считаться Великая французская революція конца XVIII в. Оттого неудивительно, что тогда какъ въ Англіи общественная свобода стоитъ такъ прочно, въ государствахъ Западной Европы она была подвержена постояннымъ колебаніямъ.

Англія въ средніе вѣка. Англо-Саксонскій періодъ.

Начало англійскихъ свободныхъ учрежденій нѣкоторые относятъ еще къ англо-саксонскому времени. Дѣйствительно, при англо-саксонскихъ короляхъ, начиная съ Эгберта, въ Англіи существовалъ обычай отъ времени до времени для совѣщаній о государственныхъ нуждахъ созывать именитыхъ людей отъ всѣхъ сословій, которые и составляли собранія, такъ назыв. витенагемоты. Кромѣ того, въ англо-саксонское время возникла и развилась автономія графствъ или мѣстное самоуправленіе: въ графствахъ тоже собирались земскія собранія, которыя вѣдали мѣстныя дѣла и творили судъ съ участіемъ присяжныхъ. Но мнѣніе, будто эти учрежденія послужили зародышемъ англійской общественной свободы, можетъ быть принято только съ большими ограниченіями. Во-первыхъ, витенагемоты или общіе земскіе сеймы не были учрежденіемъ постояннымъ; потомъ, члены этихъ сеймовъ были не выборные, не депутаты отъ всѣхъ сословій, а скорѣе нотабли, т.-е. именитыя лица, большею частью назначенныя правительствомъ; далѣе, витенагемоты не имѣли никакой законодательной власти, а только совѣщательное значеніе; слѣдовательно, считать ихъ учрежденіемъ, изъ котораго развился впослѣдствіи англійскій парламентаризмъ, нѣтъ никакого основанія. Но за-то въ исторіи развитія англійскихъ свободныхъ учрежденій имѣла очень важное значеніе мѣстная автономія, потому-что хотя въ слѣдующемъ періодѣ она и была подавлена, но формы ея сохранились, а съ ними сохранилось и воспоминаніе о древней свободѣ. Кромѣ того, публичные суды съ присяжными уцѣлѣли, что̀ уже одно должно было служить значительной гарантіей общественной свободы.

Норманское завоеваніе.

Таково значеніе англо-саксонскаго времени. Но во второй половинѣ XI в., именно въ 1066 г., Англію постигла неожиданная катастрофа — норманское завоеваніе [1]). Норманскій герцогъ Вильгельмъ съ своей дружиной завоевалъ Англію, и завоевалъ

---

[1]) Кромѣ извѣстнаго сочиненія Тьерри,—Freeman, „History of the Norman Conquest" (2-е изд. 1870). Б.

ее самолично, своею собственною силою военною, вслѣдствіе чего въ Англіи и установились порядки, не похожіе на тѣ, какіе возникли въ Западной Европѣ, вслѣдствіе завоеванія одного племени другимъ. Дружина, пришедшая на островъ съ Вильгельмомъ, была не племеннымъ ополченіемъ норманновъ, но личнымъ войскомъ Вильгельма, почему и покоренная страна сдѣлалась собственностью не норманской дружины, а Вильгельма; отъ его воли зависѣло раздать дружинникамъ участки, но уже на личныхъ правахъ, т.-е. съ извѣстными обязанностями къ государю. Понятно, что при такомъ характерѣ норманскаго завоеванія не могло быть и рѣчи о народномъ представительствѣ. Единственно возможная форма общественнаго устройства въ это время была военно-абсолютная монархія, потому-что въ такомъ только случаѣ завоеватели могли надѣяться удержать въ покорности завоеванный народъ. Дѣйствительно, въ это время въ теченіе 2 столѣтій, т.-е, во второй половинѣ XI, въ XII и въ началѣ XIII в., мы видимъ въ Англіи господство военной монархіи въ такой строгости, примѣра которой не встрѣчаемъ болѣе въ средневѣковой Европѣ. Всѣ законы этого времени не что иное, какъ королевскія прокламаціи и декреты; автономія графствъ подавлена; только народные суды отчасти уцѣлѣли по областямъ, но оба племени судились каждое своими законами, и только съ XIII в. оба законодательства начали сливаться и образовали общую систему англійскаго права, въ которой дѣла относительно недвижимой собственности рѣшались по норманскому праву, а движимой—по англо-саксонскому.

Такой порядокъ вещей продолжался въ Англіи почти до наначала XIII ст., т.-е. до той эпохи, когда рѣзкость отношеній между покорителями и побѣжденными стала сглаживаться и когда оба племени стали сливаться въ одинъ народъ; тогда только у тѣхъ и другихъ проснулись воспоминанія о ихъ древней свободѣ, плодомъ которыхъ и была въ началѣ XIII в. „Великая хартія вольностей“, вынужденная націей у Іоанна Безземельнаго по поводу его дурнаго правленія. Эта Magna charta libertatum, выданная въ 1215 г., есть собственно первое основаніе общественной свободы англичанъ. По этому акту положено было, чтобы на будущее время подати, платимыя народомъ, могли быть налагаемы не иначе, какъ съ согласія плательщиковъ, и каждый англичанинъ судился только своими перами, т.-е. людьми своего сословія. [А нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя, въ правленіе Генриха III, по поводу его покушенія на нарушеніе хартіи, произошли новыя волненія и возстаніе дворянства, къ которому при-

«Великая хартія вольностей».

влечено было и среднее сословіе; дошло до того, что собраніемъ въ Оксфордѣ (1258) установлена была своего рода опека надъ правительствомъ: для обезпеченія пріобрѣтенныхъ правъ учреждена контрольная коммиссія изъ лордовъ и представителей высшаго духовенства, а въ 1265 г. въ собраніе, созванное въ Лондонѣ Симономъ Монфортомъ, кромѣ представителей отъ бароновъ, призваны были и представители графствъ и важнѣйшихъ городовъ].

Начало парламента.

Такимъ образомъ уже въ XIII в. положено было первое основаніе англійской конституціи. Постепенный путь, которымъ развилось это устройство и получило ту форму, въ которой оно дошло до нашего времени, былъ слѣдующій. Во время норманскихъ королей было въ обычаѣ отъ времени до времени созывать важнѣйшихъ представителей высшаго дворянства, которое вмѣстѣ съ государственными чинами и прелатами составляло придворный совѣтъ короля, не имѣвшій, впрочемъ, другого значенія, кромѣ совѣщательнаго. Но къ этому обычному совѣту въ XIII в., т.-е. со временъ „хартіи" и „баронской войны" при Генрихѣ III (1265 г.), мало-по-малу вошло въ обычай приглашать и представителей всѣхъ другихъ знатныхъ аристократическихъ фамилій и все высшее духовенство. Такой распространенный придворный совѣтъ назывался большимъ совѣтомъ (consilium magnum), и со времени „баронской войны" получилъ право участвовать въ законодательствѣ. Впослѣдствіи право это расширилось еще тѣмъ, что великій совѣтъ сдѣлался и верховнымъ судилищемъ королевства. Изъ этого-то учрежденія съ теченіемъ времени, именно при Эдуардахъ I, II и III, когда члены совѣта превратились въ наслѣдственныхъ перовъ, и образовалась верхняя палата англійскаго парламента или палата лордовъ, тогда какъ представители графствъ и городовъ образовали въ свою очередь зерно будущей палаты общинъ.

Такъ возникли двѣ существенныя части англійскаго парламента. Значеніе палаты общинъ основывалось главнымъ образомъ на томъ, что тогдашнее правительство, незнакомое съ экономическими рессурсами страны, должно было въ финансовыхъ вопросахъ прибѣгать къ содѣйствію и совѣту представителей городовъ и графствъ, такъ какъ одни они могли указать, съ кого и сколько можно было взять. Кромѣ того, уже съ XIV в. окончательно сложились англійскія сословія: во-первыхъ, высшее дворянство или такъ назыв. у англичанъ nobility, — все почти безъ исключенія норманской крови; затѣмъ — низшее дворянство, рыцар-

ство, или gentry,—англосаксонскаго происхожденія, и далѣе—сословіе горожанъ или такъ называемыхъ commoners. Организаціи этихъ сословій содѣйствовали много сами Плантагенеты. Тѣснимые съ XIII в. мѣстной аристократіей, короли должны были искать противовѣса ей въ возвышеніи низшаго дворянства, которое, будучи не норманскаго, а англо-саксонскаго происхожденія, естественно, представляло элементъ, враждебный высшей знати. Къ тому же времени окончательно развилась и мѣстная автономія графствъ, такъ-что съ установившимися правами сословій и автономнымъ устройствомъ графствъ личное управленіе королей норманскаго періода стало уже невозможно. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что эта первоначальная англійская конституція была преимущественно аристократическая, такъ какъ вся сила парламента лежала въ палатѣ лордовъ, присвоившихъ себѣ участіе въ законодательствѣ и судѣ.

Парламентъ при Ланкастерахъ.

Къ концу XIV ст. прекратилась прямая линія Плантагенетовъ и вступила на престолъ ея боковая вѣтвь—Ланкастерская, и такъ какъ эта фамилія своимъ возвышеніемъ обязана была знати, то, естественно, она и опиралась на это сословіе, чѣмъ еще больше расширила его права и льготы. Поэтому мы видимъ, что при первыхъ Ланкастерахъ, при Генрихахъ IV и V, англійскій парламентъ получаетъ новыя права: палата лордовъ, кромѣ судебной и законодательной власти, присвоиваетъ себѣ право требовать отчета у министровъ, т.-е. совѣтниковъ короля, тѣмъ болѣе, что это было логическимъ слѣдствіемъ законодательной власти этой палаты, тогда какъ право соглашаться или не соглашаться на новыя подати составляло существенный аттрибутъ низшей палаты.

Война Алой и Бѣлой Розы и ея слѣдствія.

Нѣтъ сомнѣнія, что, продолжая идти этимъ путемъ, англійскій парламентъ тогда уже достигъ бы своего полнаго значенія, еслибъ не началась междоусобная война Алой и Бѣлой Розы, продолжавшаяся 30 лѣтъ, война, въ которой двѣ линіи царственнаго дома Плантагенетовъ, Ланкастерская и Іоркская, спорили за престолъ. Въ теченіе этихъ долгихъ усобицъ англійская аристократія значительно потеряла свой прежній вѣсъ; она уменьшилась въ числѣ, потому что многіе роды совершенно погибли въ этой войнѣ, измельчала, обѣднѣла и унизилась нравственно, и такъ какъ сила тогдашняго англійскаго народнаго представительства лежала главнымъ образомъ въ аристократіи, то понятно, что при ея ослабленіи и палата общинъ тоже лишилась своей главной опоры. Вслѣдствіе всего этого новый царственный домъ Тюдоровъ, утвердившись въ 1485 г. на англійскомъ престолѣ, оказался въ

положенін чрезвычайно благопріятномъ для того, чтобы развить абсолютно-монархическую власть въ новомъ смыслѣ этого слова.

Основы англійской общественной свободы.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на этотъ упадокъ аристократіи, служившей главной опорой свободы Англіи, не смотря на начавшееся полновластіе Тюдоровъ, англійскій народъ изъ своей средневѣковой исторіи вынесъ уже твердое основаніе своей общественной свободы. Какъ ни нарушало впослѣдствіи эту свободу полновластіе королей, какъ ни давили Тюдоры общественныя права и парламентъ, все-же въ общественномъ сознаніи націи живо хранилась память о тѣхъ правахъ своихъ, которыя она унаслѣдовала отъ среднихъ вѣковъ, а именно: 1) право соглашаться или не соглашаться на новыя подати, 2) участіе народныхъ представителей въ законодательствѣ и 3) участіе ихъ въ судебной власти. Но эта средневѣковая англійская конституція, опираясь на такія основы, была болѣе обычаемъ, чѣмъ правомъ, и поэтому не имѣла никакой прочной гарантіи. Такъ, короли часто обходили права парламента въ денежномъ отношеніи, конфискуя дворянскія имѣнія или же продавая коронныя, прибѣгая къ займамъ и такъ называемымъ „добровольнымъ приношеніямъ"; также точно право помилованія, составлявшее принадлежность верховной власти, давало королямъ очень удобный предлогъ вторгаться въ государственную юстицію.

Благопріятныя условія для ея развитія.

Но тѣмъ не менѣе особенныя историческія условія, подъ вліяніемъ коихъ протекла жизнь Англіи въ средніе вѣка, сложились такъ благопріятно для сохраненія этихъ народныхъ вольностей, что никакія покушенія королей на умаленіе народныхъ правъ не могли искоренить въ сознаніи націи существенныхъ основъ ея свободы. Во-первыхъ, у англійскихъ королей никогда не было подъ руками постояннаго войска, которымъ бы они могли воспользоваться для утвержденія своего абсолютизма внутри государства. Самое островное положеніе Англіи, не дававшее ей участвовать дѣятельно въ европейскихъ компликаціяхъ и охранявшее эту страну отъ внѣшнихъ вторженій, дѣлало такое войско ненужнымъ; а безъ постояннаго войска и короли чувствовали себя безсильными по отношенію къ своимъ подданнымъ. Оттого-то въ Англіи и возможны были такъ часто случавшіяся возстанія противъ правительства, нарушавшаго народныя права. Во-вторыхъ, народныя возстанія въ Англіи были тогда легки и возможны не только потому, что у правительства не было вооруженной силы, но и потому, что общественныя революціи не влекли за собой

того гражданскаго и экономическаго разстройства, тѣхъ разрушительныхъ послѣдствій, какія неизбѣжно повлекли бы онѣ въ другое время: Англія была тогда еще бѣдною страной, безъ торговли и промышленности [1]); богатство нынѣшняго Лондонскаго Сити въ 80 разъ превосходитъ богатство всей Англіи Плантагенетовъ. Наконецъ, къ числу благопріятныхъ обстоятельствъ, способствовавшихъ развитію общественной свободы Англіи, нужно отнести и то, что это была единственная страна, гдѣ издавна составился союзъ аристократіи и городовъ, союзъ, дружно направившій свои усилія противъ королевской власти. На континентѣ Европы мы не видимъ подобнаго примѣра; тутъ враждебно относившаяся къ среднему сословію аристократія постоянно стремилась эксплуатировать его, почему горожане очень рано должны были искать защиты въ монархіи. Въ Англіи, напротивъ, еще со времени баронской войны оба сословія соединились для того, чтобы общими силами добиться и общей цѣли, т.-е. ограниченія королевской власти.

Тюдоры. Генрихъ VII.

Въ такомъ видѣ перешло англійское государственное устройство въ вѣкъ Тюдоровъ. Первый представитель этого царственнаго дома, Генрихъ VII [2]) (1485—1509), какъ нельзя лучше воспользовался утомленіемъ націи послѣ войнъ двухъ Розъ, чтобы возвысить абсолютную государственную власть. Частые заговоры, появленіе претендентовъ и самозванцевъ, которыми наполнено царствованіе этого короля, давали ему случай еще болѣе угнетать аристократію конфискаціей ея имуществъ и возведеніемъ ея представителей на эшафотъ; наконецъ, онъ нанесъ этому сословію еще очень сильный ударъ, издавъ законъ, по которому конфискованныя земли аристократическихъ фамилій могли быть пріобрѣтаемы и людьми изъ средняго сословія; и такъ какъ сословіе горожанъ было въ это время самымъ зажиточнымъ, то весьма много изъ конфискованныхъ имуществъ дворянства перешло въ руки средняго класса. Въ такомъ видѣ передалъ онъ власть своему сыну, Генриху VIII, первому королю Англіи новаго времени.

---

[1]) По исторіи развитія промышленности въ Англіи и вообще по экономической исторіи этой страны см.—Cunningham, The growth of english industry and Commerce. Cambr. 2 v, 1890 сл.; Эшли, Экономич. исторія Англіи (русск. пер. М. 1897): Гиббинсъ, Промышлен. исторія Англіи (русск. пер. 1898); Green, Town-life in the XV century. Lond. 2 v.; Rogers, History of Agriculture and Prices (преимущественно т. IV—V. 1866) а по исторіи англійскаго крестьянства важны: „The English Village Community (1896) Seebohm'a и „Изслѣдов. по соціальн. исторіи Англіи въ средн. вѣка“ (Спб. 1889) П. Г. Виноградова (на англ. яз.—Villainage in England. 1892). См. — еще А. Н. Савинъ, „Англійская деревня въ эпоху Тюдоровъ“. М. 1903, и его-же ст.—„Соціальн. исторія Англіи XV и XVI в. въ новой исторіографіи“ (Ж. М. Н. Пр., 1901, іюнь). **Б.**

[2]) Busch, England unter den Tudors. 1 B. König Heinrich VII. Stuttg. 1892. **Б.**

Генрихъ VIII. Почти 40-лѣтнее правленіе Генриха VIII (1509—1547) представляетъ двѣ довольно различныя по характеру эпохи. Первыя 20 лѣтъ Генрихъ идетъ неуклонно по слѣдамъ своего отца. Внутри государства онъ преслѣдуетъ столь-же настойчиво идею абсолютной монархіи, стараясь по возможности обходиться безъ народнаго представительства. При немъ парламентъ собирался очень рѣдко; да и то при подавленности аристократіи и, слѣдовательно, при зависимомъ положеніи палаты лордовъ, въ которой лежала вся сила тогдашняго парламента, онъ не встрѣчалъ никакого противодѣйствія своей личной волѣ. Во внѣшней политикѣ Генрихъ VIII продолжаетъ также дѣло своего отца; начатый Генрихомъ VIII политическій антагонизмъ съ Франціей продолжается сначала и при его сынѣ, который участвуетъ въ войнахъ сперва Максимиліана I, а потомъ Карла V съ Франціей, особенно съ королемъ Франсуа I. Въ 1513 г. Генрихъ VIII даже лично участвовалъ въ одной изъ французскихъ кампаній, и ему удалось выиграть значительное сраженіе съ французами при Гинегатѣ въ Бельгіи. Но въ концѣ концовъ изъ этого вмѣшательства въ дѣла континента Англія не вынесла ничего, кромѣ потерь людьми и затраты огромной денежной суммы; только политическій вѣсъ свой въ Европѣ она успѣла поднять этимъ на значительную высоту. Въ церковныхъ дѣлахъ, въ спорныхъ богословскихъ вопросахъ времени, Генрихъ VIII стоялъ тогда всецѣло на сторонѣ старыхъ церковныхъ порядковъ и даже самъ участвовалъ въ богословской полемикѣ того времени. Извѣстно напр. его полемическое сочиненіе противъ ученія Лютера о таинствахъ,—сочиненіе, за которое онъ получилъ отъ папы почетный титулъ „защитника вѣры".

Перемѣна въ Генрихѣ VIII. Такъ было до 1529 г., когда не только во всей политикѣ Генриха VIII, но и въ его личномъ настроеніи совершился замѣтный переломъ. До 1529 г. Генрихъ VIII руководился во всей правительственной дѣятельности совѣтами перваго и довѣреннѣйшаго министра своего, кардинала Вольсея, человѣка пронырливаго, интригана, стремившагося получить папскую тіару и изъ-за этой цѣли продававшаго интересы Англіи, переходя то на сторону Франціи, то на сторону Габсбурговъ, смотря по тому, какая изъ партій обѣщала ему наиболѣе шансовъ при достиженіи имъ его личныхъ цѣлей. Но въ 1529 г. Вольсей лишился милости короля и былъ свергнутъ имъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ревностный защитникъ вѣры, Генрихъ VIII, дѣлается ярымъ антагонистомъ Рима, разрываетъ всякія связи съ папствомъ, конфискуетъ церковныя имущества, уничтожаетъ монастыри. Затѣмъ весь остальной

періодъ второй половины его царствованія, т.-е. цѣлыхъ 18 лѣтъ, проходитъ исключительно въ его заботахъ о томъ, чтобы создать независимую, вполнѣ самостоятельную церковь, во главѣ которой становится онъ самъ, соединивъ въ своей особѣ, подобно восточнымъ халифамъ, высшую церковную и свѣтскую власть. Вмѣстѣ съ тѣмъ совершается постепенно замѣтная перемѣна въ личномъ настроеніи короля. Нѣкогда любимый своими подданными, симпатичный и блестящій Генрихъ VIII, покровитель наукъ и искусствъ, другъ Эразма и другихъ корифеевъ гуманизма, человѣкъ, любившій веселую и изящную жизнь, окружавшій себя блестящимъ дворомъ, къ которому стекались знаменитости тогдашней Европы, превращается теперь въ подозрительнаго и мрачнаго деспота, съ непреклоннымъ упорствомъ преслѣдующаго свою личную волю, заставлявшаго своихъ подданныхъ вѣровать и молиться, какъ ему угодно, и наполняющаго послѣдніе годы своего царствованія ужасами казней и другихъ жестокостей.

Поводомъ къ такимъ перемѣнамъ въ политикѣ и личности Причины ея. Генриха считаютъ обыкновенно случайную страсть его къ одной изъ придворныхъ фрейлинъ, красавицѣ Аннѣ Болейнъ [1]). Ради нея король задумалъ развестись съ женой своей Екатериной Аррагонской, съ которой до того времени мирно прожилъ цѣлыхъ 20 лѣтъ, съ тѣмъ чтобы вступить въ новый бракъ съ этой фавориткой. Екатерина была дочь Фердинанда Католика и, стало быть, родная тетка Карла V; такъ что, когда Генрихъ обратился съ этимъ дѣломъ къ папѣ Клименту VII, то курія, не желая вступать въ непріязненныя отношенія къ могущественному императору, не изъявила своего согласія на этотъ разводъ [2]), и тогда Генрихъ, для того, чтобы достигнуть своей цѣли, разрываетъ связь съ Римомъ и ставитъ англійскую церковь въ совершенно независимое положеніе. Таково объясненіе этой перемѣны. Но Ранке въ своей „Исторіи Англіи“ обращаетъ вниманіе на то, что такая причина въ сущности слишкомъ ничтожна для того, чтобъ она одна могла вызвать столь важныя послѣдствія, и по-

---

[1]) О ней лучшая монографія — Friedmann'a („Anne Boleyn. A chapter of English History. 1527 — 1536“. 2 v. 1884); см. также ст. Maury: „Anne Boleyn“ въ „Journal des savants“, 1887 г. Б.

[2]) На русск. яз. см. „Процессъ Екатерины Аррагонской по новымъ документамъ“. Переводъ съ англ. подъ редакціей и съ предислов. проф. Осокина. Казань. 1885; Froude, „The divorce of Catherine of Aragon; the story as told by the imperial ambassadors resident at the court of Henry VIII. Lond. 1892.—Папа медлилъ дать свое разрѣшеніе на разводъ потому главнымъ образомъ, что это значило бы признать данное его предшественникомъ разрѣшеніе незаконнымъ и, кромѣ того, признать, что папа не имѣетъ права разрѣшать то, что̀ запрещаютъ каноны, т. е., другими словами,—признать ограниченность папской власти. Б.

тому онъ старается глубже изслѣдовать этотъ фактъ, подыскивая для него цѣлый рядъ историческихъ прецедентовъ въ прежней исторіи страны. Такихъ прецедентовъ средневѣковая исторія Англіи представляетъ немало. Начиная съ самаго VII в. англійская церковь постоянно стремилась къ самостоятельности. Такъ уже первый Плантагенетъ, Генрихъ II, ограничиваетъ власть папы надъ англійскою церковью такъ называемыми Кларендонскими постановленіями, по которымъ англійское духовенство должно было судиться національнымъ свѣтскимъ судомъ, а второй его преемникъ, Іоаннъ Безземельный, вступилъ въ еще болѣе рѣзкое столкновеніе съ римскимъ дворомъ по поводу спора о правѣ назначать кентерберійскаго архіепископа, примаса государства. Обѣ эти первыя попытки организовать англійскую церковь самостоятельно не увѣнчались успѣхомъ: Генрихъ II долженъ былъ послѣ позорнаго покаянія уничтожить Кларендонскія постановленія; также точно Іоаннъ Безземельный, уступивъ право назначенія примаса папѣ, унизился до того, что призналъ свое королевство леномъ святаго престола. Но начиная съ этого времени, т. е. съ XIII ст., мысль о самостоятельной церкви не умирала уже никогда въ странѣ, и въ теченіе XIII и XIV вв. мы встрѣчаемъ множество правительственныхъ распоряженій въ такомъ смыслѣ; такъ напр., — постановленіе о томъ, что высшія должности въ англійской церкви могутъ быть получаемы только съ соизволенія мѣстной верховной власти, затѣмъ — ограниченіе разныхъ денежныхъ поборовъ куріи, падавшихъ на Англію. Наконецъ во второй половинѣ XIV столѣтія, при послѣднемъ представителѣ прямой линіи дома Плантагенетовъ, Ричардѣ II, мы встрѣчаемъ здѣсь реформатора Виклефа, нападавшаго на свѣтскую власть папы, на монашество, на разныя преданія церкви и требовавшаго измѣненій какъ въ догматахъ, такъ и въ церковномъ устройствѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ послѣ добивались ихъ протестанты. Такъ, Виклефъ впервые началъ проповѣдывать мысль о необходимости богослуженія на народномъ языкѣ и перевелъ для этого библію на англійскій языкъ. Такимъ образомъ іерархическая независимость церкви въ XVI столѣтіи была уже идеей далеко не новой въ Англіи, такъ какъ прежняя исторія страны приготовила для нея плодовитую почву, чѣмъ и объясняется, что случайная прихоть короля Генриха могла произвести въ религіозной жизни страны такой радикальный переворотъ. Генрихъ VIII въ данномъ случаѣ только воспользовался исторической подготовкой своего народа и настроеніемъ умовъ для того, чтобы осуществить

свою личную волю, совпадавшую съ этимъ общимъ и давнимъ стремленіемъ. [Что же касается собственно развода короля съ своею первою женою, то тутъ присоединился еще поворотъ и во внѣшнихъ отношеніяхъ: вскорѣ послѣ побѣды Карла V при Павіи союзъ съ нимъ Генриха рушился, и англійскій король сталъ на сторону Франціи; такимъ образомъ и бракъ его съ Екатериной Аррагонской, сначала долженствовавшій служить къ упроченію союза съ Испанскимъ домомъ, теперь оказывался лишь помѣхой новому направленію англійской политики].

Переходъ Англіи къ церковной независимости совершился въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (1529—1534). Сначала Генрихъ VIII прекратилъ іерархическія связи съ Римомъ, объявилъ себя высшимъ и единственнымъ главою англійской церкви вмѣсто папы, затѣмъ конфисковалъ церковныя имущества [1]), далѣе уничтожилъ сначала малые монастыри, а потомъ и большіе. Какъ человѣкъ не чуждый богословскаго образованія, тѣмъ болѣе, что въ молодости, когда живъ былъ его старшій братъ Артуръ, его готовили въ духовное званіе, Генрихъ VIII лично рѣшился взять на свою отвѣтственность не только организацію новой церкви, но и пересмотръ ея ученія, послѣ того какъ онъ порвалъ связь съ папствомъ. Послѣдовательно король составилъ краткій и пространный катехизисъ, въ которомъ изложилъ ученіе англійской церкви, и издалъ лично составленный имъ молитвенникъ, по которому должны были молиться его подданные. Безсильный и раболѣпный парламентъ, подавленный еще и отцемъ его, безпрекословно принималъ всѣ эти распоряженія короля, давая имъ силу закона, и въ концѣ концовъ унизился до того, что особымъ постановленіемъ опредѣлилъ, чтобы на будущее время королевскіе декреты имѣли одинаковую силу съ биллями обѣихъ палатъ парламента. Наконецъ въ довершеніе организаціи англійской церкви Генрихъ издалъ (1539) такъ называемый „билль шести пунктовъ“, извѣстный подъ названіемъ „Кроваваго билля“, въ которомъ изложены были всѣ спорные вопросы догматики, раздѣлявшіе въ то время религіозныя партіи; такъ — вопросъ о таинствахъ и присуществленіи даровъ, объ устной исповѣди, о церковномъ преданіи, о призываніи святыхъ и вообще о всѣхъ тѣхъ пунктахъ, которые составляли различіе между протестантской и старой церковью. Все это было

Происхожденіе англиканской церкви.

а) Реформація при Генрихѣ VIII;

[1]) На русск. яз. ст. М. М. Ковалевскаго: „Секуляризація монастырской собственности въ Англіи и ея ближайшія послѣдствія“ („Русская Мысль“, 1888, кн. I—II); ср. его-же ст. „Поворотн. моментъ въ исторіи землевладѣнія и землевладѣльч. классовъ въ Англіи“ („Историч. Обозр.“, III, 1891). Б.

изложено въ старомъ католическомъ духѣ съ тѣмъ, чтобы никто изъ подданныхъ не смѣлъ отступить отъ нормы этого ученія. [Но и послѣ этого, взамѣнъ главенства папы, король попрежнему требовалъ признанія его самого единственнымъ главою англійской церкви].

Послѣдніе годы правленія Генриха VIII наполнены ужасами правительственнаго террора, путемъ котораго онъ приводилъ въ исполненіе свою волю. На эшафотѣ казнены были: двѣ супруги его—Анна Болейнъ и Екатерина Говардъ [1]), далѣе—2 кардинала, 2 архіепископа, 54 прелата, 8 герцоговъ, 60 дворянъ, 160 изъ городскаго сословія и 54 женщины [2]).

Такимъ способомъ Генрихъ VIII утверждалъ произвольно имъ самимъ созданную церковную реформу, которая далека была и отъ стараго папизма и отъ развившагося въ то время протестантизма. Признать всецѣло протестантизмъ Генрихъ VIII не могъ, какъ по личной антипатіи и непріязненнымъ отношеніямъ къ этому ученію и его главнымъ представителямъ, такъ и потому, что протестантизмъ въ своей основѣ все-же заключалъ въ себѣ общественныя идеи, не совпадавшія съ стремленіями короля. По вѣроученію англійская церковь при Генрихѣ VIII принадлежала еще къ католичеству, и король ревниво наблюдалъ за тѣмъ, чтобы католическая догма, изложенная имъ въ „биллѣ шести пунктовъ", свято соблюдалась всѣми. Но, прервавъ всякія связи съ папой, перенесши главенство церкви на свою особу, Генрихъ долженъ былъ оттолкнуть отъ себя и всѣхъ искреннихъ католиковъ, и англійская церковь очутилась такимъ образомъ въ неопредѣленномъ положеніи: она отстала только отъ папизма, но не пристала и къ протестантизму. Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи странѣ оставаться долго нельзя было, и уже въ правленіе слѣдующаго короля, Эдуарда VI, сдѣланъ былъ рѣшительный шагъ въ пользу протестантизма.

в) при Эдуардѣ VI; За малолѣтствомъ Эдуарда VI государствомъ правили сна-

[1]) Вообще участь Генриховыхъ женъ была печальна: съ первою супругою, Екатериною Аррагонскою, онъ развелся; Анну Болейнъ, какъ сказано, возвелъ на эшафотъ; 3-я его жена, Іоанна Сеймуръ, умерла вскорѣ естественною смертью; съ 4-ю, Анной Клевской, Генрихъ развелся, а Екатерину Говардъ, подобно Аннѣ Болейнъ, казнилъ за невѣрность, и только 6-я, Екатерина Парръ, пережила короля. Б.

[2]) Въ числѣ жертвъ Генриха VIII были извѣстный гуманистъ и писатель, канцлеръ Томасъ Моръ (авторъ „Утопіи"), епископъ Фишеръ, не желавшіе подчиняться въ дѣлахъ вѣры королевскому произволу, и Томасъ Кромвелль, послѣ кардинала Вольсея бывшій главнымъ совѣтникомъ короля; внезапно арестованный, онъ сложилъ свою голову на эшафотѣ. Тогда его роль перешла къ епископу Гардинеру, склонявшемуся на сторону католицизма. Б.

чала дядя его Сомерсетъ, а потомъ Нортумберландъ, и въ регентство ихъ, особенно послѣдняго, произошла если не окончательная, то болѣе рѣшительная организація англійской церкви въ протестантскомъ духѣ. Творцомъ этой организаціи былъ Кранмеръ, тотъ самый, который былъ совѣтникомъ Генриха VIII въ дѣлѣ отторженія отъ папизма и который, послѣ того какъ король разорвалъ связи съ Римомъ, былъ возведенъ имъ въ санъ архіепископа кентерберійскаго. По своимъ убѣжденіямъ Кранмеръ принадлежалъ къ протестантамъ, но при Генрихѣ VIII онъ, конечно, долженъ былъ скрывать эти убѣжденія и только въ царствованіе Эдуарда получилъ возможность заявить ихъ открыто. Регенты, какъ Сомерсетъ, такъ и Нортумберландъ, поставленные въ необходимость принять болѣе рѣшительное положеніе въ церковномъ отношеніи, обращались именно къ нему, какъ человѣку, болѣе способному организовать новую церковь. [Но Кранмеръ дѣйствовалъ осторожно, и преобразованія вообще совершились не вдругъ: сначала назначены были „визитаціи" для наблюденія за религіознымъ состояніемъ Англіи и для устраненія при этомъ нѣкоторыхъ чисто-католическихъ обрядовъ изъ богослуженія, а „шесть кровавыхъ пунктовъ" были отмѣнены. Но главными моментами въ этой реорганизаціи англійской церкви являются введеніе „общаго молитвенника" (Common-prayer-book) на англійскомъ языкѣ, принятаго парламентомъ въ 1549 г., а затѣмъ въ 1552 г. подвергшагося пересмотру и измѣненію въ смыслѣ, болѣе враждебномъ католицизму, и составленіе исповѣданія вѣры въ 42 пунктахъ (1552). Выработано это исповѣданіе было Кранмеромъ при содѣйствіи коммиссіи, или конвокаціи, изъ духовныхъ лицъ, причемъ въ подобныхъ работахъ принимали участіе, вліяя, по крайней мѣрѣ, нравственно, нѣкоторые изъ извѣстныхъ протестантскихъ богослововъ Германіи, находившихся въ то время въ Англіи, напр. Мартинъ Буцеръ, близко стоявшій къ тремъ главнымъ представителямъ и вождямъ реформаціи на континентѣ — къ Лютеру, Цвингли и Кальвину. Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, душою которыхъ все-же былъ Кранмеръ], введено въ англійскую церковь то устройство, которое она, въ основныхъ чертахъ, удержала и до-нынѣ. Устройство это въ сущности мало измѣнилось противъ тѣхъ формъ, какія оно имѣло въ католическія времена. Такъ удержана была католическая іерархія, во главѣ которой стояли три архіепископа страны: кентерберійскій, іоркскій и лондонскій; только главенство церкви перенесено было отъ папы на особу короля, и притомъ главенство не только въ административномъ

смыслѣ, но и въ догматическомъ, такъ какъ королю принадлежало право назначать епископовъ и даже рѣшать вопросы вѣроученія и обрядовой стороны. Что касается догматовъ, то Кранмеръ остановился почти исключительно на Лютеровомъ ученіи, которое и положено было въ основу англиканизма, и только уже при Елизаветѣ это вѣроученіе получило нѣкоторое измѣненіе въ Кальвинскомъ духѣ, а англійская церковь — то окончательное уже устройство, въ которомъ она существуетъ и теперь.

с) при Елизаветѣ. При Елизаветѣ [плоды католической реакціи, наступившей было въ царствованіе Маріи Тюдоръ, были уничтожены, а преобразованія опять въ протестантскомъ духѣ произведены еще съ бо̀льшею постепенностью и осторожностью, нежели при Эдуардѣ VI. Англиканская церковь утверждена была, главнымъ образомъ, двумя законодательными актами (1559), принятыми и парламентомъ,—„актомъ о супрематѣ“ (act of sypremacy) и „актомъ единообразія“ (act of uniformity), введшимъ снова составленный при Эдуардѣ common-prayer-book, въ нѣсколько лишь измѣненномъ видѣ].

Организація и характеръ англиканской, или «высокой» церкви. Такимъ путемъ опредѣлено было болѣе точнымъ образомъ отношеніе церкви къ государству. Главенство въ церкви, которое при Генрихѣ VIII и даже при Эдуардѣ VI имѣло такое обширное значеніе, теперь было нѣсколько ограничено, такъ какъ возникъ вопросъ, можетъ ли и женщина считаться первымъ авторитетомъ относительно вопросовъ вѣроученія, можетъ ли и она считаться источникомъ благодати, какъ это было при Генрихѣ VIII и сынѣ его. И вотъ постановлено было, что королю должна принадлежать только контролирующая власть надъ церковью, т.-е. королю или королевѣ предоставляется право назначать епископовъ и другихъ высшихъ сановниковъ церкви; рѣшеніе же догматическихъ вопросовъ принадлежитъ синодамъ, которые, впрочемъ, могутъ быть созываемы только правительствомъ и опредѣленія которыхъ получаютъ законную силу только тогда, когда ихъ утвердитъ король (или королева); а для управленія дѣлами англійской церкви учреждена была такъ называемая „высокая коммиссія“, состоявшая изъ всѣхъ высшихъ іерарховъ Англіи, гдѣ предсѣдательствовалъ королевскій коммиссаръ.

Вскорѣ также установлено было окончательно и вѣроученіе англійской церкви. Вѣроученіе это изложено было теперь въ 39 точно опредѣленныхъ пунктахъ съ замѣтнымъ перевѣсомъ кальвинизма. Что касается внѣшней стороны, т.-е. обрядовъ, богослуженія, богослужебнаго языка, молитвъ и пр., то въ этомъ

отношении въ сущности оставлено было то устройство англійскаго богослуженія, которое придумано было Кранмеромъ. Богослуженіе это представляетъ смѣсь католическихъ обрядовъ съ протестантскими, которая такъ естественна была въ церкви, только-что отдѣлившейся отъ католицизма и не успѣвшей пристать къ протестантизму. Нѣсколько примѣровъ уяснятъ это. Возьмемъ, во-первыхъ, ученіе объ епископствѣ. По католическому ученію это есть священство, въ которомъ дѣйствуетъ преемственная благодать Божія, слѣдовательно по католическимъ взглядамъ епископство носитъ особый, священный характеръ. Протестанты не только отвергаютъ этотъ божественный характеръ епископства, но не признаютъ вовсе такого учрежденія; въ лютеранской церкви епископовъ собственно нѣтъ, а есть только высшіе пасторы (такъ назыв. суперъинтенденты). Кранмеръ остановился на полдорогѣ: онъ удержалъ епископатъ, но лишилъ его всякаго священнаго характера, сдѣлавъ епископовъ простыми церковными сановниками. Возьмемъ другой примѣръ, самый характерный; это—ученіе о таинствахъ вообще и особенно о таинствѣ евхаристіи. По католическимъ понятіямъ евхаристія есть такое священнодѣйствіе, въ которомъ сверхъестественнымъ образомъ совершается пресуществленіе даровъ въ истинную кровь и плоть Спасителя; по протестантскому же понятію, особенно по ученію крайнихъ протестантскихъ сектъ, евхаристія есть не больше, какъ обрядъ или простое историческое воспоминаніе о тайной вечери. Кранмеръ и здѣсь избралъ средину: онъ оставилъ евхаристію въ величайшемъ почетѣ,—преломленный хлѣбъ принимается не иначе, какъ на колѣняхъ,—но по ученію англиканской церкви это уже не таинство, а простое воспоминаніе о тайной вечери. Далѣе: всѣмъ извѣстно, какъ въ католической церкви развито ученіе о посредничествѣ святыхъ между Богомъ и человѣкомъ; предстательство святыхъ, ихъ молитвы низводятъ на людей милость Божію или отвращаютъ отъ нихъ праведный гнѣвъ Божій. Протестанты, напротивъ, вовсе не признаютъ святыхъ; кальвинисты, напр., не считаютъ святыми даже апостоловъ. Кранмеръ и здѣсь избралъ средину: онъ уничтожилъ призываніе святыхъ, но въ англійскомъ календарѣ оставилъ праздники въ честь ихъ. Наконецъ, относительно однообразія въ церковномъ богослуженіи: у католиковъ однообразіе это доведено до послѣдней степени; обряды и служеніе на латинскомъ языкѣ одинаковы во всѣхъ странахъ міра; у протестантовъ такого обнообразія нѣтъ, а въ крайнихъ протестантскихъ сектахъ каждому пастору предоставлена въ этомъ отношеніи извѣстная доля самостоятельности.

Кранмеръ удержалъ принципъ однообразія въ англиканской церкви, но отступилъ отъ строго-католическихъ нормъ въ томъ, что языкомъ богослуженія сдѣлалъ языкъ народный.

Такъ образовалась епископальная (иначе „высокая“) церковь, не похожая на другія протестантскія церкви. Она можетъ быть названа правительственною церковью въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ возникла она по волѣ короны и организована правительствомъ. Отсюда—неразрывная связь этой церкви съ судьбою монархіи, и всѣ тѣ нападки и бури революціи, которыя впослѣдствіи пришлось выдержать англійскому престолу, направлены были вмѣстѣ и на „высокую церковь“.

Народная реформація.

Но понятно, что въ кругу такой свободной націи, какова была англійская, такая правительственная реформа не могла удовлетворить вполнѣ общественное мнѣніе. Англійскій народъ болѣе, чѣмъ какой-нибудь другой, привыкшій къ самодѣятельности общественной, не могъ удовольствоваться церковнымъ преобразованіемъ, навязаннымъ ему свыше, и такъ какъ въ Англіи существовали тѣ-же причины недовольства, какъ и въ другихъ странахъ, старыми церковными порядками и та-же историческая подготовка, быть можетъ еще болѣе успѣшная, чѣмъ на континентѣ Европы, то очень естественно, что рядомъ съ этой правительственной реформой стала развиваться реформа, шедшая отъ самого народа. Самостоятельными элементами для этой самобытной реформы было, во-первыхъ, Виклефово ученіе, т.-е. тѣ свободныя религіозныя мнѣнія, которыя уцѣлѣли во многихъ мѣстахъ, особенно на сѣверѣ страны, еще съ конца XIV в. и довольно живо сохранились, напр., въ Шотландіи, гдѣ многіе виклефиты, бѣжавшіе отъ преслѣдованія правительства, нашли нѣкогда пріютъ и убѣжище. Самое устройство Шотландіи способствовало развитію самостоятельной и свободной реформы церкви. Устройство это было монархическое только по имени, такъ какъ горныя племена и кланы пользовались широкимъ самоуправленіемъ. Во главѣ клановъ стояли обыкновенно мѣстныя аристократическія фамиліи, пользовавшіяся въ своемъ округѣ патріархальнымъ вліяніемъ. Въ виду этой мѣстной автономіи власть ничтожныхъ и бездарныхъ Стюартовъ, съ XV в. тоже стремившихся къ водворенію въ странѣ государственнаго абсолютизма, являлась окруженною величайшими опасностями. Къ Виклефову ученію, къ этой исторической основѣ, какъ второй элементъ самобытной церковной реформы на Британскомъ островѣ, присоединилось въ первой половинѣ XVI в. лютеранство, а во второй половинѣ того же столѣтія—кальвинизмъ.

Въ Шотландіи въ XVI в. явился и свой особый реформаторъ, организовавшій самобытную церковь. Это—Джонъ Ноксъ [1]), человѣкъ, обладавшій, кромѣ замѣчательнаго богословскаго образованія, и тою непреклонной, желѣзной волей, какою отличался и учитель его—Кальвинъ. Свое окончательное богословское образованіе Ноксъ получилъ въ Женевѣ, самомъ гнѣздилищѣ кальвинизма. Воротившись на родину въ концѣ 1555 г., онъ явился организаторомъ развившихся до него реформаторскихъ общинъ и для того, чтобы придать имъ болѣе рѣшительности, составилъ между ними союзъ. Союзъ этотъ, развившійся въ теченіе 4 лѣтъ до того, что большая часть края вошла въ составъ его, имѣлъ сначала цѣлью установить между общинами духъ религіознаго единенія; но потомъ къ этому присоединилась также и цѣль политическая—отстоять независимую церковную реформу отъ ея враговъ и прежде всего отъ самого-же шотландскаго правительства. Въ Шотландіи въ это время управляла за малолѣтствомъ королевы Маріи Стюартъ, мать ея, Марія Гизъ. Такъ какъ сама королева воспитывалась при французскомъ дворѣ и потомъ вышла за-мужъ за короля Франсуа II и такъ какъ фамилія, къ которой принадлежала она по матери, была представительницей старыхъ католическихъ началъ, то понятно, что регентша изъ рода Гизовъ старалась и въ Шотландіи поддержать интересы католицизма. Достигнуть этого было тѣмъ легче, что ее поддерживалъ французскій дворъ не только деньгами, но и войскомъ. Въ виду этого Ноксъ и счелъ необходимымъ сплотить реформированныя общины въ болѣе тѣсно организованный союзъ съ преобладающимъ религіознымъ значеніемъ. Это и былъ „ковенантъ". Опираясь на эту вооруженную силу, Ноксу удалось вскорѣ затѣмъ заставить правительство удалить изъ страны французское войско и по договору въ Эдинбургѣ (1560 г., уже по смерти регентши) предоставить шотландскимъ протестантамъ полную свободу вѣроисповѣданія; а для того, чтобы обезпечить это право, ковенантъ заключилъ оборонительный союзъ съ королевой Елизаветой.

Реформація въ Шотландіи.

Ноксъ.

Такъ возникла и получила правительственное признаніе самостоятельная шотландская церковь, которая въ отличіе отъ церкви епископальной называлась пресвитеріанскою, потому что послѣдователи ея не признавали епископскаго сана и іерархіи и община стояла подъ руководствомъ самостоятельныхъ пасторовъ или пресвитеровъ, собранія или синоды которыхъ составляли высшую

Пресвитеріанская или пуританская церковь.

[1]) M'Crie, „The life of John Knox" (нов. изд. 1874); на нѣм. яз.—Brandes. „John Knox". 1882. Б.

духовную инстанцію въ странѣ. Церковь эта называлась также нонконформистскою, такъ какъ не признавала „акта однообразія“ (act of conformity или of uniformity), по которому какъ богослуженіе и обряды англиканской церкви, такъ и самое ея ученіе устроены были однообразно во всей странѣ. Шотландская народная церковь получила еще впослѣдствіи названіе пуританской, потому что стремилась очистить христіанское ученіе отъ всѣхъ историческихъ примѣсей и возвратить его къ простотѣ временъ апостольскихъ. Пуританизмъ въ своихъ внутреннихъ основахъ построенъ былъ на кальвинскомъ ученіи. Такъ пуритане, по примѣру Кальвина, смотрѣли на церковь, какъ на институтъ, не только независимый отъ свѣтской власти, но стоящій выше государства, простирая подчиненіе послѣдняго до того, что и самый представитель верховной власти, король, есть, по ихъ ученію, не болѣе, какъ одинъ изъ членовъ церкви, подчиненный ея нравственному контролю наравнѣ съ другими вѣрующими. Ноксъ, напр., воображалъ себя какимъ-то ветхозавѣтнымъ пророкомъ, имѣющимъ право моральной цензуры надъ правительствомъ, и въ такомъ смыслѣ относился какъ къ регентшѣ, такъ впослѣдствіи и къ Маріи Стюартъ, когда она возвратилась въ Шотландію. Потомъ, пуритане, подобно кальвинистамъ, усвоили себѣ аскетическій взглядъ на жизнь и тотъ-же нравственный ригоризмъ, которымъ отличались всѣ послѣдователи женевской реформы. Наконецъ, и самый фанатизмъ кальвинистовъ цѣликомъ перенесенъ былъ и въ среду шотландскихъ пуританъ. Понятно, что при такихъ началахъ пресвитеріанская церковь стояла въ самой непримиримой противоположности къ „высокой церкви“, которая была проникнута государственнымъ характеромъ и всецѣло солидарна съ монархіей, тогда какъ общественный идеалъ пуританъ была республика.

Пуританизмъ въ Англіи и его отношеніе къ епископальной церкви.

Пуританизмъ, развившійся сначала въ Шотландіи, занесенъ былъ потомъ и въ Англію и въ правленіе Елизаветы сдѣлалъ въ этой странѣ значительные успѣхи. Сначала, впрочемъ, оставался онъ въ меньшинствѣ, такъ какъ развитію его мѣшали здѣсь многія обстоятельства: вся первая половина XVI столѣтія и затѣмъ начало второй протекли для Англіи въ борьбѣ съ общими врагами протестантизма и особенно съ могущественнымъ Филиппомъ II и, въ виду такой грозы, всѣмъ протестантскимъ сектамъ и партіямъ въ Англіи надобно было дружно соединиться для отпора общей опасности. Но въ исходѣ XVI в. обстоятельства измѣнились къ лучшему. На французскій престолъ вступилъ Генрихъ IV, а съ

нимъ настала эпоха религіозной терпимости; въ концѣ же этого столѣтія умеръ и самый заклятый врагъ протестантовъ—Филиппъ II. Въ концѣ того же вѣка Англіи удалось поразить морскія силы Испаніи, такъ называемую „непобѣдимую армаду“; въ то-же время фактически окончательно освободились отъ испанскаго владычества сѣверные Нидерланды, и по сосѣдству съ Англіей возникла новая протестантская держава. Всѣ эти обстоятельства обезпечили спокойствіе и прочность протестантизма и дали такимъ образомъ и англійскимъ крайнимъ протестантскимъ партіямъ возможность заявить свои стремленія. Съ того времени и началъ усиливаться въ Англіи пуританизмъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ для него настала возможность вступить съ епископальною церковью въ открытую борьбу, которая и разразилась во всей своей силѣ уже по смерти Елизаветы.

Теперь, когда мы ознакомились съ исторіею происхожденія двухъ враждебныхъ другъ другу реформаціонныхъ церквей, развившихся въ Англіи, мы можемъ опять обратиться къ очерку англійской государственной исторіи, начиная со смерти Генриха VIII. Но прежде составимъ себѣ понятіе о генеалогическихъ отношеніяхъ дома Тюдоровъ, такъ какъ этими отношеніями въ значительной степени условливалось все дальнѣйшее развитіе государственной исторіи Англіи. Государственная исторія Англіи.

У Генриха VIII былъ старшій братъ Артуръ, который умеръ еще при жизни отца бездѣтнымъ; затѣмъ у Генриха VIII были еще двѣ сестры—Маргарита и Марія; первая была за-мужемъ за шотландскимъ королемъ Яковомъ IV, и отъ этого брака произошла во второмъ колѣнѣ Марія Стюартъ; во второмъ-же супружествѣ Маргарита была за-мужемъ за шотландскимъ лордомъ—графомъ Ангусомъ, и отъ этого брака, тоже во второмъ поколѣніи, происходилъ тотъ Генрихъ Дарнлей [1]), который былъ впослѣдствіи вторымъ мужемъ Маріи Стюартъ. Вторая-же сестра Генриха VIII, Марія, сначала была въ супружествѣ съ французскимъ королемъ Людовикомъ XII, а потомъ съ однимъ частнымъ лицомъ (Суффолькомъ), и ея внукой (чрезъ дочь отъ этого второго брака) была Іоанна Грей [2]). Наконецъ Генрихъ VIII Генеалогическія отношенія Тюдоровъ.

---

[1]) Или Дарлей. Б.

[2]) Родословная Іоанны Грей:

Марія (сестра Генриха VIII)=гр. Суффолькъ.
|
Фрэнсисъ=Генрихъ Грей.
|
Іоанна Грей=Гильфордъ Дудлей (сынъ герц. Нортумберланда). Б.

самъ былъ женатъ 6 разъ; отъ первой супруги, Екатерины Аррагонской, у него была дочь Марія; затѣмъ отъ брака съ Анной Болейнъ у него родилась дочь Елизавета; наконецъ отъ Іоанны Сеймуръ произошелъ сынъ Эдуардъ. Три остальные брака короля были бездѣтны.

Вопросъ о престолонаслѣдіи. Такимъ образомъ у Генриха VIII было трое дѣтей. Но судьба этихъ наслѣдниковъ при жизни отца мѣнялась по прихотямъ его. Сначала наслѣдницей считалась Марія, но когда король развелся съ ея матерью, то и Марія была устранена отъ престолонаслѣдія, которое перешло къ Елизаветѣ; потомъ когда и Анна Болейнъ тоже сошла со сцены, погибнувъ на эшафотѣ, и у короля родился Эдуардъ, то наслѣдникомъ объявленъ былъ этотъ принцъ, съ устраненіемъ обѣихъ сестеръ его. Подъ конецъ жизни своей Генрихъ возвратилъ, впрочемъ, своимъ дочерямъ ихъ права, но старшинство предоставилъ все-таки сыну. Согласно съ этимъ распоряженіемъ Генриха послѣ его смерти на престолъ

Эдуардъ VI. вступилъ Эдуардъ VI (1547—1553); но такъ какъ принцъ этотъ былъ малолѣтенъ, то образовалось регентство, во главѣ котораго, какъ было сказано раньше, сталъ сначала его дядя, герцогъ Сомерсетъ (съ титуломъ лорда-протектора), а потомъ Нортумберландъ [1]). Эдуардъ VI былъ юноша далеко не лишенный способностей, подававшій большія надежды, но слабый здоровьемъ, и сошелъ въ могилу 16 лѣтъ.

Іоанна Грей. Но прежде чѣмъ онъ умеръ, честолюбивому Нортумберланду удалось заставить его подписать новое распоряженіе о престолонаслѣдіи, въ силу котораго завѣщаніе Генриха VIII было отмѣнено, и престолъ непосредственно долженъ былъ перейти къ Іоаннѣ Грей. Нортумберландъ этимъ путемъ надѣялся пріобрѣсти англійскую корону для своего дома, такъ какъ Грей была женою его сына, Гильфорда Дудлея. Дѣйствительно, по смерти Эдуарда регенту удалось составить значительную партію въ парламентѣ и привлечь войско и съ помощью ихъ провозгласить королевой свою невѣстку, Іоанну Грей.

Какъ ни подавлена была англійская нація деспотіей Тюдоровъ и какъ ни раболѣпенъ былъ парламентъ, но подобное нарушеніе наслѣдственнаго права и самовольное ниспроверженіе завѣщанія Генриха VIII возбудили общее неудовольствіе, вслѣд-

[1]) О царствованіи Эдуарда VI и Маріи Тюдоръ есть спеціальная монографія—Tytler, „England under the reigns of Edward VI and Mary“. 2 v. 1839. О Сомерсетѣ—новѣйшая монографія Pollard, „England under Protector Somerset“. Lond. 1900. Б.

ствіе чего Грей могла удержаться лишь нѣсколько дней [1]). Марія Тюдоръ, какъ старшая дочь Генриха VIII, воспользовавшись общимъ негодованіемъ, успѣла воцариться, и такъ какъ вскорѣ послѣ этого переворота вспыхнуло народное возмущеніе, то Марія и воспользовалась имъ, чтобы вовлечь въ процессъ и всю фамилію Нортумберланда. Обвиненные въ государственной измѣнѣ, сложили свои головы на плахѣ самъ герцогъ, сынъ его и даже прекрасная, образованная Іоанна Грей, павшая невинною жертвою интригъ и честолюбія своего свекра [2]).

Такимъ кровавымъ дебютомъ началось правленіе Маріи Тюдоръ, продолжавшееся только 5 лѣтъ (1553—1558). Кратковременная эпоха эта есть время самой ожесточенной реакціи противъ всего англійскаго протестантизма. Марія Тюдоръ, какъ по воспоминаніямъ о матери своей, такъ и по ненависти къ протестантамъ, отъ которыхъ она много вытерпѣла при жизни и отца, и брата, является фанатической защитницей католичества, тѣмъ болѣе, что со второго года своего правленія она вступила въ бракъ съ Филиппомъ II Испанскимъ, ярымъ католикомъ. Возвращеніе Англіи къ старой церкви Марія проводила систематически, съ неумолимой жестокостью. Сначала возстановлены были іерархическія связи съ Римомъ, и приглашенный съ этою цѣлью кардиналъ Поль, въ торжественномъ засѣданіи парламента разрѣшивъ Англію отъ папской анаѳемы, снова принялъ ее въ лоно католической церкви. Затѣмъ законы Эдуарда VI о вѣротерпимости были уничтожены, и католическая церковь возстановлена въ томъ видѣ, въ какомъ она была въ первые годы Генриха VIII, съ тою только разницею, что нѣкоторыя изъ конфискованныхъ церковныхъ имуществъ остались собственностью короны. Далѣе начались преслѣдованія протестантовъ, руководителемъ которыхъ стала особая коммиссія для преслѣдованія еретиковъ, гдѣ предсѣдательствовали безчеловѣчные сотрудники Маріи въ дѣлѣ возстановленія католицизма, епископы Гардинеръ и Боннеръ. Марія Тюдоръ.

Внѣшняя политика Маріи подчинена была также интересамъ архикатолической Испаніи. Англія, благодаря браку Маріи съ Филиппомъ II, вездѣ поддерживала испанскіе интересы, участвуя во всѣхъ тогдашнихъ войнахъ Испаніи, изъ которыхъ не только не вынесла никакой выгоды, но даже потеряла

---

[1]) Всего 9 дней, почему ее иногда и называютъ „девятидневною королевой“. Б.

[2]) Герцогъ Нортумберландъ былъ казненъ тотчасъ по вступленіи Маріи въ Лондонъ, а Іоанна Грей и ея мужъ — послѣ ужъ возстанія Уата. Б.

Кале. Наконецъ, оставленная Филиппомъ, который жилъ съ ней только годъ, среди проклятій подданныхъ, Марія умерла въ 1558 г.

Вступленіе на престолъ Елизаветы.

Младшая сестра ея, Елизавета, безпрепятственно могла теперь вступить на престолъ, а вмѣстѣ съ этимъ возстановленъ былъ и протестантизмъ, такъ такъ Елизавета была дочь протестантки Болейнъ. Дѣло это она вела такъ умно и осторожно, что поворотъ къ протестантизму совершился при ней безъ потрясеній. Высокая церковь организована была теперь окончательно, но утвердить ее въ странѣ могла только долгая борьба съ католическими элементами, какъ внутри государства, такъ и внѣ его. Эта борьба выразилась въ соперничествѣ Елизаветы съ Маріей Стюартъ, такъ какъ въ этомъ соперничествѣ, продолжавшемся около 30 лѣтъ, приходили въ столкновеніе всѣ рессурсы и интересы обѣихъ религіозныхъ партій. Внѣшнимъ же образомъ борьба выразилась при Елизаветѣ во враждебныхъ отношеніяхъ съ Испаніей, которая тогда стояла во главѣ католическихъ партій въ цѣлой Европѣ. Изъ этихъ двухъ моментовъ слагается главнѣйшій интересъ правленія Елизаветы Тюдоръ [1]).

Внутренній строй Шотландіи.

Въ Шотландіи, какъ и въ другихъ странахъ Западной Европы, съ XII еще столѣтія укоренился феодальный порядокъ. Но въ этой странѣ феодальныя учрежденія достигли такой силы, какъ нигдѣ на континентѣ. Развитію феодализма здѣсь способствовало много причинъ: во-первыхъ, самая мѣстность, изрѣзанная горами, представляла очень выгодныя условія для развитія мѣстной автономіи, и во-вторыхъ,—клановый бытъ шотландскаго народа, уцѣлѣвшій еще съ кельтическихъ временъ. Кланы, засѣвшіе въ своихъ ущеліяхъ, давно уже пользовались общественною самостоятельностью въ самомъ широкомъ размѣрѣ, вслѣдствіе чего и тѣ аристократическія фамиліи, которыя властвовали надъ кланами, получили такую силу, о какой континентальныя аристократіи не имѣли и слабаго понятія. Не менѣе могущественно было въ Шотландіи и духовенство, какъ самостоятельная корпорація, владѣвшая не только всѣми средствами моральнаго вліянія при

---

[1]) Wright, Elizabeth and her times. Lond. 1838. 2 v.: Creighton, Age of Elizabeth. 1876 (изъ Epoches of English History); Hall, Society in the Elizabethan age; прекрасная популярная монографія о Елизаветѣ принадлежитъ Erich'у Marcks'у. Königin Elisabeth von England und ihre Zeit. Bielefeld-Leipz. 1897 (въ Monographien zur Weltgeschichte, hrsg von Heyck; есть русск. пер.) См. еще Beesly Edw. Spencer. Queen Elizabeth. Lond. (изъ Twelve English Statesmen); Ernst Bekker, Elizabeth und Leicester. Giessen. 1890. На русск. яз.—В. А. Соколовъ, Елизавета Тюдоръ, королева англійск. („Богословск. Вѣстн.“, 1892, февр. и сл.). Б.

невѣжествѣ народа, но почти цѣлой половиной земельной собственности края. Дворянство и духовенство, соединивъ свои интересы, разумѣется, могли не допустить развитія городскаго класса и лишить такимъ образомъ центральную власть единственной поддержки, на которую она могла опереться.

Между тѣмъ шотландскіе короли изъ рода Стюартовъ, воцарившись съ половины XIV столѣтія, точно также стремились къ водворенію въ странѣ государственнаго порядка и къ возвышенію надъ частными интересами—силы и правъ государства. Неудивительно поэтому, что Стюарты въ борьбѣ съ могущественнымъ дворянствомъ постоянно изнемогали и что, обладая значительною настойчивостью характера, все-же они то и дѣло должны были уступать своимъ противникамъ. Начиная съ Іакова I, почти всѣ они поплатились за свои попытки или жизнью или престоломъ [1]). Такъ и Іаковъ V во время англійской войны около половины XVI в. оставленъ былъ измѣнившими ему вассалами, потерпѣлъ пораженіе и умеръ въ сумасшествіи, подавленный неудачами. Это случилось въ 1542 г.

После Іакова V осталась малолѣтняя дочь Марія [2]), столь извѣстная своей трагической судьбой. Вокругъ колыбели этого ребенка заспорили аристократическія и религіозныя партіи, и ковенанту въ союзѣ съ феодальнымъ дворянствомъ страны удалось настоять на томъ, чтобы въ отсутствіе королевы, которая отправлена была на воспитаніе во Францію, уничтожено было господство католической церкви въ Шотландіи; перемѣна эта утверждена была по смерти регентши, Маріи Гизъ, Эдинбургскимъ договоромъ въ 1550 г., да кромѣ того ковенантъ настоялъ на томъ, чтобы въ договоръ ввести условіе, касавшееся личныхъ правъ Маріи Стюартъ на англійскій престолъ, именно—отреченіе ея отъ этихъ правъ. Марія Стюартъ.

Такимъ образомъ, когда по смерти своего перваго мужа, Франсуа II, Марія Стюартъ возвратилась въ отечество 19-лѣтней вдовой (1561), то застала порядки здѣсь слишкомъ для нея антипатичные и, по свойственному ей пылкому темпераменту, вмѣсто того, чтобы осторожно уладить предстоящія затрудненія, сразу поставила себя въ рѣзкое и почти враждебное отношеніе къ своимъ подданнымъ. Такъ она стала нарушать условіе Эдинбургскаго до-

---

[1]) Такъ, Іаковъ I умерщвленъ былъ въ Пертѣ въ 1437 г., Іаковъ III погибъ во время бѣгства послѣ пораженія, нанесеннаго ему баронами (1488 г.); Іаковъ IV палъ въ битвѣ съ англичанами при Флодденѣ, 1513 г. Б.

[2]) Имѣвшая тогда отъ роду всего лишь нѣсколько дней. Б.

говора и въ то-же время имѣла неосторожность вступить почти въ открытую вражду съ Елизаветой, такъ и со своими магнатами, къ чему немало способствовали и ошибки ея частной жизни, прежде всего ея новое несчастное замужество. У Маріи не было недостатка въ искателяхъ ея руки: Донъ-Хуанъ Австрійскій, графъ Лейстеръ и другіе добивались этой чести. Но, слѣдуя своему увлекающемуся характеру, Марія предпочла имъ своего родственника Генриха Дарнлея, молодого человѣка, обладавшаго только наружными блестящими качествами, но не имѣвшаго никакихъ способностей, которыя могли бы сдѣлать его полезнымъ королевѣ сотрудникомъ въ дѣлѣ управленія государствомъ. Единственная выгода, извлекаемая королевой изъ брака, состояла въ томъ, что такъ какъ Дарнлей происходилъ тоже изъ фамиліи Генриха VIII, то этимъ еще какъ-бы укрѣпилось право Маріи Стюартъ на англійскій престолъ [1]). Скоро ей пришлось разочароваться въ немъ и тогда она приблизила къ себѣ одного заѣзжаго итальянскаго пѣвца Риччіо, сдѣлавши его своимъ секретаремъ и любимцемъ. Слухи объ этомъ сближеніи подали мужу поводъ къ негодованію тѣмъ болѣе, что и общественное мнѣніе возбуждено было этимъ скандаломъ. Дарнлей успѣлъ составить заговоръ, кончившійся умерщвленіемъ фаворита у ногъ королевы, которая теперь стала искать случая отомстить Дарнлею за это. Орудіемъ мщенія она избрала графа Якова Босвеля (Bothwell), человѣка съ энергическимъ характеромъ. Онъ-то вполнѣ овладѣлъ теперь довѣріемъ королевы и взялся быть исполнителемъ ея замысла. Противъ Дарнлея, въ свою очередь, составленъ былъ заговоръ, жертвой котораго онъ и погибъ: его взорвали на воздухъ вмѣстѣ съ домомъ, въ которомъ онъ жилъ.

Но это новое насиліе вызвало уже въ странѣ такое общее негодованіе, что противъ королевы и ея любимца, успѣвшаго вслѣдъ за гибелью Дарнлея увезти Марію Стюартъ и обвѣнчаться съ нею, произошло открытое возстаніе въ странѣ (1567). Высланныя противъ мятежниковъ королевскія войска потерпѣли пораженіе, и сама Марія, оставленная всѣми, должна была согласиться на отреченіе отъ престола въ пользу своего малолѣтняго сына, Іакова,

---

[1]) Вотъ родословная Маріи Стюартъ и Дарнлея:
Сестра Генриха VIII и дочь Генриха VII Тюдоръ,
Маргарита въ 1-мъ бракѣ—съ Іаковомъ IV, во второмъ—съ гр. Ангусомъ.
|
Іаковъ V=Марія Гизъ   Маргарита=гр. Ленноксъ
(изъ дома Стюартовъ).
| |
Марія Стюартъ   Генрихъ Дарнлей. Б.

при которомъ регентомъ сталъ ея родственникъ Муррей, и затѣмъ бѣжать изъ Шотландіи. Но она и тутъ не умѣла благоразумно распорядиться своею участью и вмѣсто того, чтобы искать спасенія во Франціи, отдалась подъ покровительство своей соперницы Елизаветы, разсчитывая на ея великодушіе. Но вмѣсто защиты она нашла въ Англіи суровый плѣнъ. Цѣлыя 18 лѣтъ она протомилась здѣсь въ заключеніи, пока, наконецъ, по поводу одного заговора въ ея пользу, англійское правительство не увидѣло себя вынужденнымъ покончить съ нею, казнивъ ее въ 1587 г. Такова была судьба Маріи Стюартъ [1]).

---

[1]) Главнѣйшіе матеріалы для исторіи Маріи Стюартъ заключаются въ сборникѣ князя Лабанова: „Lettres, instructions et mémoires de Marie Stuart, publiés sur les originaux et les manuscrits du State Paper Office de Londres“ etc., par le prince Alexandre Labanoff. Londres. 1844. 7 v.: см. также важное изданіе Teulet, „Relations politiques de la France et de l'Espagne avec l'Ecosse au XVI siècle“. Б.

Въ началѣ XIX столѣтія на Марію Стюартъ господствовалъ взглядъ романтическій, подъ вліяніемъ Шиллера и Вальтеръ-Скотта. Съ 30-хъ годовъ Раумеръ (въ названномъ уже раньше сочиненіи: „Geschichte Europa's seit dem Ende des XV Jahrh.“, и въ спеціальной работѣ: „Elisabeth und Maria Stuart“. Leipz. 1836) выставилъ противоположное мнѣніе, но тоже крайнее: онъ явился строгимъ обвинителемъ Маріи Стюартъ; онъ отвергалъ систематическое коварство со стороны Елизаветы въ ея отношеніяхъ къ шотландской королевѣ, доказывалъ участіе послѣдней въ заговорѣ Бабингтона и раньше въ умерщвленіи Дарнлея и полагалъ, что Елизавета искренно желала пощадить Марію, но была вынуждена на казнь ея чувствомъ самосохраненія и необходимостью обезопасить Англію отъ происковъ враговъ. Но новые документы раскрыли коварное поведеніе Елизаветы и ея систематическую вражду къ Маріи: Вольсингамъ нарочно вовлекалъ и запутывалъ плѣнную королеву въ заговоръ Бабингтона, чтобы тѣмъ вѣрнѣе и ужъ окончательно погубить ее. Едва-ли не самое безпристрастное мнѣніе — Минье, автора извѣстной спеціальной монографіи о Маріи Стюартъ („Histoire de Marie Stuart“. 2 v. 3-me éd. 1856; есть русск. пер. Спб. 1863. 2 ч.); взглядъ его въ сущности таковъ: Марія сдѣлалась жертвой своего характера, обстоятельствъ, хода исторіи и вражды къ ней протестантовъ и Елизаветы; рядъ ея ошибокъ выкупается ея благородною твердостью въ послѣднія минуты, ея долгими страданіями и несчастіями. И.

Вопросъ о Маріи Стюартъ до сихъ поръ одинъ изъ самыхъ спорныхъ: дѣло идетъ объ ея отношеніяхъ къ Ботвеллю и о подлинности ея писемъ и сонетовъ или стансовъ къ нему, найденныхъ будто-бы въ серебряной шкатулкѣ послѣ пораженія и бѣгства королевы (1567). Минье, напр., считалъ эти письма подлинными, Ранке—тоже (по крайней мѣрѣ, въ главной ихъ основѣ); за подлинность ихъ стоятъ и Гейсеръ, Мауренбрехеръ, Gaedeke („Maria Stuart“. Heidelberg. 1879), Breszlau („Die Kassetenbriefe der Königin Maria Stuart“, въ „Hist. Taschenbuch“, 1882) и т. д. Подлинность отвергаютъ Hosack („Mary queen of Scots and her accusers“. 1869), Morris, Wiesener („Marie Stuart et le comte de Bothwell“. 1863), Chantelauze („Marie Stuart“. Paris. 1876), Bekker („Maria Stuart, Darley, Bothwell“. Giessen. 1881), Karlowa („Maria Stuart's angebliche Briefe an den Grafen J. Bothwell“. Heidelb. 1886), Philippson (въ назван. соч. въ коллекціи Онкена и въ спеціальныхъ статьяхъ „Etudes sur l'histoire de Marie Stuart: les lettres de la cassette“, въ „Revue historique“, 1887, IV и слѣд.) и проч. Такимъ образомъ, тутъ существуетъ цѣлая литература. О Маріи Стюартъ см. напр. еще: Gauthier, „Histoire de Marie Stuart“. 1869; Petrik, „Die Briefe der Königin Maria Stuart“. Leipz. 1873; Sepp, „Tagebuch der unglücklichen Schottenkönigin Marie Stuart“. 1882; его-же, „Maria Stuart's Briefwechsel mit Antony Babington“. 1886, „Process gegen Maria Stuart zu Fotheringhay...“, 1886, ст. въ Hi-

Елизавета. Что касается соперницы ея, Елизаветы, то тутъ, напротивъ, какъ въ ея характерѣ, такъ и исторіи, мы видимъ совершенную противоположность.

Елизавета, по смерти своей матери, Анны Болейнъ, осталась малымъ ребенкомъ и подверглась опалѣ со стороны отца. Ее сослали въ одно дальнее графство, гдѣ и протекло ея сиротское дѣтство и отрочество среди всевозможныхъ лишеній; за-то воспитаніе, которое она получила въ этомъ изгнаніи, было во всѣхъ отношеніяхъ блестящее [1]). Въ 16 лѣтъ Елизавета уже читала по-латыни и по-гречески, и до насъ дошли ея прекрасные переводы „Ars poetica" Горація и жизнеописаній Плутарха. Въ такомъ же совершенствѣ знала она и новые языки. Что касается религіозныхъ убѣжденій, то въ этомъ отношеніи хотя она и воспитана была въ евангелическомъ духѣ, но внутренно не принадлежала ни къ одной изъ протестантскихъ церквей, усвоивъ себѣ только общія евангелическія начала, непосредственно почерпнутыя изъ библіи и твореній отцовъ церкви, особенно греческихъ, коихъ она изучала въ подлинникѣ. При вступленіи на престолъ старшей сестры своей, Маріи, она вовлечена была своими врагами въ процессъ тогдашнихъ заговорщиковъ и, какъ заподозрѣнная въ участіи, была брошена въ Тоуеръ; судъ однако не могъ уличить ее въ чемъ-нибудь преступномъ. Освобожденіе Елизаветы и торжественный въѣздъ ея въ Лондонъ возбудили энтузіазмъ, такъ какъ народъ видѣлъ въ ней окончательную надежду на торжество протестантизма.

Воцарившись въ 1558 г., она съ благоразуміемъ повела себя и на престолѣ, совершивъ, какъ мы видѣли, переходъ отъ католической реакціи, господствовавшей при Маріи, къ протестантизму осторожно и безъ потрясеній. [То-же благоразуміе характеризуетъ и ея отношенія къ парламенту. Подобно всѣмъ Тюдорамъ, Елизавета склонна была къ абсолютизму и правила почти самовластно; парламентъ былъ у нея обыкновенно въ покорности. Но Елизавета умѣла въ случаѣ нужды находить и живую поддержку

---

stor. Jahrbuch. XII B.; Forst, „Über Buchanan's Darstellung der Geschichte Maria Stuart's". 1882; Opitz, „Marie Stuart". 2 Bde., 1879—1882; Gerdes, „Geschichte der Königin Maria Stuart". 1885 и „Streitfragen zur Geschichte der Königin Maria Stuart". 1886; Gädeke, „Die neuere Litteratur über Maria Stuart" (въ „Hist. Zeitschrift". 1883, 4-tes Heft); de Ruble, „La première jeunesse de Marie Stuart". P. 1891; Storm „Maria Stuart. Geschichte ihres Lebens auf Grund der neuesten Quellenforschung" (пер. съ норвежск.); Lang, The Mystery of Mary Stuart". 1901, и особенно обширную монографію Philppson'a, „Hist. du règne de Marie Stuart". Paris. 1891 сл. 3 v.; на русск. яз. есть книжка Г. Е. Аѳанасьева, а также Мих. Юрьева, „Спорн. вопр. зап. европ. истор. науки". М. 1894. Б.

[1]) О молодости Елизаветы есть спеціальное сочиненіе — Wiesener, „La jeunesse d'Elisabeth d'Angleterre". Paris. 1878. Б.

въ немъ, опираясь на народъ въ борьбѣ со своими внутренними и внѣшними врагами. Такихъ столкновеній съ парламентомъ, которыя могли бы подорвать ея нравственный авторитетъ и обаяніе, охладивъ къ ней народныя симпатіи, она старалась избѣгать и въ подобныхъ случаяхъ, прислушиваясь къ голосу страны, предпочитала сама же добровольно отказаться отъ непопулярныхъ мѣръ]. Также дальновидно устроила она и свою частную жизнь. У Елизаветы тоже, подобно Маріи Стюартъ, не было недостатка въ женихахъ; самымъ виднымъ изъ нихъ былъ Филиппъ II. Но, не смотря на политическія выгоды этого союза, Елизавета отклонила его, не желая рисковать счастіемъ и любовью своихъ подданныхъ.

Смыслъ и значеніе борьбы съ Маріей Стюартъ.

Затѣмъ начинается 20-лѣтняя борьба ея съ Маріей Стюартъ. Отношенія королевъ этихъ можно назвать борьбою, потому-что хотя Марія и томилась въ плѣну въ англійскихъ тюрьмахъ, но за плѣнницу стояло все католичество какъ въ Англіи, такъ и на континентѣ, такъ-что вопросъ шелъ здѣсь не о какой-нибудь личной враждѣ, но о томъ, чему преобладать въ Англіи—католичеству или протестантизму? Эта эпоха англійской исторіи наполнена заговорами и попытками какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ враговъ протестантизма освободить Марію и, низложивъ Елизавету, возвести ее на англійскій тронъ. Самыми замѣчательными изъ этихъ заговоровъ были замыслы Нортумберланда, Норфолька и Бабингтона. Въ послѣднемъ заговорѣ доказанное участіе принимала и сама плѣнница, вслѣдствіе чего и казнена въ замкѣ Фотерингеѣ въ 1587 году. Все это время множество тайныхъ агентовъ, французскихъ и испанскихъ, и до трехъ сотъ переодѣтыхъ іезуитовъ бродили въ странѣ, возбуждая повсюду крамолу противъ Елизаветы. Въ то-же время и за-границей, въ католической Европѣ, составлялись планы сверженія Елизаветы и подавленія англійскаго протестантизма [1]. Такъ, кромѣ Филиппа II, тогда уже замышлявшаго свой великій крестовый походъ противъ Англіи, подобный замыселъ имѣлъ и Донъ-Хуанъ Австрійскій, задумавшій сдѣлать высадку въ Англію изъ Нидерландовъ, гдѣ онъ былъ испанскимъ намѣстникомъ, съ цѣлью сверженія Елизаветы и возведенія на престолъ Маріи.

Итакъ въ соперничествѣ двухъ королевъ главнымъ образомъ рѣшался вопросъ о судьбѣ англійскаго протестантизма, и на борьбу ихъ надо смотрѣть, какъ на борьбу двухъ различныхъ

---

[1]) Kretzschmer, Die Invasionsprojecte der katholischen Mächte gegen England zur Zeit Elisabeths. Leipz. 1892. Б.

религіозныхъ партій. Въ 1587 году счастливо для Англіи, Елизаветы и протестантизма окончилась эта борьба смертью Маріи, а въ слѣдующемъ году пришла къ развязкѣ и 30-лѣтняя борьба съ Испаніей, главной поборницей католицизма въ тогдашней Европѣ. Этотъ годъ ознаменованъ, какъ извѣстно, гибелью „непобѣдимой

«Непобѣдимая армада».

армады", снаряженной противъ Англіи Филиппомъ II и имѣвшей въ виду весьма сложный и обширный планъ дѣйствій. Армада, въ снаряженіи которой прошло цѣлыхъ 10 лѣтъ и для которой Филиппъ II пожертвовалъ лучшими силами и средствами своей монархіи, представляла такую морскую силу, какой Европа не видала на своихъ водахъ со времени Ксеркса. Она состояла, не считая нѣсколькихъ десятковъ мелкихъ и транспортныхъ судовъ, изъ 130 военныхъ кораблей, поражавшихъ своими колоссальными размѣрами. На флотѣ этомъ находилось множество орудій, 8,000 экипажа и 20,000 десантнаго войскъ; кромѣ того, въ Испанскихъ Нидерландахъ заготовлена была еще 30-тысячная армія, которую армада должна была перевезти въ Англію. Цѣлый отрядъ доминиканскихъ монаховъ былъ прикомандированъ къ этой армадѣ для того, чтобы, въ случаѣ побѣды, путемъ инквизиціи искоренить протестантизмъ не только въ Англіи, но и въ Нидерландахъ и даже во Франціи. Въ виду этого грознаго флота тогдашняя Англія могла выставить очень незначительную морскую силу: тогдашній англійскій флотъ вмѣстѣ съ союзными судами нидерландскихъ гёзовъ простирался лишь до 80 кораблей, изъ которыхъ 50 только было годныхъ для военныхъ дѣйствій. [Опасность была тѣмъ бо̀льшая, что въ Англіи постояннаго войска не существовало и, стало быть, не было, повидимому, силы, могшей дать отпоръ на случай высадки многочисленнаго непріятеля. Но въ тотъ критическій моментъ все населеніе страны, безъ различія классовъ и даже исповѣданій, обнаружило необыкновенное единодушіе. На призывъ королевы немедленно явились ополченія графствъ, во главѣ ихъ дворяне и лорды, какъ протестанты, такъ и католики,—съ своими фермерами. Въ виду общей опасности смолкла внутренняя, религіозная вражда; борьба съ Испаніей стала дѣломъ всей націи, и единеніе королевы съ ея народомъ было полное, что̀ и выразилось съ особенною яркостью въ томъ энтузіазмѣ, съ какимъ встрѣчена была Елизавета, когда она, явившись въ лагерь у Тильбери, верхомъ на конѣ объѣзжала ряды собравшихся ополченій. Всѣ возможныя мѣры для встрѣчи врага и обороны страны были приняты]. За Англію, протестантизмъ и королеву стояло не только общее одушевленіе народа, но и самыя стихіи, помогшія англичанамъ

избавиться отъ угрожавшей бѣды и величайшей опасности. Армада собственно только одинъ разъ имѣла довольно значительную стычку съ англійской эскадрой въ виду Плимута. Но все-таки весь этотъ колоссальный флотъ погибъ больше отъ бурь и неопытности испанскихъ моряковъ, натыкавшихся постоянно на мели, подводные камни и утесистые берега [1]). Особенно пострадалъ онъ отъ того страшнаго оркана, который застигъ его у Шотландскихъ острововъ, такъ-что къ концу 1588 г. только 30 поврежденныхъ судовъ его успѣли воротиться въ Испанію съ предводителемъ своимъ, Мединой Сидоніей.

Гибель армады была послѣднимъ актомъ 30-лѣтней борьбы Елизаветинской Англіи съ Испаніей и католическими врагами. Моментъ этотъ имѣлъ чрезвычайное значеніе не для одной только Англіи, составляя и въ исторіи континентальнаго протестантизма поворотный пунктъ въ его судьбѣ: только съ этого момента будущность новой религіи на континентѣ могла считаться обезпеченной, такъ какъ католицизмъ лишился главной своей опоры; только съ этого времени французское гугенотство могло считать свои права упроченными; только съ этого времени обезпечена была независимость новой протестантской республики—Нидерландовъ. Значеніе неудачи армады.

Остальныя затѣмъ 15 лѣтъ правленія [2]) Елизаветы до смерти ея въ 1603 г. представляютъ уже самую счастливую, благодатную главу англійской исторіи, когда страна, освободившись отъ всѣхъ своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, могла предаться развитію своего внутренняго благосостоянія [3]). То было время процвѣтанія морскихъ силъ Англіи, ея промышленности, литературы, торговли и искусства. Это была эпоха, когда началась первая англійская колонизація Сѣверной Америки и Остъ-Индіи; когда Форбишеръ, Дрэкъ и другіе англійскіе моряки изслѣдовали Процвѣтаніе Англіи.

---

[1]) Форнеронъ и Duro („La armada invincible") причиною неудачи непобѣдимой армады считаютъ не столько бури, сколько неспособность Медины Сидоніи. Б.

[2]) Первую роль въ качествѣ любимца при Елизаветѣ игралъ графъ Лейчестеръ, а подъ конецъ ея царствованія—Эссексъ. Главнымъ же ея министромъ и совѣтникомъ въ теченіе многихъ лѣтъ былъ Вильямъ Сесиль (впослѣдствіи лордъ Бурлей), строгій и ревностный протестантъ. Есть даже мнѣніе (очевидно, впадающее въ крайность), приписывающее ему (по крайней мѣрѣ, во внѣшней политикѣ) все то, чѣмъ славно было царствованіе Елизаветы (Maurenbrecher). Богатый матеріалъ для знакомства съ дѣятельностью Бурлея даютъ его мемуары (Nares, „Memoirs of the life and administration of William Cecil, Lord Burghley". 3 v. 1828—1831). Затѣмъ въ числѣ министровъ Елизаветы можно еще назвать Вольсингама. Б.

[3]) Бокль, „Отрывки изъ исторіи царствованія Елизаветы" (есть русск. пер.). Б.

отдаленнѣйшія моря, а Ченслеръ завелъ первыя торговыя сношенія съ Россіей; когда на океанахъ обоихъ полушарій высоко и грозно поднялся англійскій флагъ; когда гонимые на континентѣ протестанты толпами переселялись на сосѣдній гостепріимный островъ, принося туда свои капиталы, трудъ и предпріимчивость, отчего разомъ поднялись англійская промышленность, богатство и торговля [1]); до 80 новыхъ городовъ возникло въ это время на англійскомъ прибрежьѣ; старые центры населенія приняли новый видъ, украсились великолѣпными зданіями во вкусѣ возрожденія, а Лондонъ сталъ дѣлаться всемірнымъ городомъ. Наконецъ, то была эпоха мощнаго развитія и англійской литературы, главными представителями которой были въ это время Шекспиръ и Бэконъ.

Стюарты и революція.

Исторія „великаго бунта" (какъ называютъ англичане свою первую революцію) впервые была разработана ученымъ образомъ во Франціи въ 20-хъ годахъ XIX вѣка извѣстнымъ Гизо, который издалъ сначала 26 томовъ мемуаровъ и другихъ памятниковъ, относящихся къ этому событію („Collection des mémoires relatifs à la révolution d'Angleterre". 26 v. 1823—25), а потомъ составилъ по нимъ и самую исторію англійской революціи („Histoire de la révolution d'Angleterre depuis l'avènement de Charles I jusqu'à sa mort". 2 v. 1826—1827 [перев. по-русски];—„Histoire de la république d'Angleterre et de Cromwell, 1649—1658". 2 v. 1854; „Histoire du protectorat de Richard Cromwell et du rétablissement des Stuart, 1658—1660". 2 v. 1856; см. также „Monk; chute de la république et rétablissement de la monarchie en Angleterre". 1851, и „Portraits politiques des hommes des différents partis". 1858). Довелъ онъ ее до реставраціи Стюартовъ, заключивъ историко-философскимъ изслѣдованіемъ („Discours sur l'histoire de la révolution d'Angleterre". 1850), въ которомъ рѣшался вопросъ: отчего удалась англійская революція?—вопросъ, указывающій и на главную цѣль сочиненія. Цѣль эта, очевидно, состояла въ томъ, чтобы провести параллель между англійской революціей и революціей во Франціи и указать, почему первая изъ нихъ увѣнчалась успѣхомъ, тогда какъ вторая не привела къ желаннымъ цѣлямъ. Отвѣтъ на поставленный вопросъ Гизо даетъ въ томъ смыслѣ, что англійскій переворотъ былъ успѣшенъ, такъ какъ совершался на исторической почвѣ, т.-е. англичане въ своей революціи не добивались собственно ничего новаго, а стремились только къ возстановленію древнихъ вольностей націи, подавленныхъ сначала Тюдорами, а потомъ Стюартами; а затѣмъ дальнѣйшую причину успѣха Гизо видитъ въ томъ, что переворотъ половины XVII в. происходилъ все-таки на нравственно-религіозныхъ основахъ англійскаго общества въ противоположность тому, что было во Франціи въ концѣ XVIII в. Собственно говоря, трудъ Гизо и былъ долгое время единственнымъ, полнымъ и подробнымъ по этому вопросу, такъ какъ то, что мы

[1]) По экономической исторіи Англіи и Западной Европы второй половины XVI в. важенъ трудъ Ehrenberg'a, „Hamburg und England im Zeitalter d. Königin Elisabeth". Iena. 1896. Б.

находимъ у Маколея въ его введеніи въ „Ист. Англіи“ и у Ранке, не имѣетъ уже спеціальнаго характера, [хотя, впрочемъ, Ранке въ своей „Англійской исторіи“ и этотъ отдѣлъ разработалъ вполнѣ самостоятельно и подробно, съ обычнымъ критическимъ тактомъ, на основаніи непосредственныхъ источниковъ]. И.

Но теперь въ англійской исторической литературѣ имѣется чрезвычайно обширный и основанный на богатомъ, большею частью архивномъ матеріалѣ трудъ Gardiner'a, „History of England from the accession of James I to the outbreak of the Civil war 1603—1642“. 10 v. 1883—4 (нов. изд.; собственно состоитъ изъ нѣсколькихъ монографій: „History of England from the accession of James I to the disgrace of chiefjustice Cook“. 2 v. 1863; „Prince Charles and the Spanish marriage“. 2 v. 1869; „A history of England under the duke of Buckingham and Charles I“. 2 v. 1875, и т. д.): сюда примыкаетъ затѣмъ „History of the great Civil war“. 1886—91.; 3 v. (2-е изд.—1893. 4 v). и „History of the Commonwealth and Protectorate. 1894—1901. 3 v. (за смертью автора не окончена; доведена до 1656 г.). Гардинеру-же принадлежитъ и популярный очеркъ эпохи: „The first two Stuarts and the Puritan revolution“ (въ сборникѣ „Epochs of modern history“. 1876; есть русскій перев. Спб. 1896) и „Oliver Cromwell“. 1901; кромѣ того, — изданія документальныхъ памятниковъ, касающихся той-же эпохи: „The Constitutional documents of the Puritan Revolution 1628 to 1660“. Oxford. 1889, и „Letters and Papers illustrating the relations between Charles II and Scotland in 1650“. Edinb. 1894. А изъ старинныхъ англійскихъ сочиненій можно напомнить „Исторію“ Юма. Изъ нѣмецкихъ трудовъ по исторіи англійской революціи, не говоря о сочиненіи Дальмана (1844), далеко не свободномъ отъ политической тенденціи и устарѣломъ, служитъ полезнымъ и очень удобнымъ пособіемъ „Geschichte der Revolution in England“ Alfr. Stern'a (1881, въ коллекціи Онкена; 2-е изд.—1898; имѣется русск. перев.), довольно краткая, но основанная на результатахъ новѣйшихъ изслѣдованій. Основной трудъ о Кромвеллѣ—Карлейля: „Oliver Cromwells Letters and Speeches with elucidations“, 4 v. 1845 и сл.; очень хорошія біографіи его написаны Гаррисономъ (1888, въ коллекціи „Twelve English Statesmen“; есть русск. перев.—М. 1901), Морлеемъ (1900; русск. перев.—Спб. 1901), Firth'омъ („Oliver Cromwell and the rule of the Puritans in England“. N. York and Lond. 1900, въ коллекціи „Heroes of the Nations“; ср. его-же, „Cromwell's Army. A History of the English soldier during the civil wars, the Commonwealth and the Protectorate“. Lond. 1902) и уже упомянутымъ Гардинеромъ. Кромѣ того, имѣются—Brosch, „Oliver Cromvell und die puritanische Revolution“. 1886; Hoenig, „Oliver Cromwell“. 1887; на русск. яз.—проф. Осокина, „Личный и историческій характеръ Оливера Кромвеля“. Казань. 1868.; М. М. Ковалевскій, „Кромвель и свобода совѣсти въ Англіи“ („Кіевскій Сборн.“ 1892). По исторіи пуританъ и индепендентовъ см.: Neal. „History of the Puritans.“ 5 v. 1732 и сл.; Fletcher, „The History of the revival and progress of Independency in England“. 1862, 4 v.; Barclay, „Inner life of the Religious Societies of the Commonwealth“. 1876; Weingarten, „Revolutions-kirchen Englands“. 1866; Бернштейнъ, „Общественное движеніе въ Англія XVII в.“ М. 1899 (перев. съ нѣм.). Понятно, что названные уже раньше труды по конституціонной исторіи Англіи являются и тутъ очень важными пособіями, равно какъ и слѣдующіе этюды и біографіи (кромѣ относящихся сюда „Опытовъ“ Маколея): Forster, „Historical and biographical essays“. 1858, „Statesmen of the Commonwealth of England“. 1846, „Sir John Eliot“. 2 v. 1872, и друг. его монографіи; Sanford, „Studies and Illustrations of the great rebellion“. 1858; Masson, „Life of Milton“. 6 v. 1859—1880; Alfred

Stern, „Milton und seine Zeit". 2 v. 1878; Pauli „Aufsätze zur engl. Geschichte". 1869; на русск. яз. есть монографія С. Θ. Фортунатова: „Генрихъ Венъ", многочисленныя статьи М. М. Ковалевскаго (напр., „Общественный строй Англіи въ эпоху республики", Юрид. Вѣстн., 1891, дек.; „Родоначальники англійск. радикализма", Русск. Мысль, 1892, янв. и слѣд.; „Кавалеры и Круглоголовые", Сѣв. Вѣстн., 1892, іюль и авг.) и ст. А. М. Аммона („Политич. жизнь Англіи въ эпоху раставрацiи"; „Вліяніе революціи 1688 на государств. строй Англіи", Юрид. Вѣстн., 1885 сл.).

Источники. Документальный матеріалъ—въ „Calendar of State Papers" и въ болѣе или менѣе старинныхъ сборникахъ: Rushworth'a „Historical Collections" (конца XVII и начала XVIII в.); Cobbett'a, „Parliamentary Hitsory of England", 1803; Thurloe, „A collection of the State Papers". 7 v. 1742; далѣе—письма и рѣчи Кромвелля (въ названномъ выше трудѣ Карлейля), письма Карла I къ женѣ, Маріи Генріэттѣ (изд. Bruce въ 1856), корреспонденція Ферфакса, изд. Johnson'омъ (1848) и Bell'емъ (1849), дневникъ Бёртона (бывшаго членомъ парламента при Кромвеллѣ), бумаги Clarke („The Clarke Papers. Selections from the papers of William Clarke, Sekretary to the Council of the Army 1647—1648 and to general Monk and the Commandars of the Army in Scotland 1651—1660", изд. Firth'омъ, 1891—1901, 4 т.), мемуары принца Рупрехта (изд. Warburton'омъ въ 3 т. 1849), Вайтлока, Гемдена, Лёдлоу (Ludlow), Варвика, м-съ Гётчинсонъ и друг. (большею частью въ коллекціи Гизо; лучшее изданіе мемуаровъ Ludlow принадлежитъ Firth'y [Oxf. 1894]), все современниковъ англійской революціи, нерѣдко лицъ, принимавшихъ самое дѣятельное и видное участіе въ происходившихъ тогда событіяхъ. Къ собственно историческимъ сочиненіямъ принадлежитъ „Исторія великаго бунта" („History of the rebellion and civil wars in England". 1702) извѣстнаго министра Карла II—Кларендона (см. также „Clarendon State Papers". v. 1687—86, и „Calendar of Clarendon State Papers", ed. by Ogle and Bliss. 1872 и сл.). Извлеченіе изъ разныхъ трактатовъ, памфлетовъ и т. п.—у Hanbury („Historical Memorials relating to the Independents or Congregationalists". 3 v. 1839—1844). **Б.**

Стюарты. Со смертью Елизаветы (1603 г.) прекратился домъ Тюдоровъ въ Англіи и, какъ ни антипатиченъ былъ англичанамъ родъ Стюартовъ, но по родственнымъ правамъ наслѣдство престола все-таки перешло къ сыну Маріи Стюартъ—Іакову, который, какъ шотландскій король, назывался Іаковъ VI, въ Англіи же извѣстенъ подъ именемъ Іакова I.

Такъ въ самомъ началѣ XVII в. родъ Стюартовъ достигъ англійской короны, которую и удерживалъ за собою почти въ теченіе цѣлаго столѣтія. Родъ этотъ болѣе, чѣмъ какой-нибудь другой, отмѣченъ въ исторіи какимъ-то злосчастнымъ рокомъ, такъ какъ почти всѣ его представители кончили свою жизнь плачевнымъ образомъ. Та-же трагическая судьба, преслѣдовавшая его въ Шотландіи, тяготѣла надъ нимъ и въ новомъ отечествѣ.

Причина такихъ несчастій этой фамиліи лежала прежде всего въ личномъ или, правильнѣе, въ родовомъ характерѣ ея пред-

ставителей. Почти всѣ Стюарты не лишены были, правда, нѣкоторыхъ частныхъ достоинствъ—личной отваги, своего рода даже благородства, нерѣдко семейныхъ добродѣтелей; но рядомъ съ этими качествами у всѣхъ ихъ мы видимъ одно наслѣдственное пятно, это—двуличіе, фальшивость и коварство и затѣмъ—непреклонное упорство характера, узкій умъ и тупое преслѣдованіе предвзятыхъ цѣлей. Мстительность, неблагодарность, страсть къ недостойнымъ любимцамъ были также ихъ отличительными чертами. Съ такими чертами имъ трудно было ужиться и дома, гдѣ они постоянно приходили въ столкновеніе съ могущественной аристократіей страны. Но когда судьба перенесла ихъ на англійскій престолъ, то здѣсь къ этимъ причинамъ антипатіи къ нимъ присоединился еще непростительный въ глазахъ англичанъ недостатокъ, состоявшій въ томъ, что они были иностранцы. Чужды они были англійской націи по своему происхожденію, обычаямъ, языку и воспитанію, но еще болѣе чужды по тѣмъ политическимъ стремленіямъ и идеямъ, которыя принесли они съ собою на англійскій тронъ. Начиная съ перваго представителя дома, Іакова I, всѣ почти Стюарты съ рѣдкимъ упорствомъ старались осуществить въ своей правительственной дѣятельности развивавшуюся въ то время на континентѣ теорію о божественномъ правѣ абсолютной монархіи. По этому ученію, осуществленіе котораго представляла особенно тогдашняя Франція, государь—лицо неограниченное и непогрѣшимое въ своей власти и правахъ, а подданные обязаны ему безусловнымъ повиновеніемъ; тѣ же привилегіи, которыми пользуются учрежденія и сословія государства, есть не что иное, какъ добровольная уступка, дарованная монархомъ своему народу,—уступка, которую онъ воленъ каждую минуту взять обратно.

Іаковъ I воспитанъ былъ въ пресвитеріанскомъ ученіи, но переселившись въ Англію, онъ тотчасъ перешелъ въ англиканскую церковь, такъ какъ церковь эта по своимъ монархическимъ воспоминаніямъ и устройству представлялась ему желанной почвой для его политическихъ убѣжденій. Дѣйствительно, „высокая церковь“ усвоила себѣ правительственную теорію Стюартовъ и наряду съ проповѣдью Евангелія распространяла въ обществѣ ученіе о неограниченной монархіи. Самъ Іаковъ I, какъ личность, вовсе не былъ человѣкомъ тѣхъ свойствъ, которыя заставили бы англичанъ помириться съ чуждыми для нихъ политическими идеями, принесенными имъ съ собой въ эту страну. Какъ выражается Маколей, это былъ „одинъ изъ тѣхъ королей, которыхъ Провидѣніе, кажется, нарочно посылаетъ для ускоренія переворо- Іаковъ I.

товъ“,—человѣкъ, пропитанный богословской эрудиціей и исключительно ею интересовавшійся, совершенно незнакомый съ военнымъ дѣломъ и очень мало способный къ государственнымъ занятіямъ; его смѣшная наружность напоминавшая школьнаго педанта, его странное шотландское произношеніе, вся его непривлекательная личность еще болѣе отталкивали отъ него сердца народа [1]).

Противоположность общественныхъ и религіозныхъ началъ въ Англіи.

Между тѣмъ въ англійскомъ обществѣ по прекращеніи дома Тюдоровъ исподоволь стали совершаться перемѣны, смыслъ которыхъ стоялъ въ рѣзкой противоположности съ политическими и церковными идеями Стюартовъ.

Во-первыхъ, новое религіозное ученіе пуританъ, съ его республиканскими идеалами, снова пробудило въ націи задавленное Тюдорами чувство свободы. Съ другой стороны, въ области церковныхъ отношеній тоже стали развиваться весьма знаменательныя перемѣны. Епископальная церковь, начиная съ этого времени, стала круто поворачивать въ своемъ характерѣ и направленіи къ католицизму: введено больше разнообразія и пышности въ церковныхъ обрядахъ, усиленъ культъ святыхъ и даже безбрачіе духовенства стало входить въ обычай между іерархами „высокой церкви“. Но въ то время, когда такой переворотъ совершался въ государственной церкви, въ кругу пресвитеріанъ обнаружилось обратное движеніе — стремленіе приблизиться къ простымъ библейскимъ идеаламъ. Тотъ нравственный ригоризмъ, тѣ аскетическіе взгляды на жизнь и фанатическая нетерпимость къ другимъ ученіямъ, особенно къ папизму, которыми и прежде отличались пуритане, теперь приняли у нихъ крайніе размѣры. Ветхозавѣтныя понятія, обычаи и формы цѣликомъ примѣнялись

---

[1]) Эта характеристика перваго Стюарта у Маколея не лишена односторонности: нельзя отрицать въ Іаковѣ своего рода проницательности, при порядочномъ запасѣ знаній, извѣстной даже доли остроумія, и Ранке, напр., и здѣсь, подобно тому какъ по отношенію къ Генриху III Французскому, указалъ на стремленіе Іакова своею личною волею совладать съ взаимно борющимися элементами и привести ихъ къ согласію. Тѣмъ не менѣе несимпатичныя стороны его личности, исполненной противорѣчій, рѣзко бросались въ глаза, и его настойчивость, переходившая въ упрямство, непомѣрныя притязанія рядомъ съ неумѣньемъ сохранить царственное достоинство, привязанность къ такимъ любимцамъ, какъ сначала Карръ, а потомъ особенно Бокингамъ, должны были вызвать въ странѣ сильное недовольство (еще въ началѣ царствованія Іакова въ 1605 г. составленъ былъ заговоръ—такъ назыв. „пороховой“—, причемъ предполагалось взорвать на воздухъ парламентъ вмѣстѣ со всѣми присутствовавшими въ немъ). Да и внѣшняя политика перваго Стюарта была неудачна. Голосъ Англіи, столь вѣскій при Елизаветѣ и впослѣдствіи при Кромвелѣ, при немъ утратилъ всякое значеніе, а то равнодушіе, съ которымъ Іаковъ относился къ пораженію протестантовъ на континентѣ въ первые годы Тридцатилѣтней войны, и его стремленіе къ тѣсному сближенію съ ненавистной для большинства англичанъ Испаніей шли рѣшительно въ разрѣзъ съ надеждами и желаніями націи. Б.

у нихъ къ современной жизни: они стали носить особый костюмъ, давать дѣтямъ библейскія имена и проч.

Понятно, что при такой усиленной противоположности между двумя церквами, прежній антагонизмъ между ними долженъ былъ перейти въ открытую борьбу, тѣмъ болѣе, что въ концѣ XVI в. совершилось въ Европѣ много событій, весьма благопріятныхъ для будущности протестантизма; смерть Филиппа II, независимость сѣверныхъ Нидерландовъ, религіозная терпимость, дарованная гугенотамъ во Франціи, — все это вмѣстѣ взятое освободило, наконецъ, Англію отъ внѣшнихъ опасностей, такъ долго ей угрожавшихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и религіознымъ партіямъ открылась бо́льшая возможность предаться своей старой враждѣ.

Такимъ образомъ, почти съ самаго появленія Стюартовъ па англійскомъ тронѣ открылась въ жизни англійской націи борьба противоположныхъ общественныхъ и религіозныхъ началъ: во-первыхъ, борьба абсолютной монархіи, идею которой преслѣдовали Стюарты, съ стародавними вольностями сословій, и съ другой стороны — борьба епископальной государственной церкви съ диссентерами, т. е. со всѣми тѣми протестантскими сектами, которыя не соглашались съ ея ученіемъ. Борьба эта при второмъ Стюартѣ, Карлѣ I, переходитъ въ открытую гражданскую смуту или собственно революцію, хотя англійскіе историки чаще называли ее „великимъ бунтомъ".

Карлъ I и англійская революція.

Въ 1625 году умеръ Іаковъ I и ему наслѣдовалъ сынъ его Карлъ I. Новый государь былъ даровитѣе своего отца: въ немъ было болѣе личной отваги, силы характера, даже нѣкотораго нравственнаго величія; онъ былъ отличный семьянинъ и вообще человѣкъ, не лишенный достоинствъ. Но наслѣдственное вѣроломство и двуличіе, слѣпое преслѣдованіе разъ предположенныхъ цѣлей, вращавшихся въ кругу усвоенныхъ имъ одностороннихъ политическихъ теорій, были отличительными чертами также и этого представителя рода Стюартовъ на англійскомъ престолѣ. Съ его-то воцареніемъ стоявшія такъ долго враждебно другъ противъ друга политическія и религіозныя партіи въ Англіи пришли въ серьезное столкновеніе. Завязалась борьба парламента, какъ представителя народныхъ вольностей, съ королемъ, воспитаннымъ англиканскимъ духовенствомъ въ смыслѣ извѣстной теоріи о божественныхъ правахъ абсолютной монархіи. Въ теченіе этой борьбы, продолжавшейся 20 лѣтъ и приведшей націю къ открытой гражданской войнѣ, парламентъ велъ себя съ рѣдкимъ единодушіемъ и, дѣйствуя энергично и осторожно, поставилъ короля въ необ-

ходимость или управлять страной согласно съ волей народа, или пренебречь всѣми законами. Карлъ рѣшился на послѣднее. Въ началѣ своего правленія онъ два раза собиралъ парламентъ и, встрѣтивъ въ немъ неуступчивость, каждый разъ распускалъ его, преслѣдуя опалами членовъ оппозиціи. Такое самовластіе возбудило всеобщій ропотъ, выразителемъ коего явился въ 1628—29 году третій собранный имъ парламентъ. Этотъ-то парламентъ, желая навсегда положить конецъ королевскому произволу, составилъ такъ

Просьба о правѣ.

называемую „просьбу о правѣ" (Petition of right), документъ, который вмѣстѣ съ „великою хартіею вольностей" считается одною изъ основъ англійской общественной свободы. Въ этомъ актѣ, утвержденіе котораго парламентъ вынудилъ у Карла I, положены были королевскому произволу въ сущности слѣдующія ограниченія: 1) никто не можетъ быть лишенъ свободы безъ законнаго основанія и суда; 2) король не имѣетъ права держать постояннаго войска; 3) онъ не можетъ безъ воли парламента самовольно собирать подати; 4) онъ не имѣетъ права объявлять осаднаго положенія ни по всему государству, ни въ нѣкоторыхъ частяхъ его.

Карлъ I, вовлеченный въ то время въ континентальную войну съ Габсбургскимъ домомъ, гдѣ онъ дѣйствовалъ за-одно съ Франціей, и нуждаясь для этой войны въ денежныхъ рессурсахъ, поставленъ былъ въ необходимость принять просьбу о правахъ и далъ ей силу закона (7-го іюня 1628 г.), послѣ чего парламентъ согласился дать требуемыя субсидіи. Но какъ только деньги были собраны, Карлъ и не думалъ объ исполненіи только-что данныхъ обѣщаній; парламентъ былъ снова съ гнѣвомъ распущенъ и нѣкоторые члены оппозиціи брошены въ тюрьму, послѣ чего король рѣшился на весьма рискованный шагъ, именно — онъ задумалъ управлять Англіей безъ содѣйствія парламента и въ теченіе цѣлыхъ 11 лѣтъ дѣйствительно обходился безъ его участія. Все это время (1629—40) наполнено самыми вопіющими нарушеніями всѣхъ освященныхъ исторіею правъ англійскаго народа.

Самовластіе Карла.

Король, вопреки „просьбѣ о правѣ", держалъ постоянную армію, собиралъ самовольно подати; къ прежнимъ королевскимъ судамъ, къ „звѣздной камерѣ" и „высокой коммиссіи", прибавилъ еще одно судилище — такъ назыв. „сѣверный судъ", и всѣ эти учрежденія, обязанныя своимъ началомъ королевской волѣ, безпрекословно дѣйствовали согласно съ ней. Въ такомъ положеніи очутились дѣла въ Англіи, благодаря тому еще, что довѣріемъ короля овладѣли два лица, сдѣлавшіяся роковыми для англійскаго народа,—первый министръ, Томасъ Вентвортъ, графъ Страф-

фордъ [1]), и архіепископъ Лоудъ [2]). Оба они, принявъ въ свои руки управленіе общественными и церковными дѣлами, прямо повели націю и короля къ неминуемой катастрофѣ. Страффордъ, управляя всѣми гражданскими и военными дѣлами, составилъ планъ разыграть въ Англіи роль Ришелье, т. е. на развалинахъ общественной свободы утвердить королевское самовластіе, направленное однако-же ко благу народа; а Лоудъ, человѣкъ съ сильнымъ сочувствіемъ къ духу римской церкви, съ своей стороны носился съ планомъ доставить епископальной системѣ повсемѣстное торжество въ соединенномъ королевствѣ. При полномъ ниспроверженіи исконныхъ народныхъ вольностей со стороны правительства защитой общественной свободы могли бы еще служить старые народные суды, но король лишилъ Англію и этой гарантіи, усиливъ власть королевскихъ судилищъ, учрежденныхъ еще Тюдорами, именно звѣздной камеры и высокой коммиссіи; да кромѣ того, какъ упомянуто, для сѣверныхъ графствъ учредилъ еще особый судъ подъ именемъ сѣвернаго.

Впрочемъ, вся эта затѣя англійскаго Ришелье не представляла залоговъ прочности, такъ какъ одинъ день народнаго возстанія могъ все это ниспровергнуть. Весь дальнѣйшій успѣхъ задуманнаго плана состоялъ теперь въ томъ, чтобы добиться постояннаго войска, съ помощью котораго можно было бы утвердить королевскую власть. Но для этого нужны были деньги, а денегъ нельзя было добыть безъ содѣйствія парламента. По совѣту своихъ министровъ король попробовалъ было самовольно собрать такъ называемую „корабельную подать“ на содержаніе флота, послѣ чего оставался уже одинъ шагъ къ собиранію податей и на сухопутное войско; но корабельная подать возбудила такой ропотъ и протесты со стороны общества, что для полученія новыхъ сборовъ приходилось все-таки обратиться къ парламенту [3]).

«Корабельная подать».

Поводомъ къ созванію парламента бы возстаніе, вспыхнувшее въ Шотландіи вслѣдствіе попытки правительства ввести англійскую литургію въ этой странѣ. Шотландія была главнымъ гнѣздилищемъ пуританизма, отъ души ненавидѣвшаго епископальную церковь, и потому покушеніе Лоуда водворить здѣсь эту

Возстаніе Шотландіи; ковенантъ.

[1]) О немъ см. между проч. — Forster, „Thomas Wentworth, Earl of Strafford“ (въ „Statesmen of the Commonwealth“), и статью Gardiner'а въ „Quarterly Riview“ за 1874. Б.

[2]) См. между проч. XI т. соч. Hook'а „Lives of the archbishops of Canterbury“ (1875). Б.

[3]) Своимъ мужественнымъ протестомъ противъ корабельной подати извѣстенъ Гэмденъ, отказавшійся уплатить причитавшійся на его долю небольшой взносъ. Б.

церковь, по меньшей мѣрѣ, было дѣломъ чрезвычайно рискованнымъ. Дѣйствительно, въ Шотландіи для защиты пресвитеріанской религіи и церкви возобновленъ былъ „ковенантъ“ (1638) и вспыхнуло возстаніе, которое пришлось усмирять военною силою. И вотъ, чтобы добыть средства для военныхъ дѣйствій, Карлъ въ 1640 г. созвалъ представителей англійской націи.

Парламентъ этотъ [1]) былъ уступчивъ и почтителенъ, согласился на всѣ желанія короля, далъ ему требуемыя субсидіи для набора войскъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ твердо высказалъ желаніе возстановить старыя народныя вольности. Этого было достаточно для короля, чтобы тотчасъ съ гнѣвомъ распустить его. Началось прежнее гоненіе и преслѣдованіе членовъ парламентской оппозиціи. Все дѣло зависѣло теперь отъ хода шотландской войны. Но королевскія войска, составленныя изъ наемниковъ, въ числѣ которыхъ было много диссентеровъ, дѣйствовали слабо, плохо повиновались правительству и терпѣли постыдныя неудачи.

«Долгій парламентъ».

Въ такихъ обстоятельствахъ Карлъ снова увидѣлъ себя въ необходимости созвать народныхъ представителей въ томъ-же 1640 г. Это былъ столь извѣстный „долгій парламентъ [2]), впослѣдствіи возведшій короля на эшафотъ. Народное собраніе это, въ которомъ большинство принадлежало къ пресвитеріанамъ или пуританамъ, дѣйствовало энергично и единодушно. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ оно принудило короля возстановить всѣ старыя вольности англійскаго народа. Королевскія судныя камеры были уничтожены, королевскіе совѣтники бѣжали, Лоудъ брошенъ въ тюрьму, Страффордъ казненъ. Въ день его смерти король торжественно обѣщалъ, что впредь не будетъ считать себя въ правѣ распускать парламентъ безъ его согласія, что промежутокъ между сессіями парламента не будетъ продолжительнѣе 3 лѣтъ. Англиканская литургія въ Шотландіи была тоже отмѣнена.

Двѣ партіи въ парламентѣ.

Когда эти гарантіи были достигнуты націей, среди самаго парламента обнаружился расколъ во мнѣніяхъ. Образовались въ немъ двѣ партіи — консерваторовъ и прогрессистовъ, или, какъ они назывались тогда, кавалеровъ и круглоголовыхъ. Изъ этихъ двухъ партій впослѣдствіи возникли тори и виги. Первая, т.-е. партія кавалеровъ, думала, что добытыхъ гарантій для націи достаточно и что въ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ посягать на древнія права короны. Круглоголовые же, напротивъ, полагали, что этимъ еще не обезпечивается спокойствіе страны и

[1]) Извѣстный подъ именемъ „короткаго“. Б.
[2]) Открытъ 3-го ноября 1640 г. Б.

что для упроченія общественной свободы необходимо еще лишить короля права назначать министровъ и, во-вторыхъ, отнять у него команду надъ войскомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и вся Англія распалась на два противоположныхъ лагеря. Къ партіи кавалеровъ принадлежало почти все высшее дворянство, большинство низшаго, всѣ послѣдователи католической и англиканской церкви; круглоголовые же, напротивъ, на своей сторонѣ имѣли другую часть дворянства, сельское населеніе, всѣ промышленные и торговые классы, наконецъ, всѣхъ диссентеровъ. Въ парламентѣ они имѣли незначительный перевѣсъ, и консерваторы, сильные своими связями съ правительствомъ, готовы были оспаривать у нихъ побѣду, тѣмъ болѣе, что самъ Карлъ I, повидимому, понялъ, что идти прежнимъ путемъ нельзя и въ доказательство своей готовности править согласно съ желаніемъ націи, готовъ былъ составить свое новое министерство изъ умѣренныхъ, съ Фольклапдомъ во главѣ, между тѣмъ какъ крайней оппозиціонною партіею руководили Голлисъ, Гемпденъ, Пимъ и Венъ.

Разрывъ короля съ парламентомъ.

Но при закоснѣлости политическихъ убѣжденій и взглядовъ короля, разсчитывать на его искреннее обращеніе на путь конституціонной законности все-таки было невозможно;—на самыхъ министровъ своихъ онъ все-же смотрѣлъ, какъ на бывшихъ измѣнниковъ, нѣкогда ратовавшихъ въ парламентѣ противъ прерогативъ короны. Все болѣе и болѣе становилось яснымъ, что король и эти уступки сдѣлалъ притворно и лишь для того, чтобы выйти изъ затрудненій, но что цѣль его по-прежнему оставалась та-же, т.-е. чтобы получить съ помощью парламента независимую военную силу, которою ему можно было-бы подавить всякое, даже и конституціонное, противодѣйствіе своей волѣ. Поэтому, понятно, что когда по случаю возстанія въ католической Ирландіи, король потребовалъ новыхъ денежныхъ средствъ для набора войска, то парламентъ, не довѣряя его намѣреніямъ, отказалъ ему. Этого было для Карла достаточно, чтобы забыть самыя торжественныя обѣщанія и клятвы, только-что имъ произнесенныя, и рѣшиться распустить парламентъ, причемъ 5 членовъ парламентской оппозиціи, въ томъ числѣ Голлисъ, Гемпденъ и Пимъ, не только подверглись королевской опалѣ, но Карлъ лично явился (4 января 1642) съ вооруженною силою въ парламентъ, чтобы захватить ихъ [1]).

Такое вопіющее нарушеніе парламентскихъ привилегій возбудило уже взрывъ общаго негодованія, и въ столицѣ вспыхнулъ

[1]) Forster, „Arrest of the five membres". 1860. Б.

открытый бунтъ. Толпы окружили дворецъ и осыпали упреками и угрозами короля, который, чувствуя себя небезопаснымъ въ столицѣ, покинулъ Лондонъ вмѣстѣ съ дворомъ своимъ и основалъ свое мѣстопребываніе въ Іоркѣ. Отсюда-то началъ онъ переговоры съ непокорнымъ парламентомъ, затянувшіеся на нѣсколько мѣсяцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ усилился и самый разладъ между кавалерами и круглоголовыми, какъ въ парламентѣ, такъ и въ цѣлой странѣ, и наконецъ въ томъ-же 1642 г. дѣло дошло до гражданской войны.

Начало междоусобной войны.

Начало этой войны обѣщало успѣхъ парламенту: онъ располагалъ Лондономъ и окрестными береговыми графствами; на его сторонѣ былъ флотъ, всѣ промышленные и торговые города; наконецъ, въ рукахъ у него были громадныя денежныя средства, дававшія ему возможность набрать значительную армію наемниковъ. Король, напротивъ, имѣлъ на своей сторонѣ меньшинство націи; но за-то его войска, состоявшія большею частію изъ рыцарскаго, англійскаго дворянства, сильны были своимъ одушевленіемъ, чувствомъ чести, знакомы съ оружіемъ и имѣли весьма даровитаго предводителя въ королевскомъ племянникѣ пфальцграфѣ Рупрехтѣ; тогда какъ въ парламентскомъ войскѣ не было замѣтныхъ генераловъ, а главный начальникъ его, графъ Эссексъ, оказался человѣкомъ безъ дарованій. Поэтому сперва парламентскія войска вездѣ терпѣли пораженія отъ роялистовъ. Въ этой сначала безплодной и безславной борьбѣ сходятъ въ могилу почти всѣ лучшіе прежніе вожди парламентской партіи, въ томъ числѣ Гемденъ и Пимъ. Вообще партія парламента сильно ослабѣла и близка была къ тому, чтобы лишиться довѣрія націи, какъ въ это время въ кругу ея начинаютъ выдвигаться до того времени незамѣтные индепенденты.

Индепенденты.

Это были въ церковномъ и политическомъ отношеніи—радикалы; желанія ихъ относительно религіозной свободы шли еще далѣе пуританъ, такъ какъ для каждой церковной общины они требовали полной независимости, почему и назывались индепендентами; даже на синодальное устройство пресвитеріанъ смотрѣли они, какъ на видоизмѣненіе папизма; по политическимъ же идеямъ они были приверженцы республики. Въ печальное время первыхъ годовъ гражданской войны они стали обращать на себя вниманіе своею твердостью и энергіей. Предводителемъ ихъ въ парламентѣ былъ Оливеръ Кромвелль, лицо, которому суждено было въ послѣдующихъ событіяхъ англійской исторіи сыграть такую видную роль.

Оливеръ Кромвелль.

Кромвелль принадлежалъ къ кругу средняго англійскаго дворянства, а одинъ изъ его предковъ при Генрихѣ VIII занималъ высокое положеніе въ государствѣ. Въ парламентѣ онъ обратилъ на себя вниманіе своимъ радикализмомъ, религіознымъ одушевленіемъ, силою своихъ рѣчей и энергіей характера; между прочимъ ему принадлежалъ билль объ уничтоженіи епископальной церкви въ Шотландіи; онъ-же былъ однимъ изъ членовъ, требовавшихъ отнятія у короля команды надъ войсками. Но настоящимъ поприщемъ его была война, гдѣ онъ вдругъ обнаружилъ неожиданныя способности и совершенно затмилъ тогдашняго главнокомандующаго парламентскою арміею, преемника Эссекса, Ферфакса, такъ-что вскорѣ онъ занялъ первенствующее мѣсто въ ряду предводителей. Съ свойственною ему проницательностію Кромвелль тотчасъ замѣтилъ, въ чемъ состояла тайна успѣховъ, сопровождавшихъ дѣйствія королевской арміи, и вмѣстѣ съ тѣмъ понялъ причину неудачъ парламентскаго войска. Онъ понялъ, что роялисты торжествовали потому, что ими двигала великая моральная сила, состоявшая въ рыцарскомъ чувствѣ чести и вѣрности королю, между тѣмъ какъ парламентская армія состояла изъ разнаго сброда, служившаго за деньги и не чувствовавшаго никакого внутренняго интереса къ дѣлу, которое защищалъ. И вотъ Кромвелль рѣшился одушевить парламентскую армію равносильнымъ нравственнымъ энтузіазмомъ, почерпнувъ его въ религіозномъ и политическомъ ученіи индепендентовъ, представителемъ которыхъ онъ былъ самъ. Мало-по-малу онъ совершенно измѣнилъ духъ парламентской арміи, введши въ ней строгую дисциплину, изгнавши изъ нея развратъ и воспитавши изъ парламентскихъ воиновъ безстрашныхъ рыцарей религіознаго и республиканскаго фанатизма.

Пораженіе и бѣгство Карла; его плѣнъ.

Плоды этой перемѣны обнаружились уже въ 1644 г., когда ему, въ то время еще не стоявшему во главѣ всей парламентской арміи, а лишь командовавшему однимъ изъ ея отрядовъ, удалось въ первый разъ разбить роялистовъ при Мерстонмурѣ, а въ слѣдующемъ 1645 году онъ одержалъ уже рѣшительную побѣду надъ королемъ при Несби. Послѣ этого Карлу оставалось только искать спасенія въ бѣгствѣ. Надѣясь на антагонизмъ между англичанами и шотландцами, онъ бѣжалъ въ лагерь послѣднихъ, но тѣ, послѣ переговоровъ съ англійскимъ парламентомъ, предали его англичанамъ за 400,000 фунтовъ. Плѣнный король потомъ успѣлъ было бѣжать на островъ Вайтъ; но и тамъ за нимъ зорко слѣдили, а подъ конецъ и совсѣмъ лишили свободы.

Между тѣмъ парламентская партія торжествовала полную побѣду. Къ сожалѣнію, она слишкомъ неумѣренно воспользовалась своимъ торжествомъ, и первое, на чемъ она показала свою власть, было страшное преслѣдованіе роялистовъ; казни, конфискація имуществъ посыпались на приверженцевъ короля; и въ это-то бѣдственное время сильно пострадало англійское дворянство, лишившееся многихъ изъ лучшихъ своихъ членовъ.

Парламентъ и армія.

Парламентъ, въ которомъ теперь окончательно господствовали круглоголовые, уже воображалъ себя полнымъ владыкою страны, какъ вскорѣ долженъ былъ убѣдиться, что онъ самъ находится въ зависимости отъ войска и отъ геніальнаго полководца, выдвинутыхъ тогдашними событіями. Такого войска, дѣйствительно, никогда еще не было въ Англіи. Это были какіе-то крестоносцы новыхъ временъ, рыцари религіознаго и республиканскаго фанатизма, отъ души ненавидѣвшіе папизмъ и старую монархію, отличавшіеся холоднымъ мужествомъ въ бою и твердостью въ опасностяхъ. Отношенія между парламентомъ и арміею были ужъ такъ натянуты, что рѣшительное столкновеніе казалось неизбѣжнымъ, но когда армія двинулась къ самому Лондону, то безсильному парламенту оставалось лишь покориться, и торжествующее индепендентское войско вступило въ городъ (1647).

Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ графствахъ вспыхнуло возмущеніе; флотъ протестовалъ противъ военнаго насилія; шотландцы возстали въ пользу плѣннаго короля, и самъ парламентъ завелъ съ нимъ переговоры. Но Кромвелль сокрушилъ всѣхъ этихъ враговъ, разбивъ шотландско-пресвитеріанскую армію, послѣ чего индепенденты и глава ихъ оказались полновластными властителями страны.

Мысль о казни короля.

Тогда-то въ кругу индепендентовъ возникла мысль о казни короля,—мысль, которая въ началѣ войны самымъ смѣлымъ демагогамъ показалась бы химерою. Спрашивается, кому принадлежала эта мысль? войску или Кромвеллю? Еще Маколей думалъ, что Кромвелль уступилъ натиску войска, и готовъ былъ вѣрить искренности его публичнаго заявленія, что онъ жертвовалъ своими чувствами, повинуясь силѣ обстоятельствъ. Заявленіе это долго считали не искреннимъ и видѣли въ немъ одно лицемѣріе. Но въ сущности, ради чего было желать Кромвеллю смерти короля? Онъ былъ не настолько жестокъ, чтобы жаждать крови изъ одной мести; съ другой стороны, не могъ же онъ не понимать, что явиться соперникомъ Стюартовъ и оспаривать у нихъ англійскій престолъ было для него рѣшительно невозможно; онъ былъ настолько глубокій политикъ, чтобы сознавать, что $^9/_{10}$ націи въ этомъ случаѣ

будутъ противъ него: всѣ кавалеры, всѣ пресвитеріане, всѣ послѣдователи епископальной церкви, не говоря о католикахъ,—далѣе, что противъ него будетъ вся армія, въ которой только и могъ онъ видѣть для себя опору. Наконецъ не могъ онъ не сознавать и того, что въ сынѣ короля, Карлѣ II, который былъ свободенъ, ни въ чемъ неповиненъ и послѣ трагической смерти отца возбуждалъ всѣ симпатіи народа, онъ встрѣтитъ неодолимаго соперника. Поэтому есть основаніе думать, что Кромвелль уступилъ скорѣе требованію войска, отказавшись отъ своей первоначальной попытки явиться посредникомъ между націей и королемъ и на этомъ примиреніи основать общую реформу государства [1]). Отказался же онъ отъ нея потому, что всѣ его добрыя намѣренія сокрушались о неизмѣнное двуличіе короля, съ которымъ невозможно было вести дѣла начистоту. Признавъ парламентъ законнымъ, Карлъ въ тайномъ своемъ совѣтѣ протестовалъ противъ него; торжественно обязавшись не искать помощи иностранныхъ державъ и не вербовать папистовъ, онъ на самомъ дѣлѣ тайно нарушилъ и эти обязательства. Болѣе и болѣе такимъ образомъ становилось яснымъ, что отъ короля нельзя ожидать ни вѣрности клятвѣ, ни искренности, никакихъ, словомъ, залоговъ прочнаго мира, еслибы онъ состоялся. Кромвелль не хотѣлъ рисковать будущностью Англіи, любовью войска, преданностью своей партіи и своею головою, чтобы спасти короля, на котораго нельзя было положиться.

Армія совершала судъ и казнь надъ королемъ показно и грубо, наперекоръ общественному мнѣнію почти цѣлой Англіи. Но судъ этотъ и казнь со стороны войска были не только преступленіемъ, но и большою политическою ошибкой. Индепенденты дали этимъ возможность Карлу Стюарту обнаружить въ послѣднія минуты такія качества, которыя невольно привлекли къ нему всѣ сердца: твердость, благородное мужество и смиреніе кающагося христіанина. Съ другой стороны, процессъ, веденный надъ королемъ, далъ ему случай явиться героемъ и защитникомъ народной свободы, на которую онъ прежде постоянно покушался. Никакой демагогъ не могъ бы произвести впечатлѣнія сильнѣе, какъ этотъ король, смѣло спросившій своихъ враговъ, по какому праву палата лордовъ закрыта, а нижняя лишена лучшихъ своихъ членовъ? Въ ту минуту, когда вся Англія подчинилась военному деспотизму, это былъ единственный голосъ, который раздался въ странѣ въ

Процессъ и казнь Карла.

[1]) Можно предполагать, что самое даже бѣгство Карла изъ замка Гамтонкурта на островъ Вайтъ совершилось не безъ вѣдома и тайнаго содѣйствія Кромвелля. *Б.*

защиту старыхъ конституціонныхъ учрежденій и смѣло протестовалъ противъ военнаго насилія. Индепенденты, увлеченные своимъ фанатизмомъ, дѣйствительно, не обратили на все это никакого вниманія и шли на проломъ: палаты лордовъ уже почти не существовало, такъ какъ въ ней засѣдало всего нѣсколько человѣкъ, а когда и нижняя палата отказалась судить короля, солдаты разогнали большую часть ея членовъ, совершивъ такъ назыв. „очищеніе парламента" (въ декабрѣ 1648 г.), такъ-что въ ней послѣ того остались одни индепенденты. Тѣмъ не менѣе ни одно судилище въ королевствѣ не рѣшилось взять на себя право судить короля, который самъ по конституціи считался источникомъ судебной власти. Тогда армія учредила свой собственный трибуналъ, предъ который и позванъ былъ Карлъ, и, не смотря на его протестъ, обвинила его въ государственной измѣнѣ и, какъ тирана и губителя своихъ согражданъ, приговорила къ смертной казни, которая и исполнена надъ нимъ 30 января 1649 года.

Подавленіе возстаній въ Ирландіи

Въ этой борьбѣ съ королемъ Кромвеллю не только удалось побѣдить монархію, но и самый парламентъ, такъ-что послѣ очищенія послѣдняго и смерти Карла I, онъ оказался полновластнымъ повелителемъ Англіи. Теперь ему предстояло только подавить попытки возстанія, обнаружившіяся тотчасъ послѣ казни короля сначала въ Ирландіи, а потомъ въ Шотландіи. Первое подавлено было войскомъ Кромвелля съ чрезвычайною жестокостью. Ирландская война напоминаетъ войны древнихъ израильтянъ съ хананеянами, такъ какъ девизомъ ея было искорененіе непокорныхъ. Островъ былъ опустошенъ въ конецъ и заселенъ англійскими переселенцами [1]). Съ неменьшею жестокостью подавлено было и шотландское возстаніе. Когда шотландцы провозгласили королемъ сына Карла I, Карла II, подъ условіемъ перехода въ пресвитеріанство, то Кромвелль повелъ своихъ индепендентовъ на эту страну и, опустошивъ ее, разбилъ шотландскія силы при Донбарѣ (1650), а равно черезъ годъ (въ 1651 г.) при Ворчестерѣ нанесъ рѣшительное пораженіе и самому вторгнувшемуся въ Англію претенденту, Карлу II, который и бѣжалъ послѣ этого во Францію; Шотландія же лишилась своей автономіи и сдѣлалась простою англійской провинціей; самостоятельный мѣстный судъ и отдѣльный шотландскій парламентъ были уничтожены.

и Шотландіи.

Англійская республика и протекторатъ Кромвелля.

Черезъ нѣсколько дней послѣ казни Карла Англія провозглашена была республикой „безъ короля и верхней палаты";

---

[1]) Murphy, „Cromwell im Ireland". 1884. Б.

но это была республика только по имени, такъ какъ вся верховная власть сосредоточивалась въ рукахъ Кромвеля, объявленнаго въ концѣ 1653 г. пожизненнымъ лордомъ-протекторомъ государства съ титуломъ Высочества и впослѣдствіи получившаго даже право назначить себѣ преемника. Кромѣ королевскаго титула ему теперь уже недоставало ничего. Въ этомъ званіи Кромвелль и оставался до самой смерти, послѣдовавшей въ 1658 г.

Такъ возникла диктатура или протекторатъ Кромвелля надъ Англіей. Какъ-бы ни смотрѣть на него—какъ на ловкаго-ли честолюбца, скрывавшаго свое стремленіе къ власти подъ маскою индепендентскаго фанатизма и грубости, или какъ на чистаго фанатика, который невольно, силою вещей, приведенъ былъ къ верховной власти, остается несомнѣннымъ, что это былъ геніальный государственный человѣкъ, съумѣвшій безъ всякой иной поддержки, кромѣ своего войска, и не имѣя никакой другой партіи, кромѣ лагеря, управлять страною въ теченіе 10 лѣтъ съ такимъ полновластіемъ, какимъ не пользовался ни одинъ изъ законныхъ англійскихъ королей прежняго и послѣдующаго времени.

Протекторатъ Кромвелля во многихъ отношеніяхъ былъ благодѣтельнымъ для страны. Во внѣшней политикѣ онъ вознесъ Англію на такую высоту, на какой она не стояла еще никогда. Въ морскихъ войнахъ съ Голландіей и Испаніей Кромвелль умѣлъ доставить англійскому флоту рѣшительный перевѣсъ, особенно послѣ побѣдъ его адмираловъ Монка и Блэка надъ знаменитыми голландскими моряками Рюйтеромъ и Тромпомъ; а послѣ истребленія испанской морской силы англійскій флотъ сдѣлался господствующимъ на всемъ Атлантическомъ прибрежьѣ Европы. Ключъ континента, говорили современники, висѣлъ у Кромвеллева пояса. Пріобрѣтеніе Дюнкирхена и Ямайки въ Вестъ-Индіи было матеріальнымъ плодомъ этихъ войнъ. Кромѣ того, политическій вѣсъ Англіи въ дѣлахъ континента выросъ до небывалой еще степени. Одного желанія Кромвелля было достаточно, чтобы герцогъ савойскій прекратилъ преслѣдованіе протестантовъ (остатковъ вальденсовъ) въ своихъ владѣніяхъ и чтобы Франція отказала въ убѣжищѣ бѣжавшему туда Карлу II. А „актомъ о мореплаваніи“ (1651) Кромвелль нанесъ ударъ голландской морской торговлѣ. Внѣшняя политика Кромвелля.

Во внутренней политикѣ Кромвелль былъ менѣе счастливъ: Его внутренняя политика ему удалось только при всеобщемъ спокойствіи, имъ возстановленномъ, снова поднять народное благосостояніе, но не удалось заглушить ни чувства, ни воспоминаній свободы, которыя оставались

живы въ англійской націи. Кромвелль понималъ непрочность своего положенія, а потому и пытался придать ему больше устойчивости возстановленіемъ старыхъ конституціонныхъ учрежденій страны. Но дѣло это было нелегкое. Прежній парламентъ былъ Кромвеллемъ же разогнанъ, послѣ чего созвано было собраніе своего рода нотаблей, получившее прозваніе „малаго“ или „барбонскаго парламента“ (1653). Потомъ Кромвелль не разъ (1654, 1656 г.) пытался созывать народныхъ представителей. Онъ задумалъ даже преобразовать самые парламентскіе выборы и притомъ въ такомъ либеральномъ духѣ, въ какомъ они преобразованы были только въ XIX вѣкѣ, въ эпоху извѣстной парламентской реформы 1832 г.; именно — избирательное право отнималось у мелкихъ феодальныхъ мѣстечекъ и переносилось на большіе промышленные города; затѣмъ избирательный цензъ расширенъ въ самомъ либеральномъ смыслѣ. Но нижняя палата, образованная даже вслѣдствіе новыхъ выборовъ, конечно, сама по себѣ не была полнымъ парламентомъ: еще нужны были лорды. Но старыя дворянскія фамиліи по гордости и ненависти къ республикѣ и къ деспотизму войска никогда не согласились бы участвовать въ правительствѣ узурпатора. Потому Кромвеллю, задумавшему возстановить верхнюю палату (1657—1658), пришлось составить ее изъ капиталистовъ, ремесленниковъ и другихъ новыхъ людей, къ которымъ большинство тогдашняго общества относилось съ презрѣніемъ.

Но всѣ эти попытки къ созданію, такъ сказать, искусственнаго парламента были неудачны: собранія не были такъ сговорчивы и покорны, какъ ожидалъ того Кромвелль. Такъ парламентъ 1654 г. сталъ было разбирать основанія власти самого протектора, а последній парламентъ, съ двумя палатами, не хотѣлъ признавать новыхъ лордовъ. Поэтому собранія эти скоро распускались Кромвеллемъ, и ему приходилось, слѣдовательно, больше управлять совсѣмъ безъ парламента, опираясь исключительно на войско. А чтобы такимъ образомъ управлять страною, требовалась и соотвѣтственная администрація. Дѣйствительно, вся Англія раздѣлена была на военные округи подъ начальствомъ „генералъ-майоровъ“, которые при помощи военныхъ силъ подавляли всякую попытку къ возстанію. Тогда крайнія партіи — роялистовъ съ одной стороны и левеллеровъ и тогдашнихъ коммунистовъ съ другой [1]),—въ

---

[1]) Собственно левеллеровъ, во главѣ которыхъ стоялъ Лильбернъ, нужно отличать отъ коммунистовъ: они требовали уравненія, нивеллировки политическихъ и гражданскихъ правъ, а не состоянія; коммунистическій характеръ имѣли другія партіи или секты, въ родѣ напр. „Копателей“. Б.

виду водворившагося военнаго деспотизма и потерявъ надежду одолѣть Кромвелля конституціоннымъ путемъ, стали составлять противъ него заговоры. Но и тутъ тѣлохранители, шпіоны и другія мѣры охраняли его особу. Однако къ концу своего протекторства Кромвелль болѣе и болѣе приходилъ къ убѣжденію, что, опираясь на одну военную силу, ему невозможно будетъ долго править страной. Эта мысль и заставляла его постоянно тревожиться за свою безопасность, а неудача попытокъ возстановить парламентское устройство сокрушила наконецъ этотъ крѣпкій организмъ, и въ 1658 году Кромвелль умеръ въ день своего рожденія, совпадавшій со днемъ его знаменитыхъ побѣдъ при Донбарѣ и Ворчестерѣ (3-го сентября).

Значеніе Кромвелля.

Въ чемъ же состояло значеніе Кромвелля, какъ всемірно-историческаго дѣятеля и лица, принадлежавшаго англійской націи? Въ первомъ смыслѣ значеніе Кромвелля обнаруживается въ томъ, что онъ былъ первый частный человѣкъ въ Западной Европѣ, который помимо установившихся традицій достигъ верховной власти, сдѣлавшись такимъ образомъ представителемъ начавшагося въ то время въ Западной Европѣ господства демократіи,—былъ, такъ сказать, предтечею Наполеоновъ. Для англійской же исторіи его дѣятельность имѣла то значеніе, что онъ сначала силою меча, а потомъ мудрыми правительственными мѣрами, окончательно соединилъ въ одинъ государственный организмъ три до тѣхъ поръ разъединенныя его части: Англію, Шотландію и Ирландію. Онъ же упрочилъ морское и торговое могущество Англіи, доставивъ ей перевѣсъ надъ Голландіей. Наконецъ, для общей судьбы Европы въ религіозномъ отношеніи дѣятельность Кромвелля важна тѣмъ, что она упрочила протестантизмъ на Западѣ: Генрихъ IV, Ришелье и Вестфальскій миръ обезпечили только существованіе протестантизма; заслугами же Кромвелля протестантизмъ сталъ если и не господствующей силою Европы, то, по крайней мѣрѣ, силою, совершенно равною католицизму.

Ричардъ Кромвелль.

По смерти Оливера Кромвелля, въ 1658 г. въ званіи протектора ему наслѣдовалъ сынъ его Ричардъ, и наслѣдовалъ самымъ мирнымъ образомъ. Новый протекторъ былъ человѣкъ скромный и безобидный; его полюбили за умѣренность, за желаніе замѣнить господство меча и силы господствомъ закона. Онъ счелъ первымъ долгомъ созвать парламентъ и сталъ къ нему въ наилучшія отношенія. Съ содѣйствія парламента онъ отмѣнилъ избирательные законы своего отца, не пользовавшіеся въ Англіи популярностью; однимъ словомъ, общество имъ было очень довольно. Не полюбили

его только солдаты, такъ какъ кромѣ великаго имени между нимъ и ними не было никакой другой связи. Войско, испугавшись того предпочтенія, которое Ричардъ отдавалъ гражданскому элементу предъ военнымъ, стало составлять заговоры. Между офицерами зашевелились разныя честолюбцы, мечтавшіе разыграть въ свою очередь роль Оливера Кромвелля. Сначала солдаты принудили Ричарда распустить парламентъ, а потомъ заставили и его самого отказаться отъ власти. Ричардъ уступилъ безъ всякой борьбы и тихо возвратился въ частную жизнь. Повелителемъ страны осталось теперь войско. Составлено было даже временное правительство изъ офицеровъ.

Монкъ и реставрація Стюартовъ.

Англіи угрожала опасность военнаго деспотизма въ родѣ янычаръ или преторіанцевъ. Въ виду этой опасности обѣ партіи, т.-е. кавалеры и круглоголовые, соединились, чтобы возстановить старую династію. Другаго выбора не было—или Стюарты, или военный деспотизмъ. Но устроить реставрацію было не такъ легко, такъ какъ самое имя Стюартовъ было ненавистно индепендентамъ. Къ счастью, въ самомъ войскѣ произошелъ разладъ: шотландскіе полки, менѣе фанатичные, стали въ непріязненыя отношенія къ англійскимъ индепендентамъ.

При такихъ условіяхъ предводителю шотландскихъ войскъ, генералу Монку, возможно было рѣшиться на опасный шагъ—на возстановленіе старой монархіи. Монкъ былъ холодный и вялый солдатъ, безъ всякихъ убѣжденій, даже безъ особаго честолюбія. Реставрацію Стюартовъ предпринялъ онъ не столько по своему роялизму или какимъ-нибудь политическимъ принципамъ, сколько для собственной безопасности. Со своими шотландскими полками двинулся онъ на англійскихъ индепендентовъ, оттѣснилъ ихъ отъ Лондона и занялъ городъ. Такъ какъ общественное мнѣніе высказалось въ пользу реставраціи старой династіи, то Монкъ изъявилъ свое согласіе на созваніе свободнаго парламента, который и собрался въ 1660 году. Первымъ дѣломъ его было приглашеніе на престолъ сына казненнаго Карла I, Карла II, бывшаго въ это время въ Нидерландахъ. Опасенія и затрудненія предстояли только со стороны солдатъ, которые волновались, и Монку стоило немалаго труда удержать ихъ въ повиновеніи. Тѣмъ не менѣе реставрація совершилась благополучно; въѣздъ Карла II въ Лондонъ сопровождался энтузіазмомъ и ликованіями народа, который съ возвращеніемъ короля праздновалъ и возвращеніе свободы, мира и закона.

Нерѣдко слышались обвиненія противъ парламента 1660 г.,

что онъ не сдѣлалъ ничего, чтобы при этомъ случаѣ обезпечить тѣ права и вольности англійскаго народа, которыя добыты были имъ путемъ долгой и старинной борьбы. Обвиняли и государственныхъ людей того времени въ томъ, что они не подчинили возстановленныхъ Стюартовъ какому-нибудь формальному договору, который обезпечилъ бы націи ея старую конституцію. Но еще Маколей справедливо замѣтилъ, что тогдашнему парламенту едва-ли можно поставить это въ вину, такъ какъ здѣсь дорого было время; надо было воспользоваться минутою, когда войска были разрознены, а не ожидать момента, когда могъ явиться какой-нибудь ловкій честолюбецъ, который соединилъ бы ихъ въ одну силу и разыгралъ бы роль Оливера Кромвелля. Поэтому-то Карлъ II и воцарился безъ всякихъ условій.

Но вскорѣ оказалось, что вожди реставраціи дѣйствительно сдѣлали промахъ, не связавъ новаго короля какой-нибудь формальной гарантіей. Они разсчитывали на то, что Стюарты, испытавъ столько несчастій, извлекутъ изъ нихъ полезный урокъ и исправятся; но оказалось, что въ изгнаніи и несчастіяхъ они „ничему не научились и ничего не забыли“. Новый король повелъ себя на престолѣ точно такъ же, какъ и его предшественники. Съ такимъ же упорствомъ и онъ тоже старался осуществить извѣстную теорію божественнаго права абсолютной монархіи, подобно прежнимъ Стюартамъ. Точно также возстановлена была имъ высокая церковь, какъ учрежденіе, проникнутое монархическимъ духомъ.

Въ виду такого положенія дѣлъ еще рѣзче теперь обозначились двѣ прежнія политическія партіи въ парламентѣ и во всей странѣ, между которыми раздѣлено было общественное мнѣніе: тори, державшіеся убѣжденій въ божественномъ происхожденіи королевской власти, и виги, усвоившіе себѣ совершенно противоположные взгляды на государство. По ученію виговъ, монархія есть не божественное, а человѣческое учрежденіе, установленное націей для блага и счастія ея членовъ. Между королемъ и подданными, по этому ученію, существуетъ формальный договоръ, обязательный для обѣихъ сторонъ. Договоръ этотъ выражается со стороны короля присягой во время коронаціи, а со стороны подданныхъ присягою на вѣрность. Въ началѣ правленія Карла II тори въ парламентѣ и обществѣ имѣли значительный перевѣсъ, но благодаря неумѣренности и ошибкамъ правительства виги все болѣе и болѣе усиливались, такъ-что уже подъ конецъ этого царствованія они были господствующею силой въ королевствѣ. Тори и виги.

[Карлу II нельзя отказать въ способностяхъ: онъ отличался Карлъ II

любознательностью и большою долею добродушія. Но въ то-же время это была личность безмѣрно чувственная, циничная и легкомысленная; удовольствія стояли у него на первомъ планѣ. Его окружали фаворитки, пользовавшіяся немалымъ вліяніемъ [1]). Да и вообще въ то время въ англійскомъ обществѣ, утомленномъ господствомъ пуританъ и индепендентовъ, съ ихъ ригоризмомъ и суровою моралью, не лишенной ханжества и лицемѣрія, настала рѣзкая реакція: явилось стремленіе къ удовольствіямъ и наслажденіямъ, а вождемъ и полнымъ выразителемъ такой реакціи былъ именно глубоко безнравственный дворъ Карла II].

Вся политика Карла II, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя, была непопулярна. Внутри государства онъ то и дѣло нарушалъ свои обѣщанія; напр., при воцареніи онъ возвѣстилъ всеобщую амнистію, но, укрѣпившись на престолѣ, сталъ карать виновниковъ смерти своего отца, а потомъ началъ преслѣдовать пуританъ. Внѣшняя политика также находила мало сочувствія въ народѣ. Такъ, онъ продалъ Франціи Дюнкирхенъ, пріобрѣтенный Кромвеллемъ, поддерживалъ Людовика XIV въ его голландской войнѣ.

Но самая важная причина общественнаго неудовольствія и главная опасность, грозившая націи, состояла въ томъ, что преемникомъ Карла II, у котораго не было законныхъ дѣтей, былъ младшій братъ его, герцогъ Іоркскій, Іаковъ, который во время своей изгнаннической жизни на континентѣ принялъ католицизмъ. Англіи грозила такимъ образомъ перспектива имѣть королемъ католика. Для отвращенія этой опасности въ 1673 году парламентъ вынудилъ у Карла II „актъ испытанія“ (test act), въ силу коего никто не могъ занимать государственныя должности, не давши присяги въ томъ, что не принимаетъ догмата пресуществленія [и признаетъ короля главою церкви. Парламентъ вынудилъ у Карла еще и другой актъ, еще болѣе важный, который является „третьею великою хартіею“, наряду съ Magna charta libertatum и „петиціею о правахъ“, и который служитъ гарантіей личности въ Англіи противъ произвольныхъ арестовъ. Это—Habeas corpus (1679 г.), въ силу коего всякій арестованный или его родственники и знакомые могутъ требовать указанія причинъ ареста и немедленнаго представленія на судъ, отъ котораго зависитъ утвердить арестъ или освободить арестованнаго] [2]). На основаніи Test-

[1]) Такова была напр. Луиза де Керуаль, герцогиня Портсмутская, о которой см. между проч. ст. Форнерона въ „Revue historique“ за 1885 (кн. 3—5). Б

[2]) Названіе акта происходитъ отъ начальныхъ словъ приказа (Habeas corpus ad subjiciendum), предписывающаго доставить „тѣло“, т.-е. личность заклю-

act'а виги требовали формальнаго отреченія Іакова отъ престолонаслѣдства. Но король и тори вмѣстѣ съ высокою церковью отвергли это требованіе. Іаковъ возвратился въ Англію и, по смерти своего брата въ 1685 г., безпрепятственно воцарился. Виги вздумали было выставить ему соперникомъ незаконнаго сына Карла II — герцога Монмоутскаго. Но возстаніе, вспыхнувшее при этомъ, не удалось, и заговорщики, какъ и вся партія виговъ, подверглись жестокому преслѣдованію со стороны правительства. Яковъ II.

Утвердившись на престолѣ, Іаковъ тотчасъ-же всецѣло оперся на тори и высокую церковь, а тори и высокая церковь преклонились передъ нимъ, какъ предъ своимъ кумиромъ. Король достигъ такой неограниченной власти, что ему нечего было завидовать даже Людовику XIV. Но всего этого было мало Іакову; слѣпой и узкій фанатикъ, онъ задумалъ дѣло, своею смѣлостью превосходившее всѣ ожиданія: онъ задумалъ возстановить католичество въ Англіи, которая уже полтора вѣка была протестантской страной. Католицизмъ англичане ненавидѣли не только какъ въ ихъ глазахъ предразсудокъ, но и какъ самое мрачное порожденіе деспотизма; они помнили тѣ несчастія, которыя вытерпѣли отъ католиковъ, и инквизиціонные костры кровавой Маріи, и казни папистовъ при Елизаветѣ, и нашествіе армады. Англійскій народъ давно былъ убѣжденъ, что для паписта, какъ бы онъ ни былъ честенъ, нѣтъ такого зла и вѣроломства, котораго онъ не позволялъ бы себѣ для пользы своей религіи. Но, чтобы возстановить католицизмъ, надо было сначала ниспровергнуть старую могущественную высокую церковь. И вотъ Іаковъ смѣло и неожиданно направилъ противъ нея удары, наложивъ руку на ея доходы и должности, и прямо шелъ къ ея уничтоженію. Высокая церковь поражена была этимъ; она никогда не ожидала ничего подобнаго отъ короля, которому такъ вѣрно служила. Точно также подверглись королевской опалѣ и тори, какъ главная опора высокой церкви. Теперь король сталъ вытѣснять ихъ изъ всѣхъ военныхъ и гражданскихъ должностей, замѣщая ихъ папистами и іезуитами. Для того же, чтобы покончить съ высокою церковью, Іаковъ издалъ такъ называемую „декларацію о свободномъ вѣроисповѣданіи“, которою предоставлялъ полную терпимость, какъ папистамъ, такъ и диссентерамъ. Цѣль этого акта была очевидна: король хотѣлъ вызвать противъ высокой церкви ея старыхъ враговъ — диссентеровъ. Искушеніе для диссен-

---

ченнаго. Объ этомъ актѣ на русск. яз. есть особая монографія В. Ф. Дерюжинскаго, Habeas Corpus Актъ и его пріостановка по англ. праву. Очеркъ основныхъ гарантій личной свободы въ Англіи и ихъ времен. ограниченія. Юрьевъ. 1895 Б.

теровъ было сильное: имъ стоило теперь соединиться съ королемъ, чтобы нанести рѣшительный ударъ своему врагу въ теченіе столь многихъ лѣтъ. Но, недовѣряя Іакову, они отвергли его помощь; напротивъ, скрѣпя сердце, они подали руку высокой церкви; такъ точно и тори подали руку вигамъ. Вся Англія соединилась теперь противъ короля. Виги поняли, что наконецъ настало ихъ время, потому-что съ ними была вся нація. Отъ имени этой націи въ 1688 г. семь свѣтскихъ лордовъ и одинъ епископъ объявили англійскій престолъ вакантнымъ, т.-е., другими словами, Іакова II низложеннымъ, и призвали на помощь голландскаго штатгальтера, Вильгельма Оранскаго. Вильгельмъ явился на этотъ зовъ съ своимъ голландскимъ войскомъ, и Іаковъ II, оставленный всѣми, долженъ былъ бѣжать во Францію [1].

Мирная революція 1688 г.

Событіе это въ англійской исторіи называется мирной революціей 1688 г. Вильгельмъ доводился зятемъ Іакову; но не эти династическія права и соображенія условили выборъ его въ короли: англичане довѣрились ему потому, что онъ былъ ревностный протестантъ, отличный генералъ и политикъ, а главное—былъ правителемъ свободной страны; отъ него, слѣдовательно, Англія могла ожидать утвержденія самыхъ дорогихъ своихъ интересовъ—протестантизма и общественной свободы. Для большей же гарантіи этой свободы парламентъ составилъ и предложилъ Вильгельму актъ, называемый „декларацiей правъ“, въ которомъ собственно подтверждены были только всѣ прежнія льготы и права англійской націи,—актъ, свято блюсти который торжественно клялись какъ Вильгельмъ, такъ и его супруга Марія.

Такъ кончилась вторая англійская революція, утвердившая окончательно въ Англіи общественную свободу, добытую путемъ долгой и своеобразной исторіи.

VII. Возстаніе Нидерландовъ.

Кромѣ различныхъ хроникъ нидерландскихъ, испанскихъ, итальянскихъ и т. п., старинной коллекціи документовъ Бора (Bor, „Oorsprong, begin ende vervolg der Nederlansche Oorlogen, 1554—1619“. Leiden. 1621) и сочиненія Гуго Гроція („Annales de rebus Belgicis, ab abitu Philippi regis ad inducias 1609“. Amsterd. 1658), главными источниками служатъ многочисленныя изданныя Гашаромъ (Gachard) корреспонденціи Филиппа II („Correspondance de Philipp II

[1]) Изъ источниковъ см. Burnet, „History of his own time (1660—1713)“. Изъ пособій—Klopp. „Der Fall des Hauses Stuart und die Succession des Hauses Hannover in Grossbritanien und Irland“. 14 v. 1875—1888. Б.

sur les affaires des Pays-Bas". 5 v. 1848—79), Вильгельма Оранскаго („Correspondance de Guillaume le Taciturne", 6 v. 1847—58), Маргариты Пармской („Correspondance de Marguerite d'Autriche, duchesse de Parme, avec Philippe II"), императора Максимиліана, Александра Пармскаго; изданные имъ же „Actes des états-généraux des Pays-Bas (1576—1585)" и „Analectes Belgiques", 1830; затѣмъ: Groen-van-Prinsterer, „Archives de la Maison Orange-Nassau", 16 v. 1857—61; Weiss, „Papiers d'États du Cardinal de Granvelle", 9 v. 1841—1852 (въ „Collection de documents inédits sur l'histoire de France") и, какъ продолженіе этого изданія, „Correspondance du Cardinal de Granvelle", издан. въ Брюсселѣ Poullet (3 т. 1877 и сл.) и Piot (IV т. и сл. 1884 и сл.); Reiffenberg, „Correspondance de Marguerite d'Autriche", 1842; Fredericq, „Corpus documentorum Inquisitionis haereticae pravitatis neerlandicae", Gent (5 т.).

Пособія. Кромѣ извѣстнаго сочиненія Шиллера, имѣющагося и въ русскомъ переводѣ,—Prescott, „History of the reigne of Philipp II" (перев. и на русск. яз. подъ заглав. „Исторія царствованія Филиппа II.", Спб. 1868. 2 т.), замѣчательный трудъ, за смертью автора, къ сожалѣнію, не оконченный; Motеley, „Rise of the Dutch Republic", 3 v. 1856 (имѣется и въ нѣмецк. и въ русск. переводѣ подъ заглавіемъ „Ист. нидерландской революціи", 1865), его-же—„History of the United Netherlands", 4 v. 1861; „авторъ совершенно исчерпалъ, критически разработалъ и художественно изложилъ историческій матеріалъ, заключающійся въ большинствѣ изъ названныхъ выше источниковъ и громадной коллекціи Бора, самъ отыскивалъ и изучалъ памятники въ европейскихъ архивахъ и посвятилъ своему труду много лѣтъ"; недостатокъ этого сочиненія—отсутствіе объективности и стремленіе къ идеализаціи нѣкоторыхъ дѣятелей, особенно Вильгельма Оранскаго. Далѣе можно указать на Wenzelburger, „Geschichte der Niederlande" (въ коллекціи Геерена, Укерта, Гизебрехта и Лампрехта: „Gesch. d. europ. Staaten"), гдѣ во 2-мъ томѣ (1886) изложена хорошо и обстоятельно исторія Нидерландовъ отъ временъ Карла V до самаго Вестфальскаго мира, и на новѣйшую исторію нидерландскаго народа—Block'a (1892 сл., на голландск. яз.; на нѣмецк. яз —въ кол. „Gesch. d. europ. St."; есть и на франц. яз.); на исторію Бельгіи Pirenne (франц. подлинникъ—1900 сл.); нѣмецк. перев.—1899, въ коллекціи „Gesch. d. europ. St".); Philippson, „Westeuropa im Zeitalter von Philipp II, Elisabeth und Heinrich IV", гдѣ исторія нидерландскаго возстанія излагается лишь какъ одинъ изъ эпизодовъ той великой борьбы, которая тогда велась на Западѣ между католицизмомъ и протестантизмомъ, между Филиппомъ II и государствами, стремившимися отстоять свою независимость отъ угрожающаго могущества и замысловъ испанскаго короля; De Hoop Scheffer, „Geschichte der Reformation in den Niederlanden von ihrem Beginn bis zum Jahre 1531", Leipz. 1886 (нѣмецк. перев. съ голландск.); Treitschke, „Die Republik der Vereinigten Niederlande" (въ его „Histor. und politische Aufsätze", 1871); Juste, „Les Pays-Bas sous Philippe II (1555—1572)", и его-же „Le soulevement des Pays-Bas contre la domination espagnole 1574—79" (въ 1884—5 г. вышло нов. изданіе этого труда); Kervyn-de-Lettenhove, „Les Huguenots et les Gueux,"—обширный трудъ (въ 6 т.), но не критическій и вообще скорѣе представляющій сборникъ сыраго матеріала; E. Marx, „Studien zur Gesch. d. niederländischen Aufstandes", Leipz. 1902 (Leipz. Stud. aus dem Gebiete d. Gesch., III, 2); ст. Lamprecht'a въ Neue Jahrb. f. d. klass. Altertum. Geschichte und deutsche Literat., IX, 1902, и проч. На русскомъ языкѣ, помимо указанныхъ переводовъ, см. статью Кудрявцева, „Осада Лейдена" (сначала въ „Сборникѣ статей профессоровъ Московскаго университета", 1855, потомъ во 2-мъ т. его „Сочиненій"); Любовичъ,

„Марниксъ де Сентъ-Альдегондъ". Кіевъ. 1877.—Такимъ образомъ, вопросъ о нидерландскомъ возстаніи принадлежитъ къ числу наиболѣе разработанныхъ въ исторической литературѣ. Б.

Нидерланды. Семнадцать нидерландскихъ провинцій—Голландія, Зеландія, Фрисландія, Брабантъ, Фландрія, Утрехтъ, Намюръ, Люттихъ, Гельдернъ, Цютфенъ и проч., соединившіяся со времени Карла V въ одно политическое цѣлое подъ именемъ Соединенныхъ Нидерландскихъ Штатовъ, въ концѣ среднихъ вѣковъ принадлежали частію Франціи, частію Германіи, но больше составляли ленное владѣніе бургундскихъ герцоговъ изъ дома Валуа, и только по смерти послѣдняго изъ нихъ, Карла Смѣлаго, погибшаго въ сраженіи съ швейцарцами при Нанси, посредствомъ брака дочери и наслѣдницы его Маріи съ императоромъ Максимиліаномъ перешли къ Габсбургскому дому и такимъ путемъ достались внуку Максимиліана Карлу V.

[Природа обрекла жителей Нидерландовъ на упорную и непрерывную борьбу со стихіями, такъ какъ имъ приходилось защищать свою страну отъ постоянно грозившихъ вторженій океана. Но за-то рано свыклись они съ моремъ и его опасностями; еще въ средніе вѣка, напр., флегматичные фризы славились какъ безстрашные и опытные моряки, пускавшіеся въ далекія плаванія и никогда не терявшіе присутствія духа. Такъ закалялась воля и энергія нидерландцевъ, а обширная торговля, развившаяся благодаря сосѣдству того-же моря, чрезвычайно выгодному географическому положенію страны и трудолюбію жителей, расширяла кругъ наблюденія и опыта. Съ XIV уже столѣтія Нидерланды—богатѣйшая, торговая и промышленная страна Европы, на-ряду съ городами Италіи и Ганзой. Съ разныхъ концовъ Европы сюда стекаются сырые продукты и выходятъ отсюда ужъ въ обработанномъ видѣ. Особенно тѣсныя торговыя связи установились во второй половинѣ среднихъ вѣковъ между Нидерландами и Англіей, гдѣ въ то время обрабатывающей промышленности еще не существовало и откуда шерсть—главный предметъ отпуска—обыкновенно сбывалась именно въ Нидерланды. Почти каждый значительный нидерландскій городъ славился процвѣтаніемъ какой-либо отрасли промышленности, а Антверпенъ въ началѣ новой исторіи является обще-европейскимъ рынкомъ и міровымъ городомъ по своей торговлѣ. Рядомъ съ матеріальнымъ благосостояніемъ и роскошью развивалось здѣсь и просвѣщеніе, и даже въ рыбачьихъ хижинахъ Фрисландіи рѣдко можно было встрѣтить человѣка, не умѣющаго ни читать, ни писать. Господствующее направленіе въ области

тогдашней науки, гуманизмъ, проникло тоже и въ Нидерланды. А о мужествѣ, свободномъ и независимомъ духѣ горожанъ Гента, Брюгге и другихъ краснорѣчиво говорятъ намъ тѣ пораженія, которыя неразъ наносили они блестящему французскому и бургундскому рыцарству еще въ XIV вѣкѣ, равно какъ и тѣ чрезвычайно разнообразныя привилегіи и хартіи, которыми надѣлены были почти каждая провинція и каждый городъ. Это, по выраженію Гейссера, былъ „пестрый мірокъ, составленный изъ самыхъ разнохарактерныхъ общественныхъ образованій, съ провинціальными, городскими, мѣстными привилегіями, представлявшій самые разнообразные оттѣнки отъ феодализма до демократіи“ [1])].

Отношенія Карла V къ Нидерландамъ и къ распространившейся здѣсь реформаціи.

Штаты и ихъ цвѣтущіе города—Гентъ, Брюгге, Люттихъ, Антверпенъ, Брюссель, Лейденъ, Роттердамъ, Амстердамъ и др.—составляли лучшее, любимѣйшее и богатѣйшее изъ владѣній Карла V, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ, родившись въ Гентѣ и воспитавшись въ Брюсселѣ, больше, чѣмъ гдѣ-либо въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ, могъ здѣсь чувствовать себя дома. Карлъ уважалъ старинныя представительныя учрежденія Штатовъ, разнообразныя привилегіи фламандскихъ городовъ и только относительно религіи былъ непреклоненъ, не давая распространиться здѣсь протестантизму, [успѣвшему проникнуть сюда изъ сосѣдней Германіи и Франціи и нашедшему тутъ для себя благопріятную почву въ свободномъ и просвѣщенномъ духѣ населенія, особенно на сѣверѣ, гдѣ господствовалъ элементъ германскій. Рядомъ эдиктовъ Карлъ предписывалъ предавать мучительной казни — отсѣченію головы, сожженію или погребенію заживо — не только лицъ, уличенныхъ въ ереси, но и всѣхъ тѣхъ, кто распространяетъ протестантскія сочиненія, кто присутствуетъ на сходкѣ еретиковъ, кто споритъ о Св. Писаніи или защищаетъ новое ученіе].

Отношенія къ нимъ Филиппа II.

Но вотъ въ 1555 г. Карлъ V слагаетъ съ себя верховную власть и передаетъ Нидерланды, а вскорѣ затѣмъ (1556) и другія свои владѣнія (за исключеніемъ Германіи), своему сыну Филиппу II. Новый государь, мрачный фанатикъ католицизма и по

[1]) Особенно славился своей привилегіей Брабантъ. Привилегія эта, извѣстная подъ названіемъ „joyeuse entrée“, гласила, что владѣтель страны безъ согласія дворянства и горожанъ не можетъ возвышать духовенство болѣе, чѣмъ это принято обычаемъ и установлено прежними государями, что онъ не можетъ преслѣдовать судомъ подданныхъ иначе, какъ предъ обыкновенными судами провинціи, гдѣ подсудимый имѣетъ право защищаться съ помощью адвоката, что иностранцамъ нельзя раздавать должностей въ Брабантѣ и наконецъ, что, въ случаѣ нарушенія этой привилегіи владѣтелемъ, жители страны, по заявленіи формальнаго протеста, освобождаются отъ данной присяги и могутъ поступить по своему усмотрѣнію, какъ ничѣмъ несвязанные люди. Б.

характеру гордый и чопорный испанецъ, для управленія страной ставитъ намѣстницей родственницу свою Маргариту Пармскую [1]), при которой все управленіе Нидерландами сосредоточивается въ рукахъ умнаго и ловкаго, но непопулярнаго кардинала Гранвеллы. Уже одно назначеніе это было со стороны Филиппа большою ошибкой, такъ какъ оно раздражало умы и наносило оскорбленіе родовитымъ вельможамъ края, какими были, напр., графъ Эгмонтъ и принцъ Вильгельмъ Оранскій,—люди заслуженные, популярные и пользовавшіеся полнымъ довѣріемъ Карла V.

Недовольство въ Нидерландахъ.

Да и вообще общественное мнѣніе было возмущено, видя, что страной управляетъ горсть ненавистныхъ народу испанцевъ. Когда же въ виду начавшагося возбужденія правительство ввело въ Нидерланды корпусъ испанскихъ солдатъ и увеличило число епископовъ для успѣшнѣйшаго преслѣдованія еретиковъ, негодованіе еще болѣе возрасло, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ этими мѣрами стала дѣятельнѣе работать и инквизиція, введенная тутъ еще Карломъ V. Виновникомъ всѣхъ этихъ строгостей общій голосъ считалъ, хотя и не совсѣмъ справедливо, одного Гранвеллу, на котораго и обрушилась такая ненависть, что Филиппъ долженъ былъ отозвать его [2]).

Начало движенія.

Но такъ какъ система религіознаго террора продолжалась и послѣ него [и такъ какъ послѣдовало отъ имени короля повелѣніе принять ненавистныя для народа постановленія Тридентскаго собора], то Штаты рѣшили послать къ королю Эгмонта съ жалобами всей націи. Филиппъ обѣщалъ всякія облегченія, но на самомъ дѣлѣ конфискаціи, казни и всѣ ужасы инквизиціи послѣ того еще болѣе усилились и въ концѣ 1565 года вызвали уже первый союзъ (такъ называемый „компромиссъ“) многихъ дворянъ нидерландскихъ [3]), которые, не отказывая еще королю въ повиновеніи, рѣшились только защищать себя и страну отъ инквизиціи и въ этомъ смыслѣ подали правительницѣ весьма энергическое заявленіе (апр. 1566 г.). Высшая аристократія, со своими вождями Эгмонтомъ, Горномъ и Вильгельмомъ Оранскимъ, держала себя однако пока еще въ сторонѣ отъ этой демонстраціи. Поэтому правительница и ея совѣтники отнеслись къ демон-

[1]) Rachfahl. Margaretha v. Parma, Statthalterin d. Niederlande. 1898 (Histor. Bibliothek).

[2]) О послѣдующей дѣятельности Гранвеллы — ст. Philippson'a, Kardinal Granvella, als Minister Philipp's II (Histor. Zeitschr., N. F. XXXV, 1893) и его-же, Ein Ministerium unter Philipp II. Kard. Granvella am spanisch. Hofe. Berlin. 1895.

[3]) О мѣстѣ и времени составленія „компромисса“ см. между прочимъ въ статьѣ Морица Риттера: „Ueber die Anfänge des Niederländischen Aufstandes“, помѣщенной въ „Historische Zeitschrift“, 1887, 6-tes Heft. Б.

страціи съ презрѣніемъ, а одинъ изъ этихъ совѣтниковъ — графъ Барлемонъ, — обозвавши депутатовъ нищими (gueux), случайно далъ новому союзу и имя, котораго ему недоставало. Гезами стали съ этого времени называться въ Нидерландахъ всѣ возставшіе противъ инквизиціи и испанской тиранніи. Союзъ ихъ быстро разростался, такъ какъ къ нему примкнуло множество горожанъ и сельскаго населенія. Подъ защитою гезовъ новое ученіе проповѣдовалось теперь открыто во всей странѣ, а во многихъ мѣстахъ началось формальное иконоборство. . . . . . .

Ярость Филиппа при этихъ извѣстіяхъ не знала границъ. Приписывая волненія слабости Маргариты Пармской, Филиппъ для управленія возмутившейся страной послалъ герцога Альбу съ сильной испанской арміей; Маргарита же оставила Нидерланды. Но прежде чѣмъ суровый и безпощадный Альба пріѣхалъ къ мѣсту своего назначенія, лучшіе люди изъ высшаго круга, въ томъ числѣ и Вильгельмъ Оранскій, искали спасенія отъ мести Филиппа въ поспѣшномъ бѣгствѣ въ Германію. Только Эгмонтъ въ надеждѣ на свои заслуги, свой чистый католицизмъ и свою испытанную преданность королю, смѣло остался на родинѣ; но вскорѣ долженъ былъ дорого поплатиться за это. Альба въ Нидерландахъ.

Шестилѣтнее правленіе Альбы въ Нидерландахъ (1567—1573) есть время страшнаго террора—ужасовъ инквизиціи, казней массами, конфискацій имущества казненныхъ въ пользу королевской казны,—время поруганія всѣхъ старинныхъ вольностей края, систематическаго грабежа его вѣковыхъ богатствъ. Въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ своего управленія по приговорамъ учрежденнаго имъ „совѣта смутъ“ (Conseil des troubles), извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ „кроваваго“, Альба возвелъ на эшафотъ 1800 лицъ разнаго званія; впослѣдствіи казни иногда совершались массами: людей ловили съ этой цѣлью по 500 человѣкъ разомъ сѣтями. А грабежъ, возведенный въ систему, дошелъ до того, что наложены были 10-процентная подать съ каждой продаваемой вещи, 5% стоимости всякаго недвижимаго имущества и однопроцентный сборъ со всѣхъ безъ различія имуществъ въ странѣ.

Промыслы, торговля цвѣтущихъ городовъ фламандскихъ разомъ упали. По простому чувству самозащиты весь народъ, объявленный Альбой виновнымъ въ государственной измѣнѣ и ереси, долженъ былъ возстать теперь противъ испанской тиранніи, ибо Варгасъ, одинъ изъ самыхъ ужасныхъ совѣтниковъ и палачей Альбы въ его „кровавомъ совѣтѣ“, разсуждалъ такъ: „haeretici fraxerunt templa, boni nihil faxerunt contra, ergo debent omnes

patibulare". И хотя Эгмонтъ и адмиралъ Горнъ погибли на эшафотѣ еще при самомъ началѣ правленія Альбы, но вождями явились Вильгельмъ Оранскій и его мужественные братья, которые съ нѣмецкими наемниками и фламандскими эмигрантами уже въ это время два раза дѣлали вторженія съ цѣлью освобожденія страны отъ испанцевъ, хотя и неудачно. За-то, морскіе гезы подъ предводительствомъ дикаго графа де-ла-Марка, какъ отважные пираты, дѣйствовали съ успѣхомъ противъ испанскаго флота и береговыхъ гарнизоновъ испанскихъ, а овладѣвъ укрѣпленнымъ городомъ Брилемъ въ 1572 г. положили твердое начало освобожденію сѣверной части страны.

Реквезенсъ.

Всѣ эти ужасы навлекли наконецъ на правительство столь дружное негодованіе и ненависть всѣхъ партій, что даже такой человѣкъ, какъ Альба, не въ состояніи былъ долѣе переносить ихъ и въ 1573 г. попросилъ увольненія. На мѣсто его назначенъ былъ умный и ловкій Реквезенсъ, столько же опытный полководецъ, сколько и искусный государственный человѣкъ. Новый правитель держался умѣренной и примирительной политики: уничтожилъ „кровавый совѣтъ", прекратилъ тяжкіе поборы и достигъ того, что устроилъ рознь между сѣверными штатами и южными. Югъ, со своимъ валлонскимъ населеніемъ, сталъ примиряться съ Испаніей и остался вѣренъ католичеству, а сѣверъ (Голландія, Зеландія, Фрисландія), населенный свободолюбивыми фризами, подъ покровительствомъ морскихъ гезовъ, рѣшился продолжать отчаянную борьбу за освобожденіе. Раздоромъ этимъ Реквезенсъ тотчасъ-же и воспользовался, чтобъ нанести инсургентамъ рѣшительное пораженіе на Мокскомъ полѣ и осадить Лейденъ (1574 г.), для спасенія котораго Вильгельму Оранскому пришлось прорвать плотины и затопить страну. Вильгельмъ наградилъ потомъ этотъ мученическій городъ основаніемъ университета, сдѣлавшагося впослѣдствіи столь знаменитымъ.

Къ счастью Нидерландовъ, Реквезенсъ умеръ неожиданно въ 1576 г., и мѣсто его занялъ сначала блестящій, но безтактный и вѣроломный Донъ Хуанъ Австрійскій (сводный братъ Филиппа II), а потомъ знаменитый полководецъ вѣка—Александръ Фарнезе (сынъ Маргариты Пармской). Ни тотъ, ни другой, не смотря на всѣ свои таланты, не могли однако сломить отчаяннаго мужества сѣверныхъ провинцій, руководимыхъ вождемъ своимъ—Вильгельмомъ Оранскимъ, патріотическимъ девизомъ котораго были вначалѣ слова: „pro lege, rege, grege", до тѣхъ поръ, конечно, пока онъ не убѣдился, что съ Филиппомъ II невозможно

Донъ-Хуанъ Австрійскій.

Александръ Пармскій и Утрехтская унія.

никакое соглашеніе. Поэтому уже въ 1579 г. семь сѣверныхъ штатовъ заключили между собою оборонительный союзъ подъ именемъ Утрехтской уніи, [1]) тогда какъ югъ окончательно примкнулъ къ Испаніи. А два года спустя, въ 1581 г., унія провозгласила себя независимымъ протестантскимъ государствомъ подъ именемъ семи Соединенныхъ Нидерландскихъ Штатовъ, иначе Голландской республики.

Голландская республика въ дальнѣйшей борьбѣ съ Испаніей.

[Правда, этимъ борьба не кончилась; она велась еще десятки лѣтъ, и Испанія продолжала употреблять всѣ усилія, чтобы подчинить себѣ снова сѣверъ Нидерландовъ. Считая главнымъ оплотомъ Соединенныхъ Штатовъ и душою ихъ сопротивленія Вильгельма Оранскаго, бывшаго ихъ штатгальтеромъ, Филиппъ назначилъ награду за его голову. И вотъ слѣдуетъ рядъ покушеній на жизнь Вильгельма, пока наконецъ фанатику Бальтазару Жерару, съ необыкновеннымъ коварствомъ успѣвшему втереться въ довѣріе Оранскаго, не удалось застрѣлить его въ его-же собственномъ домѣ (1584 г.). Но всѣ эти усилія испанскаго короля оказались тщетными: у Вильгельма нашлись достойные преемники въ лицѣ его сыновей, Морица и Фридриха Генриха, а въ надолго затянувшейся борьбѣ испанцы терпѣли лишь пораженія, пока наконецъ по Вестфальскому миру (1648 г.) они окончательно вынуждены были признать независимость новой республики.

Значеніе нидерландскаго возстанія.

Таковъ былъ конецъ возстанія Нидерландовъ. По своему значенію оно занимаетъ одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ ряду тогдашнихъ событій. То была пора католической реакціи. Католическая церковь, обновленная подъ вліяніемъ опасности со стороны протестантизма, пользовавшаяся такими орудіями, какъ іезуитскій орденъ, инквизиція, цензура, — опиравшаяся на помощь могущественной Испаніи, вела ожесточенную борьбу съ протестантизмомъ, и одно время казалось, что полное торжество будетъ на ея сторонѣ и на сторонѣ ея союзника, Филиппа, грозившаго независимому существованію западныхъ государствъ, Франціи и Англіи, всюду вмѣшивавшагося, всюду поддерживавшаго католическую партію. Главной ареной, гдѣ сталкивались и перепутывались противоположные интересы западно-европейскихъ государствъ и религіозныхъ партій, въ теченіе долгаго времени были именно Ни-

---

[1]) По этой уніи союзники соединились для борьбы съ врагомъ общими силами; рѣшено было имѣть общій сеймъ, войско и военную кассу; отдѣльныхъ договоровъ провинціи не имѣли права заключать; но всѣ внутреннія дѣла каждой изъ нихъ всецѣло были предоставлены вѣдѣнію отдѣльныхъ провинціальныхъ штатовъ. Б.

дерланды. Тутъ въ концѣ XVI и началѣ XVII ст., можно сказать,— узелъ европейской политики. Франція и Англія, сознавая все значеніе происходившей здѣсь борьбы, такъ или иначе съ своей стороны вмѣшиваются въ нее. Такъ, Елизавета поддерживала возставшія провинціи, Колиньи убѣждалъ Карла IX идти на помощь Нидерландамъ, наконецъ предсмертной мечтой Генриха IV было тоже направить силы Франціи въ Нидерланды, чтобы тамъ нанести ударъ Габсбургамъ. Такимъ образомъ, успѣхъ нидерландскаго возстанія обезпечилъ какъ независимость Западной Европы отъ всепоглощающаго деспотизма Филиппа, такъ и существованіе протестантизма на-ряду съ католицизмомъ. Это было торжествомъ принципа свободы національной и политической, религіозной и умственной.

Но событія въ Нидерландахъ важны и вмѣстѣ съ тѣмъ поучительны еще и въ другомъ отношеніи. Въ исторіи имѣютъ значеніе не однѣ только силы матеріальныя, но и нравственныя (въ широкомъ смыслѣ слова), которыя нерѣдко и являются моментомъ рѣшающимъ. И вотъ тутъ, въ нидерландскихъ событіяхъ, мы видимъ все значеніе и торжество именно этихъ силъ: благодаря героическому мужеству, энергіи, патріотизму и одушевленію гражданъ, маленькіе Нидерланды съ успѣхомъ выдерживаютъ столь, повидимому, неравную борьбу съ могущественною Испаніей, владѣвшею всѣмъ Пиренейскимъ полуостровомъ, значительною частью Италіи и богатѣйшими колоніями Новаго Свѣта,—располагавшею и сильнымъ флотомъ, и образцовою тогда арміею, во главѣ которой стояли такіе опытные вожди, какъ Альба, и такіе военные таланты, какъ Донъ-Хуанъ Австрійскій и Александръ Пармскій].

VIII. Католическая реакція.

Источники и пособія. Ranke, „Die römischen Päpste, ihre Kirche und ihr Staat“ (3 т., 1-е изд. 1834—1836, 7-е—1878; по-русски—2 перев.),—едва-ли не лучшее произведеніе знаменитаго нѣмецкаго историка. Маколей въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Римскіе папы“, такъ отзывался о немъ: „Едва-ли нужно намъ говорить, что это—превосходная книга... Въ подлинникѣ сочиненіе проф. Ранке извѣстно и уважаемо вездѣ, гдѣ только изучается нѣмецкая литература... Это, поистинѣ, произведеніе ума, одинаково способнаго и къ подробнымъ изслѣдованіямъ и къ обширнымъ умозаключеніямъ. Оно написано въ прекрасномъ духѣ, равно далекомъ и отъ легкомыслія и отъ ханжества, исполненномъ достоинства, вѣротерпимости и безпристрастія... Какъ случилось, что протестантизмъ, сдѣлавшій столько успѣховъ, не сдѣлалъ ихъ больше, что римская церковь, потерявши большую часть Европы, не только перестала терять, но даже возвратила назадъ почти половину потеряннаго,—это, безъ сомнѣнія, весьма любопытный и важный вопросъ, и на

этотъ вопросъ Ранке бросилъ болѣе свѣта, нежели кто-либо изъ писавшихъ о томъ-же предметѣ" („Собр. соч.", русск. перев., IV, 92—93). Ранке „изображаетъ папъ въ 3 отношеніяхъ [1]): какъ главъ церкви, съ ихъ традиціоннымъ духовнымъ могуществомъ, распространеннымъ во всѣхъ частяхъ свѣта и дѣйствующимъ посредствомъ громадной сѣти своихъ агентовъ,—какъ свѣтскихъ князей Римской области, погруженныхъ то въ домашніе, экономическіе интересы, то въ мелкія интриги и комбинаціи мѣстной политики,—то, наконецъ, какъ двигателей тогдашняго образованія, какъ покровителей науки и искусства. Вездѣ вводитъ онъ читателя во внутренній бытъ духовенства и церкви и раскрываетъ передъ нимъ тѣ тайныя пружины, которыми папская политика усиливалась еще удержать надъ умами свое потрясенное владычество... Конечно, въ числѣ тѣхъ опоръ и средствъ, которыя нашло католичество въ борьбѣ своей съ вѣкомъ, самое видное мѣсто принадлежитъ братству Іисуса. Поэтому и въ исторіи Ранке развитіе ордена прослѣжено съ особеннымъ вниманіемъ, а образъ Лойолы, поставленнаго въ параллели съ Лютеромъ, принадлежитъ къ его удачнѣйшимъ характеристикамъ. Но и въ портретахъ папъ XVI и XVII вѣка Ранке выказалъ столько тонкой наблюдательности, умѣлъ такъ рельефно изобразить эти, большею частью, обыкновенныя, ничѣмъ рѣзко не выдающіяся личности, что въ этомъ еще не превзошелъ его никто. Невозмутимое, высокое безпристрастіе, царствующіе во всемъ сочиненіи, утонченный анализъ лицъ и мотивовъ, двигавшихъ ими, благородный тонъ полнаго жизни разсказа съ оттѣнкомъ легкой ироніи—довершаютъ его образцовыя достоинства". Не говоримъ уже о новости (для того времени) матеріала, положеннаго Ранке въ основу своего труда. Болѣе новые труды по тому-же вопросу Pastor'a, „Geschichte der Päpste seit dem Ausgange des Mittelalters" (1886 сл.); Creighton, „A History of the Papacy during the period of the Reformation". 5 v., 1882 сл.; ср. Brosch, „Geschichte des Kirchenstaats" (въ коллекціи „Geschichte der europäisch. Staaten"); Graf v. Hoensbroech, „Das Papsthum in seiner socialkulturellen Wirksamkeit". Leipz. 1900 сл.; Goyau, Peraté et Fabre, „Le Vatican, les papes et la civilisation". P. 1895; а изъ біографій отдѣльныхъ папъ см. напр. Lorentz, „Sixtus V und seine Zeit". 1852; Hübner, „Sixtus der Fünfter". 2 Bde. 1871; Höfler, „Papst Hadrian VI". 1880.— M'Crie, „History of the progress and suppression of the reformation in Italy". 1827, и его-же: „Hist. of the progress and suppr. of the reform. in Spain". 1829; Comba, „Storia della Riforma in Italia". 1881: Maurenbrecher, „Geschichte der katholischen Reformation". 1880; Philippson, „Les origines du catholicisme moderne. La contrerévolution religieuse". 1885 (и „введеніе" къ нѣсколько уже разъ названному соч. его-же въ кол. Онкена).—По исторіи Тридентскаго собора имѣются: „Istoria del concilio Tridentino" Паоло Сарпи (1552—1623), извѣстнаго своимъ свободнымъ направленіемъ и бывшаго врагомъ папскихъ притязаній (о немъ см. между проч. на русск. яз. проф. Осокина, „Къ біографіи Паоло Сарпи". Казань. 1880) и „Istoria del concilio di Trento" (1656—57) кардинала Паллавичини, написанная въ интересахъ и духѣ папства; Le Plat, „Monumentorum ad historiam Concilii Tridentini spectantium amplissima collectio". 7 v. 1781—1787; Theiner, „Acta genuina concilii Tridentini"; Druffel, „Monumenta Tridentina". 1884—5 (ср. издан. подъ его-же редакціей Мюнхенскою „Историческою Коммиссіею" „Briefe und Acten zur Geschichte des 16 Jahrh".); Calenzio, „Documenti inediti sul concilio di Trento". 1874; Döllinger, „Ungedruckte Berichte und Tagebücher zur Geschichte des Con-

[1]) Слова М. Н. Петрова („Новѣйш. націон. исторіографія въ Германіи, Англіи и Франціи". Харьк. 1861, стр. 76—78.) В.

cils von Trient". 1876; Sickel, „Zur Geschichte des Concils von Trient". 1872: Maynier, „Étude historique sur le Concile de Trente". 1874; Maurenbrecher, „Tridentiner Concil" (въ „Histor. Taschenbuch" за 1886). Въ настоящее время издается новая коллекція документовъ, относящихся къ Тридентскому собору („Concilium Tridentinum. Diariorum, actorum, epistularum, tractatuum nova collectio". Edid. Societas Goerresiana. Freib. i. Br. 1902 сл.).—Для исторіи іезуитскаго ордена важны изданія: „Corpus institutorum societatis Jesu". 1702; „Monumenta historica societatis Jesu" (подъ ред. Rodeles). Madrid. 1894 сл.; „Beati Petri Canisii, „Epistulae et acta" (изд. Braunsberger). Freib. i. Br. 1896 сл.; затѣмъ „Historia societatis Jesu" іезуитовъ Орландини и Сакино; біографіи тѣхъ іезуитовъ, которые признаны католическою церковью святыми (напр. самого Игнатія Лойолы), находятся въ извѣстномъ изданіи болландистовъ: „Acta Sanctorum". Изъ новыхъ трудовъ по исторіи іезуитовъ можно указать на Cretjineau-Joly, „Histoire de la compagnie de Jésus". 6 v. 1844—45; Huber, „Der Jesuiten-Orden nach seiner Verfassung und Doctrin, Wirksamkeit und Geschichte charakterisirt". 1873 (о немъ см. на русск. яз. ст. Бауера въ „Сборникѣ государствен. знаній"; книга Губера перев. по-русски, Спб. 1898): Friedrich, „Beiträge zur Geschichte des Jesuitenordens" (въ „Abhandl. der bair. Akad. der Wissensch". 1881); Reusch, „Beiträge zur Gesch. d. Jesuitenordens". München. 1894 (на русск. яз. ст. А. З—ва, „Къ исторіи и характер. іезуитск. ордена (по Деллингеру и Рейшу)", въ „Вѣрѣ и Раз"., 1891, авг.); Genelli, „Das Leben des heiligen Ignaz von Loyola". 1848 (съ извлеченіями изъ корреспонденціи Лойолы: ср. Menchaca, „Epistolae sancti Ignatii". Bologna. 1804); Baumgarten, „Ignatius von Loyola". 1880; лучшая монографія—Gothein, „Ignatius von Loyola und die Gegenreformation". Halle. 1895; ср. еще Gesz, „Ignatius v. Loyola" („Histor. Taschenbuch". 1892); а для знакомства съ отношеніями іезуитовъ и Рима къ Россіи важны труды Pierling'a: „Rome et Moscou (1547—1579)", Paris. 1883; „Ant. Possevini missio Moscovitica". 1882; „Un nonce du pape en Moscovie; préliminaires de la trêve de 1582", 1884; „Le Saint-siège, la Pologne et Moscou (1582—1587)". 1885; „Bathory et Possevino; documents inédits". 1887; „La Russie et le Saint-Siège" (объединяетъ предшествующія работы); на русск. яз. ср. статьи Ѳ. И. Успенскаго: „Римъ и Москва" (въ „Журн. Мин. Нар. Пр." за 1884 г. № 8 и 10), и извѣстныя сочиненія Морошкина („Іезуиты въ Россіи", 2 т. 1867—70) и гр. Д. А. Толстого („Католицизмъ въ Россіи", на франц. яз., 2 т. 1865). По исторіи инквизиціи старинное, но важное сочиненіе — Llorente, „Histoire critique de l'inquisition d'Espagne" 4 v. 1817. Въ настоящее время по исторіи инквизиціи выдаются монографіи и изслѣдованія американскаго ученаго Ли (Lea); его „Исторія инквизиціи въ средн. вѣка" (1888) перев. на франц. яз. (3 v. 1900—1902; ср. популярный очеркъ Ланглуа, имѣющійся въ двухъ русск. перев.: „Инквизиція по новѣйшимъ изслѣдованіямъ" (1903); его-же, „Chapters from the religious history of Spain connected with the inquisition" (Philadephia. 1890): „The Moriskos of Spain; their conversion and expulsion". Philad. 1901. Ср. еще Ernst Schäfer, „Beiträge zur Geschichte d. spanisch. Protestantismus und der Inquisition im XVI Jahrh". Gütersloh. 3 Bde: Molènes: „Torquemada et l'inquisition. Documents inédits". Paris. 1897.

О Филиппѣ II и Испаніи, кромѣ упомянутыхъ на стр. 168—9 источниковъ и пособій, касающихся Нидерландовъ, но нерѣдко имѣющихъ важное значеніе и для исторіи Филиппа II вообще, документальныя данныя см. въ названныхъ уже „Венеціанскихъ реляціяхъ" (издан. Alberi), въ „Coleccion de documentos inéditos para la historia de Espana", въ изданіи Gachard'a: „Relations des am-

bassadeurs vénitiens sur Charles-Quint et Philippe II". Brux. 1855, и „Lettres de Philippe II à ses filles les infantes Isabella et Catherine". 1884, въ изданіи актовъ кастильскихъ кортесовъ („Actas de las cortes de Castilla", 1878 сл.); а изъ біографовъ, современниковъ Филиппа, извѣстны Кабрера и Геррера.. Пособія: Ranke, „Die Osmanen und die Spanische Monarchie im 16 und 17 Jahrh". (прежнее заглавіе: „Fürsten und Völker von Süd-Europa im 16 und 17 Jahrh". 1827: есть русск. перев.),—произведеніе, написанное главнымъ образомъ на основаніи венеціанскихъ реляцій, являвшихся матеріаломъ тогда еще неизвѣстнымъ и совершенно новымъ. Тутъ Ранке, котораго часто упрекали—и не безъ основанія—въ излишнемъ пристрастіи къ внѣшней, политической исторіи, показалъ, что онъ великій мастеръ и въ изображеніи внутренняго состоянія страны. Это—рядъ краткихъ, пожалуй даже нѣсколько отрывочныхъ, но въ то-же время мастерскихъ характеристикъ испанскихъ государей (въ томъ числѣ и Филиппа II), ихъ министровъ и двора, ихъ правительственной системы, положенія финансовъ, налоговъ, управленія и состоянія различныхъ частей испанской монархіи. Съ необыкновенной ясностью раскрываются тутъ предъ нами причины упадка нѣкогда могущественной Испаніи. Со времени перваго изданія этого труда Ранке прошло уже болѣе 75 лѣтъ, но онъ по-прежнему не потерялъ своего значенія.—Prescott, „History of the reign of Philipp II". 3 v. (уже назв. раньше); Forneron, „Histoire de Philippe II". 4 v. 1881—82; упомянутое сочиненіе Philippson'a; Mignet. „Antonio Perez et Philippe II". 1846; Maurenbrecher, „Die Lehrjahre Philipp's II von Spanien" (въ „Histor. Taschenbuch". 1882); Hume, „Philippe II of Spain". Lond. 1897 (въ кол. „Foreign Statesmen"); М. Н. Петровъ, „Филиппъ II" (въ „Очеркахъ изъ всемірн. исторіи"); а изъ общихъ исторій Испаніи лучшая въ испанской литературѣ—Lafuente, „Historia general de Espana" (новое изд. 1877—88, 25 v.); см. еще „Hist. gener. de Espana", изд. подъ ред. Cánovas del Castillo, 1890—4 (208 вып.); Altamira. „Hist. de Espana y de la civilización espanola". 1900 сл.: „Gesch. von Spanien" Schäfer'a, Schirrmacher'a и Häbler'a въ кол. „Gesch. d. europ. Staaten"; см. также Morel-Fatio, „L'Espagne au XVI et au XVII siècles" (Documents histor. et litter. Heilbronn. 1878.). На русск. яз.—В. К. Пискорскій, „Исторія Испаніи и Португаліи". Спб. 1902 (въ коллекціи: „Ист. Европы по эпохамъ и странамъ"); ему-же принадлежатъ изслѣдованія о Кастильскихъ кортесахъ въ переходную эпоху отъ средн. вѣковъ къ новому времени (Кіевъ. 1897), о „Крѣпостномъ правѣ въ Каталоніи" (Кіевъ 1901) и друг. Вообще въ послѣднее время у насъ обнаруживается интересъ къ Испаніи: на русск. яз. имѣются монографіи: Л. Ю. Шепелевича—о Сервантесѣ („Жизнь Сервантеса и его произведенія" Харьк. 1901; т. II-ой—„Донъ-Кихотъ" Сервантеса. Спб. 1903), г. Петрова—о Лопе де Вега („Очерки бытоваго театра Лопа де Вега". Спб. 1901). Б.

Обращаемся къ изображенію католической реакціи съ тѣмъ, чтобы показать, какое вліяніе имѣлъ протестантизмъ въ нѣдрахъ самого католицизма и какъ онъ подѣйствовалъ на состояніе тѣхъ странъ западно-европейскаго континента, которыя остались вѣрными старой церкви. Вліяніе протестантизма на католическую церковь.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что для самого католичества протестантизмъ имѣлъ возрождающее значеніе, т.-е. что онъ далъ католицизму тотъ толчекъ, которой двинулъ его къ новой жизни, пробудивъ въ немъ новыя силы и тѣмъ давъ ему возможность

долго еще бороться съ наплывомъ новыхъ религіозныхъ мнѣній, принесенныхъ временемъ.

Новое направленіе въ католицизмѣ.

Въ Италіи въ первую половину XVI вѣка мы встрѣчаемъ уже представителей протестантскихъ мнѣній, проникшихъ сюда изъ-за Альпъ. Въ самомъ Римѣ было цѣлое общество людей образованныхъ, большею частію гуманистовъ, которые развивали свободное религіозное ученіе и въ нѣкоторыхъ догматическихъ вопросахъ, напр. въ ученіи о благодати, сходились съ мнѣніемъ религіозныхъ новаторовъ [1]). Только на установившіяся формы церкви, на іерархію и обряды, люди эти смотрѣли съ старой точки зрѣнія, т.-е. іерархію и папство они признавали, нападая лишь на злоупотребленія этихъ учрежденій. Съ теченіемъ времени общество это, называвшееся ораторіей божественной любви, пустило отпрыски и по всей странѣ, такъ-что въ половинѣ XVI в. ораторіанцевъ въ Италіи насчитывали уже около 3,000, и такъ какъ это были люди большею частію образованные и вліятельные, то и сама курія не могла ихъ игнорировать. При Павлѣ III (1534—1549) сдѣлана даже была попытка къ сближенію съ ними. Папа назначилъ многихъ членовъ ораторіи въ кардинальскую коллегію и поручилъ имъ составить проэктъ церковной реформы, на основаніи которой надѣялись тогда примириться съ протестантами, удовлетворивъ нѣкоторымъ ихъ требованіямъ. Проэктъ, составленный ими (1537), весьма замѣчателенъ: прежде всего нападаетъ онъ на различныя злоупотребленія, прибыльныя для папъ—диспенсаціи, индульгенціи, композиціи и другіе источники незаконныхъ церковныхъ доходовъ, затѣмъ указываетъ на безграничный произволъ самого папства съ тѣмъ, чтобы поставить это учрежденіе на болѣе раціональную почву, согласно съ духомъ и требованіями времени.

Регенсбургское совѣщаніе.

Павелъ III сначала отнесся къ планамъ этимъ довольно благосклонно и, когда въ 1541 году открылись въ Регенсбургѣ совѣщанія богослововъ католическихъ и протестантскихъ, послалъ туда депутатовъ, уполномоченныхъ на весьма широкія уступки. Протестантская партія также была расположена къ умѣренности, и если бы папскіе коммиссары согласились на введеніе народнаго языка въ богослуженіи, на бракъ священниковъ и пріобщеніе подъ

---

[1]) Въ числѣ зачинателей вообще новаго направленія въ католической церкви слѣдуетъ назвать: Контарини, Мороне, Караффу, Садолета, Реджинальда Поля, францисканца Бернардино Оккино (о немъ см. Benrath, Bernardino Ochino von Siena. Braunschw. 1892 (2-е изд.). Ученіе объ оправданіи въ протестантскомъ духѣ нашло себѣ выраженіе, наиболѣе полное, въ книгѣ: „О благодѣяніи Христа". В.

обоими видами, на уничтоженіе разныхъ церковныхъ поборовъ и на измѣненіе характера самаго папства въ болѣе евангельскомъ смыслѣ, то примиреніе было бы возможно. Но именно на этомъ послѣднемъ пунктѣ папа стоялъ очень твердо и ни за что не хотѣлъ отказаться отъ главенства надъ церковью.

Значеніе Тридентскаго собора.

Такъ Регенсбургское совѣщаніе кончилось ничѣмъ. Между тѣмъ обстоятельства послѣ этого измѣнились. Карлъ V принялъ по отношенію къ протестантамъ болѣе энергичную политику. Разсѣявъ силы Шмалькальденскихъ союзниковъ при Мюльбергѣ, онъ лишилъ нѣмецкихъ протестантовъ ихъ главной опоры. Вмѣстѣ съ тѣмъ еще въ 1545 г. созванъ былъ въ Тридентѣ соборъ съ цѣлью поддержанія пошатнувшагося авторитета папы и разсѣянія тѣхъ сомнѣній, которыя возбуждены были религіозными новаторами въ нѣдрахъ самого католичества. Тридентскій соборъ находился, какъ извѣстно, въ полномъ распоряженіи папы, особенно съ того времени, когда переведенъ былъ на итальянскую почву въ городъ Болонью, гдѣ и санкціонировалъ своимъ авторитетомъ всѣ старые догматы, формы, а вмѣстѣ съ ними и большую часть злоупотребленій католической церкви. Тогда папа Павелъ III нашелъ возможнымъ начать уже рѣшительную борьбу съ протестантизмомъ, тѣмъ болѣе, что въ нѣдрахъ самой римской церкви пробудились новыя, неожиданныя для нея силы [1]). Силы эти и средства папство нашло въ инквизиціи, цензурѣ, и новыхъ монашескихъ орденахъ,—особенно въ іезуитахъ.

Средства для борьбы съ протестантизмомъ.

Инквизиціонный судъ надъ еретиками есть явленіе, присущее еще среднимъ вѣкамъ. Съ XIII вѣка инквизиція передана была въ вѣдѣніе доминиканцевъ и, благодаря ихъ фанатической ревности, истреблены были этимъ путемъ тогдашнія ереси въ южной

[1]) Вообще папство представляется однимъ изъ величайшихъ, грандіознѣйшихъ явленій всемірной исторіи. Замѣчательна въ особенности его необыкновенная живучесть: изъ цѣлаго ряда кризисовъ, когда, казалось, наставалъ уже конецъ его могуществу и его авторитетной роли, оно выходило съ торжествомъ и съ обновленными силами, изъ ужасающаго нравственнаго упадка снова подымалось. Папство умѣло какъ нельзя лучше пользоваться обстоятельствами, умѣло бороться съ могучими силами вѣка или же входить съ ними въ союзъ, направляя ихъ въ своихъ интересахъ. Такъ было и въ тотъ критическій для него моментъ, когда распространялась реформація: глубокая перемѣна произошла тогда въ самомъ папствѣ. Лучшіе представители папской власти второй половины XVI и въ XVII ст. совсѣмъ не то, что папы XIV—XV в.: это уже не развратники и преступники въ родѣ Александра Борджіи или Іоанна XXIII, а большею частію люди достойные, принимавшіе близко къ сердцу интересы католической церкви и мало-по-малу успѣвшіе положить конецъ непотизму и безнравственности, такъ долго господствовавшимъ при римскомъ дворѣ. Къ такимъ личностямъ принадлежалъ уже Адріанъ VI (1522—1523); но самыми типичными представителями возрожденнаго папства являются Пій V (1566—1572) и Сикстъ V (1585—1590). Б.

a) Инквизиція. Франціи. Съ XV вѣка инквизиція стала съ особенною силою свирѣпствовать въ Испаніи, гдѣ она направлена была противъ мавровъ и гдѣ потомъ монархическая власть, со времени Фердинанда и Изабеллы, воспользовалась ею и для своихъ политическихъ цѣлей—для истребленія враговъ государственнаго абсолютизма. А вскорѣ послѣ Регенсбургскаго совѣщанія кардиналъ Караффа, старый доминиканецъ, подалъ Павлу III совѣтъ организовать это учрежденіе болѣе правильнымъ образомъ и расширить власть инквизиціоннаго суда, учредивъ верховный трибуналъ его въ Римѣ (1542). Первымъ главою судилища этого или „великимъ инквизиторомъ“ назначенъ былъ самъ Караффа съ властію по сю и по ту сторону Альпъ. Караффа разсѣялъ по провинціямъ своихъ легатовъ, давъ имъ слѣдующую инструкцію: быть неумолимыми къ протестантамъ и особенно къ кальвинистамъ, не щадить ни возраста, ни пола, неослабнѣе же всего преслѣдовать еретиковъ, пользующихся покровительствомъ сильныхъ людей и царствующихъ особъ.

в) Цензура. Такъ развилась въ Западной Европѣ инквизиція, наполнившая весь католическій міръ ужасами своихъ процессовъ, въ которыхъ доносчиками, слѣдователями и судьями были одни и тѣ же лица;—и этимъ-то насильственнымъ путемъ стала теперь католическая церковь бороться съ протестантизмомъ. Въ то-же время возникла и цензура, какъ другое предупредительное средство для отпора и истребленія еретическихъ мнѣній. Въ первый разъ она была правильно установлена Тридентскимъ соборомъ, который впервые издалъ и списокъ („index“) книгъ, подвергшихся церковному осужденію. Съ тѣхъ поръ подобные indices librorum prohibitorum отъ времени до времени издавались уже постоянно римскою куріею.

c) Новые монашескіе ордена. Наконецъ третье средство для борьбы съ религіозными новшествами папская власть нашла, какъ упомянуто, въ новыхъ монашескихъ орденахъ, особенно-же —въ орденѣ іезуитовъ.

Исторія католическаго монашества въ средніе вѣка представляетъ картину неоднократныхъ вырожденій и возрожденій этого учрежденія. Такъ въ X—XI ст., въ самую мрачную и позорную эпоху въ жизни римской церкви, возникъ и первый протестъ противъ этого упадка въ формѣ образцовой конгрегаціи Клюнійской, которая имѣла цѣлью не только возстановленіе стараго устава западныхъ монастырей—устава Бенедикта Нурсійскаго—,но и подчиненіе католическаго иночества еще болѣе строгимъ правиламъ. Потомъ въ началѣ XIII в. по поводу многочисленныхъ ересей,

волновавшихъ тогда спокойствіе церкви, опять возникли и новые ордена нищенствующихъ монаховъ, францисканцевъ, доминиканцевъ и бернардиновъ, въ которыхъ католицизмъ какъ-бы снова собралъ свои уставшія силы для борьбы съ новаторами. Наконецъ въ XVI вѣкѣ, въ эпоху величайшей опасности, грозившей католической церкви со стороны протестантизма, въ ней пробудились еще разъ новыя силы, которыя и обнаружились на этотъ разъ въ появленіи и новыхъ монашескихъ конгрегацій, сначала въ Италіи, а потомъ и въ другихъ странахъ Запада. Это были ордена театиновъ, барнабитовъ и іезуитовъ. Этому-то послѣднему ордену суждено было сыграть въ судьбахъ католическаго міра весьма видную роль.

Основателемъ его былъ Игнатій Лойола, родившійся въ 1491 г. въ небольшой испанской провинціи Гвипускоа между Бискайей и Пиренеями. Страна эта, полная красотъ дикой горной природы и изобилующая сказаніями о Роландѣ и рыцаряхъ св. граля, рано настроила воображеніе юноши къ мечтательности, къ господству фантазіи надъ разсудкомъ. Такъ какъ Лойола принадлежалъ къ древнему и богатому дворянскому роду, пользовавшемуся значительными привилегіями, то мальчикъ взятъ былъ на воспитаніе ко двору Фердинанда Католика, гдѣ и протекло его дѣтство и отрочество. Въ это время молодой Лойола ничѣмъ не отличался отъ другихъ пажей—своихъ сверстниковъ, и душа его полна была мыслями о рыцарскихъ похожденіяхъ, блестящемъ оружіи, лошадяхъ и женщинахъ. Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ Ранке въ своей „Исторія папъ“, что если бы жизнь Лойолы пошла и далѣе этимъ путемъ, то имя его мы встрѣтили бы, вѣроятно, въ спискѣ знаменитыхъ генераловъ Карла I. Но въ 1521 г. съ нимъ случилось неожиданное несчастіе: при осадѣ французами Пампелуны онъ былъ раненъ въ ногу; ему сдѣлали трудную операцію, но онъ все-таки остался хромымъ. Тогда мечты его приняли другое направленіе—религіозное, которое теперь совершенно овладѣло его душою. Во время долгой болѣзни начитавшись церковныхъ легендъ, онъ теперь со свойственной ему пылкостью увлекся міромъ аскетическихъ подвиговъ, т.-е. остался тѣмъ-же рыцаремъ, но только сталъ искать подвиговъ на иномъ — религіозномъ поприщѣ. Ему, дѣйствительно, открывалось обширное поле для дѣятельности среди возникавшей борьбы съ врагами католической церкви.

Игнатій Лойола.

Получивъ облегченіе, онъ отправился въ близъ лежащій монастырь Манрезу и здѣсь впервые далъ обѣтъ всецѣло посвятить

себя Богу и служенію его церкви. Затѣмъ онъ предался аскетическимъ подвигамъ, бичевалъ себя ежедневно, молился по 7 часовъ въ сутки и часто по недѣлямъ не ѣлъ. Для большей полноты нравственнаго очищенія онъ рѣшился посѣтить Св. мѣста; были минуты, когда онъ думалъ совсѣмъ остаться на Востокѣ и посвятить себя миссіонерству между мусульманами, но, встрѣтивъ затрудненія со стороны мѣстнаго духовенства, оставилъ это намѣреніе. Къ тому-же сталъ онъ здѣсь впервые проповѣдовать, но безъ науки и образованія часто впадалъ въ ошибки и даже еретическія мнѣнія, за которыя однажды попалъ въ инквизиціонную тюрьму. Все это привело его къ мысли, что ему надобно учиться. И вотъ вслѣдъ затѣмъ мы встрѣчаемъ его въ университетахъ Алкалы, Саламанки и, наконецъ, Парижа изучающимъ краснорѣчіе, философію и богословскія науки.

Но высокое образованіе ему не далось и онъ никогда имъ не отличался. Главною его силою оставалось все-таки его искреннее воодушевленіе, привлекшее къ нему и первыхъ его послѣдователей изъ французовъ и испанцевъ. Такимъ-же религіознымъ энтузіазмомъ проникнуто написанное имъ еще тогда сочиненіе: „Exercitia spiritualia", или руководство къ нравственному самосовершенствованію, гдѣ, какъ лучшее средство достигнуть этой цѣли, рекомендуется неослабное самонаблюденіе: каждое утро и вечеръ человѣкъ долженъ давать себѣ строгій отчетъ не только во всѣхъ своихъ поступкахъ, но и въ каждомъ помыслѣ и движеніи сердца. Тутъ еще болѣе выросло личное вліяніе Лойолы и расширился кругъ его послѣдователей, которые, по мысли Игнатія, и дали обѣтъ составить монашеское братство подъ именемъ „общества Іисуса", Societas Jesu. Павелъ III съ радостью принялъ людей, предлагавшихъ ему такъ безкорыстно свои услуги, и, не смотря на интриги и противодѣйствіе нѣкоторыхъ кардиналовъ, относившихся враждебно къ возникающему обществу, въ 1540 г. (съ нѣкоторыми ограниченіями, а въ 1543 г. уже безусловно) утвердилъ новый орденъ. Первымъ его генераломъ избранъ былъ самъ Лойола и оставался въ этомъ званіи до самой смерти (въ 1556 г.).

Учрежденіе іезуитскаго ордена.

Послѣ всего сказаннаго остается рѣшить вопросъ, какъ случилось, что человѣкъ, не отличавшійся ни особенным умомъ, ни образованіемъ, ни даже знаніемъ людей и свѣта, а бывшій только простымъ религіознымъ энтузіастомъ, могъ создать учрежденіе, отличавшееся именно своимъ практическимъ характеромъ и потому сыгравшее въ судьбахъ католическаго міра и даже всей

Европы такую влiятельную роль? Дѣло въ томъ, что самый духъ времени, независимо отъ воли и намѣренiй основателя, сообщилъ этому учрежденiю ту разумную организацiю, которая и дала ему почти всесвѣтное влiянiе.

Монашескiй орденъ, основанный Лойолою, названъ былъ имъ братствомъ Iисуса, такъ какъ основатель его, рыцарь по чувствамъ, воображалъ его не иначе, какъ въ видѣ военной дружины, цѣлью которой была борьба съ врагами церкви.

Привилегiи iезуитовъ.

Орденъ надѣленъ былъ папой такими широкими правами и привилегiями, какихъ не имѣла никакая другая монастырская конгрегацiя. Такъ, iезуитамъ предоставлены были всѣ права бѣлаго духовенства и всѣ привилегiи нищенствующихъ монаховъ. Далѣе, они изъяты были изъ вѣдѣнiя обыкновенной церковной iерархiи, т.-е. не были подчинены мѣстнымъ iерархическимъ властямъ, а повиновались только главному орденскому начальнику или генералу, жившему въ Римѣ; а генералъ зависѣлъ лишь отъ папы. Затѣмъ iезуитамъ предоставлено было право строить общежительные дома и церкви, заводить школы, коллегiи и богадѣльни, снаряжать миссiи. Имущества ихъ были изъяты отъ всякихъ денежныхъ поборовъ въ пользу церковныхъ властей. Имъ дано было право не только исполнять всѣ обыкновенныя священническiя обязанности, но и дарованы многiя экстренныя права: снимать обѣты, разрѣшать всѣ грѣхи,—даже такiе, разрѣшенiе которыхъ предоставлено было только апостольскому престолу. Наконецъ, они даже могли получать профессорскiя каѳедры и ученыя степени помимо университета, прямо отъ своего генерала. Кромѣ трехъ обычныхъ монашескихъ обѣтовъ — нищеты, цѣломудрiя и смиренiя, iезуиты давали еще четвертый — безусловнаго и безпредѣльнаго служенiя папѣ. Понятно, что послѣ этого подобное учрежденiе было принято римскою курiею съ восторгомъ, и iезуиты сдѣлались излюбленнымъ дѣтищемъ папства, такъ какъ главная цѣль этого ордена состояла въ распространенiи и утвержденiи католицизма и укрѣпленiи всесвѣтной власти папъ какъ въ борьбѣ ихъ съ протестантами, такъ и съ мѣстными iерархiями. Согласно цѣли орденъ получилъ и соотвѣтствующее устройство.

Организацiя iезуитскаго ордена.

Члены его раздѣлялись на три класса: послушниковъ, коадъюторовъ и профессовъ. Послушники или новицiи были молодые люди, набиравшiеся изъ всѣхъ классовъ общества, изъ самыхъ даровитыхъ учениковъ iезуитскихъ школъ. Кромѣ обыкновенныхъ подвиговъ послушничества въ теченiе 2 лѣтъ, они обязаны были ходить за больными въ госпиталяхъ. Второй классъ—

коадъюторы—раздѣлялся еще на двѣ категоріи — свѣтскихъ и духовныхъ. Свѣтскими коадъюторами назывались лица, не принадлежащія собственно къ монашескому составу ордена и не давшія обѣта, но все-таки принимавшія на себя извѣстныя орденскія обязанности: защищать его дѣла въ судахъ и другихъ учрежденіяхъ, управлять его имуществомъ, заботиться о его благосостояніи и интересахъ. Поэтому свѣтскіе коадъюторы избирались большею частью изъ какихъ-нибудь вліятельныхъ лицъ — министровъ, сановниковъ, капиталистовъ и проч. Духовными же коадъюторами назывались лица, занимавшіяся преподаваніемъ въ іезуитскихъ училищахъ; кромѣ того, они дѣйствовали въ качествѣ помощниковъ настоящихъ членовъ, прикомандировывались къ миссіямъ и проч. Наконецъ, высшій классъ составляли профессы, которые собственно и считались членами ордена, имѣвшими право голоса въ его общихъ собраніяхъ. Профессы занимали всѣ высшія орденскія должности и мѣста—проповѣдниковъ, капеллановъ при дворахъ, начальниковъ миссій, управителей орденскихъ провинцій, ректоровъ орденскихъ домовъ и школъ. Главное же управленіе дѣлами ордена сосредоточивалось въ рукахъ генерала, жившаго въ Римѣ и избиравшагося всѣми членами общества, т.-е. профессами. Генералъ имѣлъ неограниченную власть надъ всѣми іезуитами: по одному его слову, по одному мановенію, каждый изъ нихъ обязанъ былъ немедленно и безпрекословно исполнить данное ему приказаніе. Каждый мѣсяцъ генералъ получалъ отъ своихъ провинціаловъ, т.-е. лицъ, стоявшихъ во главѣ провинцій, на которыя раздѣленъ былъ орденъ, подробный отчетъ обо всемъ, что̀ происходило въ его вѣдомствѣ, какъ и подробное донесеніе о каждомъ изъ членовъ той провинціи, каждые-же три мѣсяца — донесенія отъ всѣхъ другихъ начальниковъ орденскихъ частей. Предъ генераломъ іезуитъ не могъ имѣть тайнъ; каждый обязанъ былъ въ опредѣленные сроки самымъ искреннимъ образомъ давать ему отчетъ не только въ своихъ поступкахъ, но и во всѣхъ помыслахъ и движеніяхъ сердца, такъ-что генералъ, никогда не видѣвшій въ лицо всѣхъ членовъ, зналъ ихъ лучше самыхъ близкихъ имъ людей. Въ кругу же самихъ іезуитовъ, въ ихъ орденскихъ домахъ, заведенъ былъ порядокъ слѣдить другъ за другомъ, иначе говоря—взаимное шпіонство, чѣмъ и обезпечивалась правдивость членскихъ донесеній. Къ этому прибавить надо, что всѣ орденскія званія хранились въ тайнѣ и извѣстны были однимъ только членамъ.

Возрастающее вліяніе іезуитовъ.

Организацією такою орденъ былъ обязанъ не своему основателю; Лойолѣ принадлежитъ только главная мысль братства, настоящими же организаторами его были непосредственный преемникъ Лойолы въ званіи генерала — Лайнезъ и 4-й генералъ — Аквавива. Имъ-то главнымъ образомъ принадлежитъ составленіе полнаго орденскаго устава, Institutum societatis Jesu. Благодаря разумной организаціи, въ немъ начертанной, и привилегіямъ, которыми былъ надѣленъ орденъ, сталъ онъ дѣлать въ теченіе XVI в. быстрые успѣхи въ Западной Европѣ. Въ годъ смерти Лойолы, въ 1556 году, орденъ считалъ 1,000 членовъ, разсѣянныхъ по разнымъ странамъ Европы и раздѣленныхъ на 13 провинцій; при 4-мъ же генералѣ, Аквавивѣ, въ началѣ XVII вѣка, въ орденѣ считалось уже 15,000 человѣкъ и 26 провинцій. Время это — вторая половина XVI и первая XVII вѣка — и было эпохою высшаго процвѣтанія и успѣховъ братства, когда іезуиты господствовали не только надъ католическою церковію, но и во всемъ католическомъ мірѣ. Главными же средствами ихъ общественнаго вліянія были: проповѣдь, исповѣдь, — при чемъ они старались получать мѣста духовниковъ при дворахъ государей и вообще сильныхъ людей, — и затѣмъ миссіонерство, какъ въ протестантскихъ странахъ, такъ и въ языческихъ. Такими путями вліяніе іезуитовъ распространилось далеко за предѣлы Европы, проникло въ Америку, Азію и Австралію.

Но самымъ могущественнымъ средствомъ въ рукахъ іезуитовъ была школа, воспитаніе юношества, направленное къ развитію въ молодомъ поколѣніи слѣпой фанатической преданности католицизму и папѣ. Такимъ духомъ проникнутъ и уставъ іезуитскихъ училищъ, составленный, въ началѣ XVII вѣка, генераломъ Вителлески — „Institutio et ratio studiorum societatis Jesu". По этому уставу ученіе раздѣлялось на высшее — studia superiora — и низшее — inferiora. Главнымъ предметомъ былъ латинскій языкъ. Но изученіе этого языка не походило на гуманистическое. Гуманисты, изучая классическую литературу, главнымъ образомъ имѣли въ виду ея общечеловѣческую образовательную силу и потому старались знакомиться съ самымъ содержаніемъ классическихъ твореній; іезуиты же ограничивались однимъ лексикальнымъ или филологическимъ знаніемъ формы. Не менѣе старательно изучалось затѣмъ краснорѣчіе и соединенныя съ нимъ науки — риторика, грамматика и схоластическая философія, наконецъ, богословіе въ ультрамонтанскомъ, казуистическомъ духѣ. Все же ученіе направлено было къ тому, чтобы образовать юно-

шей въ интересахъ и чувствахъ преданности старой церкви и папству. Такъ какъ въ кругу іезуитовъ съ теченіемъ времени образовалось много замѣчательныхъ ученыхъ, не чуждавшихся и свѣтской науки, то мало-по-малу своимъ вліяніемъ и литературою они стали оттѣснять на второй планъ и гуманистическое образованіе, на почвѣ котораго выросъ весь протестантизмъ.

Но и кромѣ этихъ средствъ, весь строй и характеръ ордена направленъ былъ къ тому, чтобы овладѣть умами и общественнымъ мнѣніемъ и этимъ путемъ властвовать надъ обществомъ. И дѣйствительно, ни одинъ изъ католическихъ орденовъ, ни прежде, ни послѣ, не пользовался такимъ громаднымъ вліяніемъ. Если францисканцы были слишкомъ грубы, а доминиканцы—фанатичны, то тѣмъ болѣе въ глазахъ общества выигрывали іезуиты своимъ рѣдкимъ умѣніемъ обходиться съ людьми всякихъ званій, тонкимъ знаніемъ жизни, свѣтскими манерами и совершеннымъ отсутствіемъ ханжества. Они даже въ строгомъ смыслѣ и не были монахами, а только „регулярными клириками", т.-е. священниками съ монашескими обѣтами; жили тоже не въ монастыряхъ, а въ частныхъ домахъ; носили полусвѣтскій костюмъ, отличались снисходительностью къ человѣческимъ слабостямъ; всегда показывали видъ, будто чуждаются всякихъ честолюбивыхъ стремленій, но за-то тѣмъ успѣшнѣе сокровенными путями обдѣлывали свои дѣла. И дѣйствительно, въ концѣ XVI и началѣ XVII в. они уже играли въ политикѣ Западной Европы весьма вліятельную роль: во время религіозныхъ войнъ во Франціи они поддерживали лигу, сносились съ Испаніей, направили руку убійцы Генриха III и были сильно скомпрометированы въ преступленіи Равальяка; въ эпоху Тридцатилѣтней войны они совершенно овладѣли Фердинандомъ II и III и были главною причиною паденія Валленштейна; ихъ же проискамъ обязана была Испанія пріобрѣтеніемъ Португаліи при Филиппѣ II.

Испанія. Кромѣ новаго духовнаго оружія, которымъ располагала старая церковь для борьбы съ протестантизмомъ, за нее стояла и самая могущественная держава тогдашняго Запада—Испанія. Для полноты очерка католической реакціи необходимо поэтому представить здѣсь въ общихъ чертахъ судьбу и состояніе испанской монархіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Съ того времени, какъ маленькія христіанскія государства возникли на Пиренейскомъ полуостровѣ и вслѣдствіе вѣковой борьбы съ маврами стали соединяться въ два большихъ королевства, Ка-

стилію и Аррагонію [1]), т.-е. съ XIII вѣка,—въ этихъ областяхъ начала развиваться и ихъ мѣстная автономія. Три главныхъ сословія — дворянство, духовенство и города — пріобрѣли право участія въ дѣлахъ внутренней политики посредствомъ своихъ представителей, собранія которыхъ назывались кортесами [2]). Такимъ образомъ въ вѣковой борьбѣ съ маврами испанцы не только завоевали себѣ родину, но и свободу. Когда потомки древнихъ готовъ стали спускаться съ горъ, куда укрылись они во время магометанскаго разлива на полуостровѣ, имъ приходилось каждый шагъ занимаемыхъ равнинъ брать съ бою у непріятеля. Подъ выстрѣлами мавританскихъ крѣпостей и замковъ, посреди величайшихъ опасностей, строились христіанскіе города и возникали христіанскія поселенія. Только самыми широкими правами и привилегіями можно было удержать и укрѣпить эти колоніи на завоеванныхъ пространствахъ; только полная свобода могла вознаградить готскаго воина за всѣ понесенные имъ труды. Вотъ начало испанскихъ представительныхъ сеймовъ, или кортесъ, областнаго самоуправленія и безчисленныхъ иммунитетовъ и мѣстныхъ привилегій, или такъ называемыхъ фуэросъ. Привилегіи эти были тѣмъ разнообразнѣе, что каждая область была нѣкогда отдѣльнымъ королевствомъ и имѣла свою самобытную конституцію. Изъ этихъ конституцій аррагонская была такъ оригинальна и размашиста, что не только на Пиренейскомъ полуостровѣ, но и во всей христіанской Европѣ среднихъ вѣковъ едва-ли найдется другая, которая въ этомъ отношеніи могла бы съ нею сравниться. Одно развѣ государственное устройство старинной Польши, во многихъ чертахъ напоминающее аррагонское, не уступитъ ей ни всемогуществомъ привилегированнаго дворянства, ни ничтожествомъ королевской власти. Для защиты своихъ привилегій аррагонскіе кортесы имѣли право назначать особаго сановника, который назывался хустисія-майоръ. Онъ служилъ какъ-бы посредникомъ между королемъ и сословіями, рѣшалъ недоразумѣнія и споры, возникавшіе между ними, и удерживалъ верховную власть въ границахъ конституціи; въ важныхъ же случаяхъ могъ даже призвать гражданъ къ оружію противъ вѣроломства правительства. Хотя подобное устройство развилось съ особеннымъ успѣхомъ въ Аррагоніи, но въ XV в. и Кастилія успѣла до нѣкоторой сте-

Свободныя учрежденія Аррагоніи и Кастиліи и борьба съ ними монархической власти.

[1]) Кромѣ уже упомянутыхъ раньше сочиненій по исторіи Испаніи см. Burke, A history of Spain from the earliest times to the death of Ferdinand the Catholic. Lond. 1895. 2 v. Б.

[2]) См. уже названную выше книгу В. К. Пискорскаго, Кастильскіе кортесы въ переходную эпоху отъ средн. вѣковъ къ нов. времени. Кіевъ. 1897. Б.

пени сравнятся съ нею. Съ половины же XV в. начался и упадокъ этихъ свободныхъ учрежденій.

Уже Фердинандъ Католикъ и Изабелла [1]), руководимые ловкою политикою кардинала Хименесъ, успѣли значительно ограничить права сословій развитіемъ св. германдада, т.-е. союза испанскихъ городовъ, въ которыхъ находили они противовѣсъ привилегіямъ дворянства и духовенства, сосредоточеніемъ государственной власти въ рукахъ королевскихъ чиновниковъ, перенесеніемъ гросмейстерства трехъ рыцарскихъ орденовъ Испаніи, Алькантары, Калатравы и Санъ-Яго, на особу короля, чѣмъ правительство могло прибрать дворянство въ свои руки, и, наконецъ, усиленіемъ и развитіемъ инквизиціи, которая въ Испаніи съ одинаковымъ фанатизмомъ преслѣдовала не только свободомысліе въ дѣлахъ вѣры, но и всякій либерализмъ въ общественныхъ дѣлахъ.

Такими средствами и путями испанская корона уже въ исходѣ XV в. добилась могущества, которымъ она могла соперничать съ Англіею и Франціею. Напрасно сословія, преимущественно города, при Карлѣ V, именно въ 1520—1521, пытались силою отстоять свои потерянныя права: возстаніе ихъ подъ предводительствомъ Хуана Падильи не имѣло успѣха; оно встрѣтило противодѣйствіе въ грандахъ и окончилось [послѣ пораженія при Вильяларѣ, 1521] ограниченіемъ законодательной власти испанскихъ кортесъ. Такъ было въ Кастиліи; но въ Аррагоніи при преемникѣ и сынѣ Карла V, Филиппѣ II, произошло то-же самое, когда аррагонскіе кортесы пришли въ серьезное столкновеніе съ правительствомъ и возбудили въ странѣ возстаніе противъ него. Возстаніе это тоже было залито кровью инсургентовъ, и мѣстная автономія уничтожена. Такимъ образомъ, уже въ первой половинѣ XVI в., послѣ подавленія послѣднихъ средневѣковыхъ вольностей страны, Испанія превратилась въ абсолютную монархію, форма которой долго служила образцомъ для всѣхъ другихъ европейскихъ государствъ. Съ того-же времени начался и внутренній упадокъ Испаніи, внѣшнее, политическое могущество которой совпадаетъ именно съ правленіемъ Карла V и Филиппа II. Но это политическое могущество, какъ основанное не на свободномъ и естественномъ развитіи народныхъ силъ, а возникшее изъ случайнаго стеченія обстоятельствъ и вызванное искусственными путями, конечно, не могло отличаться прочностью и долговременностью, тѣмъ болѣе, что вся политика

---

[1]) Mariéjol, L'Espagne sous Ferdinand et Isabelle. 1893 (изъ „Bibl. d'histoire illustrée"). В.

Филиппа II, внутренняя и внѣшняя, какъ нельзя болѣе способствовала такому упадку.

Филиппъ II.

42-лѣтнее правленіе Филиппа (1556—98) представляетъ намъ печальную картину разложенія всѣхъ общественныхъ силъ Испаніи. Правительственная система, которую онъ старался водворить на развалинахъ средневѣковой свободы, основана была на машинально-пассивномъ повиновеніи подданныхъ, на страхѣ инквизиціи, конфискацій и казней, на шпіонствѣ въ широкихъ размѣрахъ и преслѣдованіяхъ, слѣдовательно, на такихъ началахъ, которыя не могли обѣщать прочной будущности для края. Но деспотизмъ Филиппа II не только тяготѣлъ надъ его подданными, но и надъ членами его собственнаго семейства. Сводный братъ его Донъ-Хуанъ Австрійскій, герой Лепантской побѣды и нидерландской войны, много вытерпѣлъ отъ него преслѣдованій, которыя и свели его въ могилу; собственный сынъ Филиппа, Донъ-Карлосъ, умеръ преждевременно въ тѣсномъ заточеніи [1]). Филиппа обвиняли, хотя и не основательно, и въ томъ, что третья супруга его, французская принцесса Елизавета, тоже будто-бы сдѣлалась жертвою его холодной жестокости.

Три главныя цѣли преслѣдовалъ Филиппъ въ своей политикѣ: истребленіе протестантизма, подавленіе послѣднихъ народ-

[1]) Прежде Филиппа II обвиняли въ умерщвленіи своего собственнаго сына; говорили, что Донъ-Карлосъ сдѣлался жертвой инквизиціи и ревности своего отца. Въ настоящее время вопросъ о личности и печальной судьбѣ испанскаго инфанта достаточно разъясненъ трудами Прескотта (назв. соч.), Ранке („Don Carlos, Prinz von Asturien, Sohn König Philipps II von Spanien" въ „Histor.-biograph. Studien"), Гашара („Don Carlos et Philippe II". 1863), De-Mouy („Don Carlos et Philippe II", 1 изд. 1862; есть 2-е), Мауренбрехера („Don Carlos". 2te Aufl. 1876; ср. рецензію Филиппсона въ „Histor. Zeitschrift. за 1877, 4tes Heft. и Ad. Schmidt, „Epochen und Katastrophen". 1874), Макса Бюдингера („Don Carlos Haft und Tod. insbesondere nach den Auffassungen seiner Familie". Wien, 1891) и друг. Донъ Карлосъ уже не представляется намъ теперь въ идеальномъ свѣтѣ, борцомъ за тѣ или другія идеи, тѣмъ симпатичнымъ и благороднымъ юношею, котораго нарисовалъ намъ Шиллеръ; совершенно напротивъ: онъ оказывается молодымъ человѣкомъ съ слабыми умственными способностями, болѣзненнымъ и ненормальнымъ, съ сумасброднымъ и капризнымъ характеромъ, съ порывами дикой, безумной запальчивости, по временамъ предающимся всевозможнымъ излишествамъ. Филиппъ опасался, что къ подобной личности долженъ перейти престолъ послѣ него, а поводомъ къ аресту Донъ Карлоса послужили задуманный имъ планъ бѣгства изъ Испаніи и признаніе духовнику въ помыслахъ на жизнь отца. Его дѣло разсматривала особая слѣдственная коммиссія, а не инквизиціонный трибуналъ. Самъ узникъ искалъ смерти, какъ избавленія, какъ единственнаго исхода изъ невыносимо-тяжелаго положенія. Чтобы ускорить свою кончину, онъ прибѣгалъ къ разнымъ искусственнымъ средствамъ: то голодалъ, то предавался излишеству въ пищѣ, то глоталъ цѣлыми кусками ледъ, что дѣйствительно могло его свести въ могилу. Такимъ образомъ, во всемъ этомъ дѣлѣ на Филиппа падаетъ вина лишь косвенная, хотя все-таки тяжкая: онъ ничего не сдѣлалъ, чтобы смягчить участь сына, облегчить его положеніе, предотвратить его печальный конецъ, и вообще трагическая судьба Донъ Карлоса въ значительной степени объясняется холодностью и безсердечіемъ отца.—Б.

ныхъ вольностей и усиленіе абсолютной монархіи. Этимъ тремъ задачамъ своей политики жертвовалъ онъ благосостояніемъ и любовью своихъ подданныхъ и своихъ кровныхъ. Ужасами инквизиціи онъ не только искоренилъ на Пиренейскомъ полуостровѣ всѣ зародыши протестантизма, но и наложилъ руки даже на безобидное и мирное населеніе морисковъ, составлявшихъ по своему трудолюбію и промысламъ главный источникъ благосостоянія края, чѣмъ подалъ гибельный примѣръ и для своихъ преемниковъ, при которыхъ, именно при Филиппѣ III, мориски и были совершенно изгнаны изъ Испаніи. Столь же гибельны и несчастны были и всѣ войны Филиппа II. Религіозныя преслѣдованія и посягательство на мѣстную автономію были причиною многолѣтней войны въ Нидерландахъ, кончившейся отпаденіемъ 7 сѣверныхъ штатовъ и образованіемъ независимой Голландской республики. Экспедиція противъ разбойниковъ мавританскаго Туниса подъ начальствомъ Донъ-Хуана тоже не имѣла успѣха по причинѣ подозрительности и зависти Филиппа II. Самая побѣда при Лепанто, одержанная испанско-венеціанскимъ флотомъ надъ турками въ 1571 г., хотя и нанесла морскому могуществу османовъ тяжелый ударъ, но для самой Испаніи не принесла никакихъ выгодъ. Судьба непобѣдимой армады, снаряженной въ 1588 г. для истребленія претестантизма въ Англіи и Нидерландахъ, какъ извѣстно, была столь же несчастна. Одна война съ Франціей, предпринятая Филиппомъ II еще въ началѣ своего правленія и ознаменованная Сенъ-Кентенской побѣдой, окончилась возвращеніемъ Испаніи и Савойи областей, захваченныхъ было французами; но и эти пріобрѣтенія принесли Испаніи лишь затрудненія въ будущемъ. Только Португалію успѣлъ Филиппъ (1580) присоединить къ своей коронѣ на цѣлыя 60 лѣтъ. Но это пріобрѣтеніе было смертельнымъ ударомъ для благосостоянія и торговли португальцевъ и для ихъ колоній, которыя теперь всѣ были захвачены англичанами и голландцами.

Упадокъ Испаніи.

Такимъ образомъ, къ чему ни прикасалась рука Филиппа, все поражалось недугомъ и смертью, и въ теченіе 42 лѣтъ правленія онъ не успѣлъ подарить Испанію ни однимъ благодѣтельнымъ учрежденіемъ. А такъ какъ преемники его Филиппъ III и IV и Карлъ II, слѣдовали той же самой политикѣ, то уже въ XVII столѣтія Испанія представляла всѣ признаки разложенія и упадка [1]).

[1]) Исторія Испаніи новаго времени полна глубокаго, поучительнаго интереса. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не поразительно то, что государство, въ началѣ

IX. Тридцатилѣтняя война.

Источники. На первомъ планѣ—матеріалъ архивный, донесенія пословъ и т. под.; важныя документальныя данныя можно найти въ изданіи Мюнхенской „Исторической Коммиссіи": „Briefe und Acten zur Geschichte des 30-jährigen Krieges " (1870 и сл.), (о матеріалахъ касательно Валленштейна - ниже). Изъ историческихъ сочиненій XVII ст., относящихся къ исторіи Тридцатилѣтней войны, наиболѣе извѣстны: „Annales Ferdinandei" Khevenhiller'a и „Schwedische in Deutschland geführte Krieg" Chemnitz'a; оба были современниками описываемыхъ ими событій; затѣмъ — Pufendorf, „Commentariorum de rebus Svecicis libri XXVI ab expeditione Gustavi Adolphi in Germaniam ad abdicationem usque Christinae". 1686 (ср. его-же, „De rebus gestis Friederici Wilhelmi... commentariorum l. XIX". 1695). Б.

Пособія. Исторія Тридцатилѣтней войны, разработанная по-преимуществу нѣмецкими учеными, долго вращалась у нихъ въ кругу католическихъ предразсудковъ и только съ середины XIX в. явилась въ болѣе научномъ видѣ. И.

Лучшій спеціалистъ вопроса—чешскій ученый Gindely, предпринявшій на

XVI ст. едва-ли не самое могущественное и, несомнѣнно, самое богатое, обладавшее, казалось, всѣми необходимыми внѣшними условіями для дальнѣйшаго своего развитія и процвѣтанія—богатѣйшими и обширнѣйшими колоніями, образцовымъ, испытаннымъ въ бояхъ войскомъ, сильнымъ флотомъ, властвовавшее — сначала безъ соперниковъ — на морѣ и господствовавшее въ разныхъ краяхъ Европы—на Пиренейскомъ полуостровѣ, въ Италіи и Нидерландахъ, — что это государство къ концу того-же вѣка является ужъ разлагающимся, слабѣющимъ, неспособнымъ бороться даже съ маленькими Нидерландами? Нигдѣ такъ ярко не обнаруживаются пагубныя послѣдствія Филипповой системы, какъ на экономическомъ положеніи и финансахъ Испаніи. Богатѣйшія колоніи не спасали страны отъ истощенія; цѣлые транспорты золота и серебра получались изъ Новаго Свѣта, и все это уходило быстро изъ Испаніи, а насильственныя мѣры, принимаемыя съ цѣлью удержать драгоцѣнные металлы въ самой странѣ, вели лишь къ паденію ихъ цѣнности и къ непомѣрному вздорожанію всѣхъ продуктовъ; впослѣдствіи-же нерѣдко случалось, что суда, везшія груды золота и серебра въ Испанію, дѣлались добычей голландскихъ или англійскихъ моряковъ. Неразъ государство было на краю полнаго банкротства; иногда не хватало средствъ на содержаніе самого двора, а государственный долгъ Испаніи къ концу XVI ст. возросъ уже до 100 мил. дукатовъ. Объ экономическомъ упадкѣ Испаніи — см. Bonn, „Spaniens Niedergang während der Preisrevolution des XVI Jahrh". Stuttg. 1896; Häbler, „Die wirtschaftliche Blüte Spaniens im 16 Jahrh. und ihr Verfall." Berl. 1887 (Deutsche Zeitschr. f. Geschichtswiss., XI). Для поправленія финансовъ правительство прибѣгало лишь къ фискальнымъ мѣрамъ, къ произвольному пониженію % по государственному долгу или къ увеличенію и безъ того уже тяжкихъ налоговъ, изъ которыхъ наиболѣе употребительнымъ и вмѣстѣ наиболѣе пагубнымъ по своему вліянію на торговлю и промышленность была такъ назыв. алькавала, т.-е. пошлина въ 10% стоимости со всякаго продаваемаго или обмѣниваемаго предмета. А если ко всему этому прибавить вмѣшательство Филиппа II въ дѣла чуть не всей Западной Европы, что требовало страшнаго напряженія силъ страны, презрѣніе гордыхъ испанскихъ гидальго къ мирному труду и промышленнымъ занятіямъ, непомѣрное количество монастырей, служившихъ пріютомъ для цѣлыхъ тысячъ монаховъ, а еще болѣе монахинь, ужасы инквизиціи и ауто-да-фе, всеобщій застой, подавленность всякаго умственнаго движенія и невѣжество суевѣрной массы, неспособность и даже наслѣдственный психозъ послѣднихъ Габсбурговъ на испанскомъ тронѣ,—то и будетъ понятно, какимъ образомъ эта нѣкогда могущественная Испанія уже въ XVII ст. нисходитъ въ рядъ второстепенныхъ державъ. Б.

основанiи большею частью еще неизданнаго архивнаго матерiала „Исторiю Тридцатилѣтней войны“ („Geschichte des 30-jährigen Krieges“; на нѣм. яз.), въ высшей степени подробную, которая за его смертью осталась неоконченною; вышедшiе при жизни автора 4 объемистыхъ тома касаются только перваго перiода Тридцатилѣтней войны, и, напр., исторiи чешскаго возстанiя 1618 г. посвящено цѣлыхъ 3 т. (1869—1878; въ 1880 г. вышелъ 4-й т.: „Die Strafdecrete Ferdinands II und der pfälzische Krieg“); главы изъ V т. изданы Hirn'омъ на основанiи оставшихся бумагъ Гиндели („Beiträge zur Gesch. d. 30-jährigen Krieges“, hrsg. von Hirn, въ Archiv für oester. Geschichte“, B. 89. 1901). По Гиндели написалъ и сокращенную, общую „Исторiю Тридцатилѣтней войны“ до самаго Вестфальскаго мира, въ 3 небольшихъ томикахъ (1882 — 1883; тоже на нѣм. яз., входитъ въ составъ популярнаго изданiя: „Das Wissen der Gegenwart“: о ней см. ст. въ „Русск. Вѣстн.“ за 1882); ему-же принадлежитъ нѣсколько монографiй, касающихся той-же эпохи („Rudolph II und seine Zeit“. 2 Bde. 1868; „Geschichte der Ertheilung des böhmischen Majestätsbriefes“. 1858; „Gesch. der Gegenreformation in Böhmen“, hrsg. von Tupetz. Leipz. 1894: о Валленштейнѣ см. ниже).—Другiе труды по исторiи Тридцатилѣтней войны, не говоря уже о Шиллерѣ: Richter, „Geschichte des 30-jährigen Kriegs“. 5 Bde. 1840—58; Barthold, „Geschichte des grossen deutschen Krieges vom Tode Gustav Adolfs ab“. 2 Th. 1842—43; Moriz Ritter, „Deutsche Geschichte im Zeitalter der Gegenreformation und des 30-jährigen Krieges“ (въ „Bibl. deutsch. Gesch.“) и его-же: „Geschichte d. deutschen Union von den Vorbereitungen des Bundes bis zum Tode Kaiser Rudolfs II“, 2 Bde 1868—73; G. Droysen, „Das Zeitalter des 30-jährigen Krieges“. 1888 (въ коллекцiи Онкена); его-же: „Gustav Adolf“. 2 Bde. 1869 — 1870, и „Bernhard von Weimar“. 2 Bde. 1885; Huber, „Gesch. Oesterreichs“, т. 5-й, 1896 (въ кол. „Gesch. d. europ. Staaten“): Gust. Wolf, „Deutsche Gesch. im Zeitalter d. Gegenreformation“ (т. 1-й. 1899, доводитъ изложенiе пока только до Аугсбургскаго мира); Gardiner, „The thirty years war“. 1874; Charveriat, „Histoire de la Guerre de Trente ans“. 2 v. 1880. Затѣмъ, имѣется немало отдѣльныхъ монографiй и бiографiй, кромѣ уже названныхъ; таковы: Stieve, „Der Ursprung des 30-jährigen Krieges 1607—1619. I Buch. Der Kampf um Donauwörth...“ (1875); Bezold, „Kaiser Rudolph II und die heilige Liga“ („Abhandl. d. bair. Akad. der Wissensch.“, III. 1883); Gfrörer, „Geschichte Gustav Adolfs und seiner Zeit“. 1837; Stevens, „History of Gustavus-Adolphus“. 1884; Hurter, „Geschichte Kaiser Ferdinands II“. 11 Bde. 1850—64; Koch, „Geschichte des deutschen Reiches unter der Regierung Ferdin. III“. 2 Bde. 1865 и сл.; Wittich, „Magdeburg, Gustav Adolf und Tilly“. 1874. А по вопросу о Валленштейнѣ существуетъ цѣлая—и при томъ очень богатая—литература, о которой см. ниже.

Что же касается исторiи протестантизма въ Австрiи и исторiи промежуточной эпохи отъ Аугсбургскаго религiознаго мира до начала Тридцатилѣтней войны, т.-е. главнымъ образомъ царствованiи Фердинанда I и Максимильяна II, то тутъ можно назвать: Ranke, „Zur deutschen Geschicht . Vom Religionsfrieden bis zum 30-jährigen Kriege“. 1874 (2-te Aufl.); Buchholtz, „Geschichte der Regierung Ferdinands I“. 9 Bde. 1831 — 38; Koch, „Quellen zur Geschichte Maxim. II“. 2 Bde. 1858—61; Maurenbrecher, „Kaiser Maximilian II und die deutsche Reformation“ (въ „Histor. Zeitschrift“, 7-й т., 1862, и 16-й т., за 1874): Holtzmann, „Kaiser Maximilian II bis zu seiner Thronbesteigung 1527—1564)“. Berl. 1903; Loesche, „Geschichte des Protestantismus in Oesterreich. Tübingen-Leipz. 1902; Loserth, „Gesch. d. Reformation und Gegenreformation in den innerösterreichischen Ländern im XVI Jahrh.“ B.

[Итакъ, въ то время, какъ претестантизмъ распространялся въ Западной Европѣ, католическая церковь успѣла въ свою очередь обновиться и напрягла свои силы для удержанія за собой странъ, еще не объятыхъ новымъ ученіемъ, и для возвращенія утраченнаго]. Намъ остается теперь изложить послѣднюю и самую ожесточенную борьбу двухъ религіозныхъ партій въ Тридцатилѣтней войнѣ.

Германія послѣ Аугсбургскаго мира и отреченія Карла V.

По отреченіи Карла V (1555 г.) [1]) преемниками его въ имперіи были: братъ его Фердинандъ I (до 1564 г.), далѣе сынъ Фердинанда Максимиліанъ II (до 1576 г.), потомъ Рудольфъ II (до 1612 г.), а затѣмъ Матѳій (до 1619 г.). Въ концѣ правленія Матѳія (1618) и загорѣлась Тридцатилѣтняя война. Ходъ внутреннихъ отношеній въ Германіи при этихъ императорахъ намъ слѣдуетъ обозрѣть предварительно.

Печальный исходъ правленія Карла V въ сущности былъ побѣдою германскаго княжевластія, т.-е. политическаго партикуляризма. Отсюда — слабость имперіи, сила которой, сосредоточенная прежде въ мощныхъ рукахъ Карла V, теперь раздробилась на множество мелкихъ политическихъ сферъ. И это въ виду усилившихся сосѣдей—именно Швеціи на сѣверѣ и Франціи—на западѣ, тѣмъ болѣе, что со временъ Густава Адольфа Шведскаго и Генриха IV Французскаго средства этихъ государствъ сосредоточиваются и крѣпнутъ въ развившейся тамъ абсолютной монархіи. Поэтому въ войнахъ съ названными государствами имперія терпѣла постоянныя потери: Швеціи она должна была уступить Остзейскій край, а Франціи—Бургундію и часть Лотарингіи съ Мецомъ, Тулемъ и Вердюномъ. Къ этимъ причинамъ политическаго безсилія присоединились религіозныя несогласія.

Аугсбургскій миръ во многихъ отношеніяхъ не удовлетворялъ протестантовъ. Во-первыхъ, право терпимости предоставлено было только лютеранамъ, но не кальвинистамъ и другимъ реформированнымъ, а право реформаціи только князьямъ, но не ихъ подданнымъ, и во-вторыхъ, распространенію протестантизма положены были большія затрудненія въ силу такъ называемаго reservatum ecclesiasticum. Всѣ эти причины постоянно подавали протестантамъ поводъ къ раздраженію и ропоту, а если взять во вниманіе, что вокругъ у сосѣдей горѣла ожесточенная борьба религіозныхъ

---

[1]) Окончательно и формально императорскій престолъ перешелъ къ Фердинанду послѣ 2-лѣтнихъ переговоровъ, лишь въ 1558 г. Б.

партій, что въ Нидерландахъ протестанты отчаянно боролись съ владычествомъ Испаніи, что въ Англіи шла борьба Елизаветы съ Маріею Стюартъ, во Франціи—гугенотовъ съ Гизами и католиками,—что всѣ эти событія обнаруживали вліяніе на Германію и волновали умы;—то станетъ понятно, почему достаточно было незначительнаго повода для того, чтобы и тутъ между враждебными партіями загорѣлась открытая борьба. Борьба эта началась съ 1618 г. и съ необыкновеннымъ ожесточеніемъ продолжалась цѣлыя 30 лѣтъ.

Непосредственный преемникъ Карла V, Фердинандъ I, наученный его печальнымъ примѣромъ, отличался необыкновенною терпимостью въ вопросахъ вѣры, а Максимильянъ II до того былъ либераленъ въ этомъ отношеніи, что католики считали его тайнымъ протестантомъ. Поэтому въ правленіе этихъ двухъ императоровъ протестантизмъ сталъ дѣлать быстрые успѣхи не только въ сѣверной Германіи, гдѣ онъ утвердился еще при Карлѣ V, но и въ южной, и даже въ наслѣдственныхъ Габсбургскихъ земляхъ—въ Австріи, Чехіи, Венгріи, Моравіи, Силезіи, Штиріи, Каринтіи и др. Начало правленія Рудольфа II тоже было благопріятно для протестантовъ. Это былъ полупомѣшанный, вялый, безхарактерный и своенравный человѣкъ, исключительно преданный различнымъ тайнымъ наукамъ, жившій въ своей любимой резиденціи—Прагѣ и мало думавшій о дѣлахъ имперіи. И такъ какъ положеніе этихъ дѣлъ было очень трудное, то германскіе чины въ виду бездѣятельности Рудольфа назначили для управленія имперіей брата его Матѳія. Тогда Рудольфъ, чтобы удержать за собою по крайней мѣрѣ свои наслѣдственныя земли, далъ чехамъ (1609 г.) извѣстную „Грамоту Величества", по которой между прочимъ и протестантамъ предоставлена была полная свобода вѣроисповѣданія съ правомъ строить церкви, заводить училища и имѣть свои синоды; мало того, чешскія сословія получили право избирать особыхъ сановниковъ, такъ назыв. дефенсоровъ, которые, въ случаѣ нарушенія дарованныхъ привилегій, могли призвать народъ къ оружію даже противъ императора [1]). Религіозныя несогласія эти еще болѣе, разумѣется, усиливались національнымъ партикуляризмомъ различныхъ частей Габсбургской монархіи. Австрія расклеивалась. Тогда для спасенія расшатавшагося государства Габсбургскіе эрцъ-герцоги, въ виду положительной неспособности

Рудольфъ II.

[1]) По исторіи реформаціи въ Чехіи см. между проч.—Loserth, „Der Communismus d. mährischen Wiedertäufer im XVI und XVII Jahrh". Leipz. 1894; Winter, „Život cirkevni v Cechach. Kulturnehistor. obraz z XV a XVI stol." 1895—96. 2 т.; по общей исторіи Чехіи Bachmann, „Gesch. Böhmens", Gotha. 1899 (въ кол. „Gesch. d. europ. Staaten"), Моравіи—Bretholz, „Gesch. Mährens." Brünn. 1893 сл. Б.

Рудольфа, назначили ему опекуномъ, даже и по управленію наслѣдственными Габсбургскими землями, того-же Матѳія, который, возбудивъ противъ императора чеховъ, моравовъ и силезцевъ, сталъ отнимать у него одну за другой всѣ его короны. Оставленный всѣми Рудольфъ умеръ въ 1612 г., а Матѳій (1612—1619) формально занялъ его мѣсто.

Между тѣмъ въ виду быстрыхъ успѣховъ протестантизма стала собираться съ силами и католическая реакція, тѣмъ болѣе, что дѣятельность іезуитовъ начала приносить плоды и въ Германіи. Между самими германскими князьями явились ихъ воспитанники, воодушевленные фанатическою ревностью къ интересамъ старой церкви. Таковы были—Максъ Баварскій и Фердинандъ Штирійскій, которые насильственными мѣрами, конфискаціями, изгнаніемъ, драгонадами не только искоренили протестантизмъ въ своихъ владѣніяхъ, но стали посягать на религіозную свободу протестантовъ и въ другихъ областяхъ имперіи. Такъ (въ 1606—1607 г.) Максъ Баварскій стѣснилъ швабскій городъ Донаувертъ и началъ силою обращать его въ католичество. Такія насилія заставили наконецъ протестантскихъ князей южной Германіи въ 1608 г. составить „унію", т.-е. вооруженный союзъ для защиты своей религіи. Фридрихъ Пфальцскій, затѣмъ герцогъ вюртембергскій и маркграфъ нейбургскій были главными его членами. Въ отвѣтъ на этотъ союзъ католическіе князья того-же края—Максъ Баварскій, Фердинандъ Штирійскій и другіе—образовали тоже союзъ—„лигу" (1609). Такимъ образомъ уже въ это время Германія раздѣлилась на два враждебныхъ лагеря, стоявшихъ другъ противъ друга съ оружіемъ въ рукахъ. Но даже и въ виду такихъ затрудненій неспособный Рудольфъ продолжалъ бездѣйствовать, что и облегчило для Матѳія достиженіе его цѣлей.

Католическая реакція въ Германіи.

Унія и лига

Но и самъ Матѳій, занявшій, какъ мы видѣли, мѣсто Рудольфа какъ въ имперіи, такъ и въ наслѣдственныхъ Габсбургскихъ земляхъ, тоже былъ неспособенъ справиться съ затруднительными обстоятельствами времени и даже съ мятежомъ, имъ самимъ возбужденнымъ противъ брата. Поэтому эрцъ-герцоги для спасенія Габсбургскаго дома назначили и Матѳію опекуна, въ лицѣ способнѣйшаго изъ своей среды, Фердинанда Штирійскаго, тотчасъ-же принявшаго противъ протестантовъ мѣры, которыя онъ практиковалъ уже въ своихъ собственныхъ земляхъ. Началось съ того, что Фердинандъ, нарушивъ чешскую „Грамоту Величества", сталъ закрывать протестантскія церкви, что и возбудило въ странѣ, и особенно въ Прагѣ, открытое возстаніе, во главѣ котораго явился одинъ

Матѳій.

Фердинандъ и чешское возстаніе.

изъ дефенсоровъ—графъ Турнъ. Инсургенты напали на городской замокъ, въ которомъ жили намѣстники Фердинанда, Мартиница, Славата и Лобковицъ, и по старочешскому обычаю выкинули ихъ въ окно. Возстаніе это и было началомъ Тридцатилѣтней войны. Смута распространилась и на сосѣднія Габсбургскія земли—Венгрію, Моравію и Силезію.

Среди такихъ обстоятельствъ въ 1619 г. умеръ Матоій, и эрцъ-герцоги согласились предоставить преемство на императорскомъ престолѣ Фердинанду Штирійскому. Дѣйствительно, это былъ человѣкъ замѣчательный. Особенныхъ дарованій и творческаго генія въ немъ, правда, не было, но онъ отличался настойчивою силою воли и имѣлъ много мужества. Воспитанный іезуитами, онъ проникнутъ былъ такою преданностью католической церкви, которая доходила до фанатизма. Выраженіемъ этого настроенія можетъ служить его извѣстное восклицаніе, что онъ готовъ скорѣе идти по-міру и просить милостыню, чѣмъ терпѣть ересь. Насильственными мѣрами ему удалось истребить протестантизмъ въ своихъ наслѣдственныхъ земляхъ; теперь онъ готовъ былъ распространить эти мѣры и на всю Германію.

Разумѣется, избраніе такого человѣка въ императоры возбудило ужасъ во всѣхъ германскихъ протестантскихъ земляхъ: чехи, моравы, силезцы и слышать не хотѣли о признаніи Фердинанда своимъ королемъ, а чехи по смерти Матоія предложили корону св. Вячеслава Фридриху Пфальцскому [1]), руководясь тѣмъ разсчетомъ, что Фридрихъ состоялъ въ близкомъ родствѣ съ англійскимъ королемъ Іаковомъ I и считался главою уніи, а слѣдовательно могъ доставить имъ содѣйствіе всего протестантскаго союза, можетъ быть даже Англіи и Голландіи. Но этотъ разсчетъ оказался ошибочнымъ, а самъ Фридрихъ неспособнымъ къ энергической дѣятельности. Въ санѣ чешскаго короля онъ могъ удержаться только одну зиму, съ 1619 на 1620 г., и потому названъ былъ „зимнимъ королемъ". Ни помощи, ни даже содѣйствія уніи ему не удалось добиться. Но и Фердинандъ былъ тоже безоруженъ; чтобы бороться съ возстаніемъ, ему пришлось обратиться съ просьбою о помощи къ лигѣ, именно ко главѣ ея—Максу Баварскому, который обѣщалъ ему ее не иначе, какъ за Австрію, отданную ему въ залогъ. На этихъ условіяхъ Максъ, дѣйствительно, выставилъ для Фердинанда наемное войско въ 20.000 подъ предводительствомъ Тилли. Войско это въ 1620 г. двинулось къ

Бѣлогорская битва и ея послѣдствія.

[1]) M. Ritter, „Die Pfälzische Politik und die böhmische Königswahl 1619" („Histor. Zeitschr.", N. F. 43 B., 1897). B.

Прагѣ и застало Фридриха въ-расплохъ. Наскоро собранная чешская армія выступила на-встрѣчу непріятелю, но на Бѣлой горѣ была имъ совершенно разбита (8 ноября 1620 г.). Роковая битва эта повлекла за собою самыя печальныя послѣдствія для чешской народности и чешскаго протестантизма. Чехія сдѣлалась завоеванной страной, и о прежнихъ льготахъ и хотя нѣкоторой автономіи нечего было и думать [1]). Зимній король бѣжалъ изъ Праги. Побѣдитель же перенесъ войну въ его собственныя владѣнія, Пфальцъ, и страшно опустошилъ ихъ. Родственники Фридриха, Христіанъ Ангальтскій и графъ Мансфельдъ, взялись было защищать его дѣло, но не могли устоять противъ опытности и превосходства силъ Тилли. Унія распалась, и протестантизмъ въ Германіи остался беззащитнымъ.

Но въ эту тяжелую минуту, какъ въ самой Германіи, такъ и въ Европѣ произошелъ поворотъ общественнаго мнѣнія въ пользу Фридриха и протестантовъ, такъ какъ успѣхи католической реакціи возбудили серьезное опасеніе во всѣхъ протестантскихъ земляхъ, тѣмъ болѣе, что гоненія на протестантовъ въ Чехіи, Моравіи и другихъ Габсбургскихъ владѣніяхъ велись теперь съ неслыханною жестокостью. Около 30 тысячъ чешскихъ семействъ было изгнано изъ страны, въ томъ числѣ 5 тысячъ дворянскихъ родовъ; имущества же изгнанниковъ конфискованы. Преслѣдованія простирались до того, что напр. больныхъ протестантовъ не принимали въ госпитали; запрещено было имъ заниматься ремеслами; даже браки ихъ признавались правительствомъ незаконными. Вмѣстѣ съ тѣмъ пала и политическая самостоятельность края; началась его насильственная германизація; Грамота Величества разорвана собственными руками Фердинанда. Въ какой степени Чехія пострадала отъ этихъ ужасовъ, видно изъ того, что изъ прежнихъ 4 мил. населенія послѣ войны едва осталось 800 тысячъ. Многія мѣста, опустошенныя въ то время, даже и теперь не представляютъ прежняго благоденствія. Въ виду такого торжества реакціи, грозившей конечнымъ истребленіемъ протестантизма во всей странѣ, протестантскіе князья — курфюстъ саксонскій и курфюрстъ бранденбургскій — опять увидѣли себя въ необходимости организовать новый вооруженный союзъ для защиты своей независимости и вѣры.

Датская война.

Изъ сосѣднихъ протестантскихъ государей король Христіанъ IV

[1]) Denis, „Fin de l'indépendance bohême. I. Georges de Podiébrad, les Jagellons. II. Les premiers Habsburgs, la défénestration de Prague". 1890; его-же, „La Bohême depuis la Montagne Blanche". P. 1903, 2 v.; на русск. яз. есть ст. Лавровскаго „Паденіе Чехіи въ XVII в." („Ж. М. Нар. Пр.". ч. CXVIII). Б.

Датскій прежде всѣхъ вступился въ это дѣло, во-первыхъ, какъ нѣмецкій князь, владѣвшій въ Германіи Шлезвигомъ и Гольштейномъ, а затѣмъ, какъ протестантъ, которому успѣхи католической реакціи могли угрожать въ его собственныхъ земляхъ. Христіанъ взялъ на себя веденіе войны, англичане же и голландцы обязались поддерживать его денежными субсидіями.

Эта датская война, начавшаяся съ 1625 г., важна была для Фердинанда въ томъ отношеніи, что она освободила его отъ зависимости, въ которой онъ до тѣхъ поръ находился отъ лиги. До сихъ поръ борьбу съ своими врагами императоръ велъ силами лиги, полководецъ которой Тилли полновластно распоряжался въ Германіи. Теперь Фердинанду удалось выставить собственныя войска, благодаря содѣйствію знаменитаго кондотьера эпохи — **Альбрехта Валленштейна**[1].

Альбрехтъ Валленштейнъ.

Родъ Валленштейна принадлежалъ не къ магнатству, а къ среднему чешско-нѣмецкому дворянству. Родители его были протестанты, но, по особеннымъ случайностямъ его дѣтства, онъ воспитанъ былъ въ одной изъ іезуитскихъ коллегій, откуда противъ обыкновенія онъ не вышелъ ревностнымъ католикомъ. На военномъ поприщѣ Валленштейнъ отличился въ первый разъ на службѣ у Фердинанда Штирійскаго, въ войнѣ его съ Венеціею, гдѣ онъ могъ уже сформировать собственный полкъ, а удачною женитьбою онъ съумѣлъ составить себѣ богатое состояніе, увеличенное имъ особенно во время конфискацій и публичныхъ продажъ имѣній изгнанныхъ чешскихъ протестантовъ: до 60 большихъ помѣстій скупилъ Валленштейнъ этимъ путемъ за сравнительно ничтожную цѣну (7 мил. гульд.). Благодарный Фердинандъ тоже вознаградилъ его за его службу Фридландскимъ герцогствомъ. Съ такимъ чисто королевскимъ состояніемъ Валленштейнъ могъ формировать цѣлыя арміи.

Что касается личнаго характера Валленштейна, то это былъ истый кондотьеръ — отважный, грубый, заносчивый, боготворимый солдатами. Человѣкъ этотъ не имѣлъ никакихъ чувствъ и убѣжденій, и въ своей жизни руководился однимъ только голымъ интересомъ. Изъ выгоды служилъ онъ дѣлу Габсбургской фамиліи и католической церкви, оставаясь въ душѣ равнодушнымъ къ тому и другому. Какъ человѣкъ безъ внутренней, искренней вѣры, Вал-

[1]) Такова болѣе распространенная форма; но въ послѣднее время нѣкоторые изслѣдователи предпочитаютъ употреблять форму: „Вальдштейнъ“; такъ подписывался и онъ самъ, хотя еще въ XVII ст. его фамилія писалась и произносилась различно: то Валленштейнъ, то Вальдштейнъ, то Вальденштейнъ и т. д. Б.

ленштейнъ преданъ былъ суевѣрію, склоненъ къ мистицизму, вѣрилъ въ тайныя знанія, любилъ темные пути, загадочныя рѣчи и, какъ азартный игрокъ, часто ставилъ на карту все. Какъ всѣ выскочки, къ установившимся порядкамъ въ государствѣ и церкви относился онъ презрительно, смѣялся надъ князьями и презиралъ духовенство.

Тогдашнія наемныя арміи не отличались ни патріотизмомъ, ни чувствомъ чести и ленной вѣрности; Валленштейнъ однако умѣлъ и этому сброду дать моральныя основы, создавъ для него культъ въ своей собственной особѣ. Во время датской войны Фердинанду II онъ самъ предложилъ свои услуги и, набравъ для него 50 тысячъ войска, выступилъ съ нимъ въ сѣверную Германію противъ датчанъ и Мансфельда. Хотя Валленштейнъ дѣйствовалъ здѣсь вмѣстѣ съ Тилли, но на каждомъ шагу старался затмить его и унизить.

Что касается Христіана IV, то Валленштейнъ разбилъ его войско у Люттера (при Баренбергѣ), отбросивъ его далеко на сѣверъ, а Мансфельда — при Дессау, послѣ чего сталъ самовластно распоряжаться въ сѣверной Германіи, — изгналъ Мекленбургскихъ герцоговъ изъ ихъ владѣній и занялъ Померанію. Императоръ въ награду за эти услуги долженъ былъ обѣщать ему Мекленбургъ.

Теперь для полнаго обладанія этою частью Германіи ему недоставало только Стральзунда. Валленштейнъ рѣшился осадить и этотъ сильно укрѣпленный городъ, но Стральзундъ, поддерживаемый Даніей и Швеціей, защищался отчаянно, и Валленштейнъ не могъ взять его. Эта неудача заставила его содѣйствовать заключенію мира съ Даніею, который и подписанъ былъ въ 1629 г. въ Любекѣ. По этому трактату Данія отказалась отъ войны, не потерявъ ничего изъ своихъ владѣній въ Германіи.

«Реституціонный эдиктъ».

Тѣмъ не менѣе протестантизмъ остался теперь, повидимому, совершенно беззащитнымъ, такъ какъ послѣднія силы, выставленныя для его обороны, были уничтожены. Іезуиты и лига воспользовались этою минутою, чтобы посовѣтовать императору чрезвычайно необдуманную мѣру, такъ называемый „реституціонный эдиктъ“ 1629 г. [1]). Со стороны императора это была большая политическая ошибка. Дѣло состояло въ томъ, чтобы возвратить

[1]) Объ этомъ эдиктѣ спеціальныя работы — Tupetz, „Der Streit um die geistlichen Güter und das Restitutionsedict (1629)“. Wien. 1883 (изъ „Sitzungsberichte d. phil. histor. Kl. d. Kais. Akad. d. Wissensch“); M. Ritter, „Der Ursprung des Restitutionsediktes“ („Hist. Zeitschr.“, 76 B., 1895) B.

католической церкви всѣ ея земли и владѣнія, которыя протестанты успѣли захватить со времени Пассаусскаго перемирія, т.-е. съ 1552 г. Сдѣлавъ такой рѣшительный шагъ по пути реакціи, императоръ не сообразилъ, что это значитъ производить цѣлую революцію, что сотни тысячъ крестьянскихъ семействъ будутъ пущены по-міру и что реституція неизбѣжно возбудитъ отчаянное сопротивленіе во всей имперіи. И дѣйствительно, для спасенія своей жизни и имущества протестантамъ оставалось теперь бороться до конца и хвататься за всякую постороннюю помощь шведовъ и французовъ.

Отставка [illegible]

Въ то время, какъ поднялось волненіе, возбужденное эдиктомъ, и въ кругу католиковъ, между самими католическими князьями, все болѣе и болѣе усиливалось негодованіе на самоуправство и насилія Валленштейна. Утвердившись въ Померанія и Мекленбургѣ, онъ сталъ господствовать надъ всѣмъ балтійскимъ прибрежьемъ, все далѣе и далѣе раздвигая свои химерическіе планы и принявъ вызывающій и странный титулъ „генерала Балтійскаго моря и океана", въ которомъ какъ-бы слышалась угроза не только всѣмъ прибалтійскимъ владѣтелямъ Германіи, но и всѣмъ иностраннымъ державамъ, имѣвшимъ у этого моря свои области [1]); высокомѣрное же обращеніе его съ владѣтельными князьями и полное презрѣніе къ ихъ историческимъ правамъ еще болѣе усиливали общественное раздраженіе. Гордый авантюристъ какъ-бы явно стремился къ уничтоженію германскаго княжевластія, обнаруживая при этомъ полнѣйшее равнодушіе и къ интересамъ церкви. Все это повело къ тому, что на Регенсбургскомъ съѣздѣ князья по предложенію курфюрста баварскаго потребовали удаленія этого диктатора [2]). Германскій императоръ не посмѣлъ противиться общественному желанію и опереться исключительно на такого человѣка, какъ Валленштейнъ; онъ далъ ему отставку, и это въ то самое время, когда въ странѣ кипѣло броженіе, вызванное „возстановительнымъ эдиктомъ", а на сѣверныхъ берегахъ ея высадился со своимъ побѣдоноснымъ войскомъ шведскій король Густавъ Адольфъ!

Густавъ Адольфъ былъ сынъ Карла IX, все правленіе ко-

---

[1]) По исторіи Балтійскаго вопроса важенъ трудъ Г. В. Форстена, „Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII ст." Спб. 1893—4, 2 т., имѣющій отношеніе и къ исторіи Тридцатилѣтней войны. Г. В. Форстенъ издалъ „Акты и письма къ исторіи Балтійскаго вопроса въ XVI и XVII ст." Спб. 1889. Б.

[2]) Кромѣ указанныхъ въ текстѣ мотивовъ, князьями тутъ руководила также боязнь усиленія императорской власти. — Немалую роль сыграла въ то время французская дипломатія: см. Fagnier, „Le P. Joseph et Richelieu" P. 1893. Б.

тораго протекло въ войнахъ съ Даніею, Германіею и Польшею за обладаніе берегами Балтійскаго моря. Къ 1620 г. всѣ эти берега были уже во власти шведовъ; но пока Померанія и Мекленбургъ находились въ рукахъ Валленштейна, шведское владычество на этомъ морѣ не могло считаться обезпеченнымъ. Вотъ главная причина, заставившая Густава Адольфа принять участіе въ Тридцатилѣтней войнѣ, тѣмъ болѣе, что загадочный планъ Валленштейна, въ концѣ концовъ клонившійся къ обладанію Балтійскимъ моремъ, грозилъ прямо интересамъ Швеціи и всему ея политическому значенію. Кромѣ этой причины, шведскій король выступалъ на защиту протестантизма, подавленіе котораго въ Германіи могло отразиться и на его собственной землѣ. Не даромъ-же Фердинандъ II велъ уже переговоры съ Сигизмундомъ Польскимъ, происходившимъ изъ другой линіи дома Вазы, царствовавшей въ Швеціи, — переговоры о томъ, чтобы, устранивъ Густава Адольфа, соединить шведскую корону съ польскою въ лицѣ Сигизмунда, а затѣмъ возстановить въ Швеціи католицизмъ. Густавъ Адольфъ

И такъ, въ 1630 г., какъ разъ въ столѣтнюю годовщину Аугсбургскаго исповѣданія, Густавъ Адольфъ высадился съ своимъ войскомъ на померанскомъ берегу. Со стороны шведскаго короля это былъ весьма рискованный шагъ. Предпринялъ онъ эту войну вопреки желаніямъ шведскихъ сословій, а побѣжденныя передъ тѣмъ Швеціей Данія и Польша зорко слѣдили за каждымъ движеніемъ смѣлаго полководца, въ надеждѣ воспользоваться первою его неудачею, чтобы напасть на его собственныя владѣнія. Наконецъ, и въ самой Германіи пока еще не было у шведовъ ни одного союзника, ихъ надо было еще пріобрѣтать или, правильнѣе, завоевать, такъ какъ даже протестантскіе князья держали себя сначала чрезвычайно уклончиво, а сильнѣйшіе изъ нихъ, курфюрсты саксонскій и бранденбургскій, ограничились вооруженнымъ нейтралитетомъ. Но за-то Густавъ Адольфъ — лучшій полководецъ вѣка — самъ стоялъ во главѣ побѣдоносной арміи, первой въ тогдашней Европѣ, какъ по устройству и дисциплинѣ, такъ и по рыцарскому духу, которымъ она была проникнута, — арміи не наемной, а національной, одушевленной патріотическимъ чувствомъ и безграничною преданностью своему вождю и дѣлу протестантизма.

Осторожно и медленно, очистивъ Померанію и Мекленбургъ отъ отрядовъ Валленштейна и упрочивъ за шведскою короною обладаніе первой изъ этихъ областей договоромъ съ тогдашнимъ бездѣтнымъ герцогомъ Помераніи, Богуславомъ, Густавъ Адольфъ

принудилъ, наконецъ, и протестантскихъ князей открыто принять его сторону, чему способствовало особенно взятіе Тилли саксонскаго города Магдебурга; а съ Франціею Густавъ Адольфъ заключилъ дружественный трактатъ въ Бервальдѣ (1631), по которому Ришелье обязался выдавать ему денежныя субсидіи. И только обезпечивъ себя такимъ образомъ, двинулись шведы далѣе въ Саксонію и, встрѣтивъ здѣсь Тилли подъ Лейпцигомъ, разбили его на-голову (при Брейтенфельдѣ), чѣмъ и уничтожены были единственныя вооруженныя силы, оставшіяся еще у императора и католической лиги. Поразивъ эти силы, Густавъ Адольфъ могъ бы теперь прямо идти на беззащитную Вѣну съ тѣмъ, чтобы предписать Фердинанду условія мира въ самой его столицѣ; но онъ предоставилъ это движеніе саксонцамъ, которые и вторгнулись въ Чехію, а самъ двинулся въ южную Германію, руководясь тою мыслью, что, во-первыхъ, это поставитъ колебавшагося саксонскаго курфюрста въ непримиримое отношеніе къ императору, и, во-вторыхъ, что ему самому достанется на долю блестящая роль освободителя подавленнаго протестантизма южной Германіи. Дѣйствительно, угнетенное населеніе Вюртемберга, Бадена, Пфальца встрѣтило его съ восторгомъ, какъ своего избавителя, такъ-что походъ его по Франконіи и Швабіи уподоблялся тріумфальному шествію. Вся южная Германія готова была привѣтствовать въ немъ своего императора, и честолюбивые планы зарождались въ головѣ шведскаго короля. Поразивъ еще разъ остатки арміи Тилли на Лехѣ, Густавъ нагрянулъ на самое гнѣздилище католической реакціи—на Баварію, и покорилъ ее. Очередь дошла теперь до наслѣдственныхъ Габсбургскихъ земель.

Вторичное командованіе Валленштейна.

Въ виду такихъ успѣховъ чужеземнаго завоевателя императоръ оставался беззащитнымъ, такъ какъ у него не было уже ни денегъ, ни войска. Въ эту критическую минуту одно средство могло еще спасти его—снова сблизиться съ Валленштейномъ, такъ какъ это былъ единственный человѣкъ, могшій еще поддержать его колеблющійся престолъ. Мстительный герцогъ Фридландскій долго отказывался отъ самыхъ лестныхъ предложеній, шедшихъ изъ Вѣны, когда же, наконецъ, уступилъ настоятельнымъ просьбамъ Фердинанда, то согласился выставить для него 50-тысячную армію, но только на самыхъ высокомѣрныхъ условіяхъ, подписанныхъ въ Цнаймѣ,—именно: во-первыхъ, Валленштейнъ есть генералиссимусъ, т.-е. верховный предводитель всѣхъ военныхъ силъ императора и испанскаго короля; во-вторыхъ, армія должна была зависѣть отъ него одного: ни императоръ, ни

эрцъ-герцоги не имѣютъ права вмѣшиваться въ его распоряженія; въ-третьихъ, конфискаціи и земельныя награды должны были зависѣть отъ него одного; въ-четвертыхъ, за свою службу онъ требовалъ одной изъ наслѣдственныхъ Габсбургскихъ земель, подразумѣвая Чехію, и какъ чрезвычайной награды, въ случаѣ важныхъ успѣховъ,—верховнаго леннаго господства надъ всѣми землями, какія будутъ покорены его оружіемъ [1]). Подобный договоръ самъ по себѣ былъ уже безсмыслицей, такъ какъ онъ равнялся отреченію императора отъ всѣхъ правъ своей верховной власти и потому уже былъ невыполнимъ. Тѣмъ не менѣе Вѣнскій дворъ долженъ былъ согласиться и на эти невозможныя условія.

После этого Валленштейнъ дѣйствительно сформировалъ 50-тысячное наемное войско и весною 1632 года открылъ кампанію очищеніемъ Чехіи отъ саксонцевъ, а затѣмъ двинулся во Франконію, гдѣ при Нюренбергѣ и произошла битва его со шведами, оставшаяся нерѣшенною, послѣ чего Валленштейнъ напалъ на самую Саксонію, надѣясь этимъ вызвать Густава Адольфа изъ южной Германіи. Это дѣйствительно и случилось, такъ какъ шведскій король не могъ оставить безъ помощи своего союзника. Онъ встрѣтился съ Валленштейномъ у Люцена, гдѣ два величайшіе полководца своего времени окончательно помѣрялись силами и геніемъ. Шведы одержали здѣсь рѣшительную побѣду, но за-то поплатились за нее дорого, лишившись въ битвѣ царственнаго вождя своего.

Смерть Густава Адольфа и начало новаго періода Тридцатилѣтней войны

Со смертью Густава Адольфа рушились и тѣ планы, которые онъ принесъ съ собою на театръ войны. Планы эти имѣли по преимуществу, такъ сказать, возстановительный характеръ: предполагалось уничтоженіе ненавистнаго „реституціоннаго эдикта“, возстановленіе изгнанныхъ князей въ ихъ прежнихъ владѣніяхъ, всеобщая амнистія, неограниченная свобода вѣроисповѣданія, изгнаніе іезуитовъ и, наконецъ, въ далекой перспективѣ, быть можетъ, пріобрѣтеніе императорской короны для самого Густава Адольфа. Впрочемъ, послѣдній планъ подлежитъ еще сомнѣнію. Все, что можно сказать съ достовѣрностью, — это то, что шведскій король мечталъ, по крайней мѣрѣ, о томъ, чтобы организовать изъ всѣхъ протестантскихъ владѣній Германіи постоянный союзъ, во главѣ котораго стояла бы Швеція.

Съ его смертью все это рушилось. До сихъ поръ шведовъ

---

[1]) Подлинный текстъ договора неизвѣстенъ, и можно думать, что, напр., послѣдняго условія въ немъ не содержалось; но если и такъ, то все-же договоръ этотъ предоставлялъ Валленштейну непомѣрную власть и колоссальное вліяніе. В.

принимали въ Германіи какъ освободителей, и по высокому религіозному воодушевленію, строгой дисциплинѣ и образцовому военному духу они вполнѣ этого заслуживали. Теперь все это разстроилось; генералы, принявшіе начальство надъ шведскими войсками,—Банеръ, Торстенсонъ, Врангель,—дѣйствовали не единодушно, а съ умысломъ затягивая войну, старались извлечь изъ нея для себя выгоды. Со смертью Густава Адольфа оканчивается такимъ образомъ, такъ сказать, героическій періодъ Тридцатилѣтней войны, и самая война, потерявъ всякій политическій и религіозный интересъ, превращается въ безсмысленную бойню, грабежъ и рѣзню, въ какую-то дикую свалку, въ которой подъконецъ никто уже не зналъ, гдѣ друзья и гдѣ враги.

Положеніе шведовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и властительное положеніе шведовъ, о которомъ мечталъ Густавъ Адольфъ и съ которымъ германская нація охотно мирилась, довѣряя безкорыстію рыцарственнаго короля, теперь сдѣлалось уже для нихъ невозможнымъ.

Положеніе нхъ въ Германіи все болѣе и болѣе становилось затруднительнымъ: все болѣе и болѣе теряли они свою прежнюю блестящую военную и политическую роль; вмѣстѣ съ тѣмъ въ ихъ арміи стало исчезать и то воодушевленіе и религіозный энтузіазмъ, который прежде привлекалъ къ нимъ всѣ симпатіи. Довѣріе самихъ протестантовъ, столь безграничное нѣкогда, значительно поколебалось. Напротивъ, въ германскихъ князьяхъ пробудились опасенія за свою независимось, за цѣлость своихъ владѣній, и шведскимъ генераламъ, принявшимъ команду надъ войскомъ по смерти короля, стоило теперь большихъ усилій склонить этихъ князей къ новому вооруженному союзу противъ императора. Союзъ этотъ только въ 1633 г. подписанъ былъ въ Гейльброннѣ. Со смертью Густава Адольфа рушилась тоже и та образцовая дисциплина, которою славились до тѣхъ поръ шведскія войска, и шведскіе солдаты превратились въ такихъ-же грабителей и разбойниковъ, какими были и наемники императорской арміи. Въ самомъ шведскомъ лагерѣ обнаружился раздоръ: одни стояли вмѣстѣ съ канцлеромъ Оксенштирною за миръ, другіе, съ Бернгардомъ Веймарскимъ во главѣ, желали продолжать войну. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ станетъ понятно, почему шведы не воспользовались своею побѣдою при Люценѣ и въ теченіе 1633 года не предпринимали никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій.

[illegible]

Но и положеніе императора было тоже незавидно; отношенія его къ Валленштейну все болѣе и болѣе становились запутанными и клонились къ полному разрыву, такъ какъ поведеніе герцога

Фридландскаго постоянно подавало поводъ къ недовѣрію и неудовольствію. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться замѣшательствомъ шведовъ по смерти ихъ вождя и короля, Валленштейнъ удалился въ Чехію и, поселившись въ Прагѣ, въ бездѣйствіи провелъ цѣлую зиму и весну 1633 года, не предпринимая ничего рѣшительнаго.

Живя въ Прагѣ, Валленштейнъ окружилъ себя какою-то таинственностью. Съ Саксоніею, Швеціей и Франціей черезъ вторыя и третьи руки сталъ онъ вести переговоры, тщательно скрывая ихъ отъ Вѣнскаго двора. Въ Вѣнѣ и Мюнхенѣ, конечно, смотрѣли на все это съ недовѣрчивостью, тѣмъ болѣе, что и самыя военныя дѣйствія Валленштейна отличались медлительностью и двусмысленностью. Такъ, хотя по порученію императора онъ и ходилъ въ Саксонію, но дѣйствовалъ тамъ уклончиво, два раза заключалъ перемиріе и, когда шведы напали на Баварію, то, не смотря на приказъ, присланный изъ Вѣны, не пошелъ ей на помощь. Очевидно, онъ задумалъ какіе-то планы и проводилъ ихъ вопреки желанію и даже безъ вѣдома императора. Планы эти, долго считавшіеся загадочными, теперь уже болѣе или менѣе выяснены; они состояли въ томъ, что, предвидя свое паденіе отъ интригъ лиги и іезуитовъ, Валленштейнъ желалъ вынудить у императора миръ на основаніи всеобщей амнистіи и полной религіозной терпимости. Затѣмъ, онъ желалъ уничтожить „реституціонный эдиктъ", возвратить изгнанныхъ князей въ ихъ владѣнія, обезсилить ненавистную ему Баварію, вознаградить Швецію на Балтійскомъ берегу уступкой Помераніи, а Францію—лѣвымъ берегомъ Рейна (Эльзасомъ). Наконецъ, Валленштейнъ имѣлъ въ виду для себя чешскую корону. Большая часть этихъ желаній, дѣйствительно, соотвѣтствовала тогдашнимъ потребностямъ Германіи. И до какой степени они были разумны, видно изъ того, что на Вестфальскомъ конгрессѣ всѣ они осуществились, исключая мечтательнаго плана о чешской коронѣ, да уничтоженія Баваріи. Но по отношенію къ императору, у котораго Валленштейнъ былъ на службѣ, это все-же было измѣной, и Фердинандъ считалъ себя въ-правѣ поступить съ Валленштейномъ, какъ съ измѣнникомъ. Въ Вѣнѣ рѣшили погубить его, но исполнить это было все-таки очень трудно. Къ счастью для Фердинанда, въ самой арміи было много завистниковъ и недовольныхъ генералиссимусомъ. Вѣнскому двору удалось въ кругу лицъ, близкихъ къ самому Валленштейну, составить заговоръ, жертвой котораго онъ и сдѣлался въ 1634 г. въ Эгерѣ [1]). Команду надъ войсками по повелѣнію Фердинанда

[1]) Былъ ли Валленштейнъ не болѣе, какъ непомѣрно-честолюбивый кондо-

принялъ опытный генералъ Галласъ, а номинально—юный римскій король Фердинандъ (сынъ императора).

Пражскій миръ.

Всѣ эти событія отразились, конечно, невыгодно на положеніи императорскаго войска и его дѣйствіяхъ, но когда прошли замѣ-

---

тьеръ, преслѣдовавшій однѣ узкія, эгоистическія цѣли? или-же это былъ въ то-же время и представитель извѣстныхъ идей, стремившійся къ цѣлямъ болѣе высокимъ и болѣе широкимъ, чѣмъ одно только собственное возвышеніе? Былъ-ли онъ дѣйствительно неблагодарнымъ измѣнникомъ по отношенію къ императору? или-же онъ самъ былъ жертвой клеветы своихъ недруговъ, подозрительности и неблагодарности Вѣнскаго двора? Если его переговоры съ шведами и протестантскими князьями и несомнѣнны, то не былъ-ли онъ вынужденъ къ этому силою вещей, дѣйствіями своихъ враговъ и самого-же императора и что именно имѣлъ онъ въ виду?—Вотъ вопросы, на которые еще въ XVII ст. отвѣчали различно и по поводу которыхъ даже при Вѣнскомъ дворѣ тотчасъ послѣ катастрофы въ Эгерѣ создалось два совершенно противоположныхъ мнѣнія. Не менѣе велико тутъ разногласіе и между новѣйшими учеными: не смотря на всѣ усилія, вопросъ о Валленштейнѣ еще не разрѣшенъ окончательно, и Гиндели, самъ не колеблясь становящійся въ ряды обвинителей, справедливо однако сравниваетъ трудъ надъ разъясненіемъ этого вопроса съ Сизифовой работой.

Еще въ 1811—1812 гг. въ „Вѣнскомъ военномъ журналѣ" („Wiener neue militärische Zeitschrift") обнародованъ былъ рядъ довольно важныхъ документовъ, относящихся къ Валленштейну. По особенно много сдѣлалъ для исторіи послѣдняго Förster, издавшій: „Wallensteins ungedruckte vertrauliche Briefe und amtliche Schreiben". 3 Bde. 1828—1829; „Wallenstein als Feldherr und Landesfürst in seinem öffentlichen und Privat-Leben". 1834; „Wallensteins Processz". 1844. Фёрстеръ—ревностный защитникъ Валленштейна. Наоборотъ, Aretin („Wallenstein, Beiträge zur Kenntnisz seines Characters, seiner Plane, seines Verh. zu Bayern". 1845), Hurter („Zur Geschichte Wallensteins". 1855; „Wallensteins vier letzte Lebensjahre". 1861), авторъ „Исторіи Иннокентія III" и панегиристъ Фердинанда II (см. назван. раньше, на стр. 194 соч.) отчасти Dudik („Waldstein von seiner Enthebung bis zur abermaligen Uebernahme des Armee-Obercommandos". 1858), который произвелъ также изслѣдованія въ шведскихъ архивахъ („Forschungen z. mährisch. Geschichte in Schweden") старались доказать его виновность. Личность знаменитаго императорскаго полководца привлекла къ себѣ вниманіе и Ранке, написавшаго въ 1869 г. особую монографію: „Geschichte Wallensteins", гдѣ дѣятельность и планы Валленштейна разсматриваются въ тѣсной связи съ тогдашнимъ обще-европейскимъ положеніемъ, среди борьбы какъ политическихъ, такъ и религіозныхъ интересовъ. Рядомъ съ эгоистическими и честолюбивыми замыслами герцога Фридландскаго Ранке отмѣчаетъ и болѣе высокія, такъ сказать идеальныя, стремленія его: Валленштейнъ является у него врагомъ крайней испанско-католической и іезуитской партіи, столь сильной при Вѣнскомъ дворѣ, борцомъ за вѣротерпимость и за равноправіе обоихъ исповѣданій: стремясь къ собственному возвышенію, онъ хотѣлъ въ то-же время удовлетворить протестантовъ и тѣмъ примирить ихъ съ Австріей; своимъ соглашеніемъ и съ шведами и съ протестантскими князьями онъ желалъ оказать давленіе на императора.

Въ 70-хъ и началѣ 80-хъ гг. преобладающимъ направленіемъ въ исторической наукѣ является стремленіе оправдать Валленштейна. (Schebeck [„Lösung der Wallensteinfrage", „Kinsky und Feuquières"] Hallwich [„Wallensteins Ende. Ungedruckte Briefe und Acten". 2 Bde. 1879; „Heinrich Matthias Thurn als Zeuge im Processz Wallenstein". 1883; „Gestalten aus Wallensteins Lager". 1885], обнародованіемъ неизвѣстнаго дотолѣ еще матеріала давшій новый толчекъ изслѣдованіямъ въ этой области; Bilek [„Dějiny konfiskací v Čechách po r. 1618". 1882; „Beiträge zur Geschichte Waldsteins". 1885]).

Но затѣмъ за защитниками Валленштейна снова выступаетъ рядъ его обвинителей, собравшихъ и новый важный матеріалъ для подкрѣпленія своего приговора: Hildebrand, въ стокгольмскомъ архивѣ нашедшій чрезвычайно важныя данныя, („Wallenstein und seine Verhandlungen mit den Schweden". 1885)—письма, ставящія внѣ сомнѣнія сношенія Валленштейна съ Густавомъ Адоль-

шательства, причиненныя Эгерской катастрофой, отличная организація, данная Валленштейномъ императорской арміи, все-же взяла свое, и войска эти одержали блестящую побѣду надъ шведами при Нердлингенѣ, гдѣ почти вся шведская армія была уничтожена. Послѣ этого германскій протестантизмъ опять остался безъ защиты. Воспользовавшись этою минутою, Фердинандъ II могъ теперь главныхъ протестантскихъ князей принудить къ заключенію мира въ Прагѣ (1635 г.). По этому договору курфюрстъ саксонскій и бранденбургскій выговорили только для своихъ подданныхъ религіозную терпимость, и то лишь для однихъ лютеранъ, а не для кальвинистовъ, а затѣмъ уничтожили реституціонный эдиктъ въ своихъ земляхъ, но за-то обязались въ дальнѣйшей войнѣ

фомъ еще въ 1631 г. и съ Оксенштирной въ 1633 г.; Gädeke („Wallenstein und seine Verhandlungen mit Schweden und Sachsen, 1631—1634". 1885) и Gindely, издавшій особый трудъ о Валленштейнѣ („Waldstein während seines ersten Generalats im Lichte der gleichzeitigen Quellen 1625—1630". 2 Bde. 1886; тутъ въ 1-й главѣ и обзоръ новѣйшей литературы о Валленштейнѣ; ср. его-же, „Waldstein's Vertrag mit dem Kaiser bei der Uebernahme des Zweiten Generalats". Prag, 1889 [изъ „Abhandl. d. königl. böhmischen Gesellschaft d. Wiss."]) и въ игнорированіи Валленштейномъ императорскихъ интересовъ въ его стремленіи къ собственному возвышенію видѣвшій не слѣдствіе созрѣвшаго лишь въ 1633 г. рѣшенія, а результатъ всей его предшествовавшей многолѣтней карьеры; по Гиндели, Валленштейнова измѣна 1633—1634 г. подготовлена уже была 1625—30 годами.

Собственно говоря, главнымъ свидѣтелемъ-современникомъ, уличавшимъ Валленштейна въ измѣнѣ, является Ярославъ Сезима Рашинъ, чешскій эмигрантъ, служившій посредникомъ въ переговорахъ между шведами и императорскимъ полководцемъ, а затѣмъ послѣ катастрофы въ Эгерѣ перешедшій изъ протестантизма въ католичество и снискавшій себѣ помилованіе цѣною сообщенія всего того, что извѣстно ему было о сношеніяхъ герцога Фридландскаго съ врагами имперіи (его показанія—въ изд. Dvorsky, „Historické doklady k zámerun Albrechta z Valdštyna". 1867); критическій разборъ свидѣтельства Рашина представляетъ статья Max'a Lenz'a (въ „Histor. Zeitschrift". 1888, 1-es и 3-es Heft).—Относительно Валленштейна, кромѣ названныхъ трудовъ, см. также Helbig, „Wallenstein und Arnim". 1850; его-же, „Kaiser Ferdinand und der Herzog von Friedland, 1633—1634". 1852; Wittich, „Wallenstein und die Spanier" (въ „Preusz. Jahrbücher", 1869, Janv.), „Zur Gesch. Wallenstein's" („Histor. Zeitschr.", N. F., XXXII B., 1892; ср. ibid., XXXIII B., XXXVII) и ст. въ „Allg. Deutsche Biographie"; Tadra, „Briefe Albrechts von Waldstein an Karl von Harrach", а корреспонденцію между Коллальто и Валленштейномъ обнародовалъ Chlumecky. Болѣе новые труды: Gaedeke, „Die Ergebnisse der neueren Wallenstein-Forschung" („Histor. Taschenbuch". 1889); Irmer, „Die Verhandlungen Schwedens und seiner Verbündeten mit Wallenstein und dem Kaiser von 1631 bis 1634". Leipz. 1888—92 („Publik. aus d. königl. Preuss. Staatsarchiv."); ср. его-же, „Hans Georg v. Arnim", Leipz. 1894; ст. Duhr'а объ отношеніи Валленштейна къ іезуитамъ въ Histor. Jahrbuch, XII B., 1892; ст. Liliencron'а о Шиллеровомъ Валленштейнѣ въ освѣщеніи новѣйшихъ изслѣдованій („Deutsche Rundschau", 1895, Mai); Pekař, „Dejiny Valdštejnského spiknuti". Praha. 1896; Schulz, „Wallenstein und die Zeit des 30-jahrig. Krieges". Bielef.-Leipz. 1898 (въ кол. „Monogr. z. Weltgesch."); Schweizer, „Die Wallenstein-Frage in der Geschichte und im Drama". Zürich. 1899; Michael, „Wallensteins Vertrag mit dem Kaiser im J. 1632" („Histor. Zeitschr.", N. F. 52 B., 1902) и друг. И тѣмъ не менѣе вопросъ о Валленштейнѣ еще далекъ отъ окончательнаго рѣшенія, и много еще неизвѣстнаго и важнаго матеріала кроется въ различныхъ архивахъ. Б.

соблюдать строгій нейтралитетъ и впредь не заключать никакихъ союзовъ ни между собою, ни съ иностранными державами. Но этотъ вынужденный нейтралитетъ оставался въ сущности номинальнымъ, такъ какъ его не уважали ни шведы, ни императоръ, и земли эти испытывали на себѣ по-прежнему всѣ бѣдствія войны.

Участіе Франціи въ Тридцатилѣтней войнѣ.

Тѣмъ не менѣе Нердлингенское пораженіе и Пражскій трактатъ опять поставили протестантовъ въ безвыходное положеніе. Видя себя безоружными, они бросились теперь въ объятія Франціи и у нея искали помощи и защиты. Франція давно уже принимала косвенное участіе въ войнѣ; еще въ началѣ 1631 года, едва Густавъ Адольфъ высадился въ Германіи, Ришелье заключилъ съ нимъ трактатъ, по которому обязался выдавать шведскому королю денежныя субсидіи; затѣмъ, французскій уполномоченный участвовалъ въ заключеніи Гейльбронскаго трактата, въ которомъ между прочимъ подтверждены и Бервальдскія условія [1]). Теперь же, когда германскіе протестанты остались послѣ Нердлингенскаго пораженія беззащитными, Франція открыто выступила на театръ войны, склонивъ одного изъ наиболѣе выдающихся генераловъ Густава Адольфа, Бернгарда Веймарскаго, составить для нея 18-тысячную армію, которая должна была дѣйствовать въ пользу Франціи и содержаться на французскія деньги. Кромѣ того, Ришелье выставилъ въ Германіи и собственный 15-тысячный корпусъ, въ которомъ приняла участіе вся лучшая молодежь тогдашней французской арміи, въ томъ числѣ Конде, Тюреннь, Гебріанъ и другіе, прославившіеся впослѣдствіи въ войнахъ Людовика XIV. Трактатъ между Бернгардомъ Веймарскимъ и Ришелье подписанъ былъ въ С. Жерменѣ въ 1635 г.

Характеръ послѣдняго періода войны.

Начиная съ этого времени, до самаго окончанія войны, т.-е. въ теченіе цѣлыхъ 13 лѣтъ, военныя дѣйствія принимаютъ уже совершенно иной характеръ. Со смерти Густава Адольфа кончился, какъ уже было сказано, грандіозно-рыцарскій періодъ войны и послѣдующія военныя дѣйствія большею частью состояли изъ мелкихъ отдѣльныхъ схватокъ, грабежей и разбоевъ. Это была самая бѣдственная для Германіи и самая безславная эпоха въ исторіи Тридцатилѣтней войны,—время, когда солдатами обуяла совершенная одичалость, а вождями—жажда корысти и пріобрѣтеній. Каждый изъ начальниковъ, командовавшихъ отдѣльными отрядами, мечталъ только о томъ, какъ-бы добыть себѣ въ общей свалкѣ

[1]) Объ отношеніи Франціи къ Германіи между прочимъ—ст. Fagniez, „Le père Joseph et Richelieu“ (въ „Revue historique“, 1868, I и сл.) и его книгу подъ тѣмъ-же заглавіемъ. Б.

какое-нибудь хорошее владѣніе или награбить побольше добычи. Интересы протестантизма, политическіе мотивы, патріотическое одушевленіе,—всѣ тѣ силы, которыя мы видѣли дѣйствующими въ первую половину войны, теперь совершенно исчезаютъ, и самая война превращается въ дикую бойню.

Понятно, какъ много выстрадала отъ этого Германія, которую въ теченіе такого долгаго времени грабили и свои, и чужіе. Какъ разрушителенъ былъ ударъ, нанесенный благосостоянію края, видно изъ того, что по окончаніи войны цѣны на землю пали до невѣроятности,—и имѣніе, стоившее раньше 2000 гульд., продавалось теперь за 70 — 80 гульд. Особенною дикостью и опустошеніями отличались ландскнехты,—это тотъ сбродъ разноплеменныхъ наемниковъ, который служилъ въ войскахъ императора и лиги и который позволялъ себѣ всякія неистовства. Но и шведскіе солдаты подъ конецъ войны были уже не лучше, и Банеръ, который самъ далеко не былъ образцомъ дисциплины и сдержанности, говорилъ о нихъ, что нисколько бы не удивился, если бы земля разверзлась и поглотила такихъ негодяевъ. Такъ, напр. одинъ походъ имперскихъ войскъ въ Пфальцъ и Гессенъ стоилъ этимъ землямъ 14 разрушенныхъ городовъ, 47 замковъ, 300 деревень и цѣлой 1/3 населенія. Разореніе Германіи.

Среди этой общей свалки шведы и французы все-же имѣли нѣкоторый перевѣсъ надъ имперскими войсками. Пораженія послѣднихъ при Лейпцигѣ, Рокруа и Аллергеймѣ сломили, наконецъ, фанатическое упорство Вѣнскаго двора и принудили его къ миру (1648 г.).

Переговоры, приведшіе къ миру, были продолжительны, сложны и запутанны, какъ и самая война; они тянулись цѣлыхъ 7 лѣтъ. По двумъ вестфальскимъ городамъ, Мюнстеру и Оснабрюку, въ которыхъ велись эти переговоры, и самый трактатъ называется Вестфальскимъ. Въ Мюнстерѣ французы договаривались съ тѣми державами, съ которыми были въ войнѣ; въ Оснабрюкѣ императоръ и католики вели переговоры со шведами и протестантами.

Вестфальскій конгрессъ, въ которомъ участвовали западныя державы, за исключеніемъ Англіи, установилъ тотъ нормальный порядокъ международныхъ отношеній, который признавался законнымъ до французской революціи, т.-е. до исхода XVIII вѣка. Вестфальскій миръ.

Постановленія Вестфальскаго трактата раздѣляются на три части: 1) постановленія, касавшіяся территоріальныхъ перемѣнъ внутри Германіи, т.-е. земельныхъ уступокъ, сдѣланныхъ иностраннымъ державамъ, участвовавшимъ въ войнѣ; 2) постано- Его постановленія.

вленія, касавшіяся церковно-религіозныхъ отношеній, и 3)—тѣ, которыми опредѣлялось устройство римско-нѣмецкой имперіи.

а) Территоріальныя перемѣны.

Въ ряду территоріальныхъ перемѣнъ, постановленныхъ конгрессомъ, важнѣйшее мѣсто занимаютъ тѣ вознагражденія, какія даны были иностраннымъ державамъ — Швеціи и Франціи. Швеція за жертвы, принесенныя ею въ войнѣ, получила почти всю Померанію съ городомъ Штетиномъ и островомъ Рюгеномъ и, кромѣ того, Висмаръ и архіепископство Бременское, исключая самого Бремена, оставшагося вольнымъ имперскимъ городомъ, затѣмъ 5 мил. талеровъ денежнаго вознагражденія. Еще болѣе тяжелы были для имперіи уступки, которыя она должна была сдѣлать Франціи. Во-первыхъ, окончательно уступлена ей Бургундія, причемъ положено, что, въ случаѣ новой между этими державами войны, имперія, какъ цѣлое, не можетъ за нее вступиться. Также точно лотарингскія епископства—Мецъ, Туль и Вердюнъ, которыми Франція овладѣла еще во времена Карла V (съ 1552 г.), теперь окончательно были ей уступлены со всѣми правами верховной власти надъ ними. Наконецъ, въ видѣ чрезвычайнаго вознагражденія, Франція получила Верхній и Нижній Эльзасъ съ округами Зундгау и Бресгау, съ тѣмъ, впрочемъ, ограниченіемъ, что города этой области—и прежде всего Страсбургъ—, а также эльзасское рыцарство и духовные владѣтели, сохраняютъ по-прежнему свои подданническія отношенія къ имперіи, т.-е. пользуются всѣми правами непосредственныхъ имперскихъ сословій, но такъ однако, чтобы этимъ не нарушилось здѣсь и господство французской короны. Такимъ образомъ Швеція, по своимъ новымъ пріобрѣтеніямъ въ Германіи, сдѣлалась членомъ римско-нѣмецкой имперіи; Франція же не захотѣла этого сдѣлать, потому-что нашла это для себя невыгоднымъ. Для нея важнѣе всего было открыть себѣ въ стратегическомъ отношеніи свободный доступъ въ Германію съ западныхъ ея границъ, чего ей достигнуть было тѣмъ легче, что и всѣ нѣмецкія пограничныя крѣпости по правому и лѣвому берегу Рейна должны были быть теперь срыты.

Остальныя затѣмъ территоріальныя перемѣны, произведенныя Вестфальскимъ трактатомъ, были тѣми вознагражденіями, какія получены были нѣкоторыми имперскими князьями за земли ихъ, отошедшія къ Франціи и Швеціи: такъ Бранденбургъ за потерю своихъ наслѣдственныхъ правъ на Померанію получилъ архіепископство Магдебургское и епископство Гальберштадт-

ское, Минденъ и Коминъ, обращенныя въ свѣтскія владѣнія; Мекленбургскіе герцоги возстановлены въ ихъ прежнихъ владѣніяхъ, такъ точно, какъ и прежній владѣтельный Пфальцскій родъ, — именно сынъ изгнаннаго нѣкогда Фридриха V, Карлъ-Людовикъ. Только Верхній Пфальцъ остался за Баваріею вмѣстѣ съ курфюршескимъ саномъ; для того-же, чтобы не обидѣть и Карла-Людовика, для него установлено было восьмое курфюршеское достоинство. Однимъ словомъ, принципъ политической амнистіи въ самыхъ широкихъ размѣрахъ примѣненъ былъ относительно всѣхъ сословій имперіи. Только австрійскихъ наслѣдственныхъ земель не коснулась эта амнистія, и отобранныя земли и имѣнія у протестантовъ здѣсь не были возвращены ихъ прежнимъ владѣльцамъ.

Такимъ образомъ Вестфальскій трактатъ, имѣвшій возстановительную силу во всей Германіи, только для Габсбургской монархіи остался безплоднымъ. Чехія, напр., лишенная почти всего своего дворянства и 3/4 населенія, стала съ этого времени все болѣе и болѣе онѣмечиваться, утрачивать свою славянскую народность, и восторжествовавшіе въ ней іезуиты и католичество подавили эту народность на цѣлыхъ полтораста лѣтъ.

Что касается церковныхъ отношеній, то тутъ Вестфальскій трактатъ былъ уже гораздо либеральнѣе прежнихъ религіозныхъ мировъ въ Пассау и Аугсбургѣ. Такъ, кромѣ католиковъ и лютеранъ, вѣротерпимость предоставлена была и кальвинистамъ. Но за-то, кромѣ этихъ трехъ церквей, никакая другая не могла быть терпима въ имперіи. Затѣмъ послѣдователи названныхъ исповѣданій совершенно сравнены были въ правахъ, почему и во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, какъ и въ самомъ имперскомъ каммергерихтѣ, положено было имѣть одинаковое количество представителей отъ католиковъ и протестантовъ. Относительно же способа рѣшенія религіозныхъ вопросовъ на сеймѣ опредѣлено, вмѣсто обычнаго голосованія, дѣла подобнаго рода рѣшать по взаимному соглашенію сторонъ, такъ какъ и самый сеймъ въ религіозномъ отношеніи раздѣлялся на „corpus catholicorum“ и „corpus evangelicorum“. Но самый запутанный вопросъ, который пришлось уладить конгрессу, былъ вопросъ о спорныхъ церковныхъ имѣніяхъ. Послѣ многихъ споровъ порѣшено было: 1 генваря 1624 года считать въ этомъ отношеніи нормальнымъ, т.-е. чтобы тѣ церковныя земли, которыя до этого дня захвачены были протестантами, оставались за ними; тѣ-же, которыми они овладѣли послѣ этого срока, должны

Церковныя отношенія.

были быть возвращены католикамъ. Затѣмъ подданные князей, которымъ по Аугсбургскому миру не предоставлено было право свободнаго перехода изъ одной религіи въ другую, теперь получили это право, и безчеловѣчное положеніе: „cujus regio, ejus religio", значительно смягчено.

Таковы были размѣры религіозной терпимости эпохи, какъ она выразилась въ Вестфальскихъ международныхъ договорахъ.

c) Устройство имперіи. Остается третья категорія постановленій трактата, касавшаяся устройства имперіи.

Вестфальскій миръ заключилъ вѣковую борьбу партикуляризма нѣмецкихъ князей съ централистическими стремленіями императорской власти. Трактатъ 1648 года увѣнчалъ этотъ партикуляризмъ полнымъ успѣхомъ и на-долго узаконилъ въ Германіи аристократію князей и городовъ, такъ какъ 8-я статья Оснабрюкскаго договора прямо предоставляла имперскимъ князьямъ въ ихъ областяхъ всѣ права величества, т.-е. власть издавать законы, вести войну, заключать миръ, налагать подати и проч. Имперія превратилась теперь въ какую то аристократическую республику; князья, каждый въ отдѣльности, получили даже право заключать союзы и договоры съ иностранными державами, лишь-бы эти обязательства не были противъ имперіи и императора. Но и подобная оговорка была, конечно, одною пустою формальностью, такъ какъ всѣ послѣдующіе союзы нѣмецкихъ князей съ иностранными державами обыкновенно оговаривались, что они заключены для защиты имперскаго устройства.

Вся законодательная власть въ имперіи перешла теперь въ руки сейма, гдѣ и имперскіе города получили впервые рѣшающій голосъ, вмѣсто совѣщательнаго, какимъ пользовались дотолѣ. Устройство сейма, въ которомъ теперь сосредоточивалась вся верховная власть имперіи, съ того времени, какъ онъ сдѣлался постояннымъ и утвердилъ свое пребываніе въ Регенсбургѣ, т.-е. съ 1663 г., было слѣдующее. Сеймъ раздѣлялся на 3 коллегіи — курфюрстовъ, князей и городовъ. Каждая коллегія совѣщалась отдѣльно и подавала одинъ общій голосъ: для того, чтобы составилось мнѣніе сейма, нужно было согласіе всѣхъ трехъ коллегій; въ такомъ только случаѣ и по утвержденіи императоромъ, оно становилось имперскимъ опредѣленіемъ. Разумѣется, подобный способъ рѣшенія дѣлъ сопровождался чрезвычайною медленностью, особенно, если вспомнить, что сами князья обыкновенно не присутствовали на сеймѣ, а посылали уполномо-

ченныхъ, что эти уполномоченные въ каждомъ важномъ случаѣ ждали инструкцій отъ своихъ дворовъ, что много времени тратилось на этикетъ, пререканія и канцелярскія формальности, что, наконецъ, въ курфюрстской коллегіи было 8 голосовъ, въ княжеской—100, въ коллегіи городовъ—56, такъ-что, если сообразить всѣ эти условія сеймовой процедуры, то легко понять, что имперія могла погибнуть десять разъ прежде, чѣмъ дѣло доходило до имперскихъ опредѣленій. Право же каждаго отдѣльнаго члена имперіи заключать союзы съ иностранными державами, открывая свободный путь чужеземному вмѣшательству, само по себѣ заключало уже зародышъ будущаго безсилія и упадка имперіи,—тѣмъ болѣе, что и матеріальному благосостоянію Германіи Тридцатилѣтнею войною нанесены были такіе тяжкіе удары, отъ которыхъ страна не въ силахъ была оправиться въ теченіе цѣлаго столѣтія.

Такъ окончательно раздробленная Германія кончила надолго свою первенствующую роль въ Западной Европѣ. Эту роль стали теперь играть Швеція—на сѣверѣ, а Франція—на западѣ, особенно съ того времени, когда Людовику XIV удалось довершить правительственную централизацію въ духѣ Ришелье, и когда эта держава сдѣлалась надолго преобладающею не только въ политическомъ и военномъ, но и культурномъ отношеніи.

X. Реформація и католическая реакція въ Польшѣ.

Источниками для исторіи польской реформаціи и реакціи служатъ матеріалы, частью еще хранящіеся въ архивахъ, частью уже обнародованные въ такихъ изданіяхъ, какъ „Zródła dziejowe“ Павинскаго (тутъ документы Коронной метрики), „Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae“ Theiner'a (Romae. 1860—65), „Acta historicarres gestas Poloniae illustrantia ab a. 1507 usque ad a. 1795“ (изд. Краковской Акад.), „Scriptores rerum polonicarum“, гдѣ изданы и дневники, или діаріи (неоффиціальные), сеймовъ 1548, 1553 и 1570 г. (подобные-же дневники нѣкоторыхъ другихъ сеймовъ обнародованы Дзялынскимъ въ „Żródłopisma do dziejów unii“, 1861, Хоментовскимъ въ „Biblioteca Krasińskich“, 1868; см. также „Dzienniki sejmów walnych koronnych za panowania Zygmunta Augusta 1555 i 1558 r.“, 1869, и т. п.); реляціи папскихъ нунціевъ (Rykaczewski, Relacye nuncyuszów o Polsce“. 1864), письма самыхъ дѣятелей реформаціи или реакціи, напр. кардинала Гозія (см. ниже), или же ихъ сочиненія, напр. Ласкаго (см. ниже), главнѣйшихъ унитаріевъ (изд. въ „Bibl. fratrum polonorum, quos unitarios vocant“. 1656); наконецъ „Церковныя исторіи“. составленныя въ XVII и XVIII вѣкѣ, каковы: „Systema historico-chronologicum ecclesiarum slavonicarum per provincias varias“, или „Slavonia reformata“ Regenvolscius'a (Андрея Венгерскаго), „Historia reformationis Polonicae“ Любенецкаго, „Lithuanicarum Societatis Jesu Historiarum Provincialium“ (1768) iезуита Ростовскаго. „Miscel-

lanea Rerum ad Statum Ecclesiasticum in Magno Lithuaniae Ducatu pertinentium" (1650) іезуита Колловича, „Kirchengeschichte des Königreichs Polen" Friese (1786) и т. под.

Исторія реформаціи въ Польшѣ разработана, можно сказать исключительно, трудами польскихъ и русскихъ ученыхъ, хотя первые долго не были свободны отъ тенденціозной точки зрѣнія на это явленіе или же старались обходить его и игнорировать. Вопросъ о польской реформаціи впервые былъ поставленъ на иную, часто научную почву Закржевскимъ въ его книгѣ: „Powstanie i wzrost reformacyi w Polsce" (1870), а затѣмъ Бобржинскимъ, авторомъ „Очерка исторіи Польши" („Dzieje Polski w zarysie": 1-е изд.—1879; есть болѣе новыя изданія въ 2 т.; перев. по-русски. Спб. 1888—91. 2 т.; о реформаціи—во 2-мъ т.). Реформаціи касается также Шуйскій какъ въ своихъ общихъ „Исторіяхъ Польши" („Dzieje Polski podług ostatnich badań", 4 т., 1861—65; „Historyi polskiej treściwie opowiedzianej ksiąg dwanaście", 1880), такъ въ особенности въ спеціальной работѣ: „Odrodzenie i reformacya w Polsce" (1881), склоняясь къ католической точкѣ зрѣнія. То-же нужно сказать и о трудѣ ксендза Буковскаго („Dzieje reformacyi w Polsce...", 2 т. 1883—86). А изъ прежнихъ сочиненій по этому вопросу можно отмѣтить: „Historical Sketch of the rise, progress and decline of the Reformation in Poland..." протестанта гр. Красинскаго (2 v. 1838—40; есть нѣм. перев.) и рядъ трудовъ Лукашевича, важныхъ по положенному въ ихъ основу богатому матеріалу („O kościołach braci czeskich w dawnej Polsce", 1835; „Dzieje kościołów wyznania helweckiego na Litwie", 1841—42; „Dzieje kościołów wyznania helweckiego w dawnej Małej Polsce", 1853; „Wiadomość historyczna o dyssydentach w mieście Poznaniu w XVI i XVII wieku", 1832).

Въ русской литературѣ очень важны труды проф. Н. Н. Любовича („Исторія реформаціи въ Польшѣ. Кальвинисты и антитринитаріи. Варш. 1883,— по неизданнымъ источникамъ, перев. на польскій яз.; „Альбрехтъ, герцогъ прусскій и реформація въ Польшѣ" въ „Журн. Мин. Нар. Пр.", 1885, № 8-й; „Папскій нунцій Коммендоне въ Польшѣ" въ „Журн. Мин. Нар. Пр.", 1887; „Къ исторіи іезуитовъ въ Литовско-русскихъ земляхъ въ XVI в." Варш. 1888; „Начало Католической реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ". Варш. 1890) и проф. Н. И. Карѣева (статьи: „Реформація и католическая реакція въ Польшѣ", въ „В. Евр.", 1885, № 8—11, и „Вопросъ о религіозной реформаціи XVI в. въ Рѣчи Посполитой въ Польской исторіографіи" въ „Журн. Мин. Нар. Пр.", 1885, № 11-й, переизданныя потомъ подъ заглавіемъ: „Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ". 1886); а изъ частныхъ монографій, кромѣ упоминаемыхъ ниже, см. проф. Ѳ. Ф. Вержбовскаго: „Христофоръ Варшевицкій (1543—1603) и его сочиненія", 1886; „Викентій Лаурео, Мондовскій епископъ, папскій нунцій въ Польшѣ, 1574—1578, и его неизданныя донесенія кардиналу Комскому, статсъ-секретарю папы Григорія XII"; „Отношеніе Польши къ Тридентскому собору и его постановленіямъ" (Журн. Мин. Нар. Пр.", 1893, май). На нѣмецкомъ яз. можно назвать лишь Fischer, „Versuch einer Gesch. der Reformation in Polen". 1855—56. и Schiemann. „Polen. Livland und Ruszland bis ins 17 Jahrh." (въ кол. Онкена), а на англійскомъ—Fisher. „The Reformation", гдѣ авторъ кратко касается и польской реформаціи. Болѣе подробныя указанія на литературу предмета см. у Н. И. Карѣева. Б.

Значеніе исторіи реформаціи въ Польшѣ.

[Для полноты очерка реформаціонной эпохи намъ необходимо въ заключеніе коснуться и судьбы польской реформаціи.

Правда, событія, происходившія въ Польшѣ въ XVI ст., распространеніе тутъ протестантизма, а затѣмъ полная побѣда реакціи, всемірно-историческаго значенія не имѣютъ, не оказавъ существеннаго вліянія на общій ходъ дѣлъ въ Западной Европѣ въ ту эпоху. Но, не говоря уже о томъ интересѣ, какой должна возбуждать въ насъ исторія Польши, какъ страны славянской и сосѣдней съ Русью,—страны, судьбы которой такъ тѣсно были связаны съ судьбой многочисленнаго, нѣкогда подвластнаго ей, русскаго населенія,—исторія польской реформаціи и католической реакціи важна и для характеристики самой реформаціонной эпохи вообще. Во-первыхъ, мы наблюдаемъ тутъ судьбу и воздѣйствіе протестантизма не на германской или романской почвѣ, какъ въ остальной Европѣ, а на почвѣ славянской. Во-вторыхъ, реформація—явленіе сложное. Съ религіозными интересами въ ту эпоху тѣсно связаны были и другіе: рядомъ съ вопросомъ о торжествѣ того или другаго вѣроисповѣданія рѣшались вопросы и иного рода—политическіе, соціальные; только всѣ они, сообразно господствующему духу и направленію вѣка, облекались въ форму борьбы религіозной, и боровшіяся политическія и соціальныя партіи шли подъ знаменемъ религіи; а такое общественное значеніе религіозныхъ движеній XVI вѣка едва-ли не яснѣе всего наблюдается на реформаціи польской. Въ-третьихъ—и это главное—передъ нами здѣсь поразительное торжество католической реакціи, достигнутое не путемъ инквизиціи, непрерывно пылающихъ костровъ и другихъ насильственныхъ средствъ, а путемъ перевоспитанія и фанатизированія общества въ интересахъ римской церкви, т.-е., другими словами,—завоеваніе нравственное. Да и для всей послѣдующей судьбы Польши реформаціонная эпоха была тѣмъ рѣшительнымъ моментомъ, когда въ жизни Польскаго государства могъ произойти переломъ въ ту или другую сторону и когда оно окончательно и безповоротно вступило на путь, приведшій его въ XVIII в. къ полному разложенію и паденію.

При близкомъ сосѣдствѣ и тѣсныхъ культурныхъ связяхъ, въ какихъ находилась Польша съ Западной Европой, господствующія въ послѣдней направленія въ сферѣ мысли и религіи находили себѣ доступъ и въ польское общество. Такимъ образомъ и въ этомъ обществѣ къ началу XVI в. существовала уже извѣстная подготовка къ реформаціи. Такою подготовкою могло служить, во-первыхъ, гуситство, въ качествѣ ученія демократическаго въ своей основѣ не встрѣтившее, правда, особаго сочувствія въ аристократической Польшѣ, но все-же успѣвшее проникнуть

Подготовка польскаго общества къ реформаціи.

Вліяніе гуситства.

сюда изъ сосѣдней Чехіи въ первой-же половинѣ XV в. [1]), тѣмъ болѣе, что тогда связи между двумя родственными народами, поляками и чехами, были очень тѣсны: поляки не только были частыми посѣтителями Праги и особенно пражскаго университета, но и принимали нѣкоторое участіе въ борьбѣ гуситовъ съ нѣмецкою имперіей; чехи предлагали корону Ягелло и Витовту, и родственникъ послѣднихъ, Сигизмундъ Корибутъ, игралъ выдающуюся роль въ чешскихъ событіяхъ; а въ концѣ XV и въ первой четверти XVI в. чешскій престолъ занятъ былъ даже Ягеллонами. И хотя гуситство не имѣло тѣсной и непосредственной связи съ послѣдующею реформаціею въ Польшѣ, но оно все-таки способствовало воспитанію польскаго общества въ анти-католическомъ духѣ.

Вліяніе гуманизма.

Вторымъ моментомъ, дѣйствовавшимъ въ томъ-же направленіи, являлся гуманизмъ, господствующее направленіе въ сферѣ тогдашней науки, успѣвшее проникнуть и въ Польшу, но не столько изъ близкой Германіи, сколько изъ болѣе отдаленной Италіи. Да и вообще какъ при польскомъ дворѣ, такъ и въ обществѣ итальянское вліяніе было сильно: это сказывалось не только въ сферѣ образованія, но и на внѣшнемъ лоскѣ, модахъ и манерахъ тогдашнихъ магнатовъ и шляхты. Съ Италіей поддерживались постоянныя связи: богатые шляхтичи нерѣдко ѣздили туда для довершенія образованія, а итальянцы были желанными гостями въ высшемъ польскомъ кругу и при дворѣ; сама жена Сигизмунда I и мать Сигизмунда II Августа, Бона, была итальянка родомъ, естественно, оказывавшая покровительство всему итальянскому, а еще въ XV в. въ числѣ итальянцевъ, посѣщавшихъ Польшу, мы встрѣчаемъ гуманистовъ Буонакорзи, Каллимаха, Фильельфо, и въ первой половинѣ того-же вѣка изъ среды самихъ поляковъ выходятъ гуманисты и покровители новаго умственнаго направленія, въ числѣ ихъ—одинъ изъ высшихъ прелатовъ королевства, епископъ краковскій, кардиналъ Збигнѣвъ Олесницкій.

Сословная борьба шляхты съ духовенствомъ, какъ главная причина польской реформаціи.

Но помимо направленія и духа вѣка и причинъ, общихъ Польшѣ съ остальною католическою Европой того времени, напр. безнравственности и различныхъ злоупотребленій клира, помимо

[1]) Если прежде преувеличивали вліяніе гуситства на польскую реформацію, ставя послѣднюю въ генетическую связь съ первымъ, то теперь нерѣдко впадаютъ въ другую крайность, отрицая всякое значеніе гуситства въ развитіи протестантизма въ Польшѣ XVI в. О гуситахъ и ихъ отношеніи къ Польшѣ см. между проч. Perwolf, „Cechove a Polaci v XV a XVI stuleti" („Osvêta", 1873). Указанія на другія работы по этому вопросу можно найти въ уже раньше названной ст. Н. И. Карѣева („Ж. М. Нар. Пр.", 1885, № 11, стр. 30).-В.

стремленія поляковъ къ вполнѣ независимой и національной церкви, что нашло себѣ выраженіе и въ тогдашней польской литературѣ [1]),— главное и уже непосредственное побужденіе къ реформаціи и сочувственному отношенію къ протестантизму коренилось здѣсь въ сословныхъ отношеніяхъ страны,—въ борьбѣ шляхты съ духовенствомъ, какъ двухъ господствовавшихъ сословій.

Возвышеніе магнатства.

Въ теченіе предыдущихъ столѣтій своей исторіи Польша] постепенно превращалась въ аристократическое государство, гдѣ магнаты на маперъ западныхъ феодаловъ низвели княжескую и королевскую власть въ уровень со своимъ собственнымъ могуществомъ. Какъ въ средневѣковой романо-германской Европѣ, короли и князья временъ удѣльной Польши въ кругу своихъ магнатовъ были только primi inter pares, первые между равными. Уже въ концѣ XII вѣка свѣтскіе вельможи вмѣстѣ съ епископами образовали сенатъ, безъ воли котораго правительство не могло предпринимать ничего. Правда, послѣдніе Пясты, Владиславъ Локтекъ и Казиміръ Великій, успѣли значительно подорвать исключительное господство магнатовъ, призвавъ на-ряду съ ними къ участію въ государственныхъ дѣлахъ и низшее дворянство, или собственно шляхту; [но прочно и надолго утвердить королевскую власть имъ все-таки не удалось]: вся противо-магнатская политика послѣднихъ Пястовъ не принесла ожидаемыхъ выгодъ, такъ какъ въ рукахъ дворянства, составлявшаго всю военную силу государства и владѣвшаго большею частью его земельной собственности, оставалось все-таки фактическое преобладаніе, основанное на силѣ меча и богатства. Поэтому, когда бездѣтный Казиміръ завѣщалъ престолъ племяннику своему, Людовику Венгерскому, вельможи и шляхта тотчасъ и воспользовались переходомъ короны въ чужой владѣтельный родъ, чтобы предложить новому королю-иностранцу формальныя условія, обезпечивавшія за ними исключительное обла-

---

[1]) Представителями этого направленія въ литературѣ въ XV ст. является извѣстный публицистъ Янъ Остророгъ, а въ XVI—Николай Рей изъ Нагловицъ, переводчикъ псалмовъ на польскій языкъ, впослѣдствіи окончательно перешедшій въ протестантизмъ; Андрей Фричъ Моджевскій, стоявшій между прочимъ за свободу совѣсти, за церковную реформу посредствомъ собора съ участіемъ въ немъ свѣтскихъ лицъ, и не только католиковъ, но и армянъ и православныхъ, и наконецъ Оржеховской, сочувственно относившійся къ православію и къ русскимъ. Объ этихъ писателяхъ см. Pawiński. „Jana Ostroroga żywot i pismo o naprawie Rzeczypospolitej"; Zawadzki, „Mikolaj Rej z Naglowic", 1874; Czajewski, „Mikolaj Rej z Naglowic na sejmach"; о Моджевскомъ па польскомъ яз. имѣются работы Малецкаго (1864) и Тарновскаго (Przeglad Polski", 1867), а на русск—Дылевскаго (1884); объ Оржеховскомъ—Кубали (1870; на польск. яз.). Ср. также „Ист. слав. литературъ" Пыпина и Спасовича; Макушева, „Обществ. и государственные вопросы въ польской литературѣ XVI в." („Слав. Сборникъ", III). Б.

даніе всѣми государственными должностями и свободу отъ податей. Съ этого времени подобныя условія, такъ называемыя pacta conventa, входятъ въ постоянный обычай.

и особенно шляхты.

Такимъ образомъ сами-же короли стали выдвигать шляхту, ища въ ней противовѣса опасному всемогуществу вельможъ, а безпрерывныя войны съ рыцарями, Литвой, уграми, Русью, наполнявшія XIV—XVI ст. польской исторіи, еще болѣе возвысили значеніе этого военнаго сословія въ государствѣ. Оттого мы видимъ уже въ XV вѣкѣ въ государственномъ нарядѣ Польши большія перемѣны. Шляхта не только сравнивается въ правахъ и силѣ со знатью, но посредствомъ своихъ областныхъ съѣздовъ или сеймиковъ, входящихъ мало-по-малу въ обычай, пріобрѣтаетъ господствующее положеніе, посылая своихъ депутатовъ или пословъ на общіе, или „вальные", сеймы королевства, гдѣ эти послы [составляютъ такъ называемую „посольскую избу" и] далеко заслоняютъ собою государственныхъ сановниковъ и первостепенныхъ прелатовъ,—представителей высшей аристократіи. Польская шляхта такимъ образомъ къ XVI ст. является полновластнымъ сословіемъ государства, такъ какъ городское сословіе вовсе лишается правъ сеймоваго представительства, а крестьянское—окончательно теряетъ личную свободу и нисходитъ на степень хлоповъ, т.-е. крѣпостныхъ рабовъ пановъ и духовенства. [Уже тогда роскошь, высокомѣріе и презрѣніе шляхтичей къ низшимъ сословіямъ, къ горожанамъ, а въ особенности къ кметамъ, равно какъ и къ мирному торговому и промышленному труду, достигаютъ сильной степени, о чемъ свидѣтельствуетъ и сеймовое постановленіе 1505 г., въ силу котораго шляхтичъ лишался своего званія, если предавался „мѣщанскимъ занятіямъ".

Единственное сословіе, могшее соперничать со шляхтой и внушать ей зависть, было духовенство, пользовавшееся богатствомъ и обширными владѣніями, разнообразными привилегіями и даже политическимъ вліяніемъ. Съ нимъ-то и вступаетъ шляхта въ борьбу еще съ конца XIV ст., и на почвѣ этой сословной борьбы, достигшей наибольшаго ожесточенія именно въ XVI в., и сталъ развиваться въ Польшѣ протестантизмъ.

Протестантизмъ въ Польшѣ.

При близкомъ сосѣдствѣ и частыхъ сношеніяхъ съ Германіей, новое ученіе не могло, конечно, не проникнуть и въ Польшу, тѣмъ болѣе, что въ городахъ, особенно въ такъ называемой „Королевской Пруссіи", т.-е. въ земляхъ, отошедшихъ отъ ордена, очень силенъ былъ нѣмецкій элементъ, среди котораго ученіе Лютера и начало быстро распространяться. Первыя отдѣльныя проявленія

протестантизма относятся еще къ 20-мъ годамъ XVI в.; болѣе же общимъ реформаціонное движеніе въ Польшѣ дѣлается лишь съ 40-хъ годовъ, достигая своего высшаго развитія и силы къ концу 50-хъ и къ началу 60-хъ гг. того-же столѣтія. Если въ городахъ съ нѣмецкимъ населеніемъ преобладало лютеранство, а въ Великой Польшѣ распространено было ученіе „чешскихъ“ или „моравскихъ братьевъ“, явившихся сюда въ значительномъ числѣ около половины XVI в., то въ средѣ мало-польской шляхты распространялся преимущественно кальвинизмъ, симпатичный ей своей республиканской тенденціей и тѣмъ, что онъ предоставлялъ свѣтскимъ лицамъ участіе въ дѣлахъ церкви, вслѣдствіе чего шляхта могла надѣяться на господство и въ церковной сферѣ. Ученики и послѣдователи Кальвина и были главными насадителями польскаго протестантизма. Съ Женевой Польша вступила тогда въ тѣсныя сношенія. Поляки-протестанты переписывались съ Кальвиномъ и даже приглашали его къ себѣ, въ Польшу. Истиннымъ организаторомъ протестантской церкви въ Малой Польшѣ былъ тоже послѣдователь женевскаго реформатора, одинъ изъ видныхъ дѣятелей тогдашняго протестантизма вообще, полякъ родомъ, — Янъ Ласкій, жившій долго на Западѣ и бывшій сотрудникомъ Кранмера при реформѣ англійской церкви [1]). Время дѣятельности Ласкаго, прибывшаго въ Польшу, въ началѣ 50-хъ годовъ и умершаго въ 1560 г., и есть періодъ высшаго процвѣтанія польскаго протестантизма, когда не только получила болѣе или менѣе правильную организацію мало-польская церковь, но и борьба между различными протестантскими партіями хотя на время смолкла.

Сословная борьба на сеймѣ.

Главнымъ поприщемъ борьбы между католическимъ духовенствомъ и шляхтой были сеймы [2]). Тутъ шляхта возставала противъ привилегій, которыми пользовалось духовное сословіе, противъ освобожденія его отъ различныхъ платежей и повинностей, противъ десятины, а особенно противъ церковной юрисдикціи, отмѣны которой ей и удается достигнуть. Въ этой сеймовой борьбѣ протестанты играютъ наиболѣе выдающуюся роль, а оставшіеся еще въ лонѣ католической церкви шляхтичи видятъ въ нихъ своихъ естественныхъ союзниковъ и лучшихъ борцовъ противъ общаго врага всего шляхетскаго сословія—духовенства.

---

[1]) Соч. Ласкаго изд. Kuyper'омъ (1866); работы о немъ -Дальтона и Валевскаго (послѣдняя—на польск. яз. во 2-мъ т. „Bibl. Warszawska“, 1872) Б.

[2]) Н. И. Карѣевъ, „Борьба шляхты съ духовенствомъ въ Польшѣ на сеймахъ середины XVI в.“ („Юрид. Вѣстникъ“, 1881, № 10—11). Б.

Отношеніе королевской власти къ протестантизму.

Что касается отношенія королевской власти къ распространявшемуся протестантизму, то, не говоря уже о слабости этой власти, послѣдніе Ягеллоны далеко не были фанатиками католицизма. Правда, Сигизмундъ I, по прозванію Старый (1506—48), еще въ 1523 г. издалъ строгій эдиктъ, грозившій смертью и конфискаціей имущества за распространеніе „еретическихъ“ книгъ; но и онъ смотрѣлъ на религіозные вопросы и новшества лишь съ государственной точки зрѣнія, а его сынъ и преемникъ, слабый, вѣчно колеблющійся Сигизмундъ II Августъ (1548—72), любившій все откладывать свои рѣшенія, за что и прозванъ былъ въ насмѣшку „королемъ-до-завтра“, старался лавировать между партіями и то издавалъ указы противъ протестантизма, то приближалъ къ себѣ послѣдователей и главныхъ представителей новаго ученія, такъ-что его считали даже тайнымъ приверженцемъ послѣдняго.

Отношеніе къ нему католическаго духовенства.

Съ неменьшею нерѣшительностью и, пожалуй, индифферентизмомъ относилось къ распространенію новаго ученія и само польское духовенство, а тогдашній примасъ, архіепископъ гнѣзненскій, Яковъ Уханскій [1]), если и не былъ настоящимъ протестантомъ, то все-таки былъ врагомъ строгаго и безусловнаго подчиненія Риму, стоя за созданіе вполнѣ независимой, національной церкви и за реформу ея путемъ созванія національнаго собора.

Таковы были отношенія польскаго правительства и духовенства къ реформаціонному движенію. Послѣ этого неудивительно, что въ Польшѣ при послѣднемъ Ягеллонѣ утвердилась фактически полная вѣротерпимость и здѣсь даже находили себѣ пріютъ гонимые въ другихъ странахъ за свои религіозныя убѣжденія. Такъ, напр., именно въ Польшѣ распространялись крайнія секты, не столько съ мистическимъ, сколько съ раціоналистическимъ характеромъ,— секты, отвергавшія самый догматъ Троицы и единосущіе Отца и Сына. Это были такъ называемые „антитринитаріи“ и послѣдователи итальянца Фавста Социна (1539—1604), явившагося въ Польшу въ 1579 г. и давшаго имя своимъ послѣдователямъ — социніанамъ, выраженіемъ ученія которыхъ служитъ катехизисъ, составленный въ началѣ XVII ст. въ Раковѣ, главномъ центрѣ социніанства [2]). Вообще наказывать и преслѣдовать польскаго шляхтича за его религіозныя убѣжденія нельзя было ужъ въ виду того,

Фактическая вѣротерпимость въ Польшѣ.

---

[1]) См. издан. проф. Θ. Ф. Вержбовскимъ „Uchansciana“. Б.

[2]) Bock. „Historia antitrinitariorum“, 1774; Fock, „Der Socinianismus“, 1847; Trechsel, „Die protestantischen Antitrinitarier“; Левицкій. „Социніанство въ Польшѣ и юго-западной Руси“ („Кіевск. Старина“, 1882). Б.

что это значило бы нарушать шляхетскія привилегіи и шляхетскую вольность.

Начало реакціи. Но уже въ послѣдніе годы царствованія Сигизмунда Августа наступила реакція [1]) въ Рѣчи Посполитой. Истиннымъ вчинателемъ ея былъ одинъ изъ польскихъ епископовъ, кардиналъ Гозій [2]), Гозій принадлежавшій къ числу видныхъ представителей возродившагося католицизма, всецѣло преданный интересамъ римской церкви. Началъ онъ борьбу съ протестантизмомъ сначала въ предѣлахъ своей епархіи, а затѣмъ далъ иной оборотъ дѣлу, призвавъ въ Польшу іезуитовъ [3]). Послѣдніе, явившись сюда впервые въ 1564 г., тотчасъ принялись за искорененіе протестантизма съ обычной энергіей, ловкостью и умѣньемъ. Іезуиты въ Польшѣ. И тутъ едва-ли не самымъ могущественнымъ средствомъ въ ихъ рукахъ было образованіе юношества, воспитаніе его въ духѣ католицизма и преданности римскому престолу, и школьное дѣло они такъ хорошо успѣли организовать, что въ стѣны своихъ учебныхъ заведеній привлекли дѣтей даже протестантской шляхты, стремившейся къ образованію. Такъ выростали новыя поколѣнія, воспитанныя уже въ иномъ—въ іезуитскомъ духѣ, и вскорѣ изъ среды самихъ поляковъ выходятъ выдающіеся дѣятели „общества Іисуса", напр. извѣстный Петръ Скарга [4]). Съ неменьшимъ рвеніемъ старались іезуиты обращать въ католичество и вліятельныхъ представителей польско-литовскаго магнатства и шляхты, и какимъ успѣхомъ увѣнчивалась ихъ дѣятельность въ этомъ направленіи, доказываетъ примѣръ обращенія сыновей ревностнаго протестанта, Николая Радзивила. Орденъ успѣлъ подавить стремленія польскихъ іерарховъ къ независимой церкви и къ созванію національнаго собора и съумѣлъ вступить въ союзъ съ самой шляхтой, прежде столь враждебной духовенству и столь ревниво оберегавшей свои вольности [5]). Въ свою очередь, и само обновленное папство тоже не щадило усилій для удержанія за собой Польши, и папскіе нунціи, особенно Коммендоне [6]),

[1]) Главный трудъ по этому вопросу—диссертація проф. Н. Н. Любовича. Б.

[2]) На русск. яз. о немъ есть хорошая монографія г. Жуковича: „Кардиналъ Гозій и польская церковь его времени". Спб. 1882; письма Гозія (хотя и не всѣ) изданы въ „Acta historica res gestas Poloniae illustrantia". 1879: ср. Zakrzewski, „Korespondencya Kardinała Hozyusza", 1878. Б.

[3]) Н. Н. Любовичъ („Къ исторіи іезуитовъ въ лит.-русск. земляхъ", „Католич. реакція и упад. реф. въ Польшѣ") ограничиваетъ роль іезуитовъ, доказывая, что реакція началась еще раньше прибытія ихъ въ Польшу, и особенно отмѣчаетъ дѣятельность Рима и папскихъ нунціевъ. Б.

[4]) Dzieduszycki (Rychcicki). „Piotr Skarga i jego wiek". 2 т. 1850 (2-е изд. 1868—69 г.). Б.

[5]) Muczkowski. „Bractwa jezuickie". 1845; Krasicki, „De societatis Jesu in Polonia primordiis". 1860; Załęski, „Czy jezuici zgybili Polskę". 1874. Б.

[6]) На русск. яз. см. ст. Н. Н. Любовича: „Папскій нунцій Коммендоне въ

старались организовать католическую партію для противодѣйствія протестантизму.

Побѣда реакціи.

Со смертью послѣдняго Ягеллона, Сигизмунда II Августа (1572), во время „безкоролевья“ [1]), наступилъ рѣшительный моментъ, такъ какъ престолъ сталъ избирательнымъ и могъ перейти къ протестанту. Съ этой точки зрѣнія избраніе въ польскіе короли Генриха Валуа, одного изъ дѣятелей Варѳоломеевской ночи, представляется уже побѣдой католической реакціи, хотя новый король и принужденъ былъ дать обязательство въ ненарушеніи свободы совѣсти и вѣротерпимости. Стефана Баторія (1575—1586) римская церковь тоже съумѣла склонить на свою сторону, но полнаго торжества реакція достигла при Сигизмундѣ III (1587—1632), воспитанномъ іезуитами, за преданность католицизму лишившемся шведскаго престола и мечтавшемъ о подчиненіи себѣ Москвы. Сигизмундъ перенесъ окончательно свою столицу изъ Кракова въ Варшаву, въ среду мазовшанъ, не находившихся въ тѣсномъ общеніи съ протестантскою Германіей, не зараженныхъ „ересью“, а напротивъ твердо державшихся католичества. Съ этихъ поръ Варшава является по своей католической нетерпимости вторымъ Мадридомъ. Уже въ началѣ XVII ст. при томъ-же Сигизмундѣ вводятся „index“ и цензура, а во второй половинѣ этого вѣка не только антитринитаріи подвергаются изгнанію, но сеймомъ назначается смертная казнь за всякое отпаденіе отъ католической церкви.

Причины неудачи польской реформаціи.

Вообще, къ тому уже времени, благодаря іезуитамъ, польское общество какъ-бы переродилось, и Рѣчь Посполитая, гдѣ прежде былъ такъ силенъ духъ свободомыслія и вѣротерпимости, теперь превратилась въ фанатическую, нетерпимую, строго-католическую страну, съ которой въ этомъ отношеніи могла сравняться лишь одна Испанія [2]). Протестантизмъ былъ подавленъ безъ тяжкой въ сущности борьбы, безъ упорнаго сопротивленія. Объясняется это прежде всего тѣмъ, что протестантское ученіе не имѣло въ странѣ прочнаго корня, вовсе не проникнувъ въ народную массу, а захва-

---

Польшѣ“ (въ „Журн. Мин. Нар. Пр.“, 1887, № 1-й и 2-й): переписка Коммендоне съ Карломъ Боромеемъ издана Малиновскимъ („Pamiętniki o dawnej Polsce z czasów Zygmunta Augusta“. Wilno. 1847—51). В.

[1]) А. С. Трачевскій. „Польское безкоролевье“. М. 1869; Уманецъ, „Вырожденіе Польши“, 2 ч. 1872; De Noailles, „Henri de Valois et la Pologne en 1572“. Paris. 1867; Reimann, „Die polnische Königswahl von 1573“ и „Der Kampf Roms gegen die religiöse Freiheit Polens in den Jahren 1573 und 1574“ (въ „Hist. Zeitschr.“, 1864); Zakrzewski, „Po ucieczce Henryka 1574, 1575“. 1878. В.

[2]) Полонскій, „Польша и Испанія. Историческая параллель въ XVI, XVII и XVIII ст.“ въ „Русск. Словѣ“ за 1863, № 11—12. В.

тивъ лишь высшій общественный слой; польская реформація такимъ образомъ преимущественно была аристократической, шляхетской. Во-вторыхъ, польскому протестантизму недоставало единства: уже въ половинѣ XVI в. тутъ были и „чешскіе братья“, и лютеране, и кальвинисты. Между ними царила рознь и взаимная вражда. Правда, въ 1555 г. состоялась было Козьминецкая унія между ними, а въ 1570 г. подъ вліяніемъ грозившей опасности со стороны начавшейся реакціи—Сандомірское соглашеніе, но въ дѣйствительности всѣ эти попытки къ единенію были недолговѣчны; а когда изъ среды кальвинистовъ выдѣлилась крайняя секта антитринитаріевъ, получившая особенное значеніе со времени Социна, то разладъ и взаимная ненависть еще болѣе усилились. И понятно, что разъединенному польскому протестантизму не подъ силу была борьба съ католической реакціей и съ іезуитскимъ орденомъ, съ его образцовою организаціей. Само католическое духовенство ясно видѣло, къ какимъ пагубнымъ послѣдствіямъ для протестантизма влечетъ разладъ въ средѣ его сторонниковъ, и потому долго противилось изданію строгихъ постановленій по отношенію къ одной какой-либо сектѣ, опасаясь, что этимъ косвеннымъ образомъ признано будетъ существованіе остальныхъ, а самой розни положенъ будетъ конецъ. Вообще та вѣротерпимость, какую встрѣчалъ протестантизмъ въ предѣлахъ Польши, имѣла для него и свои вредныя послѣдствія: онъ не закалялся въ суровой борьбѣ съ противниками, среди такихъ опасностей, которыя требовали бы отъ его послѣдователей самоотверженной преданности, непреклонности духа и энергіи, и польскому протестантизму, являвшемуся главнымъ образомъ лишь средствомъ въ борьбѣ одного сословія съ другимъ и, стало быть, развившемуся не столько изъ религіозныхъ, сколько соціальныхъ причинъ, недоставало и того религіознаго воодушевленія и фанатическаго пыла, которымъ отличались нерѣдко западные протестанты. Самое сектантство, умѣвшее экзальтировать народную массу на Западѣ, въ Польшѣ является съ такимъ аристократическимъ и отвлеченно-раціоналистическимъ характеромъ, что тоже не могло дѣйствовать воодушевляющимъ образомъ на народъ.

Такъ окончилась польская реформація, а съ нею исчезли и надежды на внутреннее возрожденіе государства, такъ какъ то былъ, казалось, моментъ, которымъ могла бы воспользоваться королевская власть и, съ самаго начала движенія ставъ рѣшительно на ту или другую сторону, достигнуть своего усиленія, моментъ, когда интеллигентный кружокъ въ средѣ самой польской шляхты

и нѣкоторые изъ выдающихся вождей протестантской партіи серьезно мечтали объ „экзекуціи правъ“, т.-е. о проведеніи въ жизнь прежде изданныхъ, но не исполняемыхъ законовъ, и даже о „направѣ Рѣчи Посполитой“ въ смыслѣ усиленія королевской власти, окончательнаго подавленія магнатства и введенія большаго порядка въ управленіи. Этотъ благопріятный моментъ миновалъ безвозвратно, и изъ реформаціонной эпохи Польша вышла съ необузданной и расточительной шляхетской демократіей, съ слабою до ничтожества королевскою властью, съ религіозною нетерпимостью и тяжелымъ рабствомъ закрѣпощенныхъ хлоповъ, т.-е. съ тѣми роковыми язвами, которыя затѣмъ окончательно погубили ее въ XVIII ст.].

2007041355